

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛИЗМА

2014
№19

2014 № 3 (19)

ЖУРНАЛ НАУЧНОЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Главный редактор
Константин Крылов

Научный редактор
Сергей Сергеев

Шеф-редактор
Надежда Шалимова

Технический директор
Сергей Каунов

Редакционная коллегия
К.С. Бенедиктов, М.А. Брусиловский,
О.В. Кильдюшов, М.Н. Любомудров, О.Б. Неменский,
П.В. Святенков, А.Н. Севастьянов, И.Р. Шафаревич

СОДЕРЖАНИЕ

Рустикализация русскости	3
Олег Неменский	
Тема номера. РУССКОЕ БУДУЩЕЕ	
Олег Кильдюшов	
De futuro	10
Дмитрий Красков	
Россия–2030.....	18
Сергей Корнев	
Регионализм в национальном контексте	26
Ярослав Бутаков	
Организация пространства.....	40
Марина Мозжерова	
Реформа здравоохранения в России: возможен ли выход из тупика?	53
Матвей Цзен	
Уголовное право в национально-демократическом государстве.....	67
Александр Храмов	
Как сберегать нефтяные деньги: идея нации, Джон Ролз и фонды будущих поколений	72
Александр Елисеев	
Навстречу децентрализации.....	80
Семён Резниченко	
Социогнозис: будущее неимперское и нелиберальное	87
Александр Севастьянов	
О русском национальном государстве	96
НАЦИОНАЛИЗМ И ВОЙНА	
Владимир Близнеков	
Первая германская тотальная война.....	116
Александр Михайловский	
Успехи и неудачи «интеллектуальной мобилизации»: германский и российский опыт	129
УКРАИНА	
Андрей Тесля	
Народнический национализм Михаила Драгоманова	152
Андрей Марчуков	
«Прочь от Москвы!»	165
НАЦИОНАЛИЗМ И ГЕОПОЛИТИКА	
Александр Стыкалин	
Дунайские проекты Оскара Яси.....	189
ЗАМЕТКИ АНГАЖИРОВАННОГО ИСТОРИКА	
Сергей Сергеев	
Сталинизм как регресс	205
ПОЛЕМИКА	
Иван Русаков	
Что такое «русский мир»?.....	227
Авторы номера.....	238
Summary	240

ОЛЕГ НЕМЕНСКИЙ

РУСТИКАЛИЗАЦИЯ РУССКОСТИ

Национальное самосознание в небольшой степени определяется теми автостереотипами, которые распространены в народе. Они составляют этнический самообраз, модель родной культуры, которая является не только наследием творчества предыдущих поколений, но и результатом проводимой властями культурной политики. Огромное значение для русского самосознания имеют актуальные до сих пор последствия проведения советской культурной политики. Коммунистическая идеология предполагала создание нового общества, поэтому работа в области культуры была важнейшей сферой государственной деятельности. За XX век Россия претерпела радикальные социальные трансформации, и культурный аспект этих изменений во многом сформировал нашу современную идентичность.

Идеологической основой советской национальной политики было достижение равенства народов. На этом была основана сформулированная Лениным идея «сдерживания старшего брата», ставшая одной из важнейших доктрин внутренней политики СССР, в т.ч. предопределившая и само устройство Союза. Русский народ как самый большой и наиболее развитый должен был быть поставлен в ущемлённое положение по сравнению с другими народами СССР, а «национализм большой нации» как опасный противопоставлялся «национализму малых наций» как имеющему прогрессивное значение. Русские были лишены своей национальной республики и партийной организации, своих национальных органов самоуправления. Однако политика в сфере культуры по обеспечению

равенства народов касалась не только организационных, но и содержательных сторон её развития.

Советский Союз был гигантским нациотворческим образованием. Задача «создания новых социалистических наций» ставилась официально, и под неё создавалась мощная инфраструктура. При этом власти решали очень сложную задачу, ведь почти всё нерусское население страны находилось на донациональном уровне развития: у этих народов не было своей развитой городской культуры, утвердившихся норм литературного языка, а нередко не было и письменности. Социалистические нации нужно было создавать из народов, не получивших необходимый опыт исторического и культурного развития. Стояла задача ускоренной модернизации.

Само по себе создание наций из преимущественно сельских этнических масс не являлось оригинальным изобретением советской власти. По всей Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе ещё в XIX в. начался процесс догоняющего развития народов, прежде не имевших своей городской культуры либо потерявших её вследствие иностранного владычества. Падение Австро-Венгерской и Османской империй в результате Первой мировой войны этот процесс заметно подстегнуло: перед властями образовавшихся на их месте национальных государств стояли примерно те же задачи, что и перед коммунистической Москвой. Народам, не имеющим своей развитой городской культуры, системы национального образования, печати и т.д., да и того культурного слоя, который мог всё это создавать, пред-

лагалось в очень короткий промежуток времени догнать в своём развитии крупные европейские нации.

Это сформировало особый феномен рустикального национализма, то есть создания наций на основе модернизированной сельской культурной традиции¹. Он предполагает этап активной сознательной работы интеллигенции и государственного слоя по догоняющему развитию, созданию литературных языков, национальных историй, новых традиций городской жизни, системы образования и т.д. Понятно, что полного замещения опыта городского развития произойти не может, и деревенский характер культуры сохраняется, пусть и в модернизированном виде.

Для создателей советских «новых социалистических наций» основной проблемой было влияние очень развитой русской культуры, которая господствовала в городской среде почти на всей территории Союза. Она не должна была задавить ростки местных национальных культур, которые вряд ли могли открыто конкурировать с нею. Необходимо было создавать для них привилегированные условия, а русскую культуру сознательно ограничивать. Проблема «равенства прав» народов была отодвинута задачей утверждения «равенства возможностей» для представителей разных народов, а для этого оказалось необходимым создание системы правового неравенства.

Примечательно, что эта же логика «позитивной дискриминации большинства» несколько позднее утвердилась и на Западе, став основой появившейся в конце 1960-х — начале 1970-х гг. теории мультикультурализма. Советский опыт управления культурой оказался во многом предтечей практик создания мультикультурального общества на Западе. Правда, там

этот принцип был распространён не только на национальный вопрос, но и на другие варианты деления общества, став основой для новой системы «господства меньшинств».

Целью уравнивания в возможностях носителей различных культур в СССР служила не только политика по ущемлению прав русского большинства, но и политика по рустикализации русской культуры — сближения её таким образом с культурой других народов Союза. Задачей советской власти было «опустить» статус русской культуры на один уровень с культурой других народов СССР, то есть сделать её тоже «сельской». Речь шла о формировании особого образного ряда национальной культуры, о признанном допустимом национальном маркировании тех или иных культурных событий. Рустикализация сферы публичной презентации «русскости» предполагала сведение образного строя русской национальной культуры к её сельским образцам. Это же означало её «демократизацию» и было очень органично для идеологии социалистического общества.

Пролетарская культура, которую конструировали и культивировали в СССР, была по вполне естественным причинам близка именно к деревенской традиции, ведь пролетариат, особенно в России (где к тому времени ещё не сложилось многопоколенной пролетарской субкультуры), состоял в основном из выходцев из села. Культура аристократии была ему принципиально чужда, а вот буржуазная мещанская культура могла быть более близкой, ведь пролетариат, как преимущественно городской слой, осваивал нормы городской жизни именно через восприятие мещанской (мелкобуржуазной) традиции. Однако эта традиция для коммунистов была идеологически чужда и воспринималась как опасность. Так, пролетарская культура в раннем СССР создавалась именно как полукрестьянская, как культура «деревни, пришедшей в город». Это-

¹ Подробнее об этом см.: *Неменский О.Б. Национализм городской и сельский // Вопросы национализма. 2010. № 1. С. 49–56.*

му идеально соответствовали технологии рустикального национализма как «подлинно народного».

Кроме того, это направление в культурной политике находило глубокие корни не только в советской идеологии, но и в самой русской культуре. Советская рустикализация основана на особом, специфически русском понятии «народа», «народности». В отличие от, например, польской культуры, в нашей традиции слово «народ» имеет значение не «политического слоя», а, наоборот, «простонародья». Уже народническое движение XIX в. основывало свою идеологию на понимании народа как сельских масс, исключая из него «образованный класс». Советское усвоение этого понятия связано с тем, что оно позволяло коммунистам опираться на «народ» именно как на «простонародье», то есть соответствовало их модели народа как «народа минус аристократия и буржуазия». Эта особенность русской культуры позволила сделать практики её рустикализации довольно мягкими, в целом понятными и даже близкими для образованной части общества. И даже своеобразная идеологическая реабилитация Пушкина к 1937 г. (в связи со 100-летием его смерти) не нарушила общее направление культурной политики, лишь сделала её более сбалансированной.

Высокой русской культуре при этом была уготована своеобразная участь интернационализации, обретения статуса «достояния всех народов СССР». Те же памятники Пушкину ставили везде, по всей многонациональной стране, независимо даже от того, переведены ли основные его произведения на местный язык. Можно сказать, что в советских понятиях это было скорее повышение её статуса, однако имело вместе с тем и обратный аспект — символической денационализации. Не высокая русская культура признавалась выразителем русскости, а село.

Впрочем, опять же надо оговориться, что этот взгляд имел основания и

в самой высокой русской культуре, деятели которой в предыдущем столетии также осознавали её как результат иностранных влияний, как неподлинно народную, и шли за настоящей народностью в деревню. Однако если для них это было связано с задачей возвращения народного духа в высокую культуру, то у советских политиков такой цели не было.

На деле рустикализация стала удобным способом отчуждения от русской культуры «интернациональной» элиты СССР. Навязанное в 1920–1930-е гг. биологизаторское понятие «национальности» утверждало идентитарную мозаичность советской элиты, закрепляя широкое распространение нерусского самосознания. Однако следует всё же признать, что высокая русская культура абсолютно господствовала в этом слое, и республиканские культурные элиты становились его частью через освоение её наследия и самого русского языка.

Примечателен процесс конструирования в СССР «русской деревенской культуры». Он фактически идентичен обратным процессам у прочих народов, для которых создавалась новая городская культура. Он не был основан на «хождении в народ» по типу интеллигентского увлечения середины XIX в. Эпоха модерна предполагала свои пути оформления «деревенского» в культуре. Советская рустикализация была основана на современном конструировании русского «народного стиля», на «ярмарочной» «скоморшеской» фольклоризации, то есть она исходила не столько из изучения реального многовекового наследия деревенской культуры, сколько из её нового игрового конструирования. Ей предшествовал довольно продолжительный этап работы дореволюционных культурных деятелей по созданию «русского стиля».

В результате за годы советской власти фактически произошла подмена живых традиций народной культуры

её сфабрикованным вариантом. Основные атрибуты «народной культуры» (балалайки, матрёшки и т.д.) изобретены в эпоху модерна, то есть в конце XIX — начале XX в., и нередко имеют довольно спорные корни. «Русские народные песни», которые стали петь в советское время, в основном были написаны советскими же композиторами, нередко совсем не русскими по происхождению, и почти полностью вытеснили старинные. Произошла столь же спорная «национализация» народного костюма. Например, рубашки с вырезом по центру были объявлены «украинскими», а косоворотки — русскими, хотя такое разделение не имеет под собой достаточных оснований. Во многих великорусских областях были распространены те же «вышиванки», и то же можно сказать про деревенскую одежду любых других славянских народов. Также и в традиции угро-финских народов, от которых, по одной из версий, были восприняты косоворотки, широко распространены рубахи с прямым вырезом. Но необходимо было провести «национальную маркировку» атрибутов деревенской культуры, тем самым разделив «советские нации» и одновременно уравнивать их, поставить рядом. Главное, что русский национальный костюм должен был быть обязательно деревенским, простым. Городская и аристократическая культура русских полностью лишалась своего национального статуса.

При этом советский конструкт «русской народной культуры» очень сильно изменил облик культуры русской деревни, её стереотипный вариант стал преимущественно увеселительным, а эстетически — лубочным. Несомненно, были высокие образцы глубокой культурной работы по воспроизведению деревенских традиций, но после стандартного концерта ансамблей «русской песни и пляски» трудно было понять, почему же Пушкин жаловался на унылость русских песен. Русский народ в советском стереотипе оказал-

ся вечно весёлым и разудалым, а центральное место в его культуре заняли частушки.

Рустикализация проводилась даже на уровне словоупотребления — в сфере социальной лексики. Например, если деревенское слово «баба» так и не смогло полностью вытеснить слово «женщина», то слово «мужик» стало приоритетным, почти убрав из разговорного языка слово «мужчина». А понятия старой высококультурной среды, вроде «барышня», «сударь» и т.д., полностью устарели. И если слово «господин» в качестве обращения было отменено исходя из идеологических предпочтений, то в остальном мы видим именно отрицание в целом аристократических обозначений социальных ролей. Интересно сравнить это с развитием польской культуры под властью коммунистов: там, наоборот, прежде употребляемое только в шляхетской среде обращение друг к другу на «*pan/pani*» довольно быстро распространилось по всему обществу, став уже к 70-м гг. языковой нормой. То же касается и любых других понятий аристократической традиции — за вторую половину XX в. они не только не устарели, но и вошли в употребление даже у жителей сельской местности.

Рустикальный образ русской культуры был выгоден ещё и тем, что, отсылая к сельской традиции, не был выражено христианским, а скорее дохристианским, тем самым помогая избавиться советским русским от ассоциации своей культуры с православием. Более того, фольклоризованная русская идентичность ликвидировала общерусский аспект старой русской культуры, сводила её к среднерусским деревенским традициям, тем самым ставя её рядом с конструируемыми на сельской основе украинской и белорусской национальными культурами.

Рустикализация «русского образа» в советской культуре проходила параллельно с казалась бы обратным процессом — уничтожения русской

деревни. Если в начале XX в. русская деревня жила примерно так же, как и тысячу лет назад, сохраняя огромное наследие народной культуры, то к концу столетия носителей этой традиции не осталось даже среди старшего поколения. Полное уничтожение собственно деревенской культуры на самом деле не противоречило фольклоризации русскости в городах, потому что сфабрикованная советской вариацией модерна «русская народная культура» могла утвердиться в своём статусе только за счёт уничтожения реальной культуры села, придя ей на смену. Эти своего рода городские фантазии на тему жизни простого русского народа не должны были подвергаться испытанию встречи с реальной традицией. Примечательно, что даже деятельность писателей-деревенщиков, старавшихся привлечь внимание общества к гибели русской деревни, на деле лишь помогала утверждению деревенского облика русской культуры. На фоне уничтожения традиционной деревни это выливалось в переключение символического ряда на прочие низы общества — на спивающихся жителей опустевших сёл и опустившихся пролетариев. Русское стало ассоциироваться всё более не с деревней, а с люмпенами, с мужиком-пьяницей, за которым вообще нет никакой культуры, кроме «водки, матерщины и шапки-ушанки». То есть на всё то, что в современном русофобском дискурсе обозначается словом «ватник».

Русский национальный патриотизм всегда осознавался как важнейшая опасность для коммунистической власти. Так относился к нему Ленин, называя его «великорусским шовинизмом», так же к нему относились власти и к концу советской эпохи. И рустикализация русской культуры была важнейшим способом обезопасить от него систему. Советский патриотизм, как подлинно интернациональный, осознавался как прогрессивный, а русский патриотизм, да и любая актуализация

русской национальной темы — как ретроградство, которое имеет право быть, но не может претендовать на господствующее положение.

В наши дни наследие советской культурной политики в русском вопросе имеет фатальные последствия. Псевдодеревенский самообраз, лежащий в основе современной русской идентичности, наравне с полной гибелью собственно сельской культуры делает русскую идентичность пустой и непривлекательной. Это способствует денационализации культурного сознания, распространению в обществе склонности отвергать вообще какое-либо самоопределение. Сейчас можно определённо сказать, что у русских господствует негативная идентичность, состоящая из чуждых реальной русской культуре автостереотипов. Современная русская девушка, представляя себя в XIX в., видит себя на балу, а не в хлеву. И она права, независимо от истории её предков, так как она наследует культуре именно того общества, которое ходило на балы, и говорит примерно на том языке, которое оно выработало. Несовпадение «банального» образа русской культуры с самообразом русского человека, с его представлением о собственной культуре неизбежно приводит по меньшей мере к сомнению в собственной русскости, а то и к её отрицанию. Всё это во многом определяет и отношение к родной земле, напрямую влияя и на политические настроения в обществе.

Предоставление наследию высокой русской культуры интернационального статуса (всеобщего, что, как известно, означает также и ничейное) обернулось и потерей идентитарной функции русского языка. Нормированный язык — всегда результат культурной деятельности высших слоёв общества, писателей и учёных, создающих литературную норму. Он может опираться в своих истоках на народные говоры, но сам по себе является продуктом высокой культуры.

«Русский язык — это прежде всего Пушкин», — как писал Л.Н. Толстой. И сведение русской идентичности к простонародью отрывало от неё русский язык. Благодаря советскому биологизаторскому дискурсу идентичности миллионы русскоязычных людей считали своим «родным» языком тот, который соответствует их паспортной «национальности», а не тот, на котором они с детства привыкли разговаривать. Русская литературная норма, являющаяся наследием высокой русской культуры, подверглась такой же денационализации, как и всё это наследие. Язык не перестал называться русским, но оказался «всемирным достоянием», на которое русские имеют не большие права, чем любой другой народ.

Русский оказывался языком, оторванным от «национальности», всеобщим, никак не определяющим идентичность его носителя. Уже в постсоветское время мы видим результат долгих лет навязывания обществу таких понятий: десятки миллионов людей в ближнем зарубежье, которые учат якобы их «родные языки» и пытаются их освоить в бытовой жизни взамен привычного для них русского. На русском языке стало нормальным проговаривать и радикально русофобские заявления, не усматривая в этом никакого противоречия, ведь русские в наше время — это не те, кто говорит порусски, а те, у кого просто нет никакой другой идентичности. Это же позволяет прекрасно распространяться в русской среде такому русофобскому в своих основах проекту, как создание украинской нации — отрицаемая и вытесняемая им русскость лишь в последнюю очередь касается вопроса языка. Русский — это «язык межнационального общения», и русские на него имеют, согласно этой логике, столько же прав, как и любой другой народ. Даже скорее меньше, что следует из настойчивых попыток научить русских употреблять этот язык соответственно с нормами, утверждаемыми другими на-

родами (не «на Украине», а «в Украине» и т.д.).

Между тем надо заметить, что такое положение характерно только для русского языка и всего остального наследия русской городской и аристократической культуры. Другие языки и другие культурные традиции во всей своей полноте имеют этнонациональную маркированность. Если человек привык разговаривать на украинском, то почти наверняка он считает себя украинцем — независимо от паспортной национальности всех его недавних предков. Как и нет больших сообществ армяноязычных, отрицающих свою армянскую идентичность, и т.п. Ситуация с русским языком и культурой даже непереводаема на западные языки: на них трудно объяснить, как человек может в сознательном возрасте начать «изучать свой родной язык». Русские, благодаря советской культурной политике, потеряли публичное право на свой язык, а вместе с языком — и право на ту культуру, которая на этом языке создана.

Эта система оказалась лишь закреплена в постсоветское время, причём как в господствующем дискурсе русскости, так и в законах страны. В Российской Федерации де-юре нет русского народа, зато есть официальный и обязательный для всех русский язык. РФ не признаёт себя русским государством, зато признаёт русский язык в равной мере языком всех своих граждан независимо от их этнонациональной идентичности.

Интернациональная элита СССР и постсоветской России отчуждалась от русского самоопределения и особенностями того особого советского дискурса идентичности, который по сей день остаётся абсолютно господствующим. Биологизаторский подход к «национальности» вынуждал большую часть элиты считать себя нерусской или же лишь частично русской, так как у всех «столько кровей понамешано!» Отрыв национальной идентич-

ности от культуры, совершаемый через такой «кровный» подход, ликвидирует противоречие между родным русским языком и нерусским самосознанием. И помогает видеть русскость лишь в якобы «чистокровной» деревне.

Перед русской культурной политикой в наше время стоит задача возвращения национального статуса русскому языку и всему наследию высокой русской культуры. Если у человека родной язык русский, значит, он объективно является русским — такая формула идентичности банальна для этапа нациостроительства у любых народов, так как формирует национальное самосознание и служит основой социально-политической консолидации единых культурных сообществ.

Атрибуты среднерусской деревенской культуры не могут быть основными выразителями идентичности народа, имеющего в своём историческом опыте столетия развития городской культурной среды и аристократического слоя. Символом русской куль-

туры является не мужик в косоворотке, а мужчина в котелке и с тросточкой. Ведь «Пушкин — наше всё». Слова Ап. Григорьева, значение которых было вполне понятно в девятнадцатом веке, но оказалось упущенным в двадцатом. И для восстановления адекватного русского самообраза в наше время их осмысление может быть важнейшим средством.

Сознательная политика по созданию позитивных национальных автостереотипов — естественная задача властей любого национального государства. Однако в случае с русскими, помимо отсутствия самого национального государства, проблема стоит ещё острее — необходима политика по воссозданию адекватных представлений о своей культуре и своём национальном самообразе. Перед русскими стоит вопрос, кто они — «ватники», «борщи», «балалаечники» или же, как выразился М. Гаспаров, «сообщество людей, читавших Пушкина».

Сайт журнала «ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛИЗМА»: <http://vnatio.org/>

На сайте:

- Выпуски предыдущих номеров журнала, избранные статьи
 - Анонсы новых материалов
 - Интервью с авторами, статьи и рецензии
 - Ориентировка для читателя: где приобрести новые выпуски журнала
- Кроме того:

- Новостная лента, ориентированная на читателя, интересующегося национальным вопросом в России и русским движением
- Библиотечка «ВН»: книги наших авторов
- Сообщество читателей журнала
- Путеводитель по Сети: коллекция ссылок на ресурсы русского движения и мировые националистические ресурсы

ОЛЕГ КИЛЬДЮШОВ

DE FUTURO

О ПРИНЦИПАХ РУССКОГО БУДУЩЕГО

Можно ли в принципе размышлять о будущем вне пространства мечты?

*Виталий Гретьяков.
Дефицит мечты*

Постановка проблемы

Тема данного номера журнала «Вопросы национализма» — «Русское будущее» — представляется мне очень удачной и своевременной. Ее также можно было сформулировать как «Новый русский проект» или — «Русская утопия» в широком смысле слова. Сегодня проблема мышления о больших проектах будущего, о новом социально-политическом визионерстве, об их нормативных функциях и содержательных параметрах действительно становится чрезвычайно актуальной, причем не только в России. Хотя, казалось бы, господствующий сейчас либерально-экономический и потребительский общественный дискурс убедительно доказал архаичность и несостоятельность каких бы то ни было «больших проектов», метанарративов и утопий как в идейно-теоретической, так и в общественно-политической сферах. Ведь последние несколько десятилетий прошли под знаком все более глубокой деконструкции уже существовавших политических идеологий и социальных «утопий». Более того, была подвергнута радикальному сомнению сама возможность и необходимость таковых. По мнению многих наблюдателей, 1980–1990-е годы стали временем, когда, казалось бы, сама история человечества убедительно показала невоз-

можность и несостоятельность подобных проектов в теории и общественной практике (распад СССР и всего советского блока, дискредитация «идеологии» и «утопии» в политике, искусстве, философии и т.д.). В мире идей, в искусстве и в политике сегодня во многом происходит лишь дальнейшая детализация и инвентаризация последствий великих идей, проектов и нарративов прошлого, которые в лучшем случае можно датировать XX веком, а если говорить о теоретических истоках данных стратегий, то и вообще XIX.

Тему исчерпанности великих энергий, некогда направленных на поиск совместного будущего, поднимал крупнейший современный философ и теоретик Модерна Юрген Хабермас в своей работе «Кризис государства благосостояния и исчерпанность утопической энергии». Он формулирует эту проблему следующим образом:

«Сегодня ситуация выглядит таким образом, будто утопическая энергия иссякла, будто она покинула историческое мышление. Горизонт будущего сжался, а дух времени, как и политика, основательно изменился. Будущее представляется в негативном духе. <...> В ответах интеллектуалов на вопросы о будущем отражается та же беспомощность, что и у политиков. Охотно принимаемая беспомощность вместо попыток сориентироваться в будущее — это уже не просто реализм. И хотя ситуация объективно непрозрачна, эта непрозрачность является одной из функций готовности общества к действиям. Речь идет о доверии общества к самому себе...»

Это замечание в полной мере относится и к русским интеллектуалам: сегодня — на фоне нынешнего во многом удручающего состояния позднепутинской РФ — все яснее ощущается невозможность какого бы то ни было национального развития, в смысле движения России к принципиально иным формам организации общественно-политической и социально-экономической жизни, в отсутствие подобного — пусть пока рамочного — «большого русского проекта». Многие даже говорят о возвращении той самой «вечной России», описанной в текстах Гоголя и других классиков...

Однако если национальная интеллектуальная элита по каким-либо причинам оказывается не способна выполнять свои прямые функции (согласно социологу Пьеру Бурдьё, интеллектуалы — специалисты по обращению с символическими формами), т.е. антиципировать, проектировать, конструировать, интерпретировать будущую социальную реальность, а в случае социального запроса на эти идеи — конкретизировать и корректировать их в рамках собственного поля символического производства и собственных процедур внутренней конкуренции и верификации жизнью, то не следует удивляться, что за нее это сделают другие. А то, как нас «посчитают» наши внутренние и внешние враги, мы прекрасно знаем по опыту прошлого столетия.

Говоря о принципах, институциональных формах и методах реализации нового русского проекта в России, очень хотелось бы, чтобы этот разговор был максимально конкретным и носил не только эвристический характер, но и имел прагматическую ориентацию. То есть нам меньше всего хотелось, чтобы здесь звучали некие демагогические призывы за все хорошее и против всего плохого. Речь скорее должна идти о политико-практической антиципации (предвосхищении) и социально-теоретической

концептуализации возможного институционального дизайна будущей русской жизни. Говоря техническим языком, нам необходима разработка основных идеальных типов грядущих социальных отношений и желаемых образцов — моделей организации нового русского политического и социального.

Причем подобного рода моделирование и проектирование будущего должно коснуться всех важнейших сегментов национального бытия — в том числе культуры, социальной жизни и т.д., а не только политической сферы, как часто бывает у наших визионеров.

Думаю, многие авторы данного номера посчитали бы свою задачу выполненной и даже перевыполненной, если бы им удалось спровоцировать более или менее ответственную интеллектуальную дискуссию об основных принципах и параметрах желаемого русского будущего, участники которой смогли бы разработать наиболее привлекательные модели и образы для современного русского национально-строительства, в том числе с целью коррекции сложившейся дискурсивной практики. Понятно, что решение подобных задач возможно лишь в рамках «коллективного разума», то есть оно не может быть результатом одnorазовых действий отдельных авторов и даже групп интеллектуалов. Тем не менее надеюсь, что предпринятые здесь усилия смогут внести определенный дискурсивно-аналитический вклад в хотя бы частичное «решение» вопроса о русском национальном будущем. Естественно, имеются в виду продуктивные для дальнейшей дискуссии теоретические наработки. Как всегда в таких случаях, «окончательное» решение все равно останется за самой русской жизнью...

Будущее как вызов для русских интеллектуалов

В рамках сферы символического производства русские интеллектуалы,

производящие семантические и семиотические инновации в рамках дискурса будущего, ведут борьбу против конкурирующих групп интеллектуалов не (с)только за истину, но и за себя самих, т.е. за утверждение своих собственных позиций в этом поле. Сама логика функционирования интеллектуального поля приводит к тому, что как только мейнстрим русского национально-освободительного движения отказывается от серьезной разработки темы русского будущего, эта «заброшенная» тема тут же осваивается нашими идейными конкурентами и идеологическими соперниками — как внутри, так и вне страны. Очень важно не дать им перехватить «футурологическую» инициативу и установить в этом важнейшем сегменте дискурсивной борьбы собственную интеллектуальную «гегемонию», как сказал бы крупный левый теоретик Антонио Грамши. Ведь именно в этом функциональном пространстве возникают те рефлексивные продукты, которые позволяют антиципировать, интерпретировать и легитимировать альтернативное социальное — экономическое, научное или политическое — действие, т.е. осуществлять самореферентное открытие новых перспектив и целей коллективного действия для складывающейся русской нации. В этом смысле борьба идей за иное, «более русское» национальное будущее для нашей страны является частью процесса русификации России, поскольку она теснейшим образом связана с политическим противостоянием, в котором решается вопрос о новых способах организации будущего русского общества. Таким образом, культурное пространство плавно переходит здесь в пространство политическое. Так что борьба интеллектуалов за семантические изменения в рамках дискурса национального будущего представляет не только теоретический интерес...

Все сказанное выше вовсе не означает объявления здесь очередного

конкурса на изобретение некой «русской идеи», которая обычно служит для охранителей банальным средством легитимации «особого пути» России, которая якобы не нуждается ни в какой модернизации по европейскому образцу. Однако основная проблема философского анализа проблемы русского будущего заключается в том, что эти, важнейшие для определения национально-культурной конституции дебаты о коллективной идентичности нашей нации очень часто ведутся каким-то странным, архаичным, досовременным, метафизически-романтическим образом — причем как со стороны подобных «особистов», так и их прозападно-либеральных оппонентов. Поэтому важнейшим делом русских интеллектуалов во всей этой дискуссии является вполне традиционное для любых просветителей занятие — аналитическое уточнение семантики и прагматики понятий, базовых для любой серьезной дискуссии о будущем нашей нации — нация/империя, российское прошлое/русское будущее, великодержавность/национальная солидарность и т.д.

В соответствии с подобным пониманием стоящей ныне интеллектуальной задачи вечный вопрос русского будущего — в рамках более широкой темы «Россия и модернизация» — предстает в виде важнейшего и крайне проблематичного вопроса о возможности возникновения в исторически обозримое время и дальнейшего устойчивого существования (укоренения) русской национальной идентичности современного типа — иными словами, речь идет о возможности возникновения в недалеком будущем современной русской политической нации. Подобный перевод проблемы русского будущего на другой теоретический язык делает его релевантным в контексте актуальных дебатов, ведущихся относительно соотношения локального/глобального в современном мире. Вклад нынеш-

них русских интеллектуалов в столь длительную дискуссию со столь значительным корпусом текстов мог бы заключаться в выработке неких «базовых гипотез» и возможных сценариев: ведь часто важнее создать новое дискурсивное пространство и (как всегда хочется надеяться) интересную и когерентную в себе рамочную возможность интерпретации будущего, чем доказывать, что оно во всех деталях обязательно станет реальностью в полном соответствии с разработанной концепцией. Естественно, не может быть и речи о том, что та или иная версия русского будущего может быть настолько «правильной», что исключает все остальные альтернативы. Амбиции последнего типа, помимо своей архаичности, и без того являются методически вторичными...

В любом случае очевидно, что подобные вопросы о будущей национально-культурной идентичности русских людей, действующих в условиях Модерна, до сих пор чрезвычайно актуальны для России как несостоявшегося национального государства. Одновременно эти вопросы суть вопросы об источниках и статусе норм и институтов, понимаемых как структурные рамочные условия национального — социального, культурного, государственного — действия.

При этом задача русских интеллектуалов сегодня, как и 100 лет назад, заключается в том, чтобы ответить на эти важнейшие вопросы о смысле и основных параметрах будущего национального бытия. То есть в том, чтобы из интеллектуальной перспективы предложить ключевые образы, понятия и метафоры, которые позволили бы интерпретировать прошлое, тематизировать и проблематизировать настоящее и, самое главное, — концептуализировать принципиально иное будущее для нашей страны и нашего народа. В этом смысле современная ситуация в русском обществе и в русской мысли *volens nolens* напоминает ситуа-

цию рубежа XIX–XX вв.: казалось бы, чисто «ученая» проблема проектирования будущего по-прежнему является острой проблемой политики и самой национальной жизни.

Основные принципы

Обычно при разработке проектов и планов коллективного будущего основное внимание уделяют политической системе, тогда как важнейшую и наиболее проблематичную, некомфортную часть жизни, которую хотелось бы оставить в темном прошлом, составляет именно дополитический интерфейс, где люди чаще всего (непреднамеренно) создают друг для друга «ад местного значения». Хотя это вовсе не значит, что мы собираемся умалить здесь значимость политического измерения при радикальном реформировании русской жизни.

Стоит подчеркнуть, что принципы организации и, что не менее важно, методы реализации нового русского проекта — как в политическом, так и в социальном смысле — должны мыслиться не только как попытка преодоления известных дефицитов нынешнего россияинства эпохи позднего Путина, но и всей предшествующей истории России, которая практически не дает нам образцов, которые можно было стилизовать под некую идиллическую «мирную, сытую и комфортную жизнь».

Между тем важнейшим элементом любой национальной утопии, создаваемой культурной элитой, является образ идеального прошлого своего народа — будь то сельская идиллия или героическое прошлое. И именно «в борьбе за угнетенное прошлое», говоря словами немецкого философа Вальтера Беньямина, представители научной и творческой интеллигенции той или иной нации обычно осуществляют утопическое конструирование будущего для «своей» нации.

В этом смысле современным русским интеллектуалам не позавидуешь:

им приходится мыслить будущее скорее вопреки прошлому и настоящему, поскольку ни в имперский, ни в советский, ни тем более в россиянский период русские так и не стали хозяевами своей страны и собственной жизни...

Переходя к общим принципам и системообразующим структурным моментам желаемого будущего, начнем с самого главного для русских национальных демократов: как ни парадоксально это звучит, но базовым принципом организации русской жизни «после нашей победы» должна стать **русификация** всех ее сфер в смысле ее *дероссиянизации*: речь идет не просто об избавлении от «позорных пятен прошлого», связанных с двойным — социальным и национальным — отчуждением власти и собственности от русского большинства в нынешней РФ, но и о создании таких форм массового участия граждан в принятии политических и социально-экономических решений на всех уровнях, которые исключают саму возможность для кого бы то ни было в будущем дискриминировать русских в их собственной стране. *Россия наконец должна стать национальным государством русских и для русских*. То есть речь идет о запрете любых «аффирмативных мер» в интересах привилегированных меньшинств различного рода, являющихся дискриминационными в отношении абсолютного большинства — и не важно, идет ли речь о распределении федеральных трансфертов или о контроле над местным рынком. Стоит ли говорить, что подобная практика до сих пор является фирменным стилем властей РФ, которые в этом отношении выступают подлинными наследниками ленинско-сталинской национальной политики.

Структурная демократизация

Сразу поясню, что речь идет не только и даже не столько об институционализации демократии, т.е. о создании институтов демократического участия,

сколько о необходимости демократизации уже существующих институтов. Таким образом, под демократизацией здесь понимается, разумеется, не построение нового «царства свободы» в духе публицистов-реформаторов рубежа 80/90-х годов, а исторически все усиливающаяся «функциональная демократизация», как говорил социальный теоретик Норберт Элиас. Другой классик социологии, Макс Вебер называл этот процесс «пассивной демократизацией»: т.е. речь здесь идет не о демократии в эмпатическом смысле, а скорее о фактическом расширении шансов на реальное массовое политическое и экономическое участие.

На практике это означает систематическое применение везде и повсюду известных принципов процедурной демократии: выборности, ограничения и сокращения до разумных пределов сроков полномочий должностных лиц, их ответственности перед избирателями и т.д. Причем не только в органах государственной власти, но и во всех общественно значимых институтах.

В собственно политической сфере:

«Швейцаризация» или плебисцитаризация русской политики

Обязательное применение процедур прямой демократии на всех уровнях — от конституционного до поселкового. Референдумы, опросы и плебисциты по любым релевантным вопросам должны стать обыденной практикой национального волеизъявления. В целом здесь речь идет о максимальной практической реализации известного принципа политического Модерна: *government of the people, by the people, for the people* — «правление народа, посредством самого народа, в интересах народа» (А. Линкольн).

Федерализация

Россия слишком большая и разная, что быть унитарным и централизованным государством даже технически. Наполнение реальным смыслом идеи

федерации как союза самоуправляемых русских земель радикально изменит институциональный дизайн новой русской государственности. Это позволит вводить на территории страны различные режимы русской современности — от максимальной продвинутой до сознательного консерватизма (вплоть до стилизованной архаики).

Регионализация

Земли или штаты будущего национального государства должны иметь свой собственный профиль; пока же они абсолютно неразличимы. В любом регионе страны довольно легко отыскать оригинальную «фишку», которая может стать основой для позиционирования и профилирования каждого подобного уникального русского локуса.

Муниципализация

Русские живут не в России вообще или в каком-то ее регионе непосредственно, а в определенном городе, районе и т.д., однако исторически всегда происходило так, что тактические интересы консолидации власти и ресурсов индуцировали у местного начальства логику временщиков (особенно при назначении «варягов» сверху), которая доминировала над стратегическими интересами развития «мест», где собственно живут и работают граждане страны (в т.ч. включая самих начальников). Отсюда следует системообразующий «коммунальный» принцип: все, что затрагивает интересы людей на данном конкретном уровне, внизу, на земле, то должно решаться, исполняться и контролироваться на этом уровне ими самими.

Кстати, исторически только таким образом — в рамках городской коммуны — возникает уникальный феномен *горожан*, в смысле осознающих свои собственные интересы *граждан* — в отличие от рабов и подданных...

В сфере культурного строительства и общественных отношений в целом

речь может идти о таких базовых принципах, как например, *историзация*. В свое время Макс Вебер задавался вопросом об историчности российских институтов. Это действительно серьезная проблема институционального строительства в России: у нас практически нет политически и общественно значимых институтов, которые насчитывали бы несколько столетий своей истории. Это означает, что практически каждое поколение русских оказывалось в различных и, самое главное, радикально менявшихся институциональных условиях. Стоит ли говорить, что это означает огромные социальные издержки на адаптацию к новым изобретениям властей.

Так что нет никакого смысла выставлять мнимый русский историзм/традиционализм в качестве главного препятствия движению в направлении нового русского будущего. В конце концов, именно культурная традиция создает условия для дальнейшего национального развития. Более того, опыт ведущих западных стран говорит о том, что традиции можно относительно легко изобрести/восстановить. Например, что мешает в Новгороде и Пскове вместо мэра выбирать посадника, а в Москве — городского голову и т.д.?

Пацификация и демилитаризация

Новая Россия должна стать внутренне замиренной страной; культ насилия внутри страны несовместим с проектом мирной, успешной и процветающей русской нации. «Сбережение народа» (А.И. Солженицын) должно стать императивом для национального государства: русские больше не могут себе позволить такую чудовищную растрату уникальных человеческих ресурсов, как это произошло в XX веке, ставшем для них веком «войн и катастроф».

Как всегда, применительно к будущему гораздо сложнее говорить о принципах и базовых подходах в социально-экономической сфере. Тем

не менее уже сейчас очевидны многие вещи, которые нужно отбросить вместе с «россиянством» позднепутинского разлива: коррупция как системообразующий принцип, олигархизация, монополизация, кумовство, nepотизм, диаспорная и криминально-этническая экономика и т.д.

Назовем ad hoc лишь самые очевидные идеи для новой русской экономики, конечно, нуждающиеся в дальнейшей конкретизации и спецификации.

Национализация национального богатства и природных ресурсов в самом широком смысле: то, что принадлежит нашей нации формально, должно принадлежать ей фактически. В современном мире выработано множество моделей распределения природной ренты — начиная с Норвегии и заканчивая нефтяными монархиями Ближнего Востока. Здесь не место для технического обсуждения их плюсов и минусов. Достаточно будет констатации того, что эти механизмы должны позволить реализовать всем русским свои естественные права на свою страну и ее богатства.

Социализация экономической деятельности и морализация бизнеса

Параграф 2 статьи 14 Основного закона ФРГ гласит: «Собственность обязывает. Пользование ею должно одновременно служить общему благу». Этот принцип должен стать основой так называемой «экономической конституции» и в новой России. Стоит ли говорить, что этот принцип накладывается на хозяев заводов, газет, пароходов особую «социальную ответственность». Бессмысленное богатство, показное потребление, социальный паразитизм праздных классов не могут оставаться нормативными в рамках нового русского общественно-политического проекта. Представлениям Рублевки о престижности, о социальном успехе и статусе труда нет места в русском будущем.

Производственная демократия

Введение элементов представительства интересов сотрудников на средних и крупных предприятиях и организациях с введением их представителей в органы их управления и контроля¹. В идеале она должна стать инструментом преодоления отчужденности труда и интеграции работников.

И т.д. и т.п. Понятно, что при желании можно предложить множество не менее значимых принципов в различных сферах общественной жизни. Надеюсь, эта важная работа будет проделана в рамках предложенной здесь дискуссии о параметрах и формах реализации нового русского проекта.

Вместо послесловия

В заключение заметим, что трудности русского дискурса национально-будущего — как в концептуально-мировоззренческом смысле, так и в смысле социально-технологической экспертизы — во многом связаны с амбивалентностью задач, стоящих перед российской модернизацией. Ведь в данном случае речь идет не просто о решении проблемы русского Модерна, но и о статусе постоянно конституируемой национальной традиции как источника культурной идентичности акторов, действующих в условиях современности. При этом антиципация русского будущего и распространение его рамочно-го дискурса на другие культурно- и социально-теоретические сегменты национального нарратива сама является значимым элементом русской модернизации.

¹ Автор этих строк был свидетелем работы этих механизмов защиты интересов людей труда во время работы на концерне «Фольксваген» в Вольфсбурге. И хотя их эффективность вызывала у самих сотрудников предприятия серьезные сомнения, необходимость их существования и развития в полноценный инструмент социальной политики была для них очевидна.

Как уже говорилось, существуют серьезные аргументы в пользу необходимости и даже функциональности проектировании большого русского проекта или даже русской утопии сегодня, несмотря на наш неутопический век. Главный из них заключается в том, что целью подобных проектов и прожектов всегда является радикальная критика в адрес существующих дефицитарных форм общественного устройства. В этом смысле история больших нарративов, идеологий и утопий — это история политического мышления, реализованного с позиций идеального или как минимум морально более приемлемого будущего. И хотя с точки зрения политического реализма авторы подобных утопических планов часто предлагают довольно сомнительные и даже экзотические средства для достижения своих благих целей, тем не менее именно благодаря их усилиям исторически стало возможно не просто выявлять недостатки и несправедливость существующих институтов и ценностей, но и помыслить принципиально иное будущее.

В этом смысле, несмотря и именно благодаря нереалистичности подобных проектов, планов и утопий, их неадекватности параметрам существую-

щего сегодня в России политического и социального-экономического режима, они становятся столь необходимыми для предвосхищения чего-то радикально нового. Другими словами, именно благодаря своей утопичности они не просто эвристически полезны, но и абсолютно функциональны в рамках актуальной дискурсивной работы по идейно-теоретической подготовке русского будущего.

Именно это позволяет русским интеллектуалам выйти за рамки устоявшихся российских представлений и по-иному взглянуть на реальное положение дел в нашей стране и обществе. Тем самым задается принципиально иная оптика, иная концептуальная рамка для анализа, позволяющая понять, что устраивает нас в существующей ситуации, а что — категорически нет. Именно так открываются реальные альтернативы для коллективного действия. Все это делает проективную работу интеллектуалов столь необходимой — несмотря на всю кажущуюся бессмысленность и утопичность подобной «националистической футурологии». Только (теоретически) открывая новые перспективы, можно расширить границы возможного, приближая тем самым само будущее.

Дмитрий Красков

Россия-2030

Не изменяй теченья дел.
Привычка —
Душа держав.
А.С. Пушкин. Борис Годунов

Ожидания и надежды

Будущее, когда мы о нем говорим, — это всегда некий образ, позитивный или негативный, который мы рисуем в своей голове, но только от нас зависит, воплотится ли этот образ в жизнь или нет. Для того чтобы понять, куда хочет двигаться наше общество, полезно привести данные социологических опросов.

Так, согласно опросу ВЦИОМ, опубликованному 26.06.2013¹, 43% населения полагает, что уже к 2020 г. Россия станет великой и процветающей державой, 11% полагают, что к тому времени будет достигнут высокий уровень жизни, а 9% убеждены, что Россия станет экономически развитой страной. Остальные ответы, набравшие от 1 до 5%, в целом связаны с позитивными ожиданиями, а 23% не определившихся не дают нам никакого представления об их позитивном или негативном восприятии будущего. Еще характерно, что 27% граждан полагают, что Россия будет сильным государством, заботящимся обо всех своих гражданах, проводящим социальную политику. 17% полагают, что Россия вернется к традициям, проверенным временем, и в стране установится порядок, основанный на сплочении нации, а еще 15% просто хотят строить империю. Из оставшихся ответов примечательны 13%, ожидающих общего равенства, интернационализма и социаль-

ной справедливости, и 7% сторонников лозунга «Россия для русских». Но последнее все-таки ничего не говорит о социальной базе русского движения, которая гораздо шире.

Интерпретировать эти данные можно по-разному, начав задавать уточняющие вопросы, например: что подразумевается тут под процветанием? Ведь процветание государства не всегда связано с ростом уровня жизни его населения. Но, увы, социологи расшифровки тут не дают. Впрочем, я слабо верю в возможность процветания державы без экономического развития и общего роста уровня жизни, просто потому, что время варварских набегов и колониального грабежа уже прошло. Поэтому я считаю необходимым оценить исходные социально-экономические показатели России на 2013 г. и проанализировать имеющиеся прогнозы, чтобы ответить на вопросы: а каким же, вероятно, будет это самое русское будущее и как много мы можем сделать, чтобы его изменить?

Russia today

Экскурс в российские реалии начну я, пожалуй, с анализа доходов российского бюджета, которые без лишних сантиментов говорят о возможностях нашего государства. Для удобства, в соответствии со ст. 96.6 Бюджетного кодекса РФ, в федеральном бюджете отдельно выделяются «нефтегазовые» доходы, а остальные считаются «ненефтегазовыми». Так, согласно официальному отчету Минфина², в

¹ <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114258>

² Исполнение федерального бюджета и бюджетов бюджетной системы Российской Федерации за 2013 год.

2013 г. из 13 019,9 млрд рублей бюджетных доходов 6534 млрд приходилось на нефтегазовые доходы, что составляет 50,18% доходов федерального бюджета. Из чего же они состоят? 2190,2 млрд руб. дал налог на добычу полезных ископаемых (далее — НДС) на нефть, 311,7 млрд руб. дал НДС на газ, 12,6 млрд руб. НДС на газовый конденсат, 2333,6 млрд руб. дали вывозные пошлины на сырую нефть, 479 млрд руб. — вывозные пошлины на газ и 1206,9 млрд руб. — вывозные пошлины на товары, выработанные из нефти.

Таким образом, в структуре нефтегазовых доходов мы видим серьезный перекоп в сторону нефтяных доходов, составляющих 87,7% от общего объема в этой группе. Это естественно, учитывая, что по данным Bloomberg, в начале 2013 г. РФ вышла на первое место в мире по объему производства нефти. Но перечисленные выше как «нефтегазовые» налоговые результаты не показывают исчерпывающе вклад нефтегазовой отрасли в российский бюджет. Проблема в том, что, например, доходы от налогов на прибыль учитываются в т.н. «ненефтегазовых» доходах. Но платят же их в т.ч. и нефтегазовые корпорации. Согласно Налоговому кодексу РФ (ст. 284), сумма налога, исчисленная по налоговой ставке в размере 2%, зачисляется в федеральный бюджет, тогда как сумма налога, исчисленная по ставке в размере 18%, исчисляется в региональные бюджеты. Поэтому необходимо посмотреть на проблему шире и обратиться к консолидированному бюджету РФ³.

В совокупности в 2013 г. ОАО «Газпром» (без дочерних компаний) заплатил почти 122,5 млрд руб. в казну

³ Консолидированный бюджет — это свод бюджетов бюджетной системы Российской Федерации на соответствующей территории (за исключением бюджетов государственных внебюджетных фондов) без учета межбюджетных трансфертов между этими бюджетами (ст. 6 Бюджетного кодекса РФ).

в виде налога на прибыль⁴, ОАО «Новатэк» — 17,7 млрд руб.⁵, ОАО «НК «Роснефть»» — 81 млрд руб.⁶, ОАО «Роснефтегаз» — 24,3 млрд руб.⁷, ОАО «НК «Лукойл»» — 7,5 млрд руб.⁸, ОАО «Сургутнефтегаз» — 38 млрд руб.⁹, ОАО «Татнефть» — 19,7 млрд руб.¹⁰, ОАО «Газпром нефть» — 15,3 млрд руб.¹¹, ОАО «АНК «Башнефть»» — 15,2 млрд руб.¹². Как видно из представленных данных, в совокупности крупнейшие нефтегазовые компании РФ перечислили в бюджеты около 341,2 млрд руб. из которых 34,1 млрд. зачислены в федеральный бюджет, а 307,08 млрд руб. — в региональные. Не трудно догадаться, насколько от этих денег зависят бюджеты Москвы, Татарстана, Башкортостана, Тюменской области и т.д. Но и на этом нефтегазовая зависимость бюджетов не заканчивается. 245,1 млрд руб.¹³ составили различные платежи в бюджет за пользование природными ресурсами, среди которых и отчисления нефтегазовых корпораций. Далее, сотрудники тех же корпораций платят налог на доходы физических лиц, а с продукции взи-

⁴ ОАО «Газпром». Финансовый отчет 2013 г.

⁵ ОАО «Новатэк». Бухгалтерский баланс по РСБУ за 2013 год.

⁶ ОАО «НК «Роснефть»». Консолидированная финансовая отчетность 31 декабря 2013 г.

⁷ Годовая бухгалтерская отчетность ОАО «РОСНЕФТЕГАЗ» за 2013 год. Собственник ОАО «НК «Роснефть»».

⁸ Бухгалтерская отчетность ОАО «НК ЛУКОЙЛ» за 2013 год по РСБУ.

⁹ Бухгалтерский баланс ОАО «Сургутнефтегаз» на 31 декабря 2013 г.

¹⁰ Бухгалтерский баланс ОАО «Татнефть» им. В.Д. Шашина на 31 декабря 2013 г.

¹¹ Бухгалтерский баланс ОАО «Газпром нефть» на 31.12.2013.

¹² Бухгалтерский баланс ОАО «АНК «Башнефть»» на 31.12.2013.

¹³ Информация об исполнении консолидированного бюджета центрального правительства Российской Федерации.

мается НДС (кроме случаев с 0% ставкой). Формально в 2013 г. доля нефтегазовых доходов в консолидированном бюджете составила 27,4%¹⁴, но, как показано выше, в реальности эта цифра больше, как и больше доля нефтегазовых доходов в федеральном бюджете. Какова же она? Точных подсчетов я не встречал и гадать не хочу, но постараюсь описать логическую цепочку, следуя которой, можно оценить общую зависимость российской экономики от нефтегазовых доходов.

Для этого обратимся к расходам консолидированного бюджета: 3017,5 млрд руб. потрачено на заработную плату, 2708,3 млрд руб. потрачено на оплату работ и услуг, 6837,7 млрд руб. было направлено на пенсии, пособия и выплаты по социальному и медицинскому страхованию населения из федерального, регионального бюджетов и внебюджетных фондов в 2013 г.¹⁵

Как мы выяснили, более 1/3 данных расходов обеспечиваются за счет нефтегазовых доходов. Но, что важнее, данные расходы сами порождают определенную часть доходов. Так, большая часть зарплаты бюджетников и пенсионеров тратится на потребление товаров и услуг, налоги с которых возвращаются в бюджеты. Средства, затраченные на госзакупки, в свою очередь создают рабочие места, генерируют прибыль коммерческих компаний, с чего также платятся налоги в бюджеты. Иными словами, нефтегазовые доходы, посредством распределения через федеральный и региональные бюджеты, генерируют прибыли в несмежных с ними отраслях.

Еще большая зависимость от добычи нефти и газа прослеживается в структуре торгового баланса РФ. Так, экспорт товаров из РФ в 2013 г. составил 523,2 млрд долл., из которых 173,7

млрд долл. пришлось на сырую нефть, 109,3 млрд долл. — на нефтепродукты и 67,2 млрд долл. — на природный газ¹⁶. Таким образом, доля нефтегазового экспорта в структуре экспорта товаров составила 67%, что в итоге и определило профицит торгового баланса в размере 180,3 млрд долл. В свою очередь, данный фактор положительно влияет на курс национальной валюты, т.к. создает спрос на рубль.

В «обмен на нефть» зарубежные государства поставляют в Россию машины и оборудование, продукты питания, одежду и обувь, лекарства и т.п., за ввоз которых государство также взимает налоги и пошлины в федеральный бюджет (около 2400 млрд руб. в 2013 г.).

Напомню также, что за счет нефтегазовых доходов сформированы «подушки безопасности» российской экономики: резервный фонд (3095,21 млрд руб. на 08.2014) и фонд национального благосостояния (3088,79 млрд руб. на 08.2014).

Если представить себе, что завтра прекратится экспорт нефти и газа, то глазу рисуется катастрофическая картина коллапса российской экономики, обвал рубля и обнищание населения.

Таким образом, Россия не просто находится на нефтегазовой игле, она не имеет ей альтернативы. Иглу просто нечем заменить.

Важно, на мой взгляд, также понимать и демографические условия, в которых работает наша нефтегазовая экономика, т.к. они прямо влияют на экономику путем увеличения/сокращения численности работоспособного населения, детей и пенсионеров (социальной нагрузки). По итогам 2013 г., старше трудоспособного возраста было 22,7% населения, т.е. около 32,5 млн. человек. Трудоспособных же было около 60,8%, т.е. 87,15 млн. чел.¹⁷

¹⁴ <http://www.vedomosti.ru/finance/news/22973691/lyudi-vazhnee-nefti>.

¹⁵ Расходы консолидированного бюджета за 2013 год.

¹⁶ Центральный банк Российской Федерации. Платежный баланс и внешний долг Российской Федерации, 2013 год.

¹⁷ Росстат. Россия в цифрах. 2012–2013 гг.

При этом 2013 г. считается первым за постсоветскую эпоху, когда рождаемость официально превысила смертность (13,2 на 1000 против 13 на 1000)¹⁸, что внушает некоторые надежды. Так давайте разберемся, оправдаются ли они и может ли стать Россия с ее нефтегазовой иглой той благополучной и великой державой, о которой грезят ее граждане.

Россия–2030

Для начала давайте посмотрим, какое будущее нам пророчат отечественные чиновники.

В 2012 и 2013 гг. Министерство экономического развития РФ опубликовало сценарные условия и прогноз долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2030 г. Прогноз предполагает три сценария развития российской экономики: инновационный, форсированный и консервативный (энерго-сырьевой). Первый сценарий предполагает активное инвестирование государства и частного бизнеса в современную транспортную инфраструктуру, высокотехнологичные производства и модернизацию энергетического сектора. Ежегодный рост ВВП должен составлять не менее 4–4,2%, рост инвестиций в основной капитал должен быть не менее 5,9%, промышленный рост — составлять 3,2% в год, а рост производительности труда — вырасти в 2,3–2,5 раза (до 75% от уровня США). При этом экспорт увеличится до 1438 млрд долл. (т.е. в 2,74 раза по сравнению с 2013 г.), а доля ТЭК в экспорте уменьшится до 39%. Во многом такой эффект планируется достичь за счет роста производства инновационных товаров до 17% от ВВП.

По мнению разработчиков сценария, все это обеспечит к 2030 г. увеличение расходов на человеческий капитал, в частности: на здравоохранение до 7,1% ВВП, на науку до 3% ВВП, а уровень доходов на душу населения

составит 95% от зоны ЕС¹⁹. При этом характерно, что если сценарные условия, опубликованные в 2012 г., пророчили России долю в мировой экономике, равную 3,7%, то новый прогноз уже пророчит 4,3%.

Второй, форсированный сценарий является сверхоптимистическим вариантом инновационного сценария. Как пишут авторы прогноза, данный сценарий предполагает реализацию всех майских указов президента Путина. Согласно ему, к 2030 г. российская экономика должна составлять 5,3% мирового ВВП при ежегодном росте ВВП в 5–5,4%, годовой экспорт будет равен 1615 млрд долл., производительность труда вырастет в 2,7 раза и достигнет 90% от уровня США, рост инвестиций в основной капитал должен составить не менее 8,2% в год, а рост промышленности — не менее 4,2% в год и т.д.

Инновационный и форсированный сценарии предполагают осуществление наиболее позитивных демографических прогнозов, например, достижения численности населения в 151 млн чел.²⁰ Также они предполагают: 1) активное кредитование российских компаний зарубежными банками, что осложнится ввиду последних санкций ЕС и США из-за ситуации на Украине; 2) приток капитала в страну, а не его отток и, наконец, 3) ежегодный рост ВВП в размере не менее 4%, что уже невозможно, учитывая результат 2013 г. (1,3%) и аналогичный прогноз на 2014 г.²¹ Кроме того, значительные средства будут направлены на подготовку и проведение Чемпионата мира по футболу в 2018 г.

¹⁹ Сценарные условия долгосрочного прогноза социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года.

²⁰ Без учета Республики Крым и г. Севастополя на момент составления прогноза.

²¹ <http://www.vedomosti.ru/finance/news/25058471/mvf-ponizil-prognoz-rosta-vvp-rossii-v-2014-g>

¹⁸ Росстат.

Третий сценарий характеризуется активной модернизацией топливно-энергетического и сырьевого секторов российской экономики, ежегодным ростом ВВП в 3–3,2%, ростом производительности труда в 1,9 раза к 2030 г. (64% от уровня США), снижением доли топливно-энергетических товаров в экспорте до 46,9% (при общем объеме экспорта в 1176 млрд долл.), ростом инвестиций в основной капитал в размере 4,7%. При этом 2/3 экономического роста будут обеспечиваться за счет роста потребления домохозяйств. Характерно, что доля России в мировой экономике снизится до 3,6%.

Консервативный сценарий, который я рассматриваю как базовый, предполагает сохранение основополагающей роли нефтяной и газовой отраслей в российской экономике до 2030 г. Соответственно, чтобы ответить на вопрос: «Какой будет российская экономика к тому времени?», необходимо посмотреть на прогнозы развития топливно-энергетического комплекса.

Во-первых, такой прогноз дается уже в рамках социально-экономического прогноза до 2030 г. Аналитики МЭР ожидают, что спрос на нефть в мире увеличится к 2030 г. в 1,22 раза, до 5,3 трлн. тонн. Драйверами роста будут выступать Китай, Индия, Бразилия, Средний и Ближний Восток, а также Африка. При этом пик роста потребления в Китае и Индии прогнозируется на 2014–2020 гг. Рост потребления в самой России ожидается в размере 15%. При этом прогнозируется падение спроса в Европе на 2,2–2,5%, а доля стран ОЭСР в потреблении нефти и нефтепродуктов сократится с 52% (2011 г.) до 45% (2030 г.). Главным фактором снижения спроса на нефть и нефтепродукты в странах ОЭСР будет дальнейшее внедрение энергосберегающих технологий. В общей структуре источников энергии доля нефти может упасть с 33% (2011 г.) до 28% (2030 г.).²²

ввиду распространения более дешевых альтернатив.

При этом претерпит изменение структура основных мировых поставщиков. Согласно прогнозу ВР, 65% суммарного увеличения предложения нефти к 2030 г. придется на США, Канаду и Бразилию. Согласно прогнозу МЭР, США к тому времени увеличат производство жидких углеводородов на 24%, значительно покрывая свои собственные потребности. Благодаря росту потребления нефти на Ближнем Востоке, а также снижению добычи в Мексике и районе Северного моря, России вряд ли стоит опасаться потери доли рынка, но очевидно, что после 2030 г., ввиду сокращения потребления нефти в ЕС и увеличения доли биотоплива, настанет угроза сокращения доходов от этой отрасли. Кроме того, разведанных запасов нефти хватит чуть более чем на 30 лет, что ставит серьезные угрозы для экономики страны к 2050 г.

Добыча нефти Россией к 2030 г. прогнозируется в размере 600–650 млн. тонн/год, т.е. с приростом от 14 до 24% к 2013 г. При этом цены ожидаются в районе 106 долл./баррель (в ценах 2010 г.) согласно среднему варианту прогноза²³, но могут как упасть до 71 долл./баррель, так и вырасти до 156 долл./баррель.

Очевидно, что у России есть перспектива увеличения поставок нефти на уже освоенные рынки, но это перспектива исключительного проедания национальных богатств до их полнейшего истощения в ближайшие десятилетия.

Так ведь у нас есть еще газ, воскликнете вы.

И это правда. Газ вообще считается наиболее перспективным топливом на ближайшие десятилетия. Так, Exxon Mobile ожидает роста спроса на газ в Китае в 6 раз с 2005 по 2030 г., что, по мнению ВР, составит 25% всего мирового прироста спроса. Кроме

²² Прогноз ВР до 2030 г.

²³ Социально-экономический прогноз до 2030 г. (МЭР).

того, ожидается прирост спроса в 23% на Ближнем Востоке. Еще 28% прироста спроса придется на иные страны, не входящие в ОЭСР. Главными драйверами роста потребления будут электроэнергетика (39%) и промышленность (38%).

Казалось бы, учитывая первое место России в запасах газа в мире (21,5% от мировых запасов), перед российскими производителями газа открываются широчайшие перспективы. Но за них еще нужно побороться.

Аналитики ВР полагают, что снижение уровня добычи газа в Европе в районе 2020 г. приведет к удвоению импорта к 2030 г., но осуществиться это может также благодаря американскому сжиженному газу. В условиях политической напряженности между Россией и ЕС последний будет стремиться к диверсификации поставок, поэтому однозначно позитивно оценивать российские перспективы на этом рынке не стоит.

Министерство экономического развития прогнозирует рост экспорта газа из России к 2030 г. на 41% по сравнению с 2011 г. — до 245,4–256,8 млрд. куб. м. Также рост экспорта из РФ прогнозируют и в ВР.

Исходя из прогнозов по росту потребления газа в Китае, Газпром заключил 30-летний контракт на поставку газа в эту страну на сумму 400 млрд долл.²⁴ При этом объем поставок ожидается в районе 38 млрд. куб. м. ежегодно²⁵. Это позволяет сделать один значительный вывод: если прибавить эту цифру к объему экспорта газа в 2013 году (196,4 млрд. куб. м.)²⁶, то получится сумма в 234,4 млрд. куб. м., составляющая 91% от прогноза МЭР на 2030 г. Означает ли это, что Россия

почти исчерпала рынки сбыта? Скорее всего, да, т.к., с одной стороны, существуют инфраструктурные ограничения (разработка месторождений, трубопроводы, газовозы), а с другой стороны, помимо конкуренции в Европе, Россию ожидает жесткая конкуренция и в Азии, где серьезные планы по продаже СПГ имеет Австралия и иные поставщики²⁷.

Таким образом, можно заключить, что и тут потенциал у России близок к исчерпанию.

Логично, что при таких входных данных государство уже должно не только думать об изменении структуры экономики, но и принимать соответствующие решения. Попытки, надо отдать должное, есть. Так, созданы институты развития: Российская венчурная компания, Российская корпорация нанотехнологий, Сколково, разнообразные субъекты поддержки инновационной деятельности, начато федеральное финансирование промышленных кластеров. Однако, несмотря на проблемы в оценке результатов инвестиций в инновации (ввиду отсутствия открытых отчетов инвестирования в венчурные фонды), можно говорить о весьма скромных результатах этой политики.

Данные Росстата позволяют судить, что доля инновационной продукции относительно всего остального, произведенного в РФ, составляет 8%. Это была бы неплохая цифра, но если мы возьмем процент инновационной продукции, произведенной высокотехнологичными отраслями, от общего объема произведенной продукции в РФ, то мы получим результат в 0,55%. Разница кроется в критериях инновационности. Как показывает практика, во многих инструкциях и НПА эти критерии предельно размыты, что позволяет, например, признавать инноваци-

²⁴ <http://www.vz.ru/news/2014/5/21/687754.html>

²⁵ <http://ria.ru/economy/20140523/1008970114.html>

²⁶ http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/gas.htm

²⁷ Интервью Геннадия Тимченко ИТАР-ТАСС // <http://itar-tass.com/opinions/top-officials/1353227?page=6>

Таблица 1. Нехватка квалифицированных кадров на предприятиях

	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Нехватка квалифицированных кадров (в %)	13%	14%	15%	19%	22%		53%	60%	40%	34%	44%	62%

2005 г. Данные за 2001–2005 гг. Ростислав Капелюшников. Производительность труда, реальная заработная плата, удельные издержки на рабочую силу // Вестник общественного мнения. 2007. № 1. С. 8–20

2007 г. Данные 2007–2008. ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 1237.

2009 г. Данные ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 1500. Исследование Grant Thornton IBR 2009 указывает цифру 32%.

2010 г. Grant Thornton IBR 2010.

2011 г. Grant Thornton IBR 2011.

2012 г. Данные ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 1503. Опрос, проведенный по заказу Российского союза промышленников и предпринимателей в августе–сентябре 2009 г. Опрошено 1200 предпринимателей (крупные, средние, малые предприятия), представляющих 3 макроотрасли (промышленность и строительство; транспорт и связь; обслуживание и торговля) в 40 субъектах России. Оценивает перспективу нехватки специалистов через 2–3 года, по мнению предпринимателей.

Рис. 1. Нехватка квалифицированных кадров на предприятиях, %

онными автобусы, использующие топливо Евро-4²⁸. Важнейшей проблемой на пути инноваций в РФ является недостаточность спроса. Например, по этой причине в августе 2014 г. Роснано остановило завод «Лиотех» по производству литий-ионных батарей²⁹. Госу-

²⁸ Перечень приоритетных продуктов и технологий, используемых в отраслях городского хозяйства, утвержденный приказом Департамента науки, промышленной политики и предпринимательства города Москвы от 25.04.2013 № П-18-12-101/3.

²⁹ <http://www.vedomosti.ru/companies/news/31833691/rosnano-ostanovila-zavod>

дарственных программ, формирующих такой спрос, кроме как в сфере ВПК, я не встречал.

Но в России есть также и еще одна проблема, способная перечеркнуть любые начинания, — проблема сокращения потенциала.

Согласно среднему варианту демографического прогноза³⁰, к 2030 г. в РФ будет проживать 141,916 млн. чел.³¹, из которых 77,5 млн. будут в трудоспособном возрасте (54,6%), а 40,5 млн. в пенсионном (28,6%). По сравнению с

³⁰ Росстат.

³¹ Без Республики Крым и г. Севастополя.

2013 г. доля трудоспособного населения снизится на 6%, а доля пенсионеров на эти же 6% возрастет. Некоторые зарубежные исследования дают еще более пессимистичный прогноз — сокращение трудоспособного населения на 15%³². Таким образом, возрастают социальная и бюджетная нагрузки. Неизбежной реакцией на это должно стать повышение производительности труда, которое неоднократно предсказывалось в прогнозах выше. Но производительность труда не может расти сама по себе без повышения квалификации и закупок нового оборудования. Как с этим обстоит дело в России?

Оказывается, что российские предприятия испытывают острый недостаток в квалифицированных кадрах (табл. 1, рис. 1). Проблема касается всех отраслей, и речь здесь идет не только о квалифицированных рабочих. Согласно данным Росстата на 2010 г., на предприятиях всех форм собственности есть потребность в привлечении 30,1% руководителей и специалистов высшего уровня квалификации.

Будут ли эти квалифицированные специалисты к 2030 г., способствует ли этому реформа образования? Несмо-

тря на некоторые позитивные сдвиги в системе образования, отвечать на этот вопрос еще преждевременно. Но представленные выше тренды вызывают глубокий скепсис в данном вопросе.

Вместо заключения

Так какой же будет Россия в 2030 году? Вероятно, не сильно отличающейся от образца 2014 года. Много, как и сегодня, будет зависеть от цены на нефть. Если она будет соответствовать среднему прогнозу, то Россия, вероятно, сможет справиться с последствиями увеличения численности людей пенсионного возраста, хотя существуют и пессимистические воззрения на этот счет. Если она будет ниже — то страну ждут сокращения бюджетных трат, а если выше — то пополнение резервных фондов. То есть Россия останется страной, занимающейся переводом нефтегазовых денег в учреждения, пенсии, зарплаты и государственные закупки. Я убежден, что президентские выборы 2018 года принесут нам еще много популистских мер, которые еще дальше отдалят страну от модернизации.

Так чем же будет отличаться Россия–2030 от России–2014? Ответ тут, увы, один: наличием времени. У России 2030 года оно еще будет, но его будет мало. Россия–2050 сегодня — это terra incognita, которая точно не будет такой, как сейчас, но с каждым потраченным годом надежды на то, что она будет лучше, все меньше...

³² Штефан Зиверт, Сергей Захаров, Райнер Клингхольц. Исчезающая мировая держава: демографическое будущее России и других бывших союзных государств http://www.berlin-institut.org/fileadmin/user_upload/Russland/Russland_rus_online.pdf; The world in 2050. Quantifying the shift in the global economy // HSBC Global research.

Сергей Корнев

РЕГИОНАЛИЗМ В НАЦИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

1. Мотивация к регионализму

Обсуждение регионализма в журнале, посвященном вопросам национализма, уместно посвятить сочетаемости двух этих доктрин. Как правило, регионалисты стараются избежать восприятия своей программы как чего-то «подрывного», угрожающего единству национального государства. Они стараются объяснить, что речь идет не о «сепарации», а о федерализме или унитарной децентрализации (как в Испании). Стремятся доказать, что регионализм ведет не к ослаблению, а наоборот, к усилению нации, о чем говорят такие очевидные примеры, как США и ФРГ. Могууществу и целостности Америки не мешает даже такой «нонсенс» (с российской точки зрения), как собственная национальная гвардия в каждом штате. И обратно, самым могущественным государством планеты «вдруг оказался» не унитарный монстр, наподобие Третьего рейха, а образцово-показательная регионалистская держава. Причем эта страна являлась идеалом регионалистов с самого момента своего рождения, и регионализм не помешал ей стать господином всего мира. Америка сохранила приверженность этой доктрине даже после кровопролитной гражданской войны, которая, казалось бы, давала удобный повод федеральным властям ликвидировать самостоятельность регионов.

Российские регионалисты, особенно с началом восстания на Украине, по необходимости зациклились на самооправданиях, на проведении раз-

граничительных черт с «сепаратизмом» и протонационализмом (региональной этнократией). В качестве примера можно привести недавние тексты российского регионалиста №1 Вадима Штепы: «Границы между терминами: регионализм, федерализм, сепаратизм»; «Плоды регионализма и черви этнократии». Названия говорят сами за себя. Необходимость в такого рода оправданиях порождена коренной ошибкой, которую регионалистам пришлось совершить в силу терминологической необходимости. Эта ошибка — молчаливое согласие считать свою программу некой «особой идеологией», наряду с другими идеологиями, другими «-измами».

На самом деле «регионализм» — это естественное состояние оседлого человеческого существа, которое от природы (если над его сознанием не совершено насилие) склонно ценить то место, на котором оно живет, беречь его, заботиться о нем, улучшать его, «болеть» за него, совокупно со своими соседями, которые также обитают в этом месте. Не требуется долго изучать какую-то идеологию, чтобы понять: нельзя гадить там, где ешь и где играют твои дети. И нельзя позволять там гадить другим. Эта естественная установка и есть, в сущности, коренной импульс регионализма, из которого произрастает все остальное. И наоборот, если некие «уполномоченные властью люди» пишут в вашем лифте и гадят в песочницу ваших детей, а вы при этом аплодируете им и заходите в патриотическом экстазе, то та-

кое извращенное поведение действительно не может обойтись без идеологии и промывки мозгов. В сущности, все нападки «антирегионалистов» на «регионализм» сводятся именно к этому: к борьбе носителей большого, извращенного сознания с носителями естественной человеческой нормы. Наиболее показательным образом это происходит сегодня на Донбассе, где зомбированные нацизмом жители Западной и Центральной Украины, сами не понимая, зачем им это нужно, превращают в руины прекраснейший регион славянского мира, при этом погибая сами и оставляя сиротами своих детей, а собственные регионы бросая без защиты перед бандой олигархов, захвативших власть в Киеве.

Регионализм — это не идеология, противостоящая другим идеологиям как нечто равнозначное, а «корректирующее приложение» к любой разумной идеологии и политической доктрине, позволяющее напомнить об одном из важнейших прав, укорененных в самой природе человека. Это право на «локальную утопию»: право любого человеческого сообщества контролировать свою среду обитания, дополняемое правом каждого человека выбирать тот локальный социум («полис»), который ему по душе. Объединившись, мы имеем полное право «форматировать» под свои запросы свою жизненную среду, устанавливать собственные порядки в своем городе. Если этой свободы нет, то все остальные теряют смысл. Но даже в самых свободных странах эта свобода, как правило, серьезно ограничена, и мера вмешательства государства в жизнь самоорганизующихся локальных сообществ заведомо превышает объективную целесообразность.

Соглашаясь видеть в своих устремлениях всего лишь очередную «идеологию», регионалисты оказываются в такой же проигрышной ситуации, как носители сексуальной нормы, когда соглашаются считать свое поведение

всего лишь «гетеросексуальной ориентацией», — одной из многих, наряду с другими «ориентациями». Носители других «ориентаций» им после этого закономерно задают вопрос: «А на каком основании ваша ориентация имеет больше прав, чем другие ориентации? Почему вы против братского уравнивания всех ориентаций в правах?» Так же и здесь: стоит произнести слово «регионализм», как набегает жертвы карательной психиатрии и начинают выдвигать нормальным людям претензии, на каком основании они остаются нормальными, а не погружаются в то или иное политическое извращение.

Правильно говорить не об «идеологии регионализма», а о «мотивации к регионализму», присущей всякому нормальному человеку, и о «ситуации регионализма», когда эта мотивация получает возможность реализоваться на практике. Краткую формулировку регионалистской мотивации я обычно и выдаю за «определение» регионализма (хотя это не совсем корректно):

Регионализм — это борьба жителей региона за улучшение своей жизненной среды во всех ее аспектах: экономическом, социальном, культурном, экологическом. Мотивация регионализма крайне проста и очевидна: «Я живу здесь, в этом городе, и хочу сделать его удобным для жизни. Это — наш город, и если мы сами не сделаем его лучше, то никто этого не сделает за нас».

Еще раз повторим: желание сделать свое местообитание лучше, желание гордиться местом, где ты живешь, — это естественная установка подавляющего большинства людей, включая и тех, кто склонен к периодической смене места жительства (но в социализированном формате, а не в форме бомжевания). И наоборот, борьба с этой мотивацией настолько противоестественна, что даже противники регионализма редко «идут в лобовую атаку» на нее, а чаще стараются оставить ее за скобками и перевести свою критику

ку на менее очевидные следствия этой установки. Мало кто из политиков способен сказать людям прямо в лицо: «Сегодня ваш Детройт — индустриальная гордость Америки, а завтра мы превратим его в разваливающийся город-призрак, а кому не нравится — продавайте за копейки свои дома, садитесь на автомобили и разъезжайтесь на все четыре стороны». Обычно такие вещи делают с регионами явочным порядком, оправдывая каждый шаг благовидными устремлениями и всячески затушевывая конфликт этих устремлений с естественной регионалистской установкой. При этом саму эту установку стараются ослабить, «забывая» ее мотивациями «высшего» порядка, а на самом деле превращая людей в «умственных бомжей», которым безразлична земля, где они живут, и которые не будут тратить время и силы на ее защиту.

Регионалистская мотивация не может проявить себя в полной мере, если в регионе не сформирована «ситуация регионализма». Последняя складывается из трех элементов:

1. Гражданское большинство региона имеет законные инструменты влияния на принятие решений и на назначение начальственных лиц. Эти инструменты — не только возможности, открытые в законодательстве региона, но и сеть организаций и ассоциаций региональных активистов, сеть свободных региональных СМИ.

2. В регионе существует круг известных и влиятельных лиц, которых с полным правом можно назвать «региональной элитой». Это не хищники, которые грабят регион, отправляя «добычу» в другие места, и не карьеристы, которые видят в региональных структурах власти лишь трамплин для запрыгивания на федеральный уровень. Это люди, которые всерьез и надолго связали свою судьбу с данным регионом.

3. Существует открытый и честный канал коммуникации между регио-

нальной элитой и гражданским большинством региона. Элита имеет привычку открыто и всерьез обсуждать проблемы региона с гражданами, а не пытается решать их келейно, в ущерб большинству, отвлекая его внимание различными «фейерверками для зомби» (т.е. раздутыми псевдопроблемами, вбрасываемыми в СМИ).

Когда все это в наличии, «регионализм» в регионе будет обеспечен автоматически. Если хотя бы одно из этих условий отсутствует, то будут возникать проблемы, в том числе и с жизнеспособностью двух оставшихся условий. В конечном итоге система власти в таком регионе сведется к келейному господству нескольких полуфеодалных кланов, грабящих регион и подавляющих в нем все живое. Они, защищая свои позиции, будут заинтересованы в том, чтобы максимально отбить у населения естественную регионалистскую мотивацию, а весь «регионализм» свести к щеголянию парадным туристическим брендом. Нетрудно заметить, что такое положение дел, обычное для современных регионов России, абсолютно несовместимо с национализмом в его демократическом варианте. И обратно, описанная выше «ситуация регионализма» — это необходимый «нижний», региональный «этаж» национальной демократии, без которого она невозможна в большой стране.

2. Регионализм и восстание

И все же без оправданий регионалистам не обойтись, коль скоро у нас перед глазами имеется прецедент восстания на Украине. Поверхностный наблюдатель легко может сделать вывод о том, что регионализм — это некий «опасный джинн», «игры» с которым неизбежно заканчиваются сепаратистскими выступлениями. С момента образования ДНР и ЛНР разговор о регионализме в России неизбежно начинается с объяснения того, насколько уникальна ситуация на Украи-

не и насколько неверно относить происходящие там эксцессы по адресу регионализма или борьбы с регионализмом. *Истина состоит в том, что ни одно вооруженное восстание нигде в мире не было порождено сугубо регионалистскими мотивами. Но большинство таких восстаний можно было предотвратить, применяя инструментарий регионализма.*

Объяснение логично начинать с указания на очевидный факт: Украина на момент своей национальной катастрофы отнюдь не была образчиком регионализма, ни в юридическом, ни в практическом смысле этого слова. Политическая сепарация украинских регионов, наметившаяся с самого начала суверенной государственности, проходила в рамках строго унитарной централизованной политической системы. Борьба между региональными властными кланами велась не за увеличение автономии «своих» регионов, а наоборот, за контроль над страной как целым и за возможность навязать свои условия «чужим» регионам. Взаимная неприязнь между жителями разных регионов нагнеталась сверху, через контролируемые олигархами СМИ. Граждане Запада и Востока Украины по сути так и не получили шанса разрешить межрегиональные противоречия в ходе прямого диалога друг с другом — за них все решили властные кланы, борющиеся за киевский трон. Именно это обеспечило неуклонный рост взаимной враждебности, от выборов к выборам, и перерастание политического противостояния в полномасштабную гражданскую войну. Украину можно назвать примером страны, которая взорвалась из-за игнорирования и подавления регионализма, из-за того, что регионалистские инструменты решения проблем были отняты у граждан и у конструктивной части элит, но ни в коем случае — примером страны, которую «погубил расцвет регионализма».

Второй очевидный факт, который не

могут игнорировать даже люди, настоятельно относящиеся к регионализму, — та роль, которую сыграла в истории Украины сила, по своей программе наиболее близкая к регионализму, — украинская Партия регионов. Теперь уже очевидно, что эта партия осторожных конформистов проводила политику, которая могла бы сохранить единство Украины мирными средствами и обеспечить ползучую украинизацию Юго-Востока в течение ближайших двух десятилетий. Уступки украинских «регионалов» этнокультурной специфике Юго-Востока были тем минимумом, который помогал избежать перерастания конфликта в открытую фазу. Вместо прямого насилия и провоцирования ответной реакции они применили к полурусским регионам страны безопасный и надежный метод «лягушки, которую постепенно варят в молоке». Это прекрасно иллюстрирует карта прогрессирующей украинизации школ (доступная в Интернете), которая продолжалась и при Януковиче. В этом смысле украинские системные регионалисты были гораздо более мудрыми и реалистичными украинскими националистами, чем те силы, которые свергли их во имя «еще большего национализма» и привели страну к катастрофе. И даже в ходе уже начавшейся катастрофы роль «регионалов» была в целом проукраинской: они, как могли, саботировали «Русскую весну», вставляли палки в колеса восстанию на Донбассе. Конечно, с русской национальной точки зрения мы оцениваем это как предательство. Но если мысленно перенести эту ситуацию в Россию, поменять украинский национализм на русский, а Новороссию — на национальные окраины РФ, то все выглядит несколько иначе.

По-настоящему серьезный упрек, который могли бы выдвинуть *мудрые* украинские националисты — украинской Партии регионов, состоит в том, что последние оказались *недостаточно* регионалистами, *слишком от-*

кровенно предали регионализм в пользу унитарного национализма и тем самым погубили свою страну. Если бы Янукович и «регионалы» в момент своего максимального влияния решились продавить реформы в пользу федерализации, то страна могла бы избежать национальной катастрофы, сохранить мир и единство. Второй серьезный упрек украинским «регионалам» — то, что они слишком быстро сдали Киев той разбойничьей шайке, которая привела Украину к катастрофе. У них было достаточно ресурсов для сопротивления и для продолжения своей программы «мягкой украинизации». Однако изначальная специализация Партии регионов на предательстве Юго-Востока и самой идеи регионализма сделала их предателями и по самой своей сути, лишив «хребта», необходимого для сопротивления. Это еще один аргумент в пользу того, что полноценный регионалист будет в то же самое время и полноценным националистом, а предательство и конформизм в первом аспекте сделают политического деятеля ничемным рохлей и во втором аспекте. В конечном счете Янукович погубил Украину именно потому, что оказался не тем, кого в нем хотели видеть граждане Юго-Востока (регионалиста, всерьез представляющего их интересы в рамках единого государства).

На третье «алиби» регионализма (в разбирательстве о причинах восстания на Донбассе) указывает абсолютное доминирование этнокультурной мотивации в этом восстании. Собственно «регионализм» на Юго-Востоке закончил свое сопротивление еще в апреле, когда местные элиты из Партии регионов повсеместно капитулировали перед киевской хунтой и позволили ей подавить первую волну «Русской весны». А вот когда русско-ориентированные жители Юго-Востока ощутили себя угнетаемым национальным меньшинством, которому уготована «перековка» и а-

симилияция, когда они своими глазами увидели одержимых нацистских хунвейбинов, приехавших к ним в регионы, — тогда и началась вторая волна «Русской весны», приведшая к восстанию на Донбассе. Эта волна имела под собой не регионалистскую, а сугубо этнокультурную мотивацию. Впрочем, лидеры этого восстания, пока кровь не полилась рекой, все еще предлагали разрешить этнокультурные противоречия на Украине методами федерализации. И лишь абсолютная герметичность сознания киевских путчистов довела ситуацию до полномасштабной войны.

«Капитулянтское» поведение регионалистов из Партии регионов совершенно естественно: ибо сама мотивация регионализма исключает решения, способные обречь регион на риск войны и разрушения. *Регионализм, в конечном итоге, это учение о том, как комфортно жить, а не о том, как героически умереть.* «Триста стрелковцев» — это из арсенала национализма. Регионалисты (в качестве таковых) *всегда капитулируют* перед угрозой масштабного насилия в своем регионе. Это радикальным образом отличает регионалистскую установку от идеологии национализма, даже если они сосуществуют в одной и той же голове (как часто бывает). Ни один нормальный человек не захочет жертвовать своей жизнью, жизнью своих родных и соседей ради типично регионалистских требований: таких, как выборность местного начальства или более справедливое распределение налоговых поступлений между федеральным и региональным бюджетами. Это все просто не стоит последствий полномасштабной войны. А вот когда затрагиваются национальные чувства, когда человек осознает себя не просто жителем обитаемого региона, но и представителем угнетаемой нации, — тут начинается совсем другая история. Тут и появляется мотивация для восстания, для героизма, для самопожертвования.

Восстание на Донбассе, со всей очевидностью, является не региональным, а национальным. Идущая на Украине гражданская война — по сути межэтническая (или межсубэтническая). Ее первоисточник — не «бурное развитие регионализма на Украине», а наоборот, игнорирование объективной экономической и этнокультурной неоднородности этой страны. Эту войну, тем не менее, можно было предотвратить с помощью регионалистского политического инструментария, дав регионам Юго-Востока должную долю самостоятельности в определении внутренней культурной и экономической политики. Таким образом, люди, указывающие на пример Донбасса как на доказательство «подрывной сущности» регионализма, переваливают проблему с больной головы на здоровую. Регионализм не имеет никакого отношения к причинам украинской гражданской войны. Наоборот: подавление регионализма не позволило разрешить накопившиеся противоречия с помощью регионалистского инструментария.

Все это можно проиллюстрировать и на российском примере. Когда в Российской «Федерации» в 2000-е годы сворачивался реальный федерализм и в отношении регионов «закручивались гайки» (вплоть до отмены губернаторских выборов), ни в одном из преимущественно русских регионов страны это не вызвало серьезной протестной реакции, и никто такой реакции даже не опасался. А вот в этнических автономиях Кремлю приходилось проводить такую политику гораздо более осторожно, сопровождая ее всевозможными уступками и щедро оплачивая всевозможными бонусами. Причина именно в том, что в случае русских регионов речь шла о сугубо регионалистской мотивации, безобидной и ненасильственной по определению, тогда как в этнических автономиях местные элиты могли воспользоваться более взрывоопасными националистическими мотивами. В итоге зарождавшийся

русский регионализм был повсеместно подавлен, без всякого ропота со стороны регионов, что доказало его абсолютную безобидность и безопасность для единства страны. А вот «нацификация» этнических автономий продолжилась полным ходом, и когда-нибудь эта бомба взорвется, поскольку регионалистские инструменты ее «разминирования» в России сегодня «отключены» (точно так же, как и на Украине перед гражданской войной). И тогда уж просьба не предъявлять претензии к регионалистам.

3. Регионализм и национальная внутренняя политика

Типичное обвинение, бросаемое регионалистам сторонниками унитарной модели: поощрение регионализма якобы ведет к доминированию «феодалных баронов», которые внутри региона подавляют свободы и насаждают коррупцию, а вовне его — подрывают единство нации и влекут ее к феодальной раздробленности. В ответ на этот упрек достаточно задать встречный вопрос: вы всерьез полагаете, что 10 лет подавления регионализма в РФ привели к снижению коррупции и к уменьшению влияния региональных кланов? Напротив, граждане регионов лишились последней возможности внушить хоть какую-то острастку обнаглевшим чиновникам и стоящим над ними кланам. Региональная пресса, за исключением крупнейших городов, повсеместно подавлена и превращена в рептилийные органы местных властей и федеральных партий. Попытки расследования коррупционных историй для региональных журналистов обычно заканчиваются так, как это показывают в сериалах про сицилийскую мафию. И центральная власть все это покрывает, потому что обделывать дела со сходно мыслящими региональными баронами, такими же коррупционерами и ненавистниками демократии, для нее удобнее, чем «возиться» с политически активным народом, с гражданским обще-

ством региона (если бы ему дали возникнуть).

На деле с подавлением регионализма в России произошло прямо противоположное тому, чего хотели позитивно мыслящие сторонники унитарной модели. А именно, вместо предполагавшегося союза федерального центра с гражданским обществом регионов, ради совместного обуздания местных «феодалов», федеральный центр вступил в сговор с последними, дав им карт-бланш на подавление остатков гражданских свобод. «Абортирование» регионализма оказалось одним из инструментов подавления национальной демократии, одним из необходимых условий для консервации России в состоянии «бесхозной» Многонационалии, разграбляемой компрадорами.

И наоборот, если кто-нибудь захочет построить в России полноценное национальное государство, то ему придется разбудить гражданское общество в регионах и приучить людей к активному участию в местном и региональном самоуправлении. Регион — это самый крупный масштаб сообщества, которое еще способно реально и непосредственно управляться волей граждан в демократическом формате. Поэтому регион — краеугольный камень демократического правления в обширной стране. В такой стране простое применение демократических процедур легко может превратиться в формальность и фикцию, когда власть «избирает» сама себя. Чтобы разрушить замкнутый круг, нужно усилить вес тех институтов, которые помещают демократию в более локальный и обозримый масштаб, где граждане могут доверять своим глазам и своему личному опыту.

Регионализм должен рассматриваться как необходимый «нижний этаж» национальной демократии. Это борьба за гражданское самоуправление, за максимальный контроль гражданского общества над всем, что

происходит в регионе. Регион и муниципалитет имеют право на прозрачную и подотчетную народу власть, все уровни которой избираются на прямых выборах. Местная власть должна опасаться не «большого начальника» из федерального центра, а регионального общественного мнения. Граждане должны научиться держать под контролем каждый ее шаг, каждую копейку потраченных денег. Каждый муниципальный или региональный чиновник должен чувствовать себя «под колпаком» у местного гражданского общества.

Важно, что такая система предпочтительна не только по идеологическим соображениям («прогресс в демократизации»), но и по соображениям эффективности государственного управления. Иначе прагматичные американцы не стали бы держаться за такой «реликт эпохи колонизации», как высокая доля автономии штатов (буквально — «государств») во внутренней политике и законодательстве. Два важнейших принципа регионализма, такие как избираемость местной власти населением и субсидиарность (решение всех проблем на минимальном уровне власти), отвечают в первую очередь интересам федеральной власти, которая хочет эффективно сосредоточиться на решении общенациональных проблем. В большой стране с разнообразными местными условиями отказ от этих принципов перегружает центральную власть множеством мелких проблем и возлагает на нее прямую ответственность за все ошибки, допущенные на местном уровне. Это мы прекрасно видим в современной России, когда люди вынуждены жаловаться президенту на проблемы с отдельно взятым деревенским сортиром, и центральная власть периодически вынуждена решать такие проблемы в режиме ручного управления. Можно ли винить Путина за то, что он «упустил» Украину и провалил внешнюю политику России, если все эти годы он был вынужден заботиться

о каждом сортире на территории размером с континент? Путина можно винить только в том, что он создал такую систему, когда местные проблемы не могут быть решены людьми самостоятельно на местах.

Ключевым для эффективной государственной власти является регионалистский принцип субсидиарности: все задачи должны решаться на том минимальном уровне власти, на котором их решение возможно, не передаваясь без необходимости на более высокий уровень власти. При этом каждому уровню власти должны быть оставлены достаточные финансовые ресурсы (в виде доли налоговых поступлений, доходов от собственности и т.п.) для решения проблем своего уровня компетенции. Все проблемы, прекрасно решаемые на уровне муниципалитета, должны решаться на уровне муниципалитета. Все проблемы, прекрасно решаемые на уровне региона, должны решаться на уровне региона. Регион на своей территории имеет полную свободу законодательства во всех вопросах, которые не переданы в федеральную юрисдикцию, — в той мере, в какой это не противоречит явно выраженным положениям общенациональной Конституции.

Регионализм для нации тем актуальнее, чем больше ее собственный масштаб. Он в большей мере комплиментарен крупной нации или огромной империи, построенной как федерация, чем малому национальному государству. Не случайно образцовый регионализм мы находим в самой крупной державе Запада (США) и в самом населенном национальном государстве Евросоюза (ФРГ). Россия, по своему масштабу, также нуждается в развитии регионализма. В государстве такого размера легко можно выделить круг задач, существенно превосходящих региональный масштаб. Федеральная власть в таком государстве имеет убедительное оправдание для своего существования и (в норме) может позво-

лить регионам большую степень автономии во внутренних делах. И наоборот, чем меньше масштаб нации, тем менее дружелюбно национальная бюрократия реагирует на регионализм. Если масштаб государства не слишком превосходит масштаб региона, в нем трудно выделить тот круг задач, который не может быть решен регионами самостоятельно, без помощи федерального посредника. Последовательное применение принципа субсидиарности лишает здесь федеральную власть какого-либо смысла. Такое государство вынуждено либо жестко подавлять регионы, забирая у них все полномочия, либо мирно делиться напополам (как произошло с Чехословакией). Неприятие регионализма украинскими и некоторыми русскими националистами объясняется именно тем, что у них в сознании доминирует образец малого национального государства, «внутренняя Эстония», под масштаб которой они хотят подверстать Украину или Россию. Чтобы не допустить в России такой же глупости и разгула насилия, как на Украине, многим русским националистам предстоит еще «убить» в себе «внутренне-го эстонца».

Типичная ошибка в отношении регионализма — воспринимать его как «первую ступень» по направлению к сепаратизму, как «личинку» сепаратизма, который «под этой маской» выжидает более благоприятных для себя времен. Сепаратисты, временно маскирующиеся под регионализм, несомненно, существуют, и способам их распознавания мы посвятим следующую главу этого текста. Но гораздо чаще за обвинениями в адрес сторонников регионального самоуправления скрывается не страх сепаратизма, а страх демократии и недоверие к собственному народу, — то же самое недоверие, которое проявляется и на федеральном уровне. Отнюдь не от избытка любви к народоправию киевская хунта отвергла федерализацию страны и выбрала

путь гражданской войны. Тираны, которые хотят держать народ на положении «мебели» в общенациональном масштабе, естественным образом опасаются давать народу возможность самоуправления и в масштабе отдельного региона. Ибо народ, привыкнув решать свои проблемы самостоятельно в масштабе региона, неизбежно распространит эту привычку и на федеральный уровень. И, пожалуй, действительно захочет «отсепарироваться», всей страной, от кучки компрадоров, навязывающих ему свою волю. Это справедливо и для России. На фоне региональной демократии ущербность и келейность верхнего эшелона власти в РФ слишком бросалась бы в глаза, поэтому регионализм и постарались свернуть. Испуг перед гражданским самоуправлением на региональном уровне — просто выражение страха перед собственным народом как целым. У нормальной федеральной власти, не боящейся собственного национального большинства, региональная демократия не вызывает никаких опасений.

4. Регионализм и национальная идентичность

Опасения националистов нередко вызывает опасность «искажений», которые могут быть вызваны влиянием региональной идентичности на общенациональную. Даже если регион не обладает существенными этнокультурными особенностями, региональная интеллигенция может развивать свою собственную версию национальной культуры и национальной истории. Некоторые деятели могут делать это на украинский манер, расковыривая комплекс жертвы, предаваясь стенаниям о прекрасном прошлом региона и его сказочных перспективах, которые были загублены присоединением к Москве. Кто может поручиться, что со временем это не приведет к формированию очередной «украинской» псевдонации, со всеми вытекающими последствиями?

Отвергать очевидное невозможно: действительно, существуют такие версии развития регионального самосознания, которые прокладывают дорогу к расщеплению общенациональной идентичности и к выделению на базе региона новой отдельной нации. Отнюдь не любая деятельность по развитию региональной идентичности протекает в русле регионализма (особенно если эта идентичность развивается в направлении этнизации). Национальное государство должно подходить к таким явлениям с разбором и в одном случае — «бить по рукам», а в другом — поддерживать и поощрять. При этом важно понимать, что немалым стимулом к развитию региональных идентичностей в протонациональные является подавление нормального регионализма и попадание региона в разряд «обиженных и оскорбленных». Типичный пример здесь — Украина, на свою голову вызвавшая призрак давно почившей Новороссии.

Если же вспомнить историю формирования самой украинской нации, то мы поймем, что перерастание региональных идентичностей в национальные невозможно без активных усилий государства. Сами по себе такого рода «эльфийские игры» слишком обременительны для их участников и малопривлекательны для потенциальных неофитов. Даже активной помощи из-за рубежа здесь недостаточно (в отличие от обычных национально-сепаратистских движений). Если бы не несколько волн принудительной украинизации советского и постсоветского времени, украинская нация сегодня существовала бы в миниатюрном и безобидном канареечном формате. Повторение украинской истории в одном из русских регионов России возможно только при условии, что государство РФ во имя этой цели само мобилизует аппарат принуждения. Что касается этнических автономий, то здесь развитие региональной идентичности, в пик этнокультурной, не только не

вредит единству страны, а напротив, способно стать противоядием против окончательной «нацификации» автономии и неизбежного впоследствии сепаратизма.

Лучшей вакциной против подрывной деятельности региональных «украинизаторов» является поддержка национальным государством правильных региональных идентичностей, позитивно ориентированных в отношении общенационального контекста. Для этого наши национальные деятели должны понимать, чем культурный регионализм отличается от сепаратистского «украинизаторства» и какова его позитивная роль в общем деле возрождения нации. Региональная «украинизация» — это политизированное противопоставление своей культуры — общенациональной культуре, с целью доказать их тотальную «инаковость» и «несовместимость». «Украинизация» региона неизбежно означает культурную деградацию, поскольку вынуждает относиться к общенациональному культурному наследию как к «чужому» и подменять его наскоро состряпанными суррогатами. Регионализм, напротив, утверждает региональную культуру не как альтернативу общенациональной, а как самостоятельную версию ее развития, при этом сохраняя все права на общенациональное наследие. Регионализм стремится расширить «культурную карту» нации, добавить к ней новые вершины. Регионалисты выступают за полицентричность национальной культуры как целого и за свободный доступ этих разных центров к процессу глобального межкультурного обмена, а не за разделение культурного пространства на отдельные изолированные «украины».

Для самосознания региона важно не только культивировать своеобразие, но и «экспортировать» его вовне, транслируя для внешнего наблюдателя яркий и узнаваемый региональный имидж-бренд. Это облегчает такие за-

дачи, как привлечение инвестиций и повышение качества миграции. Региону с хорошим, ярким или «уютным» имиджем проще привлечь к себе ценных специалистов из других регионов и со всего мира. При этом следует разрушить привычную для России иерархическую соподчиненность, когда право «глобального культурного представительства» нации монополизировано столицами. Нужно стимулировать попытки регионов в культурном и имиджевом отношении «выйти в большой мир» напрямую, обрести узнаваемое лицо в глобальном масштабе.

Высшая правда культурного регионализма состоит в том, что каждому человеку хочется жить в особенном и уникальном месте, существующем не только на географической карте, но и в смысловом, и в имиджевом пространстве. Уникальность региона усиливает привязанность граждан к своей малой родине, способствует равнодушному отношению к муниципальным и региональным делам. Даже те, кто уехал из такого региона, сохраняют привязанность к нему и формируют о нем благоприятное мнение на новой родине. Ощущение принадлежности к уникальному региону необходимо для нормальной самооценки человека, что неизбежно переносится и на его самосознание в качестве члена своей нации.

Удивительно, что многие националисты не понимают этот очевидный факт: культурная и имиджевая униженность русских регионов перед лицом многонациональной «красавицы Москвы» есть одна из форм угнетения русского народа и подавления его воли. Вы хотите добиться национального подъема, избавить русских от привитых им комплексов, от ощущения своей второсортности? А как вы это сделаете, если большинство нации у вас закомплексовано убогой провинциальностью своего местопребывания? Если большинство нации выросло в регионах, которые сами себя считают «второсортной периферией»,

то и нация в большинстве своем будет считать себя сборищем второсортных людей, которые должны во всем уступать представителям других, «первосортных» наций, считать их выше себя. Современная русская приниженность и закомплексованность на 50% имеет причиной навязанную безликость, «второсортность» и культурную незначительность русских регионов.

Культурный регионализм, превращающий каждый регион в уникальное место, в предмет гордости своих жителей, так же важен для поднятия жизненного тонуса нации, как региональное самоуправление необходимо для становления национальной демократии. Цель культурного регионализма — избавить регионы от «провинциальной закомплексованности», обратной стороной которой является специфическая «провинциальная спесь», от которой один шаг до «свидомого украинства».

5. Регионализм и национальная экономика

Экономическая политика — один из существенных источников потенциальных противоречий между интересами региона и нации. *Регионализм в сфере экономики — это борьба жителей региона за повышение своего статуса в национальном и глобальном разделении труда, за наиболее перспективные и престижные экономические ниши.* Люди хотят, чтобы в их регионе не было вредных производств; чтобы развивалась современная «чистая» индустрия, хайтек, экологическое земледелие; чтобы человек мог воплотить свою мечту стать инженером, ученым, артистом, режиссером, не уезжая из родного края. Между тем, с точки зрения интересов нации как единого экономического организма, региону может быть уготовано такое место в разделении труда, которое его жители считают неприемлемым.

Регион в такой ситуации прав даже с общенациональной точки зрения. Если

регион должен пойти на жертвы ради страны в целом, то есть ради других регионов, то эти жертвы должны быть компенсированы бонусами, оплачиваемыми за счет других регионов. Это не только справедливо, но и рационально, поскольку вынуждает общенациональное руководство к таким стратегиям развития, которые исключают систематическое деление регионов страны на «первосортные» и «отстойные» и тем самым снижают риск развития в будущем неустранимых межрегиональных противоречий. Кроме того, снижается риск, что национальное правительство выберет ущербную стратегию развития для страны в целом: размещение на своей территории вредных производств и международных свалок, поощрение отраслей и компаний, которые завозят огромные массы низкоквалифицированных мигрантов, и т.д. и т.п. Многие проблемы, которыми озабочены сегодня национально мыслящие люди (включая миграцию), вполне могли быть решены на региональном уровне (будь у регионов соответствующие полномочия).

На первый взгляд, последовательное проведение принципов регионализма в сфере экономики и финансов затрудняет стране концентрацию средств на стратегических общенациональных проектах. В ходе реализации каждого такого проекта придется всерьез учитывать интересы всех заинтересованных регионов, придется убеждать в выгодах проекта региональные власти и общественность. Однако опыт реализации множества крупных международных проектов показывает, что непреодолимых трудностей здесь нет. То же самое показывает опыт ФРГ и в особенности США, на счету которых — множество самых затратных национальных проектов, которым никак не помешал американский регионализм. Не становится невозможной в рамках регионализма и поддержка отстающих, бедных регионов. Просто она должна оформляться не как

«милостыня» или «дань», а как коммерческие инвестиции и кредиты со стороны более развитых регионов, или же путем строительства на территории бедных регионов совместно финансируемых объектов общенациональной инфраструктуры.

Регионализм в экономике не нужно путать с изоляционизмом и автаркией. По-настоящему процветающим может быть только регион, участвующий в национальном и международном разделении труда и занимающий в нем достойную нишу. В принципе, может наблюдаться конфликт между международной специализацией региона и той нишей, которая предлагается ему в рамках национального разделения труда. Если международная специализация региона является для него более прибыльной и престижной, чем национальная, то этот конфликт, скорее всего, свидетельствует о недостаточной компетентности национальных планировщиков.

Регион, который всерьез относится к своей экономике, в этой сфере будет вести себя как маленькое государство. Учитывая возможные кризисы и сбои глобальной экономической системы, регион, как минимум, будет предпринимать усилия по достижению продовольственной и энергетической безопасности. Сочетание борьбы за глобальный (национальный) рынок с курсом на самодостаточность в отраслях, ключевых для выживания, позволяет региону эффективно использовать свои трудовые ресурсы. С одной стороны, регион концентрирует свои лучшие кадры и наиболее ценные ресурсы на развитии конкурентоспособной международной (национальной) специализации. С другой стороны, остальное население региона получает работу в отраслях, обеспечивающих самодостаточность региона и обслуживающих местные потребности (АПК, энергетика, строительство и др.)

В сфере своей международной (национальной) специализации регион будет стремиться к максимальной кон-

центрации ресурсов и капиталов, к кооперации с другими регионами, если это увеличивает шансы в конкурентной борьбе. Напротив, в сфере жизнеобеспечения он будет стремиться к децентрализации, поскольку это уменьшает уязвимость региона в случае технологических сбоев. Множество малых фермерских хозяйств, экопоселений, приусадебных участков — это лучше, чем единое специализированное агропредприятие (если регион не имеет аграрной специализации). Множество ветряков, гидрогенераторов, мини-АЭС — это лучше, чем единая крупная ГЭС или АЭС (если специализацией региона не является производство энергии). При этом в сфере жизнеобеспечения регион будет стремиться к тому, чтобы контроль над собственностью принадлежал резидентам региона или региональному правительству.

Такая предусмотрительность регионалистов может доставить много головной боли капитанам национальной экономики, но она же сделает страну более устойчивой в условиях мирового экономического кризиса, природных и техногенных катастроф, а также вынужденной автаркии в связи с международными санкциями или войной. Регионализм в сфере экономики — это дополнительная страховка, дополнительный буфер, позволяющий национальному правительству с большей уверенностью и свободой распоряжаться теми ресурсами, которые выделены ему регионами. А также — дополнительный контрольный орган, заставляющий национальные власти лучше считать, меньше воровать и с большим вниманием относиться к интересам и особенностям разных регионов своей страны.

6. Регионализм в условиях национальной катастрофы

На первый взгляд, регионализм, «еще терпимый» в мирное и спокойное время, абсолютно противопоказан для

страны в ситуации тяжелых испытаний. Когда для выживания нации требуется мобилизации всех сил и ресурсов, как, например, в условиях войны 1941–1945 гг., «тут уже не до регионализма». А поскольку Россия периодически сталкивается с радикальными вызовами самому своему существованию, то для нашей «уникальной» страны регионализм якобы является недопустимой роскошью.

Люди, ратующие за «Монолитную Державу» в духе Сталина, мыслят устаревшими категориями, когда к врагу был обращен исключительно «фронт», «пограничный периметр», который содержался за счет эксплуатации «тыла». В современном мире проницаемых границ и глобального рынка «фронтом» становится весь «тыл», вся «внутренность» страны. Настоящие войны ведутся уже не на полях сражений. Вся военная мощь советской империи не помогла ей справиться с экономическим и информационным давлением Запада. Экономическая и культурная политика регионализма как раз и позволяет придать национальной «внутренности» структуру, скелет, чтобы она не оставалась аморфным «мясом». Разрешение взаимных противоречий между разными регионами, между регионами и центром позволяет устранить множество проблем и «крючков», за которые могли бы ухватиться внешние силы.

Даже в случае прямой военной агрессии регионалистское государство лучше способно держать смертельный удар, чем унитарное. Последнее можно сравнить с медведем, первое — с пчелиным роем. Если разрубить топором унитарного медведя, то это будут просто куски мяса, — сами себя они «сшить обратно» не смогут, ибо не привыкли действовать самостоятельно, не имеют к тому нужных навыков и институций. Если же «разрубить» топором пчелиный рой, то пчелы потом снова соберутся вместе. Отличие самоуправляемых регионов от «кусков

мяса» унитарной страны состоит в том, что у них на момент распада страны уже есть собственная воля и собственные «лапки» с «крыльшками». Они дееспособны и могут стремиться к общей цели даже по отдельности. Тогда как унитарные «куски мяса» с потерей центрального управления превращаются в инертную пищу, а их жители — в дезориентированную толпу, не способную повлиять на события.

Регионализм — это не просто альтернатива сепаратизму, но и прививка от сепаратизма на случай неблагоприятного развития событий. В регионе, живущем в условиях самоуправления, возникает меньше поводов для агитации в пользу сепаратизма и микронационализма. Предположим, что внешние силы захватили и разделили на части страну, где граждане и элиты привыкли к большой степени регионального самоуправления. Оккупанты здесь не смогут выступить «освободителями», не смогут предложить ничего принципиально нового региону, который в общенациональном государстве чувствовал себя достаточно свободно, пользуясь при этом всеми бонусами пребывания в составе большой страны. Граждане, привычные к самоуправлению и к контролю за региональными властями, не пойдут на поводу у предателей-сепаратистов, если таковые найдутся среди элиты. Последним придется отменить в регионе демократию и начать террор, опираясь на штыки оккупантов, что сделает сепаратистский «нацбилдинг» непопулярным и непрочным. При изменении внешнеполитической конъюнктуры граждане самоуправляемых регионов, привыкшие сознавать свои реальные интересы, тут же воспользуются ситуацией и возродят единство страны.

Навыки регионализма могут сослужить полезную службу также в ситуации, когда национальная элита, погрязшая в капитулянтстве, ведет страну к неминуемому краху. Классический пример здесь — поведение

регионалистов карфагенского города Утика в начале Третьей Пунической войны, в ходе которой Рим цинично добил своего ослабевшего геополитического противника. Когда стало ясно, что столичная элита Карфагена полностью провалила подготовку к войне, готова дойти в своем капитулянтстве до крайних пределов и надеется только на римскую «порядочность», Утика — город № 2 (а за ней и многие другие пунические города) не стала дожидаться неизбежного уничтожения и перешла на сторону римлян. И хотя сам Карфаген был стерт с лица земли, благодаря Утике пуническая нация выжила, пусть и в подчиненном положении, сохранила свои обычаи и культуру, а со временем смогла осуществить и своеобразный реванш. Через три с половиной века к власти в Риме пришла династия Северов, имевшая корни в этом регионе. Ганнибал, некогда «Гитлер» в глазах римлян, был «реабилитирован», ему был построен мавзолей и поставлены статуи. Коренные римские традиции в сфере государственности и религии были постепенно ликвиди-

рованы, от Рима осталось только название, а потомки гордых квиритов на много десятилетий попали под власть деспотизма в ближневосточном стиле — «сбылась мечта Ганнибала».

Все это вполне актуально для России, которая сейчас стоит перед лицом войны на уничтожение. При капитулянтском настрое нынешней верхушки вряд ли можно надеяться на благоприятный исход этой войны. Самое время готовиться к худшему, к тому, что после изрядного кровопролития и разрушения отдельным русским регионам придется долгое время выживать поодиночке, как в эпоху феодальной раздробленности и последующего польско-литовско-ордынского ига. В этих условиях наилучшие шансы на выживание и на роль будущих воссоединителей Русского Мира имеют регионы, которые уже сегодня более всего продвинулись на пути регионализма или хотя бы готовы к такому движению. Если же национальная катастрофа, по счастью, пройдет мимо, прогресс в сфере регионализма все равно пойдет на пользу.

Ярослав Бутаков

Организация пространства

Данная статья посвящена некоторым важнейшим, на мой взгляд, аспектам *качества общественной жизни*. Это:

1. Минимизация стрессовой нагрузки на членов общества.

2. Поднятие материальных стандартов жизни т.н. глубинки, ликвидация (выравнивание по высшему, а не по низшему разряду) различий в качестве жизни между крупными городами и отдалённой сельской периферией.

3. Максимальная эффективность социального общения.

Достижение обозначенных целей, очевидно, требует (помимо других задач, которые не рассматриваются в данной статье, так как их важность вытекает из иных целей):

1) оптимизации расселения народа;

2) деурбанизации мегаполисов;

3) создания условий для стабильного воспроизводства населения малых городов и сельской местности;

4) всестороннего и повсеместного развития транспортной и коммунальной инфраструктуры.

Понятно также, что осуществление данных задач возможно лишь при соответствующих изменениях в социально-экономическом устройстве и политических институтах. Такие изменения затрагиваются здесь лишь частично — в той степени, в какой это непосредственно вытекает из темы настоящей статьи. Сама проблематика будущей экономической и политической модели слишком обширна и серьёзна, чтобы подробно прорабатывать её в статье, посвящённой лишь одной сфере возможного преобразования России.

Те аспекты улучшения качества общественной жизни, которые здесь

рассматриваются, органично объединяются в тему, название которой послужило заглавием для статьи. Их важность определяется совершенно очевидными эмпирическими наблюдениями:

1. Аномалии в расселении народа по *благоприятной для жизни части территории* Российской Федерации.

2. Недоиспользование хозяйственного потенциала и обезлюдение многих регионов РФ.

3. Демографическая и хозяйственная (как следствие — социально-стрессовая, экологическая и др.) перегрузка некоторых анклавов территории РФ (главным образом агломераций мегаполисов).

4. Резкие диспропорции в уровне и качестве жизни (как следствие — различия ценностно-мировоззренческих установок и менталитета населения) между различными регионами РФ, создающие межрегиональную социальную напряжённость и препятствующие складыванию чувства гражданской (национальной) общности.

Предлагаемая в данной статье стратегия не претендует на ранг неотъемлемой составляющей преобразования России. Однако видится почти несомненным, что без оптимальной организации пространства преобразование России будет ущербным, незавершённым. Другое дело, что стратегии такой организации могут быть различными. И предлагаемая статья — всего лишь один из возможных её способов, у которого могут (и должны) быть альтернативы. Наличие выбора и общественной дискуссии вокруг него — неотъемлемое условие развития общества. Надеюсь, что смогу по-

ложить начало широкому обсуждению проблемы, обозначенной в заглавии.

А начать, вероятно, лучше всего с иллюстрации ненормального распределения народонаселения по территории Российской Федерации, которое сложилось на сегодня. Это распределение, как мы увидим, не отвечает задачам ни экономического развития страны, ни обеспечения её национальной безопасности, ни достойного качества жизни её граждан.

Прошу читателей отнестись с пониманием и должным вниманием к обилию таблиц¹ в настоящей статье. Поскольку журнал адресован интеллектуальной, научно мыслящей аудитории, то упаковка обильной и однородной информации в сравнительные таблицы является, по моему мнению, более эффективным приёмом, чем изложение той же самой информации в тексте.

1. Депопуляция и лжеурбанизация

Один из парадоксов, которые особенно сильно поражают жителя или гостя любого российского мегаполиса, — возрастание скученности населения на общем статистическом фоне депопуляции или демографической стагнации страны в целом. Из статистики мы знаем также, что в некоторых регионах Российской Федерации происходит обезлюдение в буквальном смысле этого слова. И слабо наметившиеся в последние годы позитивные («в среднем по больнице», что называется) изменения не переломили отдельных региональных тенденций к депопуляции. Более того, местами этот негативный процесс даже ускорился.

Нижеследующая **таблица 1** даёт представление о *темпах депопуляции* в большинстве регионов Российской Федерации за период 1990–2013 гг.

¹ Все таблицы составлены автором статьи на основании открытых данных, представленных на сайте Росстата <http://www.gks.ru/>

Беглого взгляда на таблицу достаточно, чтобы сделать следующие выводы:

1. В период 1990–2013 гг. уменьшение численности населения испытало подавляющее большинство регионов Российской Федерации. Проще перечислить те субъекты РФ (они не включены в таблицу), в которых количество жителей увеличилось! Это всего лишь: обе федеральные столицы с их регионами, Краснодарский край, все регионы Северо-Кавказского ФО, Республики Татарстан, Башкортостан, Алтай, Тыва, Тюменская область с обоими автономными округами, Астраханская и Белгородская области.

2. Несмотря на то что с 2008 по 2013 год общая численность населения РФ возросла на 0,7%, в огромном большинстве регионов продолжался демографический спад, хотя его темпы почти повсеместно несколько снизились. Из регионов, испытавших демографический спад в 1990–2008 гг., положительная динамика за последние пять лет наметилась только в Свердловской, Челябинской, Новосибирской и Томской областях, Красноярском крае, республиках Бурятия и Хакасия. Для трёх областей и Красноярского края это может быть проявлением характерной для России мегаполисной лжеурбанизации (крупнейшие города этих регионов — миллионники), для Томской области — симптомом гипертрофии экспортно-сырьевой отрасли российской экономики (часть области входит в нефтегазовую «житницу» России).

3. В период 2008–2013 гг., характеризовавшийся небольшим подъёмом численности населения России, в отдельных регионах РФ темпы депопуляции даже возросли по сравнению с предыдущим пятилетием или по крайней мере не уменьшились либо уменьшились незначительно (в пределах статистической ошибки). Это: Владимирская, Волгоградская, Липецкая, Самарская, Смоленская области, ре-

Таблица 1

Территория	1990	2003		2008		2013		1990– 2013
	1	1	2	1	2	1	2	3
Российская Федер. в целом	148 274	144 334	2,7	142 737	1,1	143 667	+0,7	3,1
Центральный ФО	38 155	37 965	0,5	38 263	+0,8	38 820	+1,5	+1,7
Брянская обл.	1 458	1 360	6,7	1 294	4,9	1 243	3,9	14,7
Владимирская обл.	1 655	1 510	8,8	1 458	3,4	1 413	3,1	14,6
Воронежская обл.	2 469	2 368	4,1	2 339	1,2	2 329	0,4	5,7
Ивановская обл.	1 293	1 131	12,5	1 074	5,0	1 043	2,9	19,3
Калужская обл.	1 074	1 032	3,9	1 015	1,6	1 005	1,0	6,4
Костромская обл.	804	723	10,1	678	6,2	656	3,2	18,4
Курская обл.	1 329	1 213	8,7	1 143	5,8	1 119	2,1	15,8
Липецкая обл.	1 234	1 205	2,4	1 182	1,9	1 160	1,9	6,0
Орловская обл.	898	847	5,7	799	5,7	770	3,6	14,3
Рязанская обл.	1 350	1 210	10,4	1 168	3,5	1 141	2,3	15,5
Смоленская обл.	1 158	1 139	1,6	1 001	3,3	968	3,3	16,4
Тамбовская обл.	1 312	1 162	11,4	1 108	4,6	1 069	3,5	18,5
Тверская обл.	1 663	1 448	12,9	1 376	5,0	1 325	3,7	20,3
Тульская обл.	1 849	1 649	10,8	1 576	4,4	1 522	3,4	17,7
Ярославская обл.	1 474	1 347	8,6	1 286	4,5	1 272	1,1	13,7
Север.-Запад. ФО	15 311	13 861	9,4	13 612	1,8	13 801	+1,4	9,9
Респ. Карелия	791	703	11,1	654	7,0	634	3,1	19,8
Респ. Коми	1 240	1 000	19,4	922	7,8	872	5,4	29,7
Архангельская обл.	1 569	1 315	16,2	1 246	5,2	1 192	4,3	24,0
Вологодская обл.	1 354	1 256	7,2	1 214	3,3	1 193	1,7	11,9
Мурманская обл.	1 179	873	26,0	806	7,7	771	4,3	34,6
Новгородская обл.	752	683	9,2	645	5,6	622	3,6	17,3
Псковская обл.	843	747	11,4	690	7,6	657	4,8	22,1
Южный ФО	13 443	13 906	+3,4	13 845	0,4	13 964	+0,9	+3,9
Респ. Калмыкия	327	292	10,7	290	0,7	282	2,8	13,8
Волгоградская обл.	2 642	2 672	+1,1	2 618	2,0	2 569	1,9	2,8
Ростовская обл.	4 345	4 376	+0,7	4 292	1,9	4 246	1,1	2,3
Приволжский ФО	31 837	30 893	3,0	30 053	2,7	29 739	1,0	6,6
Респ. Марий-Эл	756	723	4,4	701	3,0	689	1,7	8,9
Респ. Мордовия	962	878	8,7	845	3,8	812	3,9	15,6
Удмуртская респ.	1 617	1 561	3,5	1 528	2,1	1 517	0,7	6,2
Чувашская респ.	1 340	1 302	2,8	1 258	3,4	1 240	1,4	7,5
Пермский край	3 022	2 783	7,9	2 661	4,4	2 636	0,9	12,8
Кировская обл.	1 649	1 473	10,7	1 365	7,3	1 311	4,0	20,5
Нижегородск. обл.	3 773	3 481	7,7	3 344	3,9	3 281	1,9	13,0
Оренбургская обл.	2 160	2 150	0,5	2 044	4,9	2 009	1,7	7,0
Пензенская обл.	1 548	1 440	7,0	1 398	2,9	1 361	2,0	12,1
Самарская обл.	3 247	3 229	0,6	3 222	0,2	3 212	0,3	1,1
Саратовская обл.	2 705	2 639	2,4	2 545	3,6	2 497	1,9	7,7
Ульяновская обл.	1 421	1 367	3,8	1 309	4,2	1 268	3,1	10,8
Уральский ФО	12 748	12 284	3,6	12 076	1,7	12 234	+1,3	4,0
Курганская обл.	1 105	999	9,6	925	7,4	877	5,2	20,6
Свердловская обл.	4 767	4 434	7,0	4 314	2,7	4 321	+0,2	9,4
Челябинская обл.	3 706	3 569	3,7	3 485	2,4	3 490	+0,1	5,8
Сибирский ФО	21 141	19 850	1,4	19 282	2,9	19 293	0,0	8,7
Респ. Бурятия	1 052	975	7,3	966	0,9	974	+0,8	7,4
Респ. Хакасия	572	541	5,4	532	1,7	534	+0,3	6,6
Алтайский край	2 654	2 572	3,1	2 439	5,2	2 391	2,0	9,9
Забайкальский край	1 318	1 143	13,3	1 109	3,0	1 090	1,7	17,3
Красноярский край	3 163	2 932	7,3	2 833	3,4	2 853	+0,7	9,8

Иркутская обл.	2 797	2 552	8,8	2 448	4,1	2 418	1,2	13,6
Кемеровская обл.	3 101	2 862	7,7	2 776	3,0	2 734	1,5	11,8
Новосибирск. обл.	2 745	2 674	2,6	2 649	0,9	2 731	+3,1	0,5
Омская обл.	2 161	2 053	5,0	1 988	3,2	1 974	0,7	8,7
Томская обл.	1 078	1 038	3,7	1 032	0,6	1 070	+3,7	0,7
Дальневост. ФО	8 064	6 608	18,1	6 339	4,1	6 227	1,8	22,8
Респ. Якутия	1 119	950	15,1	958	+0,8	955	0,3	14,7
Камчатский край	479	350	26,9	325	7,1	320	1,5	33,2
Приморский край	2 310	2 049	11,3	1 970	3,9	1 939	1,6	16,1
Хабаровский край	1 625	1 416	12,9	1 351	4,6	1 340	0,8	17,5
Амурская обл.	1 054	888	15,7	839	5,5	811	3,3	23,1
Магаданская обл.	385	178	53,8	161	9,6	150	6,8	61,0
Сахалинская обл.	715	537	24,9	505	6,0	491	2,8	31,3
Еврейская АО	219	188	14,2	178	5,3	170	4,5	22,4
Чукотский авт. окр.	158	52	67,1	52	0,0	51	1,9	67,7

Обозначения граф в таблице: 1 — население в тыс.; 2 — изменение численности населения (в проц.) по сравнению с предыдущей датой; 3 — изменение численности населения (в проц.) за весь период.

Пояснения к таблице

1. Численность населения дана по оценке Росстата на конец года.
2. Поскольку положительная динамика изменения численности населения присутствует в таблице как исключение, то она отмечена знаком +. Динамика изменения численности населения, не отмеченная знаком, по умолчанию отрицательная.

спублики Калмыкия, Мордовия, Якутия.

4. В Европейской части Российской Федерации выделяется группа регионов, численность населения которых за 1990–2013 гг. уменьшилась на величины, сравнимые с теми, на которые сократилось (катастрофически) население российского Дальнего Востока. Это: Архангельская, Брянская, Владимирская, Ивановская, Кировская, Костромская, Курская, Мурманская, Новгородская, Орловская, Псковская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тульская области, республики Карелия, Коми, Мордовия. Показательно, что во всех них этническое большинство населения — русские. Также среди них — 11 из 18 субъектов РФ, составляющих (якобы благополучный) Центральный федеральный округ.

Если сопоставить данные о численности населения регионов с данными по естественной динамике численности и по миграции, то обнаружится, что во многих регионах, где наблюдается общий прирост населения, смертность,

тем не менее, стабильно превалирует над рождаемостью. Рост численности населения достигается лишь за счёт миграции. Есть также регионы, где спад численности населения происходил бы быстрее, если бы не некоторая нивелировка этого процесса путём усиленной миграции в эти регионы.

К сожалению, публикуемые Росстатом сведения позволяют проследить в абсолютных числах динамику выезда и въезда населения только по федеральным округам, а не по отдельным регионам. Что же, сделаем хотя бы это и подсчитаем *миграционный баланс между федеральными округами (таблица 2)*. 2009 год, избранный для начала сравнения, характеризовался самым низким масштабом внутренних российских миграций после 1999 г. **Начиная с 2010 г. количество переселенцев внутри Российской Федерации неуклонно и очень быстро растёт.**

Полагаю, данные таблицы 2 достаточно красноречивы, без комментариев.

Таблица 3 даёт наглядное представление об *обезлюдении некоторых доволно известных российских гордов.*

Таблица 2

ФО	2009		2010		2011		2012		2013		2009–2013
	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	
Ц	135	57	167	63	223	110	298	152	321	178	+584
СЗ	53	45	60	52	110	77	138	108	161	120	+120
Ю	56	49	66	55	114	85	136	120	163	127	+99
СК	25	40	27	46	37	78	52	100	61	108	-170
П	61	90	67	105	106	167	145	208	156	221	-256
У	50	57	55	64	100	98	122	123	118	134	-31
С	37	57	40	66	59	102	80	123	84	136	-184
ДВ	19	42	19	49	35	68	46	82	49	89	-162

Обозначения граф в таблице: 1 — число въехавших в пределы данного ФО из других федеральных округов России, в тыс. чел.; 2 — число переселившихся из данного ФО в другой федеральный округ, в тыс. чел.; 2009–2013 — миграционный баланс (в тыс. чел.; без учёта внешних иммиграции и эмиграции) по федеральному округу за пять лет.

Обозначения федеральных округов: Ц — Центральный, СЗ — Северо-Западный, Ю — Южный, СК — Северо-Кавказский, П — Приволжский, У — Уральский, С — Сибирский, ДВ — Дальневосточный.

Пояснения к таблице

1. Данная таблица не учитывает эмиграции за пределы России. Величина такой эмиграции, однако, колеблется в последние годы от 0 до 3% по всем регионам России (исключение составили, например, в 2011 г. только два субъекта РФ — Москва и Астраханская область — с долей эмигрантов за пределы России к общему числу выехавших за пределы региона соответственно 6,1% и 6,4%). Поэтому показателями эмиграции за пределы России можно пренебречь в сопоставлении общей картины миграционной депопуляции российских макрорегионов.

2. Таблица не учитывает также иммиграцию из-за пределов России, поскольку нам важна миграционная динамика именно российского населения. Правда, в таблице учтены переселения внешних иммигрантов между федеральными округами России, но этот показатель вписывается в общие тенденции, так как по умолчанию можно считать, что эти переселения в основном повторяют миграционные движения самих россиян.

В ней представлены только отдельные (и далеко не все самые яркие) примеры из нескольких тысяч (!), которые нам даёт сравнение результатов Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. В ней объединены города различного размера и ранга (но все с населением не свыше 200 тысяч). Очевидно, что процесс обезлюдения затронул огромный пласт российских городских поселений, но в преобладающей части — некрупных.

Экстремальность этого явления станет ещё нагляднее, если мы сравним его с экстремальным процессом противоположной направленности — чудовищно бурным ростом населения некоторых столичных пригородов и городов сырьедобывающих бассейнов (таблица 4).

Общий прирост населения Центрального, Северо-Западного и Уральского федеральных округов, резко контрастирующий с убылью населения многих регионов этих округов, происходит главным образом благодаря миграциям в крупнейшие городские агломерации и центры добычи сырья. Эти миграции направляются как из других федеральных округов России и из-за рубежа, так и внутри данных федеральных округов — из большинства их регионов в мегаполисные и сырьедобывающие анклавы.

Мегаполисы и «нефтянка» буквально высасывают остатки населения большинства российских регионов, углубляя в них демографический спад и провоцируя усиление внешней иммиграционной нагрузки на них.

Таблица 3

Город	Численность населения по Всероссийской переписи 2002 г.	Численность населения по Всероссийской переписи 2010 г.	Убыль населения (в %) между двумя переписями
Алатырь (Чуваш. респ.)	43 161	38 203	11,5
Балашов (Сарат. обл.)	98 330	82 227	16,4
Валдай (Твер. обл.)	18 703	16 098	13,9
Воркута (Респ. Коми)	84 917	70 548	16,9
Дорогобуж (Смол. обл.)	12 250	10 720	12,5
Дятьково (Брян. обл.)	33 600	29 439	12,4
Ефремов (Тул. обл.)	47 256	42 350	10,4
Златоуст (Челяб. обл.)	194 551	174 962	10,1
Ивангород (Ленингр. обл.)	11 206	9 854	12,1
Киров (Калуж. обл.)	38 893	31 882	18,0
Малая Вишера (Новг. обл.)	14 182	12 461	12,1
Нерехта (Костр. обл.)	26 002	22 828	12,2
Николаевск-на-Амуре (Хаб. край)	28 492	22 752	20,1
Ногинск (Мос. обл.)	117 555	100 072	14,9
Осташков (Твер. обл.)	20 660	18 088	12,4
Остров (Псков. обл.)	25 078	21 668	13,6
Плёс (Иван. обл.)	2 790	2 340	16,1
Пошехонье (Яросл. обл.)	6 973	6 084	12,7
Рыльск (Кур. обл.)	17 603	15 671	11,0
Североуральск (Свердл. обл.)	34 673	29 263	15,6
Сегежа (Респ. Карелия)	34 214	29 631	13,4
Старая Русса (Новг. обл.)	35 511	31 809	10,4
Судогда (Владим. обл.)	13 328	11 848	11,1
Тавда (Свердл. обл.)	40 686	35 421	12,9
Темников (Респ. Мордовия)	8 375	7 243	13,5
Уржум (Кир. обл.)	11 514	10 213	11,3
Усть-Илимск (Иркут. обл.)	100 592	86 610	13,9
Чехов (Мос. обл.)	72 917	60 720	16,7
Шацк (Ряз. обл.)	7 563	6 561	13,2

2. Аномалии распределения жителей по типам поселений

Ещё один способ представить диспропорции расселения народа по Российской Федерации — отдельно высчитать долю населения больших, средних и малых городов, а также сельских поселений в общем народонаселении страны.

Таблица 5 показывает распределение населения Российской Федерации по типам населённых пунктов (по данным Всероссийской переписи 2010 г.).

Таким образом, наименьшие части населения России живут в таких группах поселений как: 1) средние города и 2) малые города и крупные сёла (сравнимые с городами по европейским меркам численности населения). А ведь это могли бы быть наиболее

благоприятные для жизни человека типы поселений, если развить в них соответствующую коммунальную инфраструктуру и, понятное дело, обеспечить занятость населения.

Правда, совокупно население этих двух групп немного превышает численность населения миллионников и субмиллионников, но значительно уступает количеству народонаселения во всех городах крупнее 100 тыс. жителей (многие из которых при этом составляют часть агломераций мегаполисов). В городах данного типа совокупно проживает почти половина населения России, при этом почти треть — в миллионниках и субмиллионниках.

Кстати, общее число жителей одних только городов-миллионников в Рос-

Таблица 4

Город	Численность населения по Всероссийской переписи 2002 г.	Численность населения по Всероссийской переписи 2010 г.	Рост населения (в %) между двумя переписями
Балашиха (Мос. обл.)	147 909	215 494	45,7
Всеволожск (Ленингр. обл.)	45 310	59 704	31,8
Долгопрудный (Мос. обл.)	68 792	90 956	32,2
Домодедово (Мос. обл.)	54 080	96 145	77,8
Железнодорожный (Мос. обл.)	103 931	131 257	26,3
Королёв (Мос. обл.)	142 568	183 402	28,6
Котельники (Мос. обл.)	17 747	32 338	82,2
Красногорск (Мос. обл.)	92 545	116 896	26,3
Лангепас (ХМАО—Югра)	37 182	41 670	12,1
Лянтор (ХМАО—Югра)	33 011	38 992	18,1
Нефтеюганск (ХМАО—Югра)	107 830	122 855	13,9
Норильск (Краснояр. край)	134 832	175 365	30,1
Ноябрьск (ЯНАО)	96 440	110 620	14,7
Пушкино (Мос. обл.)	72 425	102 874	42,0
Салехард (ЯНАО)	36 827	42 544	15,5
Тюмень	510 719	581 907	13,9
Ханты-Мансийск	53 953	80 151	48,6
Химки (Мос. обл.)	141 000	207 425	47,1
Югорск (ХМАО—Югра)	30 285	34 067	12,5
Якутск	210 642	269 601	28,0

сии составляло, по данным последней переписи, 28,2 млн. человек — 19,8% населения страны. При этом на конец 2013 г. в двух гипермегаполисах державы жили 12% всего её населения.

Не правда ли, распределение народа в России по типам поселений напоминает не сужающуюся кверху пирамиду и не устойчивую колонну, а какой-то уродливый гриб со зловеще нависающей сверху мегаполисной «шляпкой»?..

Разумеется, невозможно все процессы расселения, происходящие в России, свести к описанным выше. Да настоящая статья и не имеет такой цели — всесторонне охарактеризовать внутренние российские миграции. Её исследовательская задача скромнее — указать на уродливые диспропорции в распределении населения по территории России. В её задачи не входит сравнение со странами Западной Европы, США или других эталонов развитого капитализма. В этих странах имеются свои проблемы, и такой аспект преобразования России, как организация её

пространства, не должен нацеливаться на повторение западного опыта миграционной политики с его ошибками.

3. Аномалии расселения по территориям со сходными климатическими условиями

Одним из важных негативных следствий происходящих последние четверть века миграционных процессов в Российской Федерации стало возрастание неравномерности заселения территории, *относительно благоприятной для жизни и ведения хозяйства.*

Такая территория в Российской Федерации, естественно, не включает полосу вечной мерзлоты (т.е. все регионы, где среднегодовая температура ниже нуля градусов). Внутри этой территории разные регионы тоже сильно различаются между собой по степени обеспеченности теплом и другими агроклиматическими ресурсами. Поэтому целесообразно сравнивать эти регионы друг с другом не вообще, а внутри специально выделяемых природных зон.

Таблица 5

Тип поселения	Численность населения	Доля (в %) от населения РФ
Города с населением свыше 500 тыс.	43 977 137	30,8
Города с населением от 100 тыс. до 500 тыс.	26 251 320	18,4
Города с населением от 20 тыс. до 100 тыс.	23 055 485	16,1
Города с населением менее 20 тыс. и сёла с населением свыше 3 тыс.	23 176 592	16,2
Сёла с населением менее 3 тыс.	26 396 002	18,5

Таблица 6 иллюстрирует *неравномерность заселения сходных в климатическом отношении территорий Российской Федерации*. При этом субъекты РФ, состоящие только из городских поселений, — Москва и Санкт-Петербург в таблице не учитываются. Картина и без них получается довольно несоразмерная в разных своих частях. Судите сами.

Конечно, при сравнении плотности населения необходимо делать скидку на засушливость климата в отдельных регионах (например, Калмыкия, Оренбургская, Саратовская, Волгоградская, Астраханская области). Без них разница в освоённости территории между регионами, расположенными в южных, наиболее обеспеченных теплом зонах, не столь уж велика. Так же незначительна разница между регионами самой холодной полосы из представленных в таблице 6.

В каждой же из двух промежуточных климатических зон, где живёт большинство населения Российской Федерации, различия в плотности населения между регионами одной зоны составляют 8–14 раз! И это относится не только к плотности всего населения, но и к плотности взятого отдельно сельского населения.

При этом характерно, как общая тенденция, что наименее плотно заселённые регионы продолжают испытывать процесс депопуляции, а в регионах с наибольшей концентрацией населения последнее непрерывно растёт (главным образом за счёт миграции). Указанные диспропорции имеют стойкую тенденцию к увеличению.

4. Нужна ли оптимизация расселения?

Наверное, я утомил уважаемых читателей всеми этими статистическими выкладками, но, на мой взгляд, они выглядят убедительнее, чем если бы я ссылался только на впечатления от непосредственных наблюдений за современной российской жизнью. Точные цифры — они объективнее и нагляднее.

Но, может быть, современные тенденции расселения по Российской Федерации совершенно нормальны и не нужно ничего предпринимать, чтобы их изменить? Может быть, так и надо, чтобы большинство населения страны в конце концов скучилось в мегаполисах, а на остальной территории остались маргиналы и лузеры, не способные приспособиться к темпам современной жизни, обречённые на прозябание и медленное вымирание? Высказывания подобного рода нередко можно услышать в известной среде. Более того, они даже по умолчанию кладутся в основу некоторых современных проектов развития России.

Так, один из законопроектов, предложенных в прошлом году в Государственную Думу России, предусматривает административное выделение двенадцати крупнейших агломераций мегаполисов в особые субъекты федерации с принципиально иной структурой управления². Они при этом становятся как бы локомотивами развития страны

² В России предполагается создать 12 мегаполисов // <http://www.garant.ru/news/510365/> 9 декабря 2013.

Таблица 6

Климатические области и входящие в них регионы	Территория (тыс. кв. км.)	Население (по оценке на конец 2013 г.)	Сельское население (по оценке на конец 2013 г.)	Плотность населения (чел./кв. км)	Плотность сельского населения (чел./кв. км)
1. С суммой эффективных температур 800–1500					
Респ. Карелия	172	634 402	132 084	3,7	0,8
Архангельская обл. (без Ненецкого АО)	410	1 148 760	267 359	2,8	0,7
Респ. Коми	416	872 057	196 323	2,1	0,5
Амурская обл.	364	811 274	266 878	2,2	0,7
Хабаровский край	789	1 339 912	245 845	1,7	0,3
Сахалинская обл.	87	491 027	92 485	5,6	1,1
2. С суммой эффективных температур 1500–2000					
Ленинградская обл.	85	1 763 924	619 206	20,8	7,3
Новгородская обл.	55	622 430	183 791	11,3	3,3
Псковская обл.	55	656 561	195 775	11,9	3,6
Тверская обл.	84	1 325 249	332 269	15,8	4,0
Вологодская обл.	146	1 193 371	339 553	8,2	2,3
Ярославская обл.	36	1 271 766	231 220	35,3	6,4
Ивановская обл.	24	1 043 130	196 832	43,5	8,2
Костромская обл.	60	656 389	191 457	10,9	3,2
Кировская обл.	121	1 310 929	326 216	10,8	2,7
Пермский край	161	2 636 154	650 370	16,4	4,0
Свердловская обл.	195	4 320 677	683 099	22,2	3,5
Тюменская обл. (без ХМАО и ЯНАО)	162	1 409 426	502 906	8,7	3,1
Томская обл.	317	1 070 128	304 432	3,4	1,0
Еврейская АО	36	170 377	54 694	4,7	1,6
3. С суммой эффективных температур 2000–2400					
Калининградск. обл.	15	963 128	215 752	64,2	14,4
Московская обл.	46	7 133 620	1 315 943	155,1	28,6
Смоленская обл.	50	967 896	270 053	19,4	5,4
Калужская обл.	30	1 004 544	241 970	33,5	8,1
Брянская обл.	35	1 242 599	378 387	35,5	10,8
Тульская обл.	26	1 521 497	355 465	58,5	13,7
Орловская обл.	25	769 980	262 390	30,8	10,5
Липецкая обл.	24	1 159 866	416 322	48,3	17,3
Тамбовская обл.	34	1 068 934	433 666	31,4	12,8
Рязанская обл.	40	1 140 844	329 428	28,5	8,2
Владимирская обл.	29	1 413 321	315 516	48,7	10,9
Нижегородская обл.	75	3 281 496	682 692	43,8	9,1
Респ. Мордовия	26	812 156	319 417	31,2	12,3
Пензенская обл.	43	1 360 587	435 705	31,6	10,1
Ульяновская обл.	37	1 267 561	326 709	34,3	8,8
Чувашская респ.	18	1 239 984	493 769	68,9	13,3
Респ. Марий-Эл	23	688 686	242 435	30,0	10,5
Респ. Татарстан	68	3 838 230	917 719	56,4	13,5
Удмуртская респ.	42	1 517 050	526 419	36,1	12,5
Респ. Башкортостан	144	4 069 698	1 569 754	28,3	10,9
Челябинская обл.	88	3 490 053	615 050	39,7	7,0
Курганская обл.	71	877 149	340 883	12,4	4,8
Омская обл.	140	1 973 876	553 795	14,1	4,0
Новосибирская обл.	178	2 731 176	595 330	15,3	3,3

Алтайский край	169	2 390 638	1 057 509	14,1	6,3
Приморский край	166	1 938 516	451 347	11,7	2,7
4. С суммой эффективных температур 2400–3000					
Курская обл.	30	1 118 915	374 469	37,3	12,5
Белгородская обл.	27	1 544 108	512 677	57,2	19,0
Воронежская обл.	52	2 328 959	776 044	44,8	14,9
Саратовская обл.	100	2 496 552	623 887	25,0	6,2
Самарская обл.	54	3 211 187	631 607	59,5	11,7
Оренбургская обл.	124	2 008 566	806 521	16,2	6,5
5. С суммой эффективных температур 3000–4000					
Волгоградская обл.	114	2 569 126	606 121	22,5	5,3
Ростовская обл.	101	4 245 532	1 367 092	42,0	13,5
Краснодарский край	76	5 404 273	2 491 490	71,1	32,8
Ставропольский край	67	2 794 508	1 175 312	41,7	17,5
Респ. Калмыкия	76	272 021	155 501	3,6	2,0
Астраханская обл.	44	1 016 516	338 293	23,1	7,7

Пояснения к таблице

1. Сумма эффективных температур – сумма всех среднесуточных температур за период года с устойчивыми среднесуточными температурами выше 10. Один из важнейших показателей для ведения сельского хозяйства.

2. В таблице не учтены горные регионы Северного Кавказа и Южной Сибири, где теплообеспеченность сильно варьирует по высотным зонам, а также регионы Севера и Сибири со значительной долей территорий зоны вечной мерзлоты.

2. Многие субъекты РФ входят сразу в несколько выделенных здесь климатических областей. Поэтому они условно отнесены к той из климатических областей, в которой лежит основная часть их территории.

и противопоставляются в этом качестве остальным регионам, управляемым по старинке. Что будет с этими регионами, как их развивать дальше — неважно, так как по умолчанию считается, что наибольшая и самая динамичная часть населения России должна переселиться в мегаполисы.

Уже осуществляемый проект строительства Большой Москвы — из той же серии. На территории к юго-западу от «старой» Москвы не предполагается расселять нынешних москвичей, чтобы снизить ненормальную скученность населения главного столичного мегаполиса. Туда — в Большую Москву — неизбежно будут привлечены десятки миллионов людей из других регионов России, ближнего и дальнего зарубежья. Собственно, ради этого и затеяна такая гигантская «стройка века»³.

³ Дутая столица // http://www.stoletie.ru/obschestvo/dutaja_stolica_2011-08-29.htm 29 августа 2011.

Но повторюсь: может быть, это нормально, чтобы современная цивилизация сосредоточивалась только в нескольких мегаполисных анклавах, а остальная территория государства откатывалась в своём развитии к эпохе неолита? Чтобы и гражданскими правами обладали только жители мегаполисов — этакая избранная раса, а населяющие периферию «неудачники» рассматривались обитателями «метрополии» как низшая раса туземцев «колонии», чьё присутствие может время от времени становиться даже помехой для «рентабельного освоения» природных ресурсов?

Представляется, что уже в самой постановке этих вопросов для всякого демократа (тем более — национального) заключён отрицательный ответ. Демократ не может не стремиться к полноценному развитию всей своей нации, всех регионов и всех слоёв населения своего государства, не может отвергать идею национальной общности,

состоящей из подлинно равноправных граждан. Ему совершенно очевидно, что идея приоритетного развития мегаполисов имманентно враждебна задачам всестороннего прогресса целой нации.

Здесь присутствует ещё и такой любопытный аспект, который я, к сожалению, не смогу подтвердить цифрами. Мне вообще неизвестно, исследовал ли его вообще кто-нибудь. Но, судя по непосредственным наблюдениям, в мегаполисах реализуется такая парадоксальная закономерность. Чем больше население мегаполиса — тем больший его процент приходится вовлекать в постоянную деятельность по поддержанию коммунального хозяйства для столь огромной и скученной массы людей.

Мегаполис — это не только совершенно нерациональные затраты (материальные, экологические, психологические) на ежедневную транспортировку миллионов людей туда-сюда за десятки километров. **Мегаполис — это всегда огромная масса людей, занятая непроизводительными трудозатратами, которые (в пересчёте на одинаковое число жителей) были бы значительно ниже при меньшей численности населения города.** Грубо говоря, **значительная часть населения мегаполиса вынуждена заниматься утилизацией отходов жизнедеятельности этого населения, и её процент тем выше, чем крупнее мегаполис.** Ещё раз повторю, что цифровых данных для подкрепления такой точки зрения вообще не существует, и было бы уместно, если бы кто-нибудь из социологов взялся когда-нибудь исследовать этот вопрос на фактах. Я же буду отталкиваться от этой гипотезы как вытекающей из непосредственных наблюдений.

Кроме совершенно очевидного противоречия мегаполисного образа жизни задачам нормального воспроизводства, ментальности, психологии, экологии и воспитания нации, скучивание населения в мегаполисах создаёт пре-

пятствие для нормального функционирования демократических институтов. Мегаполисное человечество суть масса, легко подверженная политическому манипулированию. Тоталитарную форму политического господства и контроля проще всего устанавливать именно через мегаполисы и в мегаполисах. Мегаполисы фактически исключают самое понятие местного самоуправления. То, что существует под этим именем в крупнейших городах, — не что иное, как фикция и профанация идеи местного самоуправления.

В социологии есть «число Данбара», обозначающее максимальную численность сообщества, внутри которого люди способны регулярно поддерживать непосредственные контакты друг с другом. На практике это число может варьировать в зависимости от индивидуальных особенностей людей, входящих в сообщество, и условий среды. Но в среднем оно равно 148 человекам. Сообществу, превышающему это число, неизбежно требуется опосредование, делегирование функций регулирования социальной жизни, проще говоря — создание отдельных от народа институтов власти.

Следовательно, 148 — максимальная численность ячейки, в которой ещё возможно прямое местное самоуправление. А у нас количество жильцов в одном подъезде многоэтажного дома может в разы превышать это число! Какое тут может быть эффективное прямое самоуправление даже в пределах квартала, не говоря уж о районе городского поселения!

Конечно, вряд ли нужно стремиться к рассредоточению всего населения страны таким образом, чтобы община числом не более полтораста членов занимала ёмкое в хозяйственном отношении пространство. Да и вряд ли это вообще возможно в принципе, даже в такой редконаселённой стране, как Россия. Ведь малонаселённость России в значительной степени кажу-

щаяся. Относительно благоприятная для жизни территория занимает не более четверти её площади. Если всё нынешнее население России равномерно рассредоточить по этой территории, то плотность населения составит не менее 35 человек на квадратный километр. Это, конечно, значительно ниже плотности населения в среднем по Западной Европе, но выше, чем сельского населения в любом регионе России. Уже из одного этого ясно: мы никогда не сможем добиться того, чтобы всю территорию России преобразовать в сплошную сельскую местность, пусть и на каком-то невообразимо высоком уровне развития технологий. Какая-то часть населения всё равно будет проживать в городах.

Да и из потребностей всестороннего развития нации тоже следует, что необходимо разнообразие условий проживания. При всех прочих равных условиях и при наличии свободного выбора какая-то часть граждан страны всё равно предпочтёт жить в крупном городе, какая-то — в маленьком, а ещё какая-то — в деревне или вообще отшельником на отшибе цивилизации. Причём предпочтения людей в ходе жизни могут меняться, и это нормально. Переезды из региона в регион, из одной климатической зоны в другую — это тоже нормально, это отвечает инстинктивной потребности большинства людей к кочевой жизни.

Условия и право такого свободного выбора должны поощряться и создаваться государством. Но неотъемлемое условие, при котором это был бы действительно свободный выбор, — **качество жизни во всех типах поселений должно быть сопоставимым между собой**. Гражданин должен иметь возможность выбирать место жительства по собственной прихоти, ради максимального раскрытия себя как личности, а не вынужденно, не под давлением нестерпимой нужды в средствах к поддержанию своей жизни!

5. Стратегические задачи

В завершение обозначу приоритетные задачи политики по обустройству российского пространства, как они видятся исходя из целей, сформулированных в начале статьи. Не стану расписывать выгоды и преимущества каждого из намеченных сегментов преобразований, так как они, по моему мнению, достаточно самоочевидны и напрямую вытекают из изложенных выше императивов.

1. Радикальная децентрализация функций государственного управления, что позволит снизить численность управленческих и экономических структур, концентрирующихся в крупных городах.

2. Создание крупномасштабной сети мелких (государственных, кооперативных, частных и т.д.) предприятий самого различного профиля (от производства пищевых продуктов до сферы туристических услуг), обеспечивающих занятость населения и достойный жизненный уровень во всех регионах всех климатических зон России.

3. Осуществление проектов регионального развития (прежде всего — в регионах, подверженных интенсивной депопуляции), привлекательных для потенциальных переселенцев из мегаполисов и столичных регионов.

4. Осуществление программ малоэтажного строительства, полный запрет на дальнейшее возведение многоэтажных комплексов, расселение наиболее скученных многоэтажных районов (особенно построенных в последнее время с нарушением всех норм градостроительства), а в перспективе — полное расселение многоэтажных районов, утилизация утративших функции жилья многоэтажных кварталов (например, под зоны для складирования промышленных отходов).

5. Поощрение частного строительства в сельской местности, особенно — усадебно-поместного расселения общественного слоя (численность и роль которого в правильно развиваю-

щемся государстве будет неуклонно возрастать), занятого творческим интеллектуальным трудом («нового дворянства»)⁴.

6. Ликвидация единой энергетической системы, крайне уязвимой в случае природных и техногенных катастроф, а также глобального военного конфликта. Создание взамен неё множества локальных сетей энергоснабжения.

7. Повышение связности российского пространства.

Последняя задача требует масштабного развития всей транспортной системы и перестройки приоритетов такого развития. В частности:

1. Улучшения уже существующих дорог и строительства новых дорожных связей между соседними регионами, вместо строительства новых «национальных» автомагистралей, служащих целям трансконтинентального транзита⁵.

2. Модернизации железнодорожного транспорта исходя из потребностей снижения автотранспортных потоков, а не прибыльности железнодорожной отрасли.

3. Развития маломерной, в том числе частной авиации⁶.

⁴ Ср.: *Кривов А., Крупнов Ю.* Дом в России. Национальная идея. М., 2004.

⁵ В этом отношении парадигма развития современной российской дорожной сети аналогична древнеримской, которая соединяла различные части Империи лишь для оперативной переброски легионов, нисколько не способствуя экономическому развитию придорожных территорий.

⁶ Конечно, лозунг «Каждой семье — собственный самолёт или вертолёт» вряд ли

Самое главное, что современные технологии мобильной связи и Интернета уже сейчас вполне позволят обеспечивать эффективное социальное взаимодействие внутри групп людей, рассредоточенных на довольно большом пространстве. В будущем эти возможности станут шире⁷.

Мечты о «новом жизненном пространстве» являются симптомом неумения рационально и эффективно организовать уже имеющееся. Россия обладает огромным жизненным пространством, и нужно только суметь разумно, творчески и по-хозяйски рачительно подойти к его использованию. Энергию и волю нации желательно направить не на внешний реванш (грёзы о котором в наше время являются иллюзией, а попытка осуществить станет бесплодной и вредной тратой народных сил), а на обустройство родной страны в таком виде, в каком нам не стыдно будет завещать её грядущим поколениям потомков.

удастся когда-нибудь осуществить, но в сельской местности, особенно в редконаселённых регионах, можно приблизиться к такому идеалу. Маломерный самолёт можно сделать не менее доступным для личного приобретения, чем в США или чем был таковым автомобиль в советское время.

⁷ В принципе, уже сейчас можно было бы, например, перевести большую часть учащихся школ полностью на дистанционное обучение. Сделать это было бы тем более полезно, что такая функция школы, как «социализация», с позднесоветского времени характеризуется скорее отрицательной величиной.

Марина Мозжерова

РЕФОРМА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РОССИИ: ВОЗМОЖЕН ЛИ ВЫХОД ИЗ ТУПИКА?

Трудно найти сегодня в нашей стране человека, который целиком и полностью был бы удовлетворен качеством и доступностью медицинской помощи. Ругать отечественное здравоохранение уже давно стало таким же «правилом хорошего тона», как беседовать о погоде у англичан. Нельзя сказать, что наше здравоохранение было лишено заботы и внимания государственных мужей — реформы начались с середины 80-х годов и с тех пор идут непрерывным потоком почти 30 лет, сменяя одна другую, как океанские волны. Чего только не пережила наша медицина: «куйбышевский метод», «бригадный подряд — всем подряд», «новый хозяйственный механизм в здравоохранении», переход на страховую медицину, внедрение института семейных врачей, модернизация, оптимизация, интенсификация, переход к работе по стандартам, доказательная медицина, и прочая, прочая...

Однако после каждого из этих широко разрекламированных «мероприятий по улучшению» состояние отрасли все больше походило на рыбу, изрядно побитую волнами и оставшуюся после отлива без сил на прибрежном песочке.

За последние три года Правительством РФ был предпринят ряд мер по реформированию здравоохранения, призванных, по мысли разработчиков, вывести его на уровень передовых стран Европы. Были разработаны Программа развития системы здраво-

охранения в Российской Федерации до 2020 г., Концепция демографической политики РФ на период до 2025 г., Программа модернизации здравоохранения, целый ряд законов, регулирующих финансирование здравоохранения, работу фондов ОМС (обязательного медицинского страхования). По словам тогдашнего министра здравоохранения и социального развития Татьяны Голиковой, это «самый амбициозный и масштабный проект реформы за всю историю РФ». Действительно, объемы финансовых вливаний поражают воображение: в 2011–2013 гг. на модернизацию здравоохранения было направлено 694 миллиарда рублей средств федерального бюджета и бюджета Фонда обязательного медицинского страхования (ФОМС).

Результат, однако, печален: как признал на заседании Госсовета в июле 2013 г. президент В.В. Путин, лишь 35% граждан удовлетворены качеством оказания медпомощи (*прим. автора: и это весьма оптимистичные цифры!*). Поток жалоб со стороны пациентов на поборы, коррупцию, недоступную и неквалифицированную помощь, невозможность получить лекарства по бесплатному перечню, хамство и безразличие врачей соединяется со встречным валом претензий со стороны медиков на нищенскую зарплату, которая стала еще меньше после широко разрекламированного «повышения». Произошло увеличение в разы

документооборота, повышение и без того немаленьких норм приема, закрытие больниц и роддомов, слияние лечебных учреждений, сокращение ставок врачей под предлогом экономии средств и сокращения управленческого персонала. По официальной информации Счетной палаты на 2013 г., модернизация здравоохранения не была завершена в 22 регионах России. При этом мониторинг исполнения федеральными медицинскими учреждениями мероприятий по модернизации здравоохранения Минздрав не проводил. Счетная палата выявила нарушения при распределении субсидий на строительство перинатальных центров, при заключении контрактов на поставки медицинского оборудования (скандалы с томографами и распилы на строительстве — это уже классика «экономики РОЗ — Распил, Откат, Занос»). Так и не была создана в установленные сроки государственная информационная система (ЕГИС), несмотря на то что на информатизацию здравоохранения было израсходовано более 31 миллиарда рублей. На внедрение стандартов медицинской помощи и повышение ее доступности было направлено более 290 миллиардов рублей, тем не менее по состоянию на 2013 г. стандартизировано только 17% всех случаев заболеваний, требующих госпитализации. «Таким образом, — констатирует Счетная палата, — программа государственных гарантий бесплатной медицинской помощи на 2013 год была сформирована и рассчитана при отсутствии утвержденных стандартов медицинской помощи, что нарушает законодательство. Также Минздрав не разработал единые принципы расчета тарифов на медицинские услуги в регионах, что делает невозможным оценку достаточности финансовых ресурсов». Все в точном соответствии с прославленным афоризмом Черномырдина: «Думали как лучше, а получилось как всегда».

Ну, лихостью наших чиновников в желании первыми отпаротовать о

свершениях, готовности наперегонки осваивать бюджеты в нашей стране никого уже не удивить. Но только лишь коррупцией и непрофессионализмом реформаторов столь оглушительный провал реформы не объяснить. Последние медицинские скандалы, попавшие на первые полосы СМИ, — самоубийство лишнего адекватного обезболивания тяжелобольного контр-адмирала Вячеслава Апанасенко, последовавший за ним буквально через месяц и по той же причине суицид генерал-майора в отставке Бориса Саплина, начавшаяся буквально пару дней назад голодовка родителей онкобольных детей, находящихся на лечении в Республиканской детской клинической больнице, которая была вызвана планами администрации по слиянию отделений онкологии и гематологии с сокращением коек и штатов сотрудников, — это только верхушка айсберга. А сколько трагедий обычных рядовых граждан страны осталось «за кадром»...

На самом деле состояние российского здравоохранения не просто плачевное, а трагическое. При знакомстве с цифрами и фактами на память приходит старая врачебная шутка, очень горькая, но верная: пациент (то есть это самое здравоохранение) скорее мертв, чем жив.

* * *

Самая острая, но отнюдь не единственная проблема нашего здравоохранения — это недостаточное финансирование. По показателю расходов на медицинскую помощь на душу населения мы существенно отстаем не только от западных стран, но и от большинства стран Центральной и Восточной Европы, которые «стартовали» примерно в равных с нами условиях (Доклад ИНСОП «Российское здравоохранение: сценарии развития (2007–2016 гг.)»).

Доля государственного финансирования в ВВП в западноевропейских

странах составляет 6–8% ВВП. К этому уровню финансирования приближаются страны Центральной Европы: Венгрия, Польша, Словакия, Словения, Чехия, Хорватия — 5–7% ВВП. Иное положение складывается в России. Объем государственных расходов в 2004 году составлял 2,9% ВВП. Только к 2013 г., благодаря программе модернизации здравоохранения, эта величина выросла до 3,7% ВВП. Примерно на таком уровне приоритетности здравоохранения находятся развивающиеся страны со средним уровнем дохода (Бразилия — 3,4%, Парагвай — 3,0%, Перу — 2,8%). Но в отличие от России, за эти деньги государство гарантирует там самый минимум — первичную медико-санитарную помощь и меры по обеспечению медико-санитарного благополучия (борьба с инфекционными заболеваниями, санитарные мероприятия и проч.). Хотя бы эти простейшие услуги там более или менее обеспечены средствами. А в РФ государство, финансируя здравоохранение, как в Латинской Америке, обещает за эти деньги западноевропейский набор услуг. В результате человеку без денег и «блата» фактически не гарантировано ничего. Но и такие затраты, как оказалось, были недолгими — хотя ранее планировалось увеличить их до 5% ВВП к 2018 г., в начале июля появились сообщения, что по проекту основных направлений бюджетной политики доля расходов на здоровье населения к 2016 году снизится до 3,3% ВВП. Причины понятны всем.

Сравнения с Америкой проводить не стоит из опасений за психику наших «патриотов»: **США тратят на здравоохранение 16% ВВП (по абсолютному размеру это больше, чем весь ВВП России).**

По словам доктора Рошаля, здравоохранение недофинансируется у нас в два раза. Как заявил аудитор Счетной палаты РФ Александр Филиппенко, большая часть региональных программ госгарантий оказания бесплат-

ной медицинской помощи дефицитна. По его словам, на 2013 год для 50 регионов страны недофинансированность программ в совокупности составила 125 млрд руб. Кроме того, из-за значительной корректировки федерального бюджета в нынешнем году Минздрав получит на 26 млрд руб. меньше, чем в 2013 г.

О каком качестве медицинской помощи можно говорить, если первичный прием больного в поликлинике областного центра оплачивается страховой компанией в размере 23 руб. 80 коп., вторичный прием — 18 руб. 76 коп., консультация кандидата медицинских наук — 37 руб. 85 коп. Стоимость койко-дня стационарного лечения составляет 10–15 долларов, то есть ниже стоимости пребывания в любой захудалой районной гостинице. Для сравнения отметим, что в Литве этот показатель составляет 45 долларов, в западноевропейских странах — 200–300 долларов (причем оплачивается преимущественно государством), а в США — как минимум 600 долларов.

Но значительно важнее в условиях недофинансирования стоит проблема рационального использования финансов. С этим дела обстоят еще хуже.

Проведенный Всемирной организацией здравоохранения анализ показал, что Россия существенно отстает от индустриально развитых стран мира по объему финансирования, но гораздо больше — по конечным показателям результативности деятельности системы здравоохранения. К числу таковых относятся:

1) показатели здоровья населения, на которые реально влияет отрасль;

2) рациональность структуры оказания медицинской помощи и способность системы адекватно реагировать на потребности населения — обеспечивать достижение современных стандартов оказания медицинской помощи, приемлемые сроки ожидания плановой помощи и прочее;

3) справедливость распределения

средств (уровень социальной защиты наиболее нуждающейся части населения).

Создание Фондов медицинского страхования, на которые возлагалось столько надежд, ситуацию не улучшило. Как заявил глава комитета Госдумы по охране здоровья Сергей Калашников (фракция ЛДПР): «Мы замысливаем проблемы финансирования, передав все в ФОМС и понимая, что никакого страхования в стране нет». Попытка замены бюджетного финансирования на страховое в итоге привела к их эклектическому сочетанию. Это, в свою очередь, породило новую «болезнь» системы здравоохранения России — снижающийся уровень ответственности за ее финансирование. Парадокс российской здравоохранительной политики состоит в том, что, с одной стороны, россиянам все время внушают, что средств на здравоохранение не хватает, с другой — реализуют изначально затратный вариант (страхование), игнорируя или даже открыто отрицая относительно менее затратную (бюджетную) систему. Тем не менее правительство планирует повысить тариф страхового взноса в ФОМС с 3,1% до 5,1%.

Страховые компании «ничего не страхуют, никому не платят и выполняют исключительно роль посредников», считают и во фракции КПрФ. «Их доходы составляют штрафы, накладываемые на больницы, — заявил коммунист Олег Куликов. — В 2013 году собрано 21 млрд руб. таких штрафов. А еще 25 млрд руб. составила комиссия за якобы оказываемую ими помощь. На зарплату медикам ничего не остается. Неудивительно, что идет их вымывание из бедных регионов».

В системе российского здравоохранения накопились острейшие структурные диспропорции. Одна из них — абсолютно неприемлемое соотношение между первичной медико-санитарной и специализированной помощью. В мировой практике утвер-

дилось понимание закономерности: чем выше доля врачей первичного звена в общей численности врачей (ниже доля узких специалистов), тем меньше средств необходимо для достижения конечных результатов функционирования системы здравоохранения. В российском здравоохранении доля врачей участковых служб не превышает 25% против 45–55% в западных странах. Частота направлений больного участковыми врачами к специалистам у нас превышает 30% от числа первичных посещений, в то время как в западных странах только 4–10%.

Такая ситуация складывается не только в силу субъективных причин: большой загруженности участкового врача, отсутствия времени и знаний на детальную, кропотливую работу с пациентом (тот самый «индивидуальный подход»), но и объективных факторов. В первую очередь это отсутствие у властей понимания изменений демографической ситуации в стране, сдвига структуры заболеваемости в сторону преобладания неинфекционной хронической патологии над острыми инфекционными заболеваниями, требующего корректировки всей структуры лечебно-профилактических учреждений (ЛПУ). С 20-х годов прошлого века в нашей стране создана и практически не менялась жесткая «сетка» территориальных ЛПУ: амбулатория/фельдшерско-акушерский пункт (в сельской местности) — районная/городская/областная поликлиника — стационар круглосуточного пребывания — специализированный диспансер. В условиях вымирания деревень ФАПы признаны бесперспективными и в массовом порядке закрываются. Поликлиники укрупняются и сливаются в крупные многопрофильные амбулаторно-поликлинические объединения. Это начинание было задумано с целью «сделать сложные диагностические процедуры доступнее для горожан, повысить качество медпомощи и позволить оптимизировать адми-

нистративный ресурс: каждое объединение будет состоять из 4–5 районных поликлиник, сосредоточенных вокруг одного головного центра, оснащенного современным диагностическим оборудованием. Таким образом, человек, прикрепленный к любой поликлинике, автоматически становится пациентом всего амбулаторного объединения — межтерриториального медицинского центра — и будет иметь доступ ко всем возможностям, которые у него есть». Но гладко было на бумаге, да забыли про овраги. На деле это привело к еще большему отдалению первичной помощи от пациента. Ведь чиновнику, едущему на персональной служебной машине с мигалкой, практически невозможно представить, каково обычному горожанину добираться до поликлиники с двумя-тремя пересадками, чтобы попасть на прием к врачу, а затем еще несколько дней с такими же усилиями ездить по всему району, чтобы сдать анализы и пройти функциональные обследования, ведь зачастую эти службы теперь располагаются на разных базах! И это в городе! Для сельских бабушек и дедушек это задача, равная по сложности восхождению на Эльбрус...

В этой ситуации для пациентов (а большинство из них — пенсионеры) единственным спасением был стационар, шансы попасть в который благодаря нынешней реформе у них исчезающе малы.

О создании сети хосписов, в которых бы больные с прогнозируемым неблагоприятным исходом заболевания получали достойный уход, полноценное обезболивание и необходимое медицинское обслуживание, а не лежали бы в коридорах больниц, государство думать не хочет. Более того, тем энтузиастам, которые пытаются создавать хосписы на благотворительной основе, приходится прорываться через настоящий бюрократический ад. Неудивительно, что к настоящему времени в стране существует всего 70 хоспи-

сов. Мировой опыт показывает, что один хоспис должен обслуживать район с населением 300–400 тысяч человек. Таким образом, в России не хватает более 500 хосписов! А ведь у нас пациентами хосписов являются в большинстве случаев онкобольные. Люди с другой тяжелой патологией вообще не имеют шансов попасть туда.

Практически отсутствуют в России и дома сестринского ухода.

В такой ситуации отделения стационаров выступают в качестве «прислуги за все».

Примерно 30% госпитализаций в нашей стране, особенно в отделения терапевтического, неврологического и гинекологического профилей, являются необоснованными с медико-экономической точки зрения: лечение больных могло бы быть результативно и дешевле проведено в амбулаторных условиях.

Однако многие малоимущие пациенты просто не в состоянии оплачивать ни обследование (бесплатное лишь процентов на 20%, остальное — по записи на долгие недели или за деньги — сейчас), ни медикаментозное лечение. Для них стационар остается единственной надеждой получить хоть какое-то лечение. При этом важно подчеркнуть, что система ОМС, вопреки ожиданиям, не только не сдержала процесс наращивания необоснованного объема стационарной помощи, а наоборот, еще более его подстегнула. Страховщики худо-бедно научились платить за фактические объемы лечения, но они никак не мотивированы к поиску более рациональных форм оказания медицинской помощи, не хотят и не умеют планировать предоставление медицинской помощи застрахованным. Страховые компании ничего не теряют от сложившихся диспропорций. Неэффективность системы оплачивают сами пациенты.

О домах престарелых, которые у нас являются синонимом склада для брошенных стариков, отправленных тихо

умирать, не попадаясь на глаза более успешным и молодым согражданам, а в Европе и Америке являются учреждениями, осуществляющими полноценную медицинскую, геронтологическую и психологическую помощь в сочетании с высоким уровнем бытового комфорта, не стоит и говорить.

Несмотря на победные реляции о повышении заработной платы и улучшении условий труда благодаря техническому перевооружению больниц и поликлиник, медработники побежали из отрасли с огромной скоростью. Наш новый министр, Вероника Скворцова, была вынуждена признать, что в России катастрофически не хватает врачей, дефицит врачебных кадров составляет 120 тысяч (три года назад, по словам Т. Голиковой, не хватало «всего 80 тысяч!»). Сейчас в стране на десять тысяч жителей приходится около пяти врачей первичного звена, что в два — два с половиной раза ниже, чем требуется в соответствии с нормами Всемирной организации здравоохранения. Давно прошли те времена, когда мы гордо заявляли, что по числу врачей на душу населения мы впереди планеты всей!

Нехватка среднего медперсонала, по разным данным, колеблется от 270 до 800 тысяч. С такими темпами в стране через несколько лет просто физически некому будет лечить. Молодежь, валом валящая в медицинские университеты, получив образование, в практическое здравоохранение не идет. Не менее 60% из выпускников медвузов уходят из профессии сразу после завершения учебы, а оставшиеся стараются трудоустроиться в медицинские страховые компании, фармфирмы и т.п. По некоторым данным, в практическое здравоохранение идет работать чуть более 1%! Среди работающих врачей около 67% составляют люди пенсионного возраста: средний возраст участкового терапевта 51 год. Ситуация с кадрами настолько серьезна, что Минздрав стал говорить о послевузовском распределении.

На этом фоне пухнут, как на дрожжах, штаты экономистов, менеджеров, финансовые отделы и бухгалтерии занимают в больницах уже не кабинеты, а этажи. Картина, когда молодая девочка-экономист распекает пожилого доктора за ошибки в заполнении какого-нибудь талона из бесчисленного множества оных, в наших больницах уже никого не удивляет: престиж врача непрерывно повышается!

Государственные гарантии бесплатной медицинской помощи практически на универсальной основе сегодня превращаются в пустые декларации. Платность медицинских услуг нарастает. Проведенные в последние годы обследования личных расходов населения на медицинскую помощь показывают, что объем этих расходов составляет 40–45% от совокупных затрат на медицинскую помощь (государственных и личных). Более 50% пациентов платят за лечение в стационарах, 30% — за амбулаторно-поликлиническую помощь, 65% — за стоматологические услуги. За последний год за платными медицинскими услугами были вынуждены обратиться 67% жителей городов. Число клиентов платных медицинских услуг в 2012 г. составило 82 млн. человек. Объем российского рынка платных медуслуг в 2012 г. достиг 490–560 млрд рублей, причем от 15 до 20% его приходится на теневой сектор.

По данным главного кардиолога Москвы Ю. Бузиашвили, около 17 млрд долларов население РФ тратит на лечение за границей, а более 30 млрд уходит на услуги экстрасенсов и колдунов. Так, по данным немецких СМИ, объем рынка медицинских услуг в Германии в течение двух лет (2011–2012 гг.) вырос в три раза — до 1 млрд евро, и произошло это в основном за счет пациентов из РФ и других стран СНГ. Понятно, что такие траты могут позволить себе состоятельные люди; часть средств собирается «всем миром» на лечение тяжелобольных, в основном детей и онкобольных. Для малоимущих слоев на-

селения доступная медпомощь становится призраком.

Во-первых, задуманные как дополнительные, платные услуги сплошь и рядом замещают виды и объемы помощи, бесплатное оказание которых формально гарантировано населению. В ситуации острой нехватки средств медикам легко оправдывать такую практику. На самом деле масштабы развития платных услуг сегодня во многом определяются расплывчатостью гарантий предоставления бесплатной медицинской помощи. К тому же в условиях сметного финансирования государственных и муниципальных лечебно-профилактических учреждений (ЛПУ) бюджетные средства рассматриваются ими как плата за то, что они в принципе существуют и пациенты могут в них прийти. А реальная деятельность и реальные экономические интересы все более перемещаются в сферу платных услуг. Эта логика безответственности за выделенные бюджетные средства становится все более распространенной.

Во-вторых, пациенты лишены защиты в сфере платных услуг и неформальных платежей. Потраченные деньги отнюдь не гарантируют высокое качество лечения на единицу затрат. В ситуации, когда продавцом услуг является врач, больной неизбежно переплачивает — за дополнительные и не всегда нужные консультации, исследования, дни пребывания в стационаре и прочая. Например, частота ультразвуковых исследований, по свидетельству специалистов, у нас сейчас почти в три раза выше, чем в Европе (в 1996 г. — в два раза). Огромные затраты на переоснащение больниц современной аппаратурой (так, руководитель московского Департамента здравоохранения Леонид Печатников в интервью одному из телеканалов сообщил, что в одной Москве современного медицинского оборудования больше, чем во всей Франции или Великобритании) не сделали доступнее для насе-

ления высокотехнологичные методики обследования. Во многих ЛПУ оборудование простаивает из-за отсутствия умеющего на нем работать персонала.

В-третьих, платежи населения (особенно неформальные) никак не связаны с общественными приоритетами развития здравоохранения. Эти деньги не поддерживают развитие участковой службы и общих врачебных практик (здесь эти платежи как раз слабо развиты, участковым врачам платят реже и меньше) и, наоборот, содействуют росту объемов специализированной помощи, во многих случаях искусственно поддерживая излишние мощности медицинских учреждений.

В сфере платной медицины сегодня сосредоточены серьезные деньги, существенно выходящие за рамки статистической отчетности и государственного контроля. Происходит скрытая коммерциализация, а иногда и фактическая приватизация наиболее привлекательных для населения медицинских учреждений и служб. Обратная сторона этого процесса — имущественное расслоение врачебного корпуса. Врачи с непозволительно низкой зарплатой часто работают бок о бок с коллегами и администраторами, чей жизненный уровень сопоставим с уровнем их западноевропейских коллег.

Я намеренно не привожу здесь цифры заболеваемости, так как это отдельная, плохо осознаваемая обществом проблема. Дело в том, что существующая архаичная система медицинской статистики, так и не созданная единая база электронных медицинских карт привели к тому, что в нашей стране регистрируется не заболеваемость, а посещаемость. Немалый вклад в это внесли и медицинские страховые компании, которые оплачивают работу ЛПУ по «законченному случаю», что вынуждает руководство клиник заставлять врачей «писать карты» — вписывать в амбулаторные карты пациентов не имевшие место посещения, то есть по сути заниматься приписками.

Еще один аспект проблемы здравоохранения, про который практически нигде не говорится, — это моральное состояние медиков. За десятилетия реформ и экспериментов наиболее активная, энергичная, «живая» часть врачебного корпуса ушла из профессии — либо эмигрировала, либо сменила род занятий. Оставшиеся в государственной медицине — это в основном женщины предпенсионного возраста, апатичные, задавленные рутинной, в буквальном смысле тянущие лямку. Да, в крупных городах, где много частных клиник, в которых уровень требований к врачу выше, выше и уровень заработка, а это позволяет медику заниматься самообразованием, и не только профессиональным. Но в общей массе наши врачи считаются интеллигенцией в силу культурной инерции. На самом деле они значительно больше соответствуют родившемуся в последнее десятилетие прозвищу «бюджетники». Они в буквальном смысле как овцы идут туда и делают то, что «велит начальство». Селекция медицинского сообщества из «свободной профессии» в «управляемое большинство», как мы можем видеть, в нашей стране завершилась успешно.

* * *

Можно еще долго говорить о проблемах нашей медицины, но скорбный список ее проблем и бед не вмещается в формат журнальной статьи. Да и целью нашей работы все же является попытка найти выход из этой ситуации, а не запугивание читателя.

Поскольку основным инструментом реформирования здравоохранения является выбор модели здравоохранения, необходимо вкратце описать возможные варианты.

Но вначале необходимо четко разъяснить, что в экономике не существует ничего бесплатного, так же как и *не существует бесплатной медицины*. Когда говорят «бесплатно», то подразумевают только тот факт, что гражда-

не не платят в момент получения медицинской услуги. Однако в любом случае они ее оплачивают или через общие налоги, или через страховые механизмы, тем более что современные системы здравоохранения в основном построены на принципе предварительной оплаты. Поэтому утверждения о том, что наша медицина якобы бесплатная, является или экономической безграмотностью, или политическим маневром, направленным на обоснование необходимости привлечения населения к непосредственной оплате медицинской помощи. А выбор модели здравоохранения, в сущности, — это выбор механизма распределения средств.

Все существующие в мире в настоящее время *системы здравоохранения* основываются на трех базовых моделях:

- 1) Бисмарка (немецкая);
- 2) Бевериджа (английская);
- 3) Семашко (советская).

Первой в истории систем здравоохранения возникла немецкая модель, созданная канцлером Отто фон Бисмарком в 1881 г. с целью укрепления здоровья простых рабочих, которые рассматривались как потенциальные военнослужащие. Изначально созданные фонды соцстраха, оплачивающие расходы на лечение, пособия по безработице, пенсии постепенно выделились в больничные кассы. Они получали 2/3 взносов от работников и 1/3 от работодателей. В дальнейшем кассы слились в страховые компании, а в структуре взносов доминирующими стали средства работодателей. Оплата врачей за услугу, которая вначале носила гонорарный принцип, была заменена на метод оплаты за услуги в баллах. Это позволяет избежать назначения ненужных дорогостоящих процедур и дает возможность регулировать расходы, исходя из результатов лечения. Эта модель до сих пор служит основой здравоохранения Германии.

Система Бевериджа появилась в Англии в 1911 г. и очень быстро была под-

держана почти третью населения, а в дальнейшем ее стал вводить премьер-министр Великобритании Дэвид Ллойд-Джордж. Ее сохранившаяся до настоящего времени отличительная особенность — зависимость оплаты врача от количества обслуживаемых им зарегистрированных пациентов. Основной принцип оплаты — деньги следуют за пациентом — оставляет им право свободного выбора врача, а сумма гонорара зависит от числа пациентов, их пола, возраста и социального статуса. На престарелых, детей до 4-х лет, женщин фертильного возраста и жителей бедных районов выплаты выше. Подушевая оплата включает и средства для стационарного лечения, что предупреждает необоснованную госпитализацию. Английская система стимулирует врача общей практики своевременно проводить профилактическую работу, так как это дешевле, чем бороться с последствиями развившейся болезни. Дальнейшие реформы, проведенные Маргарет Тэтчер, позволили на добровольной основе объединяться нескольким врачам общей практики в фондодержателей. Такая группа врачей получала годовой бюджет, включающий средства на лечение и профилактику заболеваний, требующих дорогостоящего стационарного лечения и услуг узких специалистов. Теперь единичный случай тяжелого заболевания не мог разорить группу врачей-фондодержателей, так как их общий бюджет снижал риск банкротства. Такой принцип фондодержательства позволяет Англии расходовать в 1,5–2 раза меньше средств при сопоставимом качестве медицинского обслуживания по сравнению с другими развитыми странами. Этот метод зарекомендовал себя так хорошо, что Тони Блэр ввел обязательным объединение врачей в крупные группы фондодержателей.

Система Семашко — советская модель здравоохранения, централизованная государственная медицина. Все

медицинские услуги оказываются государственным сектором, финансирование которого осуществляется главным образом из госбюджета, за счет налогов с предприятий и населения. Население страны получает медицинскую помощь бесплатно (за исключением небольшого набора медицинских услуг). Эта модель прекрасно справлялась с массовыми эпидемиями начала прошлого века, но оказалась неэффективной к его середине, при изменении структуры заболеваемости в сторону неинфекционной патологии и увеличении числа пожилых людей.

Ни одна из этих моделей в настоящее время в чистом виде не существует ни в одной стране мира. Принятые в разных странах модели — в той или иной степени миксты из трех базовых.

Поэтому, в соответствии с доминирующим методом финансирования систем здравоохранения, наиболее распространены в мире следующие:

— системы здравоохранения, финансирование которых преимущественно основано на всеобщем налогообложении. Оно используется в скандинавских странах, Ирландии, Великобритании и странах Южной Европы (Греция, Испания, Италия), где государственный сектор признается основным источником финансирования. Это позволяет обеспечить всеобщий доступ населения к службам здравоохранения. Сторону потребителей медицинских услуг представляют органы охраны здоровья;

— системы здравоохранения, основным источником финансирования которых является социальное страхование. В этих системах (Бельгия, Австрия, Германия, Люксембург, Франция, Швейцария) государство регулирует и строго контролирует органы здравоохранения либо с целью сдерживания расходов (например, путем установления максимальных страховых взносов), либо обеспечения большей степени равенства и солидарности. Роль потребителей медицинских

услуг выполняют страховые компании; — системы здравоохранения, основным источником финансирования которых является налог, взимаемый с заработной платы (большинство стран Центральной и Восточной Европы, СНГ).

Мы видим, что эти модели здравоохранения строятся либо на солидарной, либо на либертатной идеологии. Суть солидарной идеологии заключается в обеспечении равного доступа к минимальному набору наиболее важных медицинских услуг, особенно в случае угрозы жизни пациента. Это означает, что затраты на лечение идут не из кармана граждан, а завуалированно, через налоговую систему и общий бюджет. Социально не обеспеченные граждане освобождаются от платежей, но имеют доступ к получению минимальной медицинской помощи. Таким образом выполняется принцип общественной солидарности, когда богатый платит за бедного, здоровый — за больного. Поскольку этические нормы зачастую вступают в конфликт с экономическими принципами, в последнее время в мире идет поиск «золотой середины» — происходит сближение либертатной и солидарной идеологий.

Не менее разнообразны и *модели медицинского страхования*. В настоящее время в Европе они децентрализованы и наполняются из трех источников финансирования: государственные субсидии, целевые взносы работодателей и взносы самих работников, причем соотношение этих вкладов весьма вариабельно в разных странах.

В медицинском страховании Канады доминирует система сберегательных счетов медицинского страхования (СССМС), что позволяет снизить расходы как работодателя, так и работника в среднем на 20%. Сберегательные счета формируются из отчислений работодателей и принадлежат работнику, не израсходованные на лечение средства накапливаются на его счете. Работники инвестируют эти средства,

а проценты используют для оплаты более дорогих услуг. Это дает, с одной стороны, возможность капитализации средств рынка медицинских услуг; с другой, эта система сразу привлекает внимание потребителей медицинских услуг, дает им уверенность в том, что эти отчисления — их собственность. Однако в этой системе есть изъян: если пациенту понадобится очень дорогостоящее лечение, для его оплаты накопительного счета просто не хватит. В то же время государство осуществляет дополнительные страховые платежи — от полного до частичного покрытия в зависимости от возраста и состояния здоровья пациента. Эта модель страхования считается экономной, так как заинтересованное участие пациента устраняет излишние затраты.

Как мы видим, ни одна из наиболее распространенных моделей здравоохранения не может быть целиком и полностью пересажена на нашу почву. В немалой степени провал четвертьвековой истории реформ в здравоохранении России объясняется и механистическим подходом в духе «Женитьбы» Гоголя: объявим сохранение бесплатной медицины, добавим обязательное медицинское страхование, как в Германии, добровольное, как в Штатах, побольше платной медицины, немного бюджетного финансирования, тщательно перемешаем... и — вуаля!

Итак, перед нами встают два извечных русских вопроса: кто виноват и что делать?

Но вначале, не претендуя на истину в последней инстанции, постараемся кратко описать основные «узловые точки», в которых концентрируются генераторы проблем нашего здравоохранения. Они, понятное дело, сами не рассосутся.

Проблемы:

- 1) недоступность и низкое качество медицинской помощи;
- 2) непрозрачность финансирования АПУ;

3) противоречия и хаотичность законодательной базы;

4) проблема оплаты труда медиков;

5) недоступность лекарственных средств;

6) отсутствие квалифицированного управления здравоохранением;

7) отсутствие достоверной статистики (группы риска, заболеваемость);

8) отсутствие независимых профессиональных медицинских организаций;

9) отсутствие контроля качества медпомощи;

10) отсутствие профилактической медицины;

11) конфликт профессиональных интересов и государственного законодательства;

12) отсутствие этапности медпомощи, горизонтальных связей между врачами разных специальностей;

13) диспропорции в структуре медицинского состава;

14) низкий уровень профессионального образования и повышения квалификации (непрерывного последипломного образования);

15) сокращение коечного фонда;

16) недоступность высокотехнологичных видов медицинской помощи;

17) формализованная и архаичная система образования и повышения квалификации (непрерывная постдипломная подготовка) врачей;

18) отсутствие заинтересованности в приобретении врачом новых знаний и умений;

19) отсутствие преемственности поколений в медицине, старение специалистов.

Понятно, что только финансовыми вливаниями и административными перестановками этот огромный пласт проблем не решить. Основная беда, «альфа и омега» всех неудач в реформировании медицинской отрасли — это отказ реформаторов четко сформулировать для жителей страны, кто (или что) является точкой приложения

и целью проводимых реформ: **человек и его здоровье** или **финансовая прибыль**, которую получит государство и аффилированные с ним лица при проведении реформ (ведь все реформы имеют под собой конкретные финансовые потоки).

Исторически сложилось, что в нашей стране и население, и властный аппарат относятся ко многим общечеловеческим ценностям как к декларациям, которые необходимо озвучивать, но совершенно необязательно исполнять. Это нечто вроде фигового листка, которым «приличные люди» обязаны прикрывать свои истинные цели. Право человека на здоровье — не исключение. В современной России право на охрану здоровья и бесплатную медицинскую помощь закреплено в 41-й статье Конституции наряду с другими правами и свободами человека и гражданина. В реальности в современной российской модели здравоохранения во главе угла стоит принцип получения прибыли любой ценой, на худой конец — минимизации экономических затрат для государства (но не для гражданина!). Замечательно выразил это все тот же доктор Рошаль: «Думаем про деньги. Впереди встал рубль, а про народ при таком подходе к рентабельности стали забывать».

Главный вопрос, который сегодня волнует специалистов в области экономики здравоохранения: что представляют собой расходы на здравоохранение — затраты или инвестиции в человека? — в нашей стране в настоящее время решается исключительно в первом смысле.

Но как сделать, чтобы декларируемый принцип «человек важнее денег» начал исполняться на деле?

Первое и главное условие: разработка концепции, реформирование здравоохранения, его проведение и контроль над осуществлением реформ необходимо вырвать из одних и тех же цепких лап. Мы можем с уверенностью утверждать, что ни одна из про-

водимых либеральных реформ в сфере охраны правопорядка, образования, здравоохранения не привела к позитивным сдвигам именно потому, что идеологом, заказчиком, разработчиком и реализатором реформ выступало только государство.

Ситуация с проведением реформ силами только реформируемой системы, будь то здравоохранение, МВД (полиция) или образование, наглядно продемонстрировала невозможность изменения и улучшения «внутри системы».

В нашей стране исторически сложилась практика **монополии государства на реформы** — государство описывает проблему («вызовы»), декларирует цели и задачи и определяет пути решения. Профессиональные сообщества и население «берут под козырек» и принимают за решение проблемы и выполнение поставленных задач. В случае неудачи ответственность всегда возлагается на профессионалов — «доноров услуги» и население — «акцепторов услуги» и полностью снимается с государства. Таким образом, из трех равноправных и равно заинтересованных в решении проблемы сторон — государства, населения и профессиональных сообществ — первое получает полную свободу принятия решений и одновременно полное освобождение от всякой ответственности.

Как известно, существовал только один персонаж, который смог сам себя вытащить из болота — имя ему барон Мюнхгаузен. В нашем случае этот фокус повторить не удалось. По существу, все проводимые до нынешнего времени реформы в той или иной степени являются аппаратными играми, борьбой той или иной группы влияния, стоящей рядом с «первыми лицами государства», за проталкивание своего видения решения проблемы, своего варианта реформ. Ведь это — контроль над денежными потоками, золотой дождь. Понятно, что интересы народа при таком подходе учитываются в

последнюю очередь, если вообще принимаются во внимание.

* * *

Видя нынешнюю ситуацию в стране, отношения власти и народа, фактически полное отсутствие гражданского общества и механизмов его воздействия на государственный аппарат, который по Конституции должен быть всего лишь инструментом в руках «основного источника власти — народа», но уже давно вышел из его подчинения и подавил вокруг себя все живое, — статью можно было бы на этом закончить. Ведь в нынешней неофеодальной России, сколько бы идей ни исходило от граждан — все они лишь прекраснодушные мечтания. Прав решать свою судьбу и определять свою жизнь у народов РФ нет. Поэтому всерьез обсуждать пути и способы решения проблем здравоохранения мы можем лишь в виде некоей идеальной модели.

Но попробуем хотя бы умозрительно сконструировать такую идеальную модель — в России создается национальное государство, и русскому народу в рамках подлинного народовластия (той самой демократии!) надо разгрести оставленные в наследство квазиимперской Эрэфией завалы. Одним из первых и наиболее важных, в силу всех вышеперечисленных фактов, с неизбежностью встанет вопрос реформирования здравоохранения.

Ни государство, ни профильные ведомства не будут в состоянии решить эту задачу без учета мнения двух других, причем главных, определяющих сторон — медицинского сообщества как исполнителя и населения страны как потребителя «конечного продукта» — медицинской помощи. Поэтому необходимым условием улучшения ситуации в здравоохранении должно быть разграничение медицины и организации здравоохранения: разрушение монополии Минздрава на принятие решений и построение професси-

онального независимого медицинского сообщества.

Второе условие — привлечение к реформе населения. Вначале хотя бы наиболее активной его части — сообществ пациентов, организаций инвалидов, ветеранов, пенсионеров (да-да!), волонтерских организаций, оказывающих различную помощь незащищенным слоям населения. Участие этих двух групп должно строиться не по принципу пирамиды, как сейчас, а по принципу равностороннего треугольника. Ведь ни для кого ни секрет, что средневековое писание «наказов населения» при обсуждении реформ — всего лишь канализация народного недовольства, не более. Эти слегка модернизированные «челобитные государю-батюшке» или «доброму барину-министру» закрепляют феодалный принцип «прошения» холопами подачек у господина, а не служат выработке консенсуса равноправными участниками процесса.

В истории России мы знаем два инструмента решения подобных проблем — Земские Соборы и Учредительное Собрание. Нам могут возразить, что они созывались для решения основополагающих, базовых проблем страны. Но вопрос здоровья и самой жизни народа — это основа основ, в конце концов, вопрос будущего страны.

Определить будущую модель здравоохранения должны жители, профессиональное сообщество и аппарат управления на основе выбора делегатов для участия в работе органа по реформированию здравоохранения путем прямых, всеобщих, тайных выборов, без различий пола и национальной принадлежности, с применением пропорционального представительства. Это позволит принять участие от медицинского сообщества наиболее авторитетным специалистам-практикам, ученым, а не только корпусу главврачей, как зачастую сейчас происходит на различных медицинских съездах; от населения — эконо-

мистам, юристам, представителям бизнеса или общественных организаций, непосредственно не принимающим и не влияющим на проталкивание той или иной идеи в недрах правительства и профильных министерств, как зачастую это происходит сейчас, то есть не имеющих конфликт интересов.

Это Собрание (оставим как рабочее название) должно выбрать из экспертного сообщества рабочие группы, которые разработают и представят на рассмотрение различные модели здравоохранения.

Для выработки стратегии реформирования медицинской отрасли, помимо характеристики имеющихся проблем, необходимо будет провести анализ различных вариантов (моделей систем здравоохранения) по следующим реперным точкам:

1. Система финансирования здравоохранения: кто платит?

— уровень государственных гарантий;

— объем и формы государственного финансирования;

— объем и формы личного финансирования;

— соотношение общественной солидарности и личной (групповой) ответственности.

2. Система оказания медицинской помощи: за что платим?

— масштабы и формы реструктуризации сети медицинских учреждений;

— степень хозяйственной самостоятельности лечебно-профилактических учреждений (ЛПУ);

— мотивация ЛПУ и их персонала.

3. Влияние изменений в системе финансирования и оказания медицинской помощи на:

— доступность медицинской помощи;

— равенство;

— эффективность использования ресурсов;

— медицинскую (качество и вклад в показатели здоровья);

— локальную (на уровне ЛПУ);

— структурную (рациональность структуры).

Рассмотрение и обсуждение представленных моделей должно проводиться открыто, в условиях состязательности. Собрание должно будет рассмотреть, обсудить и принять ту или иную модель здравоохранения, и только после этого она будет отправлена в министерство для осуществления.

В процессе подготовки этой статьи я провела мини-опрос. Достаточно большому количеству моих знакомых-немедиков (несколько десятков человек) я задавала два вопроса: «Каким они хотели бы видеть наше здравоохранение?» и «Хотели бы они знать, как распределяются средства на здравоохранение, и участвовать в контроле над этим процессом?». Среди этих людей были журналисты, инженеры, юристы. В подавляющем большинстве ответы удручающие: «1) Хотим, чтобы все было бесплатно. 2) Пусть этим занимается государство, у нас есть много своих проблем». Обществу с такими установками очень сложно объяснить, что, например, в европейских государствах и США при муниципальных больницах существуют попечительские советы из горожан, которые контролируют каждый шаг администрации клиник, а обсуждение расходов на здравоохранение составляет существенную часть предвыборных программ кандидатов.

Мы традиционно воспринимаем «народ» в страдательном падеже по отношению к власти, не замечая, что эта поза страдальца снимает со многих людей их долю вины за происходящее. «Да, медицина у нас плохая, но ведь я лично ничего не могу поделать. Поэтому я ни в чем не виноват». А ведь какие бы реформы ни проводили, без участия народа в их принятии и осуществлении толку не будет. Позиция иждивенца освобождает от ответственности, но вынуждает питаться объедками с чужого стола.

Поэтому, если все мечтающие о полностью бесплатной медицине будут информированы, какую долю бюдже-

та страна может выделить на «сбычу их мечт» или же какой налог они будут платить на эти цели, какие есть варианты выбора, — все реформы закончатся так же «успешно», как и предыдущие.

И, кстати, это сможет решить еще одну, столь долго муссируемую проблему — нежелание народа «заботиться о своем здоровье». По настоящему может это делать только свободный человек, который осознает свое здоровье, как и жизнь, абсолютной ценностью, принадлежащей ему и на которую он может влиять в том или ином направлении. Государственные рабы знают, что их жизнь принадлежит государству, и единственное, что они могут в таких условиях сделать самостоятельно, без участия государства — прервать ее. Кто не согласен, пусть посмотрит статистику самоубийств в РФ.

Без действительно всенародного обсуждения и всеобщего принятия решения наше здравоохранение медленно угаснет. Здоровье народа — тоже.

Понятно, что каждый из жителей страны не может понять и разобраться в сложностях и тонкостях перечисленных схем и моделей. Но ведь и юридическое образование — удел немногих, а суды присяжных показали свою эффективность в большинстве стран мира. Несмотря на снобизм «элиты», у народа хватает разума и чутья понять, «что такое — хорошо и что такое — плохо». Конечно, нынешнее состояние русского народа являет собой плачевное зрелище как с позиций осознания и озвучивания своих интересов, так и умения отстоять их. Разобщенные, атомизированные, безынициативные люди, преисполненные патерналистских чаяний к «родному государству», в гораздо большей степени достойны называться «населением», чем «народом». Но без пересмотра взаимоотношений между народом и государством будущее здравоохранения, а значит, и само здоровье, жизнь и будущность народа весьма проблематичны.

МАТВЕЙ ЦЗЕН

УГОЛОВНОЕ ПРАВО В НАЦИОНАЛЬНО- ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Эта статья является попыткой осмысления автором — практикующим уголовным адвокатом — того, какие изменения повлечёт за собой в области его профессиональных интересов приход к власти в России политических сил национально-демократической ориентации. Поскольку автор сам относит себя к национальным демократам, то и его видение будущего неизбежно несёт на себе отпечаток личных пристрастий.

Прежде чем отправиться в наше небольшое путешествие в будущее, определимся с терминами. Под уголовным правом в рамках настоящей статьи я понимаю совокупность двух отраслей права: закона(-ов), определяющего, что является преступлением, а что нет, — *материального права* — и закона, определяющего, как надо применять предыдущий закон и как отправлять правосудие, — *процессуального права*.

Также хочу сделать важное методологическое замечание. Подобно тому как генералы всегда готовятся к прошедшей войне, так и законы зачастую написаны таким образом, чтобы защитить от злоупотреблений, которые уже случились в прошлом, и не допустить их повторения. Проиллюстрирую свою мысль: представьте перед своим мысленным взором образ репрессий образца 1937 года. Скорее всего, у вас в голове возникнет такая картинка: ночной обыск безо всякого основания; за-

держанного увозят куда-то, не объясняя родным, куда и зачем; ночной же допрос, в ходе которого человеку даже не объясняют, в чём он подозревается и какие у него в связи с этим есть права; пытками выбиваемый самооговор; затем «суд», где вместо независимого судьи — «тройка» сотрудников НКВД, а доказательства обвинения не показываются обвиняемому, чтобы он мог как-то на них ответить; и в итоге — приговор «без права обжалования».

Похоже, что именно такой образ был и перед глазами авторов современного уголовно-процессуального законодательства, которые включили в него множество элементов, препятствующих повторению подобных картин. Так, в частности, запрещено проведение обысков и допросов ночью, продолжительность самих допросов строго ограничена; для обыска жилища требуется санкция суда; запрещено создание каких-либо чрезвычайных судов и передача судебных полномочий другим органам. А уж разнообразное разъяснение прав и содержание обвинения предусмотрено перед каждым(!) следственным действием. Со всеми доказательствами обвинения обвиняемого знакомят заранее, а стадий обжалования приговора аж три. В целом, надо сказать, задуманное реализовано, и повторение репрессий «как в 1937 году» невозможно без коренного изменения всей законодательной базы.

Вместе с тем редкий россиянин за-

явит о том, что доверяет российской правоохранительной системе: многие знают о «заказных» уголовных делах как по коррупционным, так и по политическим мотивам; назначаемые наказания зачастую удивляют: то своей необыкновенной мягкостью (например, по делу убившего И. Агафонова Р. Мирзаева, признанного виновным, но освобождённого из зала суда, или по делу сенатора И. Провкина, за два эпизода изнасилования получившего четыре года условно), то, наоборот, своей чрезвычайной суровостью (как, например, фигурантам «болотного дела»). Расследование и рассмотрение уголовных дел нередко носит крайне формалистский характер, когда масса времени и сил тратится на соблюдение многочисленных формальностей, а существу дела уделяется крайне мало внимания. Серьёзное недовольство вызывает и существование 282-й статьи Уголовного кодекса, которая мало того что используется как инструмент точечных политических репрессий, так и сформулирована настолько размытым образом, что быть привлечённым по ней рискует практически каждый пользователь Интернета.

Таким образом, проблемы и злоупотребления известны и очевидны. Каким же образом будут они решаться в будущем национально-демократическом государстве?

Начнём с общего, но необходимого. Раз уж мы исходим из будущего национально-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО государства, то я считаю, что в целом основополагающие понятия и институты правоохранительной системы: законы как таковые, суд, принципы уголовного судопроизводства и т.п. — сохранятся, поскольку они основаны на общеевропейских принципах, восходящих к римскому праву; то есть революционных изменений не будет. Однако это совсем не означает, что изменений не будет совсем или они коснутся только персоналий — мол, «законы у нас хорошие, только их не исполня-

ют». Прежде всего рассмотрим изменения в уголовном законодательстве, то есть в законе, определяющем, что является преступлением и какое за это положено наказание.

Материальное право

Совершенно очевидно, что из Уголовного кодекса будет исключена 282-я статья, как препятствующая реализации права на свободу слова, которая будет одной из основополагающих ценностей национально-демократического государства. Вместе с ней исчезнет и весь комплекс «экстремистских» статей и сопутствующих институтов (Список экстремистских материалов и Перечень Росфинмониторинга). Само понятие «экстремизм» вернётся к своему словарному значению — приверженность крайним взглядам и мерам — и из термина уголовного права станет термином политологии.

В связи с исчезновением 282-й статьи разумным будет выглядеть и исключение ст. 128-1 «Клевета» — «распространение заведомо ложных порочащих сведений» — с переводом соответствующих отношений в область гражданского права.

Исчезнет и такое отягчающее обстоятельство совершения преступления, как совершение его по мотивам какой-либо розни, поскольку, по здравому рассуждению, совершенно непонятно, чем такое преступление опаснее совершённого, например, в силу неспособности контролировать собственные эмоции.

Поскольку новое законодательство будет стремиться к максимальной чёткости определений, то и «хулиганство» (ст. 213) — «грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу», также будет исключено, но не полностью, а как бы «растворившись» в новом виде отягчающего обстоятельства «совершение преступления в общественном месте» и ряде изменений в

формулировках составов других преступлений.

Исключена должна быть и часть 1 ст. 148 УК («Нарушение права на свободу совести и вероисповедания») — «публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершённые в целях оскорбления религиозных чувств верующих», при этом уголовная ответственность за «воспрепятствование деятельности религиозных организаций и проведению... религиозных обрядов и церемоний» (ч. 3 ст. 148 УК) безусловно сохранится.

Возможно, что и ст. 116 УК «Побои» — «нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших боль, но не повлёкших вреда здоровью» — будет декриминализована и из уголовного преступления станет административным правонарушением. Это существенным образом уменьшит нагрузку на полицию, позволив рассматривать такие дела по облегчённой административной процедуре и привлекать к ответственности обоих участников обоюдной драки, что сейчас практически невозможно. Также исчезнет практика злоупотреблений данной статьёй в межличностных конфликтах.

Самые же существенные изменения, как я предполагаю, произойдут в области назначения наказания. Их можно разделить на два блока. Первый — это сближение верхних и нижних пределов возможного наказания. Например, сейчас «вилка» наказания по ч. 4 ст. 111 УК РФ («нанесение тяжких телесных повреждений по неосторожности повлёкшее смерть») составляет 14 с половиной лет: от шести месяцев до 15 лет лишения свободы. Аналогичная ситуация и с абсолютным большинством других преступлений: «вилки» наказания крайне широки, что открывает простор для разного рода злоупотреблений и позволяет назначать наказание, которое «формально верно, а по существу издевательство». Бороться с этим можно как собственно сужением

«вилки», так и приданием отягчающим и смягчающим вину обстоятельствам большего значения при назначении наказания и формализации этого значения.

Второй блок изменений в наказаниях — существенно будут повышены наказания за преступления, результатом которых является смерть потерпевшего. С развитием общества возрастает относительная ценность человеческой жизни и, соответственно, уменьшается относительная ценность материальных ценностей. К сожалению, это слабо отразилось в российском Уголовном кодексе. Так, максимальное наказание за доведение до самоубийства — 5 лет (лишения свободы), за причинение смерти по неосторожности — 2 года, нарушение правил дорожного движения, повлёкшее смерть человека, — 5 лет, а за незаконный поиск археологических предметов с использованием, например, металлоискателя — 6 лет, за мошенничество с кредитом на сумму более 6 миллионов рублей — 10 лет. Очевидно, что такое соотношение наказаний не отражает реального отношения общества к подобному рода преступлениям и нуждается в изменении.

Также, я считаю, должна быть исключена норма о том, что при вынесении приговора при обвинении одного обвиняемого в нескольких преступлениях наказания за разные преступления не складываются, а полностью либо частично «поглощаются», при этом максимальный срок наказания не может быть более чем в полтора раза больше, чем максимальный срок за самое тяжкое из преступлений. Так, например, серийный насильник С. Ревякин, осуждённый за 24(!) эпизода изнасилований путём частичного сложения наказаний получил 6(!) лет лишения свободы, то есть по 3,5(!) месяца за каждый эпизод. При этом, даже если бы суд назначил ему максимально возможное наказание — 9 лет лишения свободы, то и тогда бы за каждое изна-

силование он получил бы всего по 5 месяцев. Ничем иным, кроме как поощрением серийной и профессиональной преступности, подобную норму закона я объяснить не могу.

Возникновение каких-либо принципиально новых составов преступления, вроде предлагавшегося некоторыми горячими головами «Оскорбления величества русского народа», я не ожидаю, поскольку общей тенденцией будет снижение репрессивности законодательства, особенно политической, а не просто изменение её вектора. Да и не хотелось бы иметь «свою» 282-ю статью. Однако возможно, что ответственность за преступления, посягающие на основополагающие политические свободы (слова, совести, собраний, союзов), будет усилена, а сами формулировки соответствующих преступлений будут доработаны так, чтобы из декларативных они стали практически применимыми — рабочими.

Отдельным вопросом является применение смертной казни. Вопрос этот сильно политизирован, и общественное мнение в его отношении колеблется, но моя лично-профессиональная точка зрения состоит в том, что в мирное время смертная казнь применяться не должна и высшей мерой наказания должно быть пожизненное лишение свободы, в военное же время и в условиях чрезвычайного положения — допустима смертная казнь по ограниченному количеству особо тяжких преступлений.

Процессуальное право

Перейдём теперь к тому, какие изменения произойдут в уголовно-процессуальном праве. Здесь, в отличие от уголовного права, возможны изменения, причём довольно существенные, хотя и не революционные. Я говорю об отказе от системы «предварительного расследования» и переходе на систему «судебного следствия», аналогичную той, которая используется в странах англо-саксонского пра-

ва. В спорах о сравнительных достоинствах и недостатках этих систем сломано немало копий и получено много учёных степеней, поэтому не вижу смысла углубляться в них в рамках этой статьи, тем более что по большей части это узкоспециальные юридические вопросы, не очень понятные не-юристам. Поэтому, говоря об уголовно-процессуальном праве, имеет смысл сосредоточиться на результатах тех или иных изменений, не вдаваясь в технические детали их реализации.

Национальный характер государства естественным образом предполагает расширение народного участия в отправлении правосудия, для чего существует институт суда присяжных, в котором решение о виновности или невиновности обвиняемого принимают случайным образом (как правило, по спискам избирателей) отобранные граждане, а профессиональный судья лишь ведёт процесс и назначает наказание. Соответственно, логичным будет ожидать в национально-демократическом государстве расширения участия присяжных в судопроизводстве. Пределом такого расширения являются лишь финансовые ограничения.

Соответственно, развитие получат и различные формы досудебных и судебных соглашений, которые представляют собой экономные формы правосудия при согласии с обвинением, существующие и в нынешней практике, но доведённые до своего логического завершения — при заключении такого соглашения обвиняемый будет знать конкретный размер наказания, который он получит (чего сейчас нет). При этом, в совокупности с изменениями в уголовном праве, о которых говорилось выше, ожидается, что основной объём уголовных дел (до 90%) будет рассматриваться именно таким образом, ещё какая-то часть (7–8%) уголовных дел будет рассматриваться профессиональным судьёй (при несогласии между стороной защиты и об-

винения, например, по квалифицирующим признакам) и лишь малая часть уголовных дел (2–3%), по которым обвиняемый заявляет о своей категорической невинности, будет рассматривать судом присяжных.

Расширятся процессуальные полномочия защиты, особенно в части представления доказательств — традиционная проблема советского, а теперь и российского правоприменения — что обеспечит реальное, а не декларативное процессуальное равенство сторон в уголовном процессе.

Будет совершенствоваться, а точнее, создаваться заново доказательственное право — система правил оценки доказательств, поскольку в современном российском уголовном процессе никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы и все доказательства оцениваются по «внутреннему убеждению», что порождает широкое пространство для судейского произвола; практическая реализация этого принципа приводит к тому,

что всё что угодно может быть доказано чем угодно, и, одновременно, ничто ничего не доказывает.

* * *

Таким образом, общими направлениями развития уголовного права в национальном государстве станут:

— исчезновение репрессивных и неопределённо сформулированных составов преступлений;

— декриминализация ряда незначительных уголовных составов;

— повышение уголовно-правовой защиты жизни человека путём назначения за преступления с фатальным исходом более тяжкого наказания;

— развитие суда присяжных заседателей с тем, чтобы, в идеале, каждый обвиняемый имел бы право на него;

— уменьшение судейского произвола как при оценке доказательств, так и при назначении наказания;

— ликвидация институтов, поощряющих серийную и профессиональную преступность.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СКИМЕНЬ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Александр Храмов. «Катехизис национал-демократа»

В книге молодого политика и публициста Александра Храмова затрагивается проблематика отношений нации и империи в российской истории, рассматриваются особенности и генезис российского федерализма. Что такое русский демократический национализм, возможно ли трансформировать Российскую Федерацию в русское национальное государство — на эти и другие вопросы автор пытается дать ответ в рамках национал-демократической парадигмы. Книга предназначена широкому кругу читателей, интересующихся историей и современным политическим процессом в России.

По вопросам распространения и приобретения: 8-964-580-1912, lasido@mail.ru (Надежда Шалимова).

АЛЕКСАНДР ХРАМОВ

КАК СБЕРЕГАТЬ НЕФТЯНЫЕ ДЕНЬГИ: ИДЕЯ НАЦИИ, ДЖОН РОЛЗ И ФОНДЫ БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ

1. Последние дни «нефтяной копилки» РФ

В середине декабря 2013 г., когда в центре Киева как грибы росли баррикады, Владимир Путин распорядился выделить Украине кредит размером 15 млрд долларов. Эту беспрецедентную сумму предполагалось вложить в украинские облигации, размещенные на Ирландской бирже, а также в другие ценные бумаги с низкой ликвидностью. Поскольку данный шаг сулил России лишь убытки, президент на пресс-конференции 19 декабря попытался перевести вопрос из прагматического в морально-этическое русло: «если мы считаем, что это [Украина] братский народ, мы должны поступить как близкие родственники и поддержать Украину». В самом деле, братья, в отличие от деловых партнеров, вправе рассчитывать на бескорыстную помощь. Однако в реальности за словами о «братском народе» стояли геополитические амбиции российского руководства, которое хотело поддержать украинского президента Януковича, после того как его позиции пошатнулись из-за отказа подписывать соглашение об ассоциации с Евросоюзом. Как только Янукович был свергнут, кредитная линия для Украины была закрыта.

Средства для Украины предполага-

лось выделить из сырьевого Фонда национального благосостояния (ФНБ), изначально созданного для обеспечения сбалансированности бюджета Пенсионного фонда РФ. Учитывая, что на 1 января 2014 г. размер ФНБ составлял 88,6 млрд долларов, то спасение режима Януковича уменьшило бы его примерно на одну пятую. Однако на этом попытки тратить ФНБ на геополитику не прекратились — предполагается, что часть средств фонда будет выделена «Газпрому» на строительство газопровода «Сила Сибири», необходимого для поставок газа в Китай. Толчок этому проекту дало подписание 30-летнего контракта между «Газпромом» и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией, которое происходило на фоне обострения отношений с Западом. Фактически Кремль планирует опустошить ФНБ во имя геополитического разворота в сторону Азии: расходы «Газпрома» на «Силу Сибири», по разным оценкам, могут составить 55–70 млрд долларов, и несмотря на то что в проект будут привлечены инвестиции китайской стороны, министр экономического развития Алексей Улюкаев заявил, что в данном случае «принципиально возможным является использование средств ФНБ».

Попытки истратить ФНБ на различ-

ные авантюры активизировались после того, как в июне 2013 г. Владимир Путин заявил о намерении «распечатать» фонд и пустить его на инфраструктурные проекты для поддержания провисающего экономического роста. Сначала на это предполагалось выделить 40% ФНБ, потом эта доля была увеличена до 60%, а сейчас звучат предложения израсходовать его весь. Теоретически долгосрочные инвестиции в инфраструктуру способны принести доход, однако российское правительство склонно поддерживать за счет ФНБ неэффективные госмонополии. Например, было принято решение выделить 150 млрд рублей на покупку привилегированных акций РЖД — эти средства будут пущены на модернизацию Транссиба и БАМа. Доходность акций должна составить всего 2–3%, что не покроет даже инфляцию. Еще 240 млрд уже выделены на наращивание капитализации ВТБ и Россельхозбанка на фоне западных санкций — причем дивиденды по привилегированным акциям этих банков, купленным за счет ФНБ, выплачиваться не будут, надежд на рост их курсовой стоимости тоже нет.

В результате подобных «прибыльных» инвестиций ФНБ быстро растет, причем такая же судьба, по всей видимости, уготована и его «напарнику» — Резервному фонду, который пока остается неприкосновенным и продолжает пополняться благодаря бюджетному правилу. Резервный фонд и ФНБ были созданы в 2008 г. из Стабилизационного фонда, куда с 2004 г. направлялись нефтегазовые сверхдоходы — ими считались доходы от экспортных пошлин и налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) в тех случаях, когда рыночная цена нефти превышала ее базовую цену, так называемую цену отсечения. Бюджетное правило, определяющее порядок пополнения Стабфонда, а затем ФНБ и Резервного фонда, пересматривалось дважды, в связи с финансовым кризисом его действие во-

обще приостанавливалось. Тем не менее оно пока продолжает действовать: цена отсечения сейчас рассчитывается как среднегодовая цена на нефть за последние 5 лет (к 2018 г. этот срок увеличится до 10 лет), всё, что сверх нее, должно поступать не в бюджет, а в Резервный фонд, пока его объем не превысит 7% ВВП. После чего 50% поступающих туда средств будут перенаправляться в ФНБ, а еще 50% — на инфраструктурные проекты. Поскольку Резервный фонд еще не успел наполниться до максимальной величины (в сентябре 2013 г. его объем составлял 2838 млрд рублей, 4,3% ВВП), то ФНБ, раздираемый сейчас на куски, последние несколько лет рос лишь за счет весьма скромных доходов от инвестирования собственных средств.

Однако эта система, скорее всего, просто не доживет до 2017 г., когда, согласно прогнозам, нефтегазовые доходы, заполнив Резервный фонд, начнут наконец «втекать» в ФНБ. В январе 2014 г. Оксана Дмитриева вместе с группой депутатов «Справедливой России» предложила отменить бюджетное правило, а в июле такой законопроект в Госдуму внесла уже фракция КПРФ: по мнению его разработчиков, правительство имеет право пополнять Резервный фонд только после того, как в полном объеме будут профинансированы все приоритетные программы социально-экономического развития. Одновременно эксперты Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования предложили поставить пополнение Резервного фонда в зависимость не от цены отсечения, а от темпов экономического роста: если ВВП растет медленнее, чем на 3,5% в год, то сырьевые доходы в фонд направлять нельзя. Ранее Минэкономразвития требовало снизить потолок Резервного фонда с 7% до 5% ВВП (ранее он уже снижался с 10%), а премьер-министр Дмитрий Медведев заявлял, что «если события будут развиваться по тяжелому сценарию, то...

мы откажемся от бюджетного правила». По-видимому, секторальные санкции и угроза стагфляции и означают этот самый «тяжелый сценарий». Поэтому всё идет к тому, что Кремль уже в скором времени откажется от запаса «нефтяных денег» и полностью израсходует уже имеющиеся накопления во имя текущих экономических задач.

2. Общественный договор и невозобновляемые ресурсы

Насколько оправдано готовящееся решение Кремля без остатка тратить поступающие доходы от разработки невозобновляемых ресурсов и уже накопленные резервы? В нынешних условиях ответ очевиден, поскольку эти средства наверняка пойдут на оплату заведомо раздутых смет госкомпаний, вроде РЖД или «Россетей», на имперские авантюры и на обеспечение заказами близких к Кремлю олигархов. Однако представим себе, что «нефтяные деньги» будут использованы настолько эффективно, насколько это возможно — и в результате граждане получают хорошие дороги, новые рабочие места и повышенные пенсии (и, соответственно, рост спроса и рост экономики). Оставим за скобками возможные издержки подобной политики, такие как высокая инфляция и возрастающая зависимость страны от колебаний цен на сырье. Выберем за точку отсчета нереализованную пока в России идеальную форму современной политической жизни — демократическое национальное государство. Насколько совместим с его основаниями такой подход к использованию недр, при котором они истощаются во имя нужд нынешнего поколения без оглядки на возможные потребности поколений будущих?

В общем виде ответ на этот вопрос был сформулирован в одном из основополагающих текстов современной политической философии — в труде Джона Ролза «Теория справедливости» (1971). Ролз вдохнул новую

жизнь в классическую договорную теорию Локка и Руссо, которая использовалась в качестве теоретического обоснования зарождающихся национальных государств в XVII–XVIII вв., но затем в XIX столетии померкла из-за критики со стороны приверженцев либерального утилитаризма, таких как Бентам и Спенсер. Как оговаривается сам Ролз, в своем трактате он выстраивает не теорию справедливости вообще, которая была бы применима, например, к международному праву, он главным образом пытается «сформулировать разумную концепцию справедливости для базисной структуры общества, временно рассматриваемой в качестве замкнутой системы, изолированной от других обществ»¹.

Такая замкнутая система и есть нация-государство: в ситуации исходного состояния, моделируемой Ролзом, об основаниях справедливого общества договариваются все члены нации, вне зависимости от того, к какому полу или поколению они принадлежат. Эту ситуацию можно проиллюстрировать картиной Ильи Глазунова «Вечная Россия», которая, при всей своей сомнительности в эстетическом отношении, верно отражает суть идеи нации: средневековые воины в кольчугах и их потомки в сюртуках, никогда не встречавшиеся друг с другом в реальной жизни, всё равно оказываются лицом друг к другу в силу своей принадлежности к единой и «вечной» национальной общности.

Формализуя более ранние концепции исходного состояния, Ролз собирает *всех* членов рассматриваемой им абстрактной нации воедино (как на картине Глазунова), но при этом покрывает их так называемым «занавесом неведения» — оно освобождает договаривающихся индивидуумов от знания всех подробностей их конкретного положения в реальной жизни. Пе-

¹ Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995. С. 23.

ред тем как подписать договор об основополагающих принципах устройства общества, никто не знает, какой у него в этом обществе будет пол, цвет кожи, будет ли он богатым или бедным, здоровым или больным, в какую эпоху он родится: «люди в исходном положении не имеют информации, к какому поколению они принадлежат»². Это значит, что ни один человек не сможет настаивать на базисных принципах, выгодных исключительно его поколению или ему персонально, например, чтобы «специальные привилегии относились к людям выше шести футов или родившимся в солнечный день»³. Стоя перед занавесом неведения, всякий попытается застраховать себя от возможной дискриминации — и в итоге будет выработана концепция справедливости, в соответствии с которой должны работать все общественные институты нации-государства в каждый данный момент времени.

В частности, справедливость, являющаяся продуктом общественного договора, запрещает отдавать предпочтение интересам того или иного поколения только потому, что оно живет раньше или позже. Да, люди, живущие сейчас, склонны концентрироваться на своем собственном положении: какая разница, как будут жить наши потомки через 100 лет? Но ведь и потомки могут спросить: какое нам дело до ситуации, в которой оказались наши предки 100 лет назад? Все поколения равноценны, потому что они представляют одну и ту же надвременную сущность — нацию (сам Ролз, стоит отметить, в данном направлении свою аргументацию не развивает). И в то же время нация составлена из самоценных индивидуумов. Поэтому нельзя согласиться с утилитаристами, которые считают, что общество можно уподобить одному-единственному человеку, отказывающемуся от удовольствий в настоящем,

чтобы получить еще больше удовольствия в будущем. Каждый член нации заслуживает своего места под солнцем: нельзя требовать от нынешнего поколения, чтобы оно самоотверженно унавоживало собой почву во имя грядущего счастья потомков, будто бы увеличивая тем самым совокупную общественную полезность.

Но полностью отказываться от заботы о грядущих поколениях во имя сиюминутных интересов также нельзя, хотя демократическая форма правления к этому и располагает. В самом деле, избиратели склонны выбирать политиков-популистов (таких, как КПРФ и «Справедливая Россия»), которые настаивают на раздувании бюджетных расходов. Если граждане проголосуют за то, чтобы выкачать всю имеющуюся нефть, истратить доходы от нее на пенсии и пособия и ничего не сберегать для потомков, то будет ли это волей нации? Нет, потому что нация состоит не только из поколения, живущего сегодня. Как отмечает Ролз, «нет ничего священного в решении публики относительно уровня сбережений, а ее пристрастность в отношении временных предпочтений не заслуживает какого-либо особого уважения. На самом деле отсутствие сторон, которым нанесен ущерб, т.е. будущих поколений, делает это [решение] еще более уязвимым»⁴.

Чтобы рассмотреть концепцию справедливости в контексте эксплуатации невозобновляемых ресурсов, можно развить мысленный эксперимент Ролза и сообщить людям за занавесом неведения, что в некоторый момент времени А в стране начнется добыча нефти, а в момент времени В добыча нефти закончится из-за истощения недр или по причине ее нерентабельности (например, после изобретения более дешевых источников энергии). Занавес неведения всё равно остается опущенным: никто из заключаю-

² Там же. С. 127.

³ Там же. С. 137.

⁴ Там же. С. 263.

щих общественный договор не знает, в какое время ему предстоит жить — до А, от А до В или после В. В этой ситуации ни один индивидуум не выскажется за то, чтобы полностью тратить доходы от нефти, поскольку никто не даст гарантии, что он родится именно в эпоху от А до В. Но полный отказ от использования нефтяных доходов тоже не будет поддержан — потому что если индивидууму всё же доведется жить в эпоху А–В, то такое решение лишит его всех преимуществ от разработки нефти. В исходной ситуации будет выбран промежуточный вариант: часть доходов от нефти тратить, часть — сберегать для потомков. В этом случае гипотетический член нации, стоящий за завесой неведения, выиграет с наибольшей долей вероятности, так как он сможет рассчитывать на свою долю в «нефтяных деньгах» и в эпоху А–В, и в эпоху после В. Впрочем, пропорция, в которые сырьевые доходы должны тратиться и сберегаться, всё равно останется на усмотрение экономистов эпохи А–В.

3. Фонд русского достояния и его возможные прототипы

В России идея накопления части сырьевых доходов для будущих поколений никогда всерьез не рассматривалась. Обычно сторонниками сбережения «нефтяных денег» считаются бывший министр финансов Алексей Кудрин и его продолжатели в Минфине, которые сопротивляются попыткам в «тучные годы» пустить Резервный фонд и ФНБ на текущие бюджетные расходы. «Министр финансов должен быть очень жадным, прижимистым человеком», — прокомментировал эту позицию Владимир Путин. Однако в реальности ни Стабфонд, ни его наследники, Резервный фонд и ФНБ, не проектировались как фонд будущих поколений, для Кудрина и его команды они являются лишь инструментом «стерилизации избыточной денежной

массы»⁵, которая накапливается из-за высоких цен на ископаемое топливо в сочетании с зависимостью российского бюджета от газонефтяных доходов (в последние 10 лет они составляют примерно 25% всех поступлений в российский бюджет).

Бывший заместитель министра финансов РФ Андрей Вавилов уже сразу же после создания Стабфонда подчеркивал, что он представляет собой не накопления для потомков, а «временно свободные денежные средства, размещенные на счетах Минфина и ЦБ РФ». Нефтегазовые фонды, учрежденные под патронажем Кудрина, предназначены лишь для поддержания экономической стабильности в среднесрочной перспективе и компенсации возможного падения цен на сырье. Поэтому в 2009–2010 кризисных годах средства Резервного фонда с легкостью тратились на покрытие дефицита бюджета (только в 2009 г. на это ушло более 2000 млрд. рублей) и обеспечение ликвидности банковской системы.

Тем не менее в целом ряде стран, экономика которых находится в зависимости от эксплуатации невозобновляемых ресурсов, фонды будущих поколений успешно функционируют. Самым известным примером является норвежский Глобальный государственный пенсионный фонд (Government Pension Fund Global, GPF), учрежденный в 1990 г. Несмотря на название, к выплате пенсий в *данный момент* он отношения не имеет. До 2006 г. GPF назывался Государственным нефтяным фондом, его переименовали, чтобы подчеркнуть — за счет средств этого института пенсии будут выплачиваться *следующим* поколениям норвежцам, когда шельфовые месторождения нефти иссякнут. В настоящее время в GPF поступают

⁵ Кудрин А. Влияние доходов от экспорта нефтегазовых ресурсов на денежно-кредитную политику России // Вопросы экономики. 2013. № 3. С. 4–19.

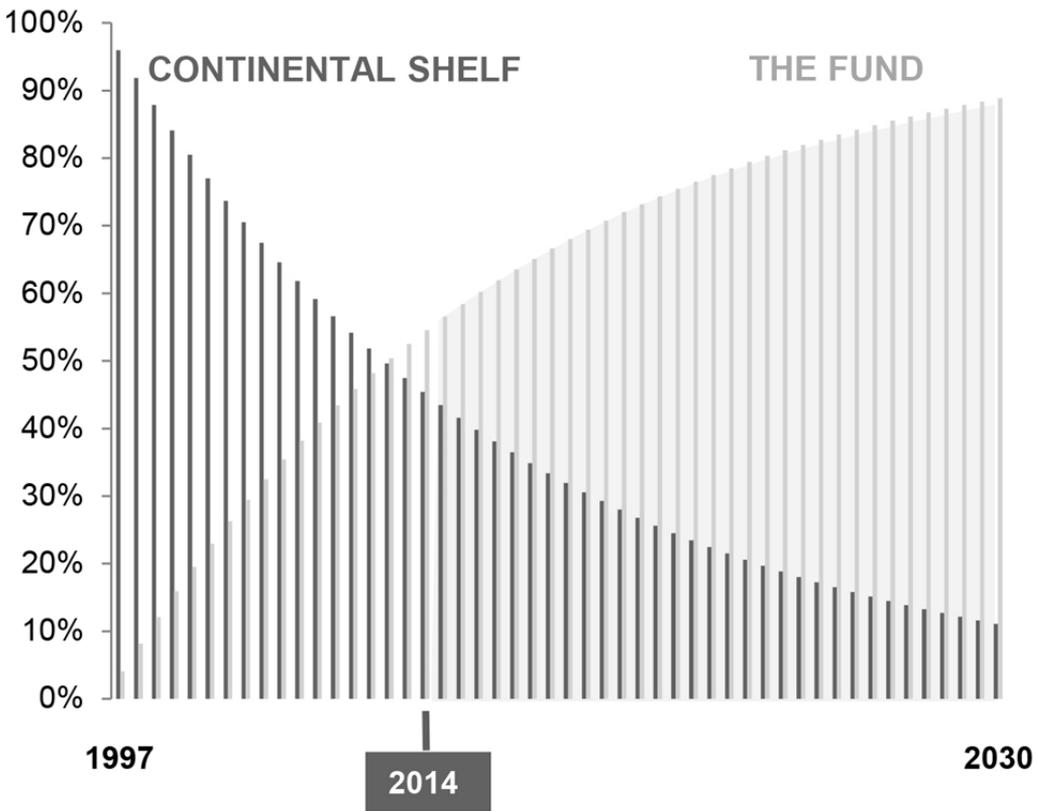

Рис. 1. На схематическом графике видно, как по мере истощения месторождений континентального шельфа Норвегии полученные нефтегазовые доходы аккумулируются в фонде будущих поколений GPF. Источник — Norges Bank, 2014.

все нефтегазовые доходы государства (налоги, средства от продажи лицензий и дивиденды нефтяных компаний, принадлежащих норвежскому правительству). Средства фонда инвестируются по всему миру, за исключением самой Норвегии, чтобы не привязывать его к текущему состоянию национальной экономики. Правительство не может «залезать» в капитал самого GPF — оно имеет право тратить на покрытие нефтяного дефицита бюджета лишь ежегодные доходы от инвестирования средств GPF, причем в количестве не более 4% от общего объема фонда.

В результате такой политики GPF стал самым крупным суверенным фондом в мире — на 2014 г. его капитал со-

ставляет около 840 млрд долларов и продолжает быстро расти. Фактически Норвегия просто переводит национальное богатство из одной формы в другую (рис. 1) — раньше оно хранилось в виде нефти и газа в недрах, а теперь «запасается» в виде ценных бумаг, недвижимости и предприятий по всему миру, принадлежащих норвежскому правительству. В этой политике воплощается метафизическая идея вечной нации, непрерывно делящаяся из прошлого в настоящее: прошлые поколения заняли территорию с ее ресурсами, а нынешнее поколение разрабатывает наследие предков, чтобы передать его в руки потомков.

Другой классический пример успешного фонда будущих поколе-

ний — Перманентный фонд Аляски (Alaska Permanent Fund, APF), чей объем в 2014 г. достиг 50 млрд долларов. В отличие от GPFG, он наполняется по более компромиссной схеме: туда аккумулируется не все сырьевые доходы, а лишь 25% роялти и лицензионных сборов, взимаемых за разработку минеральных ресурсов штата, остальное идет в бюджет Аляски, то есть достается нынешнему поколению ее жителей. Более того, примерно половина доходов от инвестирования средств APF распределяется поровну между постоянными резидентами штата (в среднем каждый житель Аляски ежегодно получает от APF около 1500 долларов). Другая часть дохода идет на покрытие инфляции, а остальным распоряжается парламент штата, который может оставить заработки фонда ему самому или же пустить их на текущие расходы. Важно, что порядок наполнения APF зафиксирован в конституции Аляски — поправка, запрещающая властям направлять средства фонда на что-либо иное, кроме доходных инвестиций, была утверждена в 1976 г. на референдуме. Конституционный статус APF является гарантией, что политики-популисты не смогут растратить его даже в случае победы на выборах.

Судьба канадского «двойника» APF, Фонда сохранения общественного наследия провинции Альберта (Alberta Heritage Savings Trust Fund, AHSTF) основанного в том же 1976 г., оказалась куда более непростой, поскольку статус фонда не был закреплен конституционно, а регулировался обычным законодательством. В результате отчисления в него падали: с момента создания фонда по 1982 г. туда поступало 30% сырьевых доходов провинции, с 1983 по 1987 г. — 15%, а затем фонд пополнялся лишь за счет прибыли от инвестиций собственных средств. Поскольку большая часть доходов AHSTF изымалась властями провинции (например, из 2,1 млрд долларов,

заработанных AHSTF в 2013–2014 гг., фонду оставили только 0,2 млрд), его объем рос очень медленно, а с учетом инфляции даже сокращался. Тем не менее ежегодная доходность AHSTF достаточно высока, особенно по сравнению с российскими сырьевыми фондами — в среднем за последние десять лет она составляла 7,5% от его объема. Ежегодный доход от инвестиций APF еще выше и равняется 8,8% (в среднем за всё время его существования), доходность норвежского GPFG за 1998–2013 гг. в долларовом выражении немного ниже — 6,7%.

Фонды будущих поколений ориентированы на долгосрочную перспективу, так что высокая доходность и эффективность инвестиций для них критически важны — иначе из-за инфляции «запасенные» в финансовом виде природные богатства просто не дойдут до потомков. Российские же сырьевые фонды — просто временная «кубышка» для хранения избыточных сырьевых доходов, которые уже через несколько лет могут быть влиты в бюджет (как это и произошло после кризиса 2008 г.). Поэтому инвестиционная деятельность Резервного фонда и ФНБ, вплоть до недавнего времени фактически сводившаяся к скупке валюты и ее размещению на счетах в ЦБ и Внешэкономбанка, не приносила сколько-нибудь существенных результатов: средний доход от размещения средств этих фондов на долларовых счетах ЦБ равнялся всего 1,3%, на депозитах ВЭБ — 3,4%. После того как средства ФНБ (а возможно, и Резервного фонда) достанутся российским госкомпаниям, их доходность может стать и вовсе отрицательной.

Видимо, окончательно курс на растрату «нефтяной копилки» был взят после отказа от создания Росфин-агентства, специального органа по управлению ФНБ и Резервным фондом, который должен был повысить эффективность их инвестиций. Фонды так и остались в ведении неназван-

ных работников ЦБ и Министерства финансов, которые до этого четыре года не публиковали информацию как об их наполнении, так и об использовании нефтегазовых доходов в целом. Вот еще одно отличие «кубышки» Кудрина от GPFG и других фондов будущих поколений, которые регулярно выкладывают в открытый доступ информацию о своих инвестиционных решениях. Каждый норвежец, зайдя на сайт GPFG, может узнать, в какие компании и насколько эффективно было вложено богатство его нации.

Создание в России сырьевого фонда будущих поколений станет политически возможным, лишь когда она из обломка советской империи трансформируется в русское национальное государство. Пока у нас нет субъекта — суверенного замкнутого сообщества, тянущегося из прошлого в будущее единым потоком — не может быть и фонда, к нему относящегося. Пока мы в наших домах, по словам Чаадаева, как будто определены на постой и в наших городах имеем вид кочевников, есть смысл жить лишь сегодняшним днем. Если элиты не контролируются населением и действуют в собственных интересах, то лучше уж пусть они тратят сырьевые доходы на выплаты нынешнему поколению, поскольку скопленные резервы всё равно разграбят следующие временщики. Ряд экспертов, например, Ричард Стейнер (Университет штата Аляска) и Борис Краснопольский (Институт экономических исследований ДВО РАН), предлагали⁶ создать в России сбере-

гательный фонд по аналогии с APF на Аляске и даже ежегодно выплачивать всем россиянам дивиденды от инвестирования его средств. Однако без фундаментальной перезагрузки государственности реализовать эти предложения не получится.

Если такая перезагрузка всё же произойдет, то опыт Перманентного фонда Аляски, несмотря на его региональный характер, действительно можно взять на вооружение. Зафиксировав в конституции русского национального государства неприкосновенность Фонда русского достояния (ФРД), назовем его так, можно будет гарантировать норму его ежегодного пополнения за счет нефтегазовых доходов. Эта норма, как и в случае APF, не должна быть привязана к мировым ценам на нефть или к текущему дефициту бюджета. Управлять ФРД могла бы государственная корпорация с привлечением менеджеров частных компаний, а не Минфин или ЦБ. Деятельность руководства ФРД, назначаемого президентом и ротлируемого каждые 4–6 лет, должна контролироваться специальным парламентским комитетом, формируемым из представителей всех основных фракций парламента (как это происходит в случае ANSTF). Основной задачей ФРД станет *долгосрочное* сбережение части национального богатства для будущих поколений, а не наполнение бюджета, так что на использование доходов фонда также следует наложить ряд ограничений.

В наши дни идея Вечной Руси явлена в языке, культуре, родной природе. В конце пути от империи к национальному государству она обретет еще одно измерение в виде нефтегазового сберегательного фонда — финансово-го инструмента и символа преемственности поколений.

⁶ Краснопольский Б.Х. Правовое регулирование инвестиций стабилизационного фонда: опыт штата Аляска // Недвижимость и инвестиции: правовое регулирование. 2006. № 1–2. С. 120–125.

АЛЕКСАНДР ЕЛИСЕЕВ

НАВСТРЕЧУ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ

В тени бюрократических Голиафов

В России традиционно много и пространно рассуждают о необходимости усиления местного самоуправления, в чём проявляют согласие все политические силы страны. При этом как-то совсем мало внимания уделяется нынешней муниципальной реформе, которая предполагает разделение города на несколько «внутригородских муниципальных образований». Каждое из них имеет своё собственное собрание, а также довольно-таки узкий перечень вопросов, в которых «компетентно». По сути, никаких новых функций местным образованиям не передаётся, им предоставляется всего лишь возможность «участия». Город как единая система, конечно, сохраняется, но формирование самоуправления теперь происходит не напрямую, а посредством двухступенчатой системы делегирования. Внутригородские собрания посылают делегатов в общегородской совет, а должность избранного мэра фактически заменяется должностью сити-менеджера.

В муниципальных районах выборы местных дум подлежат отмене, а формироваться они будут из представителей поселений, входящих в район. «Реально выбрать главу своего органа самоуправления смогут только жители сельских поселений, — отмечает Алексей Симоянов. — А местные и федеральные элиты получают контроль над назначениями глав городов и МР по всей стране. В сравнении, предполагаемые перемены похожи на ту модель власти, которая была выстроена в Москве в лужковско-собянинский период» (Муниципальный финт // Рабкор.Ру).

Интересно, что всё это происходит на фоне возвращения прямых выборов глав субъектов Федерации, которые объективно укрепляют эти крупные административно-политические образования. А вот небольшим образованиям явно не везет, они остаются в тени гигантов, и более того, завтра могут стать совсем уж незаметными. Между тем представляется, что именно они должны встать на первое место. Иначе бюрократические структуры сохранят своё господство и даже усилятся, причём вне зависимости от разных политических коллизий. Нынешняя система подразумевает лишь возможность переложить какой-либо жирный кусочек властного ресурса с федерального блюдечка с голубой каёмочкой на региональную тарелочку.

Напрасно многие надеются на некий общенациональный демократический «кнут» для коррумпированного чиновничества. Альтернативой бюрократизму во всех его проявлениях и на всех уровнях может быть только создание федерации самоуправляемых территориальных общин. Без возникновения и развития этих полномостных «малых пространств» нельзя говорить ни о каком полноценном «Большом Пространстве», которое так обожают наши ультраимпериалисты с их любимым «молохом» — геополитикой. Какой бы ни была мощь управительных и силовых структур, оно, это БП, всегда останется чем-то эфемерным, и его будут всю использовать различные промежуточные структуры («средние пространства») — бюрократические «вертикалки», политические кланы, загребушие корпорации. Но чем больше властного ресурса окажется

у самоуправляемых общин, тем слабее будут эти посредники между властью и народом. И, соответственно, тем сильнее будет само государство, лишённое разнообразных паразитических наростов. Разумеется, если под государством понимать не совокупность бюрократических учреждений, но политическое единство граждан, ощущающих и осознающих общность своей исторической судьбы.

Русский князь и комьюнити всего мира

Здесь стоит обратиться к наследию одного из основоположников мирового и отечественного анархизма князя П.А. Кропоткина. Многочисленные исследователи и последователи «Русской Идеи» (в разных вариациях) проходят мимо него, как, впрочем, и мимо других мыслителей народнического и анархического направления. Хотя, казалось бы, они должны вызывать живой интерес уже хотя бы тем пристальным вниманием, которое уделялось ими таким русским национальным институтам, как община (мир) и артель. К слову, мыслители из консервативно-монархического лагеря (который многие считают «истинно русским», «национальным») такого внимания не уделяли. Более того, едва ли не большинство идеологов и практиков русского монархизма саму общину отрицали, восхищаясь западным фермерством. Что же до русской артели, то все «истинно русские» её дружно игнорировали.

Кропоткин является мыслителем и русского, и мирового масштаба, причем его наследие ценится не только анархистами, но и людьми самых разных взглядов. Сегодня труды князя-бунтовщика издаются на самых разных языках мира (особенно популярен князь в англоязычном мире), а ему самому посвящено множество исследований (Россия в этом отношении сильно отстает). Русский мыслитель Кропоткин дал идейный импульс возник-

новению мощнейшего, планетарного движения «комьюнити девелопмент», предполагающего всемерное развитие разнообразных местных общин.

К слову сказать, сама община (комьюнити) является предметом исследования выдающихся ученых, получивших мировое признание. Вот ярчайший пример — в 2009 году Нобелевскую премию по экономике присудили американской исследовательнице Элионор Остром, приведшей обширнейшую аргументацию в пользу экономической и социальной эффективности коллективных сообществ как таковых. Она исследовала множество случаев общественного регулирования в области пользования лесами, пастбищами, озёрами, подземными водами и т.д. В результате исследовательница пришла к выводу о том, что будущее принадлежит вовсе не глобализации и оптимизированным формам частнокапиталистического предпринимательства. Оно за коллективными сообществами — за коммунарами, деревнями, мелкими городами, кооперативами. Только в небольших, но гибких сообществах возможно наиболее эффективное согласование интересов различных групп. (Книгу Э. Остром «Управляя общим. Эволюция институтов коллективной деятельности» можно прочесть на русском языке.)

Читая Кропоткина, поражаешься тому, сколь многое он сумел предугадать. Например, появление солнечной энергетики и микробиологии. Писал он и о навязчивой рекламе, о том, что производство всё более не соответствует реальным потребностям человека. Но главное его предвидение — это возникновение сетевого общества. Кропоткин предсказывал, что наряду с территориальными и профессиональными общинами возникнут «тысячи бесконечно разнообразных обществ и союзов... в силу сходства их личных наклонностей... в силу общих интересов, общественных, религиозных, художественных, ученых, в целях воспитания,

исследования или даже просто развлечения». И ныне мы как раз видим множество таких вот союзов — чего стоит один Интернет! Идеи князя-анархиста полностью соответствуют реалиям современного, постиндустриального общества с его горизонтально-сетевыми связями. Вот почему обращаться к его наследию необходимо не только для того, чтобы почтить память великого национального мыслителя. Кропоткин в высшей степени актуален — возможно, более, чем кто-либо из всех русских, проектировавших национальное и мировое будущее.

Князь исходил из того, что каждая общность должна максимально использовать собственные силы, не полагаясь излишне на обмен, роль которого, как он считал, изрядно преувеличивают (при этом не следует уходить в изоляцию). «Базовой», если так можно выразиться, ячейкой он считал городские и сельские территориальные союзы граждан (общины, коммуны), федерация которых и должна прийти на смену прежнему, пирамидальному административному устройству. Безусловно, между этими общинами предполагалось наладить самое эффективное взаимодействие. В. Дамье и Д. Рублёв, исследователи творчества князя, отмечали: «В работах “Речи бунтовщика” и “Хлеб и воля” Кропоткин представляет систему, в которой решения принимаются снизу, в общинах, и согласовываются представителями на конференциях на основе инструкций избирателей. Деловая направленность мероприятия, привязанная к конкретным проблемам производства и потребления, по мнению Кропоткина, обеспечивает быстрое принятие и согласование решений. “Назначение и посылка доверенных на совещание понятно тогда, когда сто, двести и даже тысяча человек, ежедневно сталкивающихся между собою на работе за общим делом и потому знающих друг друга и знающих дело, обсудив какой-нибудь вопрос, приходят к какому-нибудь за-

ключению и выбирают доверенного, чтобы столкнуться с другими такими же доверенными по этому частному вопросу. Избрание происходит тогда вполне сознательно; и каждый знает, что он может поручить своему уполномоченному. Мало того: этот уполномоченный только изложит другим доверенным соображения, которые заставили пославших его прийти к тому или иному заключению. Не имея права навязывать что-либо, он постарается найти почву для соглашения и вернется домой с прямым предложением, которое уполномочившие его могут принять или отвергнуть”» (Экономические взгляды Петра Кропоткина и вызовы XXI века // Русский журнал).

Крестьянин — ученик князя

Модель Кропоткина была во многом реализована на территории, которую во время Гражданской войны контролировала Революционно-повстанческая армия Н.И. Махно (по происхождению крестьянина). Эта территория, между прочим, была не такой уж и маленькой, как это утверждают насмешливые критики «махновщины», настаивающие на том, что махновские преобразования были незначительными и случайными. Исследователь махновского движения А.В. Шубин отмечает: «Махновский край по размеру — это как Бельгия. Страна Бельгия — это маленький регион? Он контролировал Екатеринослав (Днепропетровск) и Александровск (Запорожье), нынешнюю Запорожскую область, часть нынешних Днепропетровской, Донецкой, Луганской и Херсонской областей. Это территория европейского государства средних размеров». (Кстати, сибирские партизаны-анархисты — Г.Ф. Рогов и пр. — контролировали примерно такую же территорию.)

В Махновии успешно проводились съезды (кропоткинские «конференции»), в ходе которых продуктивно взаимодействовали друг с другом разные общины, предприятия, воин-

ские части. При этом на территории РПАУ действовали вольные надпартийные советы (была обеспечена свобода равных партий), крестьяне спокойно торговали хлебом, создавались добровольные артели (коллективный сектор). Об эффективности анархического управления (точнее, самоуправления) свидетельствует тот факт, что войска Батьки целый год сопротивлялись намного превосходящей их группировке РККА (350 тыс. чел.). Понятно, что это невозможно было сделать без высокого уровня организации и поддержки местного населения, о котором Махно заботился всемерно, в частности и о подъеме культурного уровня. Вот что докладывал «наверх», в Кремль, враждебно настроенный в отношении анархистов большевик В.А. Антонов-Овсеенко: «Налаживаются детские коммуны, школы, — Гуляй-поле — один из самых культурных центров Новороссии — здесь три средних учебных заведения и т.д. Усилиями Махно открыто десять госпиталей для раненых, организована мастерская, чинящая орудия, и выделываются замки к орудиям».

К слову, анархисты, с их совершенно правильным отрицанием авторитаризма, совершенно зря отрицают любой «режим личной власти». Самоуправление общин в Махновии вполне успешно и гармонично сочеталось с личной властью Батьки. Другое дело, что речь здесь не идёт о регулярно-бюрократической власти. Махно создал некий уникальный институт «автократического безвластия», который сочетал в себе черты самодержавной монархии, президентской республики и вождистской идеократии, но в то же самое время не сводился ни к одной из всех названных государственно-политических форм. Тут можно даже говорить о некоем харизматическом арбитре, регулирующем отношения между различными автономными сообществами.

Будущим самоуправляющимся общинам России тоже понадобится такая

вот власть Главы, который не столько управляет, сколько защищает — одних от возможной эксплуатации других. Такая эксплуатация, вне всякого сомнения, и есть главный, да и единственный, внутренний враг, от которого проистекают все беды и слабости страны. Кроме того, Глава должен еще и защищать общины от врага внешнего, для чего ему понадобится немногочисленная, но высокотехнологическая добровольческая армия. Чиновничеству же в этой системе места нет, оно вообще становится чем-то вроде рудимента в условиях стремительно укрепляющегося электронного общества. Их место у власти займут разнообразные группы (своего рода общины) экспертов.

Наступление громад

На родине батьки Махно сегодня идут противоречивые и сложные процессы. По вполне понятным причинам, у нас прежде всего интересуются недавно созданными народными республиками Новороссии, да ещё вспоминают Майдан, который стал не нужен олигархическим кланам, свергнувшим излишне зарвавшийся олигархический клан Януковича. (Сами «майдановцы» уходить с политической арены не хотят, что выражается в жёстких уличных столкновениях.)

Между тем на Украине развёртывается один весьма интересный и полностью подходящий для темы нашего разговора процесс, остающийся вне сферы внимания. Здесь имеется в виду создание самоуправляемых территориальных общин — громад. В прошлом 2013 году, еще до начала Евромайдана, в 10 областях страны были созданы 34 территориальные громады. Сама громада — это структура, призванная формировать орган местного самоуправления, милицию и территориально-избирательную комиссию. Кроме того (и это очень важно) громада является собственником и, в соответствии с Гражданским кодек-

сом Украины, выступает юридическим лицом публичного права.

Символично, что одна из громад возникла на территории знаменитого Гуляйпольского района (Запорожская область) — на общем собрании граждан, в котором приняли участие 5 тысяч жителей города (всего в городе проживает 7 тысяч). И собрались земляки батьки Махно в связи с необходимостью защищать свою безопасность и своё здоровье. Дело в том, что ООО «Гайчурский ГОК» получило разрешение вести на территории района разработку руд с урановыми вкраплениями. Протестующие организовали массовый митинг, в результате чего областной совет отменил своё решение. «Фактически была остановлена добыча на территории заповедника “Балка Резаная”, не допущено истощение запасов питьевой воды Гуляйпольского месторождения питьевых вод, которое является единственным источником водоснабжения района, — пишет Максим Щербина. — В других регионах аналогичная ситуация — территориальные общины добиваются переоценки и установления адекватной стоимости аренды паев (Львовская область), запрещают строительство экологически небезопасных объектов (Ивано-Франковская область), возвращают земли в коммунальную собственность (Ровненская область). Естественно, власти на местах это не очень нравится. Так, против активистов создания территориальных громад в соседнем Днепропетровске возбужден ряд уголовных дел. Несмотря на это, идея создания территориальных общин приобретает все большую популярность» (В Украине активно создаются территориальные громады. Власть — против // Pravda.In.Ua).

Появились даже предложения сделать громады основой государственно-политической системы Украины. В частности, выдвинут проект формирования нового парламента делегатами от общин. «Депутаты местных со-

ветов должны избираться путем случайного выбора (лотерея или автоматизированный выбор из базы данных) из числа желающих принимать участие в развитии территориальной общины людей, соответствующих определенным критериям, — считает Константин Сокол. — Избираться они должны сроком на один год. Депутаты Народной рады должны не избираться, а быть делегированы для работы в парламенте местными общинами, местными органами власти. При этом они должны быть делегированы с определенными задачами, установленными на сессиях местной Рады. В этой системе каждая община, депутаты местных Рад должны пристально следить за работой своего делегата и обладать правом отзыва из Народной Рады, как только он примет решение, идущее вразрез с интересами общины, или будет избегать выполнения обязанностей делегата: посещение сессий, голосование и так далее. Эта система требует высокой степени развития гражданского общества. Но не к этому ли мы стремимся? (Парламентская республика мертва: необходим новый народный парламент // Dialogs.Org.Ua).

Мысль довольно интересная. Самоуправляемые общины действительно могли бы стать базовой ячейкой политики. Парламент, сформированный от делегатов с мест, стал бы намного ближе к избирателям. Это, конечно, потребует значительного увеличения количества самих территориальных округов, но ничего страшного в этом нет. Напротив, чем меньше территория округа, тем легче сорганизоваться избирателям. И тем сложнее сделать их объектом манипуляции со стороны разного рода недобросовестных политиканов. В любом случае опыт украинских громад заслуживает всяческого изучения вне зависимости от того, как относиться к нынешним правителям и политикам постмайdanовской Украины.

Вечевые революции Запада

Возникает вопрос — а возможно ли подобное безбюрократическое самоуправление? Ведь общество, политика, экономика — всё это очень сложно. Действительно, но как раз именно усложнение процессов и создаёт (да, собственно, уже и создало) почву именно для такой вот «анархии». Эра индустриализма, с его фабрично-заводским подчинением, заканчивается, наступают эра информационализма, основанного на горизонтально-сетевых связях. Чем сложнее процесс, тем сложнее управлять им по старинке, механистически. Это отлично понимают пионеры современного бизнеса, пытающиеся создать модель новой, постиндустриальной корпорации.

«Основатель и духовный лидер Valve Гейб Ньюэлл был уверен, что в эпоху компьютерной революции традиционная иерархическая организация лишена всякого смысла, — отмечает Михаил Лёвин. — Она подходит военным, которым нужно отправить на смерть тысячу-другую солдат. Она подходит фабрикам и заводам, чья цель — бесконечное воспроизведение одинакового результата. Но в технологической индустрии в повторении одного и того же действия нет никакой ценности, ведь ценность здесь появляется только тогда, когда что-то делается в самый первый раз. Ньюэлл придумал Valve как место, где нет иерархии и никакого формального менеджмента, начальников и подчиненных, должностей и карьерного роста. Некоторые сотрудники Valve вынуждены самостоятельно выдумывать название своих должностей, чтобы было что написать на визитных карточках: иначе люди из других компаний отказываются воспринимать их всерьёз» (Менеджмент будущего. Как устроена самая инновационная компания мира // Слон.Ру).

Это — на корпоративном «верху», а протестующие низы давно уже пошли по пути создания массовых сетевых движений. Они во многом воспроизво-

дят реалии древних народных собраний (у славян — вече). В основе вечевых собраний были сельские и городские общины (малые пространства), в деятельности которых принимали участие жители не только города, но и прилегающих к нему селений. Вместе они образовывали самоуправляемую «волость». И свободные общинники имели не только право голоса, они были еще и вооружены, то есть власть не имела монополии на насилие. Сам вооруженный народ обладал своей, собственной военно-политической организацией, делясь на городские и сельские «сотни», объединенные в «тысячи».

Сегодня «вече» начинает бушевать в Европе и в США. Так, во время февральских выступлений в Боснии и Герцеговине протестующие стали создавать народные собрания — «пленумы». Они возникли в Сараево, Тузле, Зенице, Мостаре, Травнике и многих других городах. И мало того, что участники пленумов собирались регулярно, они стали проявлять «признаки эволюции и усложнения своего устройства. Пленум Тузлы организовал комитеты по разным вопросам, примерно дублируя министерства области: образование, наука, культура и спорт, развитие и предприятия, планировка и окружающая среда, связь с рабочими, юстиция и управление, промышленность, энергия и полезные ископаемые, внутренние дела, здравоохранение, сельское хозяйство, водное хозяйство и лесное хозяйство, торговля, туризм, транспорт и коммуникации, труд и социалка, финансы, дела ветеранов, юридические вопросы» (Мэт Кэпович. Босния: вся власть пленумам? // Levcom.Org).

Ранее, в бурном 2011 году, Испания была охвачена массовым надпартийным движением «Возмущенных». Для него было характерно более чем критическое отношение к ныне действующим партиям и их функционерам, помноженное на требование прямой демократии. И участники движения воплощали её в жизнь. Основ-

ной формой деятельности «возмущенных» стали ассамблеи, создаваемые на базе муниципалитетов и городских кварталов. При ассамблеях формировались различные комиссии, члены которых обсуждали положение дел в самых разных сферах, таких как экономика, образование, экология и др. «На площадях, где проводятся ассамблеи, нет старших, — пишет С. Хенкин. — Каждый может выступить и изложить свою точку зрения, царят полное равенство, атмосфера доброжелательности и взаимного уважения. Решения принимаются на основе консенсуса. “Площадь — это пространство для протеста и предложений. Это своего рода гигантская школа, в которой люди различных возрастов учатся не кричать, слушать, принимать во внимание иные точки зрения и участвовать в работе ассамблей”, — говорит 20-летняя студентка» (Движение возмущенных в Испании: новая форма протеста // Перспективы.Инфо).

А вот характерное описание собраний времен разворачивания движения «Захвати Уолл-стрит» (США, тот же 2011 год): «Лагерь протеста не статичный. Люди приходят и уходят. Наибольшее число людей собирается на Генеральную Ассамблею. Она проводится ежедневно в 7 часов вечера. Про себя я назвал это Вече. ГА создаёт общественные основы организации, построенной на вере в коллективные действия, достижение консенсуса и прямую демократию. Это не то легендарное новгородское вече, вече из романов, учебников и фильмов, которое “шумело и гудело”. Археологи утверждают, что на вече сидели. Здесь тоже народ сидит на земле, на коври-

ках, одеялах, раскладных стульчиках» (Михаэль Дорфман. На оккупированном Уолл-стрите каждый может найти своё, родное).

Власть как волость

Современное, в принципе интернетизированное, общество вполне созрело и до сетевой демократии, основой которой должна стать территориальная община — волость. Характерно, что слово это родственно слову «власть». Не менее характерно и родство с другим словом — «воля», которое означает сразу и свободу, и стремление к чему-то («воля вольная» и «воля волевая»). Самоуправляемые волости в будущем должны стать базой всей государственно-политической системы, тогда как гигантские субъекты («пережиток» индустриализма) со временем уйдут в прошлое. И для нас, с нашим бюрократизмом, это особенно важно.

Безусловно, общины вступят друг с другом в самые разные связи, образуя многообразные свободные ассоциации и проводя разнообразные «конференции». Причем, в ассоциацию будут вступать не только соседские волости, но и отдаленные друг от друга общины — общие интересы могут быть у всех, тем более что и средства коммуникации сильно минимизируют такой фактор, как расстояние. Более того, разнообразные союзы будут образовывать и другие общины — экономические, культурные и т.д. Возникнет новая, труднопредставимая сегодня, многоуровневая реальность.

Та самая, рождение которой предсказал русский князь-анархист Кропоткин.

СЕМЁН РЕЗНИЧЕНКО

СОЦИОГНОЗИС: БУДУЩЕЕ НЕИМПЕРСКОЕ И НЕЛИБЕРАЛЬНОЕ

Нашу жизнь определяет причудливое сочетание наших стремлений и суровых обстоятельств, зачастую противоречащих стремлениям.

Современные русские стремятся к созданию комфортной, замкнутой микросреды для себя и для своих, оплота надёжности и защиты, комфортных отношений. Это массовое стремление, захватывающее и членов кооператива «Озеро», и никому не известного сельского фермера.

Это стремление актуализируют и объективные процессы распада модерно-постмодерной государственности и социальной системы. Скоро государство окончательно сбросит с себя основную массу социальных функций и функций по поддержанию инфраструктуры. И изменение политической системы не остановит этот процесс. Но лишь ускорит.

Людям придётся заботиться о себе самостоятельно. И для этого им придётся объединяться. Именно в этом основная суть социогнозиса.

Социальный гнозис — краткое описание

Большая часть этнических культур базировалась и базируется до сих пор на принципах культуры выживания, которая ставит своей целью физическое и культурное воспроизводство этноса. Любое общество культуры выживания основывается на коллективах выживания, минимальных, способных обеспечить (в идеале) автономное выживание своих членов. Речь идёт о семейно-родовых группах, террито-

риальных общинах и пр. Коллективы выживания существуют из поколения в поколение и на практике объединяются в разветвлённые сети и образуют иерархии. Именно коллективы выживания выполняют основную нагрузку в физическом и культурном воспроизводстве этноса. Остальные структуры, в том числе и государство, выполняют по отношению к ним функции поддержки и координации действий в отдельных случаях. В целом эти функции — служебные, что бы там ни думали сами носители власти и представители различных элит. (О коллективах выживания мною написано несколько книг и статей. Например — «Русские коллективы выживания»: <http://www.apn.ru/publications/article24985.htm>; <http://elena-sem.livejournal.com/2347420.html>; см. также мою статью в «Вопросах национализма», № 9).

В рамках культуры выживания этническая культура выступает как единая система, где всё подчинено потребностям физического и культурного воспроизводства. Каждый элемент культуры, каждый коллектив выживания, каждый человек имеют свое чётко обозначенное место и функцию, его развитие и возможности для изменения и совершенствования ограничены чётко установленной функцией в деле разных видов воспроизводства.

Этим принципам в корне противоречит западная культура, культура достижения.

В рамках европейской цивилизации происходит резкий взлёт культуры и уровня жизни, растёт значимость

личности. Различные сферы культуры развиваются всё более самостоятельно от культурного целого. Эти процессы предшествуют модерну и соответствуют позднему Средневековью и эпохе Возрождения.

На следующем этапе размывается внутренняя структура европейского общества, уничтожаются сословные группы, падает значение коллективов выживания, происходит их размывание. Развивается вертикальная мобильность, принципы жизни элиты, основанные на индивидуализме, активно проникают в народную массу. Происходят революции. Бурно развиваются наука и культура. Различные сферы общественной жизни окончательно получают самостоятельное значение (экономика, культура, наука и пр.). Эмансипируется отдельная человеческая личность. Границы европейской цивилизации резко и стремительно расширяются. Это характерно для периода модерна. Соответственно, это XVII — первая половина XX в.

Этот процесс основывается на разных разновидностях утопических идей ликвидации несовершенства земной жизни, освоения и/или ликвидации любого пространства, маркированного как чужого. Каждый отдельный результат какой-либо деятельности осмысливается как самоценный независимо от полезности для выживания общества.

Следующий этап развития европейского общества характеризуется тотальной атомизацией. Европейцы лишены коллективов выживания и абсолютно зависимы от государства и его структур. В обществе господствуют немногочисленные организованные меньшинства, чаще всего — деструктивные. Самостоятельные сферы культуры и социальной жизни дряхлеют и вырождаются. Они «приносятся в жертву» экономической сфере, которая начинает деградировать. Разрушена не только внутренняя структура, но и внешняя граница европейского обще-

ства. Для громадного числа европейцев больше не существует «своего» и «чужого». Реальное производство заменяется различными видами делания денег из воздуха. Западные страны заселяются иноэтничными мигрантами. Социальные лифты и другие возможности для «среднего человека» резко сокращаются. В качестве идеологии используется либерализм, во многом уже не соответствующий реальным условиям общественной жизни. Любая социальная и идеологическая борьба превращается в видимость, симулякр, который поглощает самые разные сферы общества. Любая реальная деятельность заменяется имитацией и виртуальными аналогами, в том числе в значительной степени — деятельность органов государственной власти.

Всё это характерно для постмодерна. Само его появление обусловлено, в том числе, и боязнью новых революций, стремлением закрепить господство элит. Поэтому общество больше не способно к дальнейшему поступательному развитию. Это период второй половины XX — начала XXI в.

На смену обществу постмодерна идёт гораздо более бедное и консервативное общество, основанное, однако, на коллективах выживания и реальном промышленном и сельскохозяйственном производстве. Это будет общество неофеодализма, который синтезирует в себе различные аспекты культуры выживания и культуры достижения.

Для его создания большое значение будут иметь неевропейские, незападные народы, которые находились на периферии социальных изменений эпохи модерна и постмодерна, относительно мало участвовали в процессах роста различных сфер культуры и индивидуализации человеческой личности, чему способствовали и масштабные завоевания, и периоды иноземного господства, которых не знали в таком масштабе страны Европы. И поэтому эти народы сохранили коллективы выживания и другие виды традици-

онной самоорганизации. У многих из них образ жизни элиты не распространился в народные массы. Для многих нефеодалных этносов характерен интерес к политическому исламу, синтезирующему установки культуры выживания с установками тоталитарных идеологий, возникших в рамках культуры достижения.

Чтобы сохраниться в этих условиях, русскому народу необходимо воссоздать систему коллективов выживания, связанных друг с другом в сети. Современным русским это не свойственно. Зато для них характерна пластичность и способность менять свой образ жизни в зависимости от обстоятельств, что и внушает надежду.

Принципы организации в коллективы выживания могут помочь всем русским, желающим выжить самим и помочь выжить другим, своему народу независимо от мировоззрения и идеологических предпочтений.

Русский человек может не соглашаться с автором этого текста и вообще плохо к нему относиться. Главное, чтобы он реально создавал коллектив выживания или просто делал что-нибудь хорошее для соотечественников.

Меня могут спросить: а почему гнозис? Во времена поздней Античности возникли гностические учения, которые призывали вернуться из нестерпимого настоящего в первоначальное состояние, действительно нормальное и естественное. И таких учений было множество...

Что такое коллектив выживания

Коллектив выживания — это минимальная группа людей, могущих совместно обеспечить своё автономное существование, то есть не привлекая для своей поддержки какие-либо другие группы людей.

Другая важная характеристика коллектива выживания — это коллектив, посредник между семьёй (отдельным человеком) и обществом в целом (на-

родом, государством). Коллектив выживания амортизирует давление на человека государственных и прочих структур, помогает человеку защититься от произвола сильнейших, пережить трудные времена, экономические и социальные кризисы и пр.

Коллектив выживания требует от человека соблюдения неких установленных в нём моральных норм, совместной деятельности на благо всего коллектива и других его членов.

Коллектив выживания служит мобилизатором отдельных людей и семейств на какую-либо массовую деятельность, направленную на благо общества, народа, государства. Коллективы выживания, как правило, объединены в какие-либо более крупные структуры, например этносы, церкви. Эти объединения строятся, помимо всего прочего, на основе солидарности, общности интересов. Общие интересы множества коллективов выживания часто бывают политическими.

Существует масса различных традиционных видов коллективов выживания — это роды, племена, общины, тейпы, кланы и религиозные сообщества. Известны также современные виды коллективов выживания, такие как организации, ставящие своей задачей защиту юридических прав своих членов, территориальные органы самоуправления и самоорганизации (по типу американских комьюнити). Это и другие организации, составляющие гражданское общество. Таким образом, коллективы выживания формируются на основе родственного и земляческого принципов. В них объединяются единомышленники.

Специфика современной ситуации заключается в том, что традиционные коллективы выживания в среде европейских народов (в том числе и русского) разрушены, находятся в стадии деградации либо мало эффективны. Институты гражданского общества в основном отстаивают интересы различных меньшинств. Основная масса

населения защищена ими далеко недостаточно. Функции коллектива выживания для большинства современных европейцев выполняет государство.

Кризисные явления современного общества, ослабления государственной поддержки заставляют задуматься о возрождении сети коллективов выживания и распространении их на всё общество.

Коллективы выживания: классификация

Коллективы выживания делятся на присущие традиционному и модернопостмодерному обществам. В рамках традиционного общества подавляющая часть населения находится в рамках тех или иных коллективов выживания.

«Традиционные» коллективы выживания делятся на родственные — группы более или менее близких родственников, иногда включающие символически породнённых неродственников.

Территориальные коллективы — чаще всего люди, живущие в одном поселении, или непосредственно по соседству друг от друга, или в пределах одной, чётко очерченной территории, не образующей единое поселение.

Мужские союзы — объединения мужчин, более или менее радикально и на разный срок оторванных от родственных и территориальных коллективов выживания. Союз себе подобных заменяет для них «нормальное» общество. Основное занятие — военное дело и (или) религия.

Религиозные коллективы выживания — это группы последователей одной и той же религии или группы «профессионалов», посвятивших себя только религии. Они сходны или с территориальными коллективами выживания, или с мужскими союзами, весьма устойчивы, несмотря на смену эпох.

Классический пример кровнородственных коллективов выживания — семейно-родовые объединения на-

родов Сибири и североамериканских индейцев.

Территориальный коллектив — это русская сельская община.

Мужской союз — раннее казачество. К мужскому союзу типологически близки различные религиозные организации вроде орденов и монашеских обителей.

Религиозный коллектив — старообрядческая община, общины протестантов-диссидентов.

При этом очень часто один и тот же коллектив выживания сочетал черты разных типов. Нередко русская поземельная община была ещё и церковным приходом, так же как и казачья община. Чеченский тейп сочетает в себе кровнородственные и территориальные принципы (точнее, эволюционировал от территориально-родственной к родственной общности). Еврейский кагал — этнорелигиозная общность.

Очень часто один коллектив выживания является составной частью другого. Например, семья — часть сельской территориальной общины. Коллективы выживания, как правило, объединены в различные сети и союзы.

В период модерна «традиционные» коллективы выживания разрушаются, нередко — целенаправленно (уничтожение русского крестьянского мира).

Некоторые черты коллективов выживания восприняли функциональные элементы «нового общества»: это партийные ячейки, производственные и воинские коллективы. При этом очень часто они приобретали «гражданский» характер, то есть нивелировали религиозные, этнические различия, подчёркивали государственную и идеологическую общность. В эпоху модерна продолжали сохранять значимость религиозные коллективы выживания, хотя светская идеология их существенно потеснила. Коллективы выживания продолжали сохраняться до второй половины XX в. в среде русской эмиграции, так же как и другие этнические диаспоры — землячества.

Зачастую они близки мужским союзам, которые нередко эволюционируют в «посттрадиционный» период в этнические преступные группировки, революционные и террористические организации.

В эпоху постмодерна функциональные элементы «цивилизованного» общества лишаются остатков сходства с коллективами выживания. Общество атомизируется, и отношения в коллективах обезличиваются. В целом коллективы выживания охватывают меньшинство общества.

При этом резко возрастает роль некоторых этнических диаспор и религиозных коллективов выживания, особенно созданных мигрантами.

Специфическая черта постмодерна — субкультурные коллективы выживания, объединяющие носителей отношением к каким-либо эстетическим предпочтениям и общественным взглядам (байкеры, футбольные фанаты). Большое влияние имеют коллективы выживания сексуальных меньшинств.

При переходе от постмодерна к неофеодализму о коллективах выживания вспоминают и обычные граждане. Очень часто они создаются по принципу наличия одного общего интереса-признака. Это временный (целевой) коллектив (в соответствии с классификацией Л.Н. Гумилёва — консорция), например объединения родителей, автовладельцев, застройщиков и пр. В случае появления спянного коллектива, сильного лидера (или лидеров), успешной деятельности коллектив может постепенно начать охватывать разные стороны жизни его членов.

Появляется всё больше и изначально постоянных коллективов (конвиксий) выживания, чаще всего — религиозных, но есть и светские.

Коллективы выживания и этничность

Коллектив выживания — это, бесспорно, основа этноса и этничности. Но какой он — коллектив выживания?

Идеальный, умозрительно сконструированный, полностью автономный коллектив выживания не слишком комплиментарен по отношению к развитой этничности. Он образует полностью самодостаточный мир, минимально контактирующий с другими. Поэтому подобные коллективы выживания были характерны для древнейших времён с их рыхлыми и размытыми этническими идентичностями.

Значительная автономность отдельного коллектива выживания наглядно продемонстрировала свою противоположность по отношению к общностям более высокого порядка и в историческое время. Так, коллективы выживания кочевников евразийской степи достаточно легко меняли менее престижную этничность на более значимую. По этой же причине некоторые группы отдельных северокавказских народов вошли в состав других.

На значительных территориях Европы генетически население остаётся стабильным со времён неолита и появления в этих местах земледельцев. При этом их этничность менялась неоднократно.

Автономный и самодостаточный коллектив выживания собственно озабочен исключительно собственным выживанием, и прежде всего — физическим. Все идентичности более высокого порядка для него не слишком актуальны и являются вполне переменными.

Именно этот факт предопределил, помимо всего прочего, и свирепость русского государства по отношению к русским коллективам выживания, тяготеющим к автономии и самодостаточности.

Специфику коллектива выживания в значительной степени трансформируют какие-либо «осевые» религии и идеологии, провозглашающие высшей ценностью некие обобщённые идеалы. В этом случае идентичности «высшего порядка» оказываются «прошиты» в самом факте принадлежности лю-

дей к данному коллективу выживания. В целом «осевые» идеологии и религии являются признаком зависимости людей уже прежде всего не от природной среды, а от общества себе подобных.

Также коллектив транслирует определённый набор догм и моральных ценностей, общий и для него и для большого числа других коллективов. Он сцепляет коллективы в единое целое. Человек, разделяющий эти догмы и ценности, — член другого коллектива или вообще одиночка, больше не является чужаком в полном смысле этого слова. Коллективы гораздо более успешно объединяются для какого-либо общего дела.

Например, именно поэтому христианство сделало устойчивой национальную идентичность различных славянских народов. И именно поэтому очень многие амбициозные правители в разных частях мира принимали различные «осевые» религии и идеологии. А престиж, международные связи и высокая культура шли уже «в наборе». У славян-язычников, скажем, культура уже была достаточно высокой...

«Осевые» идеалы и ценности не позволяют ассимилироваться национальным диаспорам в иноэтничном окружении, например русским старобрядцам в разных районах мира (православное христианство), еврейским (иудаизм), китайским и корейским общинам (конфуцианская этика при разных вероисповеданиях).

«Осевизация» коллективов выживания имеет, конечно же, и отрицательные стороны в виде размывания дихотомии «свой — чужой». Поэтому, раздвигаясь вширь, устои теряют глубину и крепость. Они в гораздо большей степени ставятся под сомнение и постоянно находятся под угрозой нарушения и отрицания.

Развитые и эффективные сети коллективов выживания (которых сейчас нет у русских и других европейцев) нередко препятствуют различным программам переустройства общества, по-

вышению эффективности различных социальных институтов, соблюдению прав и свобод отдельной личности, что является необходимой платой за стабильное функционирование системы физического и культурного воспроизводства этноса: то есть либо самореализация и быстрое вымирание, либо длительное стабильное существование в ущерб самореализации.

В настоящее время построение русских коллективов выживания имеет достаточно большую специфику. Нередко они создаются для того, чтобы так или иначе отгородиться от «других» русских. Очень часто их создают или пытаются создавать носители соперничающих или прямо враждебных друг другу идеологических систем или даже конкурирующих направлений в рамках одной и той же системы. Например, коллективы выживания русских православных принадлежат очень разным организациям и направлениям, нередко совсем не склонным взаимодействовать.

Ни одно из идейных направлений, включая националистов, «совков» и «антисовков», не может претендовать на то, что представляет интересы большинства русских. И вряд ли в скором времени кому-то это удастся. Единственный выход — этническая солидарность, невзирая на идеологические убеждения и мировоззрение, а также на частные и групповые интересы.

Слава Богу, существуют и русские национальные общины. Именно национальные, например такие: <http://rus-portal.org/>

При этом, несмотря на явные недостатки, создание системы коллективов выживания остаётся единственным выходом для русских в условиях перехода к неофеодализму. Кто нас будет кормить и защищать? Больше никому.

Конечно, далеко не все эти проекты жизнеспособны. Но скорее всего выживет далеко не один. Что, помимо всего прочего, может привести к появ-

лению на месте русских нескольких этносов.

И именно поэтому столь важна идеология светского русского этнического национализма, не привязанного к какому-то отдельному коллективу выживания. Она может в большей своей части и не разделяться членами коллективов выживания. Однако сильный русский национальный дискурс может помочь сохранить им хотя бы чувство русской этнической общности и возможность для взаимодействия и взаимопомощи в случае общей угрозы.

Коллективы выживания и государство

Каковы могут быть отношения коллективов выживания с государственностью? Коллективы выживания и их сети — это принципиально иной мир по отношению к государственности. Тем не менее эти миры связаны друг с другом и должны сотрудничать.

Сотрудничество коллективов выживания и государственности должно строиться на чётком разграничении полномочий.

Государство не вмешивается в частную и повседневную жизнь человека. Оно не должно пытаться хоть как-то её регулировать и контролировать. Не может быть, например, никакого регулирования курения в общественных местах. Но это и не значит, что человек индивидуально решает, где ему курить и курить ли вообще. Решать должна традиция, которая важнее и государства, и отдельного человека. Реализует соблюдение традиции коллектив выживания.

Область морали, веры, нравственности, семейных отношений, личные отношения между людьми, отчасти трудовые отношения и местное самоуправление должны быть под контролем коллективов выживания и, соответственно, обычая и традиции. Они также должны быть максимально выведены из сферы государственного регулирования. Закон должен закреп-

лять высокие полномочия коллективов выживания, но не вмешиваться в их жизнь. В данной сфере обычаи и традиции, религиозные нормы имеют более высокий статус, чем законодательство.

Также жизнеобеспечение обычного человека должно зависеть от самого человека и его коллектива выживания, а не от государства и его органов.

В ведении государства и государственных служащих находится оборона страны, внешние сношения, масштабные инфраструктурные, образовательные проекты, поддержание общественного порядка, улаживания конфликтов. Деятельность государства и государственных служащих регулируется прежде всего законодательством, в отличие от жизни коллективов выживания. В данной сфере должно иметь место верховенство закона над обычаем, потому что она подвержена максимальным изменениям и должна регулироваться в соответствии с ситуацией.

К совместному ведению государства и коллективов выживания относится поддержание общественного порядка и предотвращение конфликтов. В «первой инстанции» эти вопросы должны решаться в рамках коллективов выживания и их сетей. В случае недостаточной эффективности местных мер или жёсткого конфликта интересов разных коллективов выживания вмешивается государство, которое является одним из основных гарантов равенства коллективов выживания, недопущения подавления одних коллективов другими.

Также государство совместно с коллективами выживания осуществляет различные инфраструктурные, образовательные, экономические проекты, например, в виде выделения грантов на реализацию коллективами выживания или их группами неких крупных проектов.

Коллективы выживания проявляют лояльность и послушание государ-

ству в случае внешней угрозы и других чрезвычайных ситуаций. Они следуют внешнеполитическим курсом государства, помогают ему в поддержании общественного порядка и осуществлении крупных социально значимых проектов.

Коллективы выживания решительно ограждают от вмешательства государства и его служащих сферу частной жизни граждан, не допускают вмешательства государства в сферу обычаев и религии. В случае деградации и потери эффективности государственных институтов коллективы выживания эти институты ликвидируют и временно их замещают. Позже создают новые (пример Смутного времени в России, неоднократные смены династий в Китае.)

Чтобы выполнять свои функции, коллективы выживания должны успешно гасить внутренние конфликты. Коллектив выживания должен действовать в интересах всех своих членов, а не только верхушки, что предполагает внутри него достаточную степень равенства. Мнение общего собрания полноправных членов всегда важнее мнения одного, пусть даже самого влиятельного. Члены коллектива выживания живут в соответствии с обычаями и традициями, нормами морали и религии, а не произвольно, как им вздумается.

Принцип разграничения регулирования жизни основной массы коллективов выживания и государственных служащих хорошо показан в таком законодательном памятнике Древней Руси, как Русская Правда.

Даже в поздний период существования применение уголовного законодательства по тяжким преступлениям зависело от воли коллективов выживания. В начале XX столетия в станице Кавказской Кубанской области были полностью освобождены от уголовного преследования двое убийц: один из них, казак, застреливший хлопца, полезшего в его сад за грушами; другой — молодой парень, зарезавший

соперника в борьбе за любовь девушки. В то же время станичный сбор приговорил к смерти и казнил тридцать жителей станицы, заподозренных в занятии разного рода криминальным бизнесом. Все станичники были амнистированы Государем Императором.

Коллективы выживания и воспитание детей

Один из важнейших недостатков современных русских коллективов выживания — это ситуативность и разовость совместных действий. Иногда нет полноценного поля для постоянной работы и взаимодействия. Эти проблемы снимаются, когда члены коллектива начинают совместно воспитывать детей. Именно поэтому коллективы для совместного воспитания детей — одни из самых распространенных среди православных коллективов выживания.

Конечно, в разных сферах жизни современные русские ещё обходятся без коллективов выживания. Но при воспитании ребёнка получить сколь-нибудь предсказуемый результат можно только в коллективе выживания. Вне такового при всём обилии разнородных влияний, воздействующих на ребёнка, его воспитание превращается в азартную игру, обеспечить приемлемый результат которой не смогут никакие родители или педагоги.

Необходимо иметь в виду, что современные и школьные, и родительские образовательные стратегии не готовят детей к жизни при неофеодализме, который оформится уже во второй четверти XXI в. Все воспитывают детей, имея в виду установки и принципы мира, которого во многом уже нет и в котором по крайней мере нынешним детям жить уже не придётся. Коллектив выживания с его навыками тесного взаимодействия и взаимопомощи, формирование горизонтальных социальных связей как раз может научить детей, как выжить при неофеодализме.

На чём вообще базируется надёж-

ное традиционное воспитание, практиковавшееся в обществах с традиционным укладом? Отнюдь не на болтовне и «промывке мозгов», а на принципе: «больше дела — меньше слов» и на отсутствии выбора и какой-либо альтернативы, то есть окружающие ребёнка взрослые на практике следуют декларируемым принципам жизни. Дружно и все без исключения. Как-то по-другому могут вести себя только чужаки или презируемые аутсайдеры. А все «нормальные люди» ведут себя по возможности одинаково. Именно в таких условиях у ребенка можно сформировать устойчивый и правильный стереотип поведения.

Коллектив выживания может хотя бы отчасти сгладить трагическую ситуацию, когда в семье учат одному, в школе — другому, на улице третьему, а в кино ещё и четвертое показывают...

Формирование железобетонного поведенческого стандарта на постоянно повторяющихся безальтернативных примерах — самое важное в воспитании. Учить конструктивно взаимодействовать с различными «чужими» тоже нужно, но позже и во вторую очередь.

В коллективах выживания, где воспитываются дети, должна быть масса практической деятельности, и не только обучающей, но и идеологической и развлекательной, а также сугубо практической — например, взаимопомощь, благотворительные акции. И дети должны не только это видеть, но и участвовать по мере сил, по-другому растить достойных людей невозможно.

Коллектив выживания, в котором воспитываются дети, — это разнообразный и достаточно замкнутый мир, в котором сконцентрированы самые разные сферы жизни ребёнка.

Например, подростки мальчики должны участвовать в действиях, где необходимы смелость, решительность, смекалка. Это и спортивные состязания, и многое другое. Например, у русских подростки издавна выступа-

ли зачинщиками ритуальных кулачных боёв.

Также в коллективе выживания, где воспитываются дети, должен царить дух согласия и единомыслия. Коллективы выживания могут создавать самые разные группы и течения, но в рамках одного коллектива плюрализм нежелателен. Если он православный — то православный, если кришнаитский — то кришнаитский. А не немного тот и другой одновременно... Такой «плюрализм» не только ведёт к раздразням и конфликтам, но и подрывает уверенность детей в незыблемости принципов, правил и устоев. В таком коллективе обязательно должно быть единообразие не только мировоззрения, но прежде всего — жизненных моделей поведения, отношений людей друг с другом.

Конечно, ситуации бывают разные. В одном прорусском спортивном обществе могут, например, состоять православные и родноверы; что бы они ни думали, желательно не показывать младшим членам общества свои «теоретические разногласия», не вести при них дискуссии «о вере», но дружно демонстрировать «молодой поросли» наличие сильного русского национального чувства и любовь к здоровому образу жизни, то есть в данном случае стереотип поведения должен быть единым для всех.

Различия в устоях жизни разных коллективов выживания должны смягчаться «педалированием» единой для всех, независимо от взглядов на жизнь, русской национальной идентичности, а также конструктивным сотрудничеством разных коллективов, их взаимопомощью по этническому принципу, закреплением идеи, что за пределами коллектива есть союзники-соотечественники.

P.S. Полностью описание доктрины приведено в моей книге «Опыт скептического консерватизма. Самопожирание цивилизации».

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

О РУССКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ

Ответить просто на вопрос «ВН» о «русском будущем», т.е. о том, каким я представляю себе Русское национальное государство (РНГ), мне было бы нетрудно. С 1997 г. я именно этим, по сути, и занимаюсь постоянно с регулярностью вечного двигателя.

Однако инициатива журнала по обсуждению РНГ не вызвала у меня, скажу прямо, никакого энтузиазма. Ибо богатый и печальный опыт убедил меня в том, что такого рода обсуждения ведут не к консолидации разных русских политиков вокруг одного проекта, а к усиленному лоббированию и пиару каждым из них своего собственного. Ради чего такие обсуждения как раз и затеваются.

Результатом установившейся практики является парадоксальное положение, когда, в один голос трубя о том, что создание РНГ есть центральный пункт повестки дня Русского движения, мы за добрых два десятилетия несколько не приблизились в реализации этого пункта хотя бы даже до стадии продвижения единого проекта в массы.

В этой связи свой ответ на запрос «ВН» я вижу не просто в публикации неких текстов, уже не раз публиковавшихся в том или ином виде (проще всего было бы разразиться их перечнем — и дело с концом), а в краткой исторической ретроспекции, своего рода «хождению по мукам» названной многообещающей идеи.

Как пролагали фарватер

Вопрос о создании Русского национального государства встал на по-

вестку дня после 1991 г., когда по всему периметру границ новой России (Российской Федерации) все бывшие «братские республики» Советского Союза стали трансформироваться в национальные государства. И даже не просто в национальные государства, а прямо-таки в этнократии. Судьба РФ, выключенной, казалось бы, из этого общего исторического процесса «восстания этничности» (В.Д. Соловей), вызывала недоумение, ее перспектива был неясна.

Сегодня Российская Федерация с каждым годом все более остро и массово воспринимается как межеемочная, переходная форма, однако — к чему? Естественно было бы думать, что к такой же этнократии, но... Масса обстоятельств даже и до сих пор препятствует подобному развитию событий, оставляя вопрос открытым. Тем более неопределенным все казалось в начале и даже середине 1990-х.

В те годы периодически возникали попытки создания своего рода дискуссионных русских клубов. В разное время таковыми были семинар «Нация и государство» (при Комитете по геополитике Госдумы, ведущий А.В. Архипов), семинар «Национальная доктрина России» (при Российском общественно-политическом центре, ведущий А.Н. Савельев), Русский интеллектуальный клуб (при Московском гуманитарном университете, председателем был покойный ныне А.А. Зиновьев).

Действовала, хотя и не находила ни широкого круга почитателей, ни

практического приложения в политике в силу своей сугубой религиозно-философской консервативности, Ассоциация по комплексному изучению русского народа (Е.С. Троицкий), регулярно выпускавшая сборники научных и научно-публицистических статей.

Однако ни одна из этих структур не поднимала вопрос об РНГ на системном уровне, не предлагала внятных разработок. Казалось бы, ясно и понятно: никакие трактаты не нужны; дайте проект Конституции — и сразу станет ясно все: лестница приоритетов, точки разногласий, система аргументации и проч. Но национал-патриоты в своем абсолютном большинстве тушевались перед этой задачей.

Первым реальным ответом на этот вызов времени был проект новой Конституции России, созданный в 1997–1998 гг. именно под строительство РНГ по общему для бывших республик СССР этнократическому лекалу¹. Рабочую группу молодых профессиональных юристов (она действовала под эгидой «Лиги защиты национального достояния», далее ЛЗНД) возглавлял автор этих строк; в работе принял участие ряд профессоров юрфака МГУ и ИГП РАН. Об этом проекте я самым подробным образом рассказал в большом обзорном очерке «Конституция Русского национального государства: к постановке проблемы», опубликованном недавно в трех номерах «ВН» кряду (№ 15–17 за 2013–2014 гг.). Что позволяет мне не повторяться, характеризуя этот проект, а прямо перейти к его судьбе.

Он был опубликован как «Национальной газетой», так и отдельным изданием (1998) и заслушан на за-

седаниях обоих действовавших в то время в Москве политологических семинаров: в Российском общественно-политическом центре и в Комитете по геополитике ГД РФ. Кроме того, мое подробное изложение проекта под названием «Национализм с человеческим лицом» опубликовала «Независимая газета» Виталия Третьякова — ведущая газета российской интеллигенции, имевшая максимальный резонанс и влияние.

Сегодня приходится слышать о том, что более адекватного проекта РНГ не было и нет. Однако в те годы организации, которая бы подняла его на щит, не нашлось. Для РНЕ (А.П. Баркашов) и «Памяти» (Д.Д. Васильев) он был слишком демократичен, для РОС (С.Н. Бабурин) слишком националистичен, у КРО был свой проект («Проект Сергея Пыхтина»)², ЛЗНД не располагала ресурсами, чтобы самостоятельно продвигать свое творение.

Отметим, что идея Русского национального государства не просто соткалась из насыщенной поисками атмосферы второй половины 1990-х, а оказалась сформулирована сразу на языке закона. Надо признать, общество оказалось не готово к разговору на таком уровне, почти никто из идеологов, как оказалось, этим языком не владеет и мыслить юридически не готов или не способен. Планка обсуждения оказалась настолько завышена, что де-факто обсуждения и не было. Лишь отдельные фрагменты более или менее уловлялись локаторами общественной мысли, но в целом предложение оказалось не осмыслено, а потому и не востребовано обществом. Проект подвис в воздухе на пару лет.

Наряду с этой причиной тихого саботажа Русским движением данного проекта была и другая. Наиболее яркая особенность проекта впервые четко обозначила: парадигма РНГ есть па-

¹ Впервые издана в «Национальной газете» № 2/1997 г., а затем, совокупно с законопроектом «О разделенном положении русской нации», — в брошюре «Русский проект» (М., 1998). Оба источника имеются в Российской государственной библиотеке.

² О нем см. мой упомянутый обзор в «ВН» (№ 16).

радика неимперская (если не антиимперская). К такому развороту большинство участников Движения было не готово. Уж ежели даже сегодня, когда полный крах российского неимперства со всей очевидностью обозначили события на Украине, находятся авторитетные общественные силы, мечтающие о приведении Москвою Киева к союзным отношениям, то что говорить о 1990-х! В те времена девять из десяти русских национал-патриотов в той или иной форме хотели бы видеть будущее России имперским. Но — не авторы проекта.

Так или иначе, но первая серьезная политическая заявка на РНГ была создана и, если можно так выразиться, запатентована. Об этом сегодня многие предпочли бы не помнить, но что написано пером, не вырубишь и топором...

Естественным продолжением первого шага явилось создание карты Русского национального государства, поскольку самый же ближайший вопрос, когда речь заходит об РНГ, обычно таков: в каких границах оно должно лежать? На этот вопрос исчерпывающе, ясно и наглядно ответила карта, созданная ЛЗНД на основе огромной карты расселения различных этносов и этнических групп на территории СССР и сопредельных государств, созданной совместно двумя академическими институтами: картографии и этнологии и антропологии. Вычленив территории, на которых проживают русские, мы получили карту, названную нами «Русская Россия. Карта компактного расселения русского этноса» (первая публикация в «Национальной газете»).

Карта явилась, с одной стороны, убедительным опровержением популярного обвинения в «уменьшительном национализме», ибо представляла оптимальные границы РНГ намного большими, чем ныне (воссоединение с Крымом и битва за Донбасс уже восстанавливают, к счастью, эти естественные границы, но лишь отчасти).

С другой стороны — карта так же

убедительно отвергала любые претензии на имперскость, ибо не только не пыталась включить в состав «Русской России» бывшие республики СССР, кроме Белоруссии, но и исключала из этого состава Туву, Ингушетию и Чечню. Ярчайшей манифестацией неимперскости являлось оставление большей части Украины и Казахстана за рамками идеального РНГ, что сегодня выглядит весьма здравым и актуальным пророчеством.

В комментариях к карте отмечалось, что на свете есть земли исторического расселения русских, предмет и продукт их многовекового подвига, воинского и трудового, которые должны быть рано или поздно воссоединены с «материковой» Россией. Идёт ли речь о бывших землях Области Войска Донского, отрезанных от нас немецким штыком по несправедливому Брестскому миру; или о Таврической губернии, которую даже тогда, в 1918 г., не посмели у нас отобрать; или о Харьковщине и Слобожанщине, куда от гнёта польских панов сбегались украинские крестьяне под защиту русского царя; или о южно-уральских землях Гурьевского, Яицкого (Уральского), Семиреченского казачества, где и сейчас русские составляют от 70 до 90% населения; или о русском городе-крепости Нарве, или об основанном ещё Ярославом Мудрым городе Юрьеве (он же Дерпт, он же Тарту), или у отвоёванной именно русским и никаким иным штыком у турок Новороссии и Приднестровье... Комментарий завершался так:

«Теперь, глядя на эту карту, каждый русский человек отчётливо может видеть, как его родной народ разрезан “по живому”, какой страшный урон нанесён русским. И для него становится ясным, как божий день, историческое задание, поставленное перед ближайшими поколениями наших соплеменников: ВОССОЕДИНИТЬСЯ!

Карта вопиет, взывает к естественному чувству справедливости.

Но — именно справедливости. Нам

нужно только наше, своё, родное. И ни одного квадратного сантиметра свыше! Мы на чужое не посягаем. Никаких империй, никаких евразий! Этническому государству эти химеры, геополитические фантомы категорически противопоказаны».

Вот этот комплект — проект Конституции РНГ и соответствующая карта — я считаю едва ли не главным интеллектуальным достижением всего Русского движения на сегодняшний день. Более четкого, ясного и правильного обозначения нашей общей цели мне не известно.

Идею РНГ — в массы

В отличие от Конституции, карта — из-за своей наглядности и простоты содержания — нравилась многим и даже перепечатывалась разными изданиями, порой без соблюдения авторского права и интеллектуальной собственности. Но мы не предъявляли законных претензий, широко делились своими наработками с коллегами и с массами. В конце 1990-х — начале 2000-х гг. автор этих строк видел свою задачу в том, чтобы требование РНГ стало общим местом для всех участников Русского движения. И продвигал эту идею устно и письменно на всех доступных площадках и форумах.

В первую очередь назову свою небольшую книжку «Итоги XX века для России» (М.: Вестник, 2000), которую считаю для себя фундаментальной по объему информации и количеству обозначенных в ней историософских идей. Периодически перечитывая эти «Итоги», я присягаю, что за пятнадцать лет все ее прогнозы сбылись, оценки подтвердились, а пожелания сохранили актуальность. Именно в этой книжечке оказались заложены основы идеологии РНГ, которые я пытался формулировать тогда на разных уровнях — историософском, философском, политологическом, этнополитическом и политэкономическом. Некоторые из них я привожу ниже:

«...Вовсе не создание “единого мирового сообщества” (раздираемого, как и прежде, противоречиями), а напротив — умножение национальных государств стало ведущей тенденцией нашего времени. В начале XX века таких государств было немногим более 50, сейчас — свыше 200. Трудно представить себе более ярко выраженную и более самоочевидную тенденцию.

<...>

...Решающим и не оставляющим сомнений экспериментом в поиске собственной идентичности для нас, русских, были опыты имперского существования. Двойной — с небольшим историческим промежутком — распад империй, в центре которых стоял русский этнос (1917 и 1991 гг.), ясно показал: нас при первой же возможности отторгает с большей или меньшей силой как Запад, так и Восток, и Юг. Наши попытки “тянуться с нежностью бессмысленно к чужому” не увенчались успехом, были отвергнуты с насмешкой и негодованием. Это более чем очевидно.

Это должно быть осознано до конца.

Отсюда — ясный императив для русских:

— оставаться самими собой (метафизическое содержание этой рекомендации для политика-практика в свете предыдущих констатаций не имеет никакого значения; главное — не поддаваться на обманы европоцентризма и не навязывать себя ни в западную, ни в восточную, ни в какую другую цивилизацию);

— воссоздавать (и создавать заново!) и соблюдать свою национальную среду обитания, свою русскую цивилизацию, свой “русский мир”, не поддаваясь никаким соблазнам “всецеловечества”, “евразийства”, “общеевропейского дома”, “всеславянского братства” и прочих тому подобных химер, с одной стороны, но и никого постороннего не допуская в этот мир — с другой;

— сохранять полную свободу в выборе партнеров на ближнюю и дальнюю перспективу, не позволяя себе ни в малейшей степени предвзятого отношения (симпатии или антипатии) ни к одной нации и руководствуясь только прагматическими соображениями и нормативами политтехнологии.

<...>

Следует осознать, что слом Главного Закона Жизни и появление в жизни ряда народов (в том числе русского) такого устойчивого фактора, *как минусовой прирост населения*, — это событие подлинно революционное, меняющее ход истории, сравнимое только с великими катастрофами в прошлом Земли. Оно заставляет отбросить представление о некоем алгоритме, которому суждено повторяться в истории России вновь и вновь по принципу “так было — так будет”. Отныне между ретроспективой и перспективой появляются принципиальные несовместимости уже не временного, а сущностного характера.

Поэтому нужно представить себе ход русской истории до 1990-х гг. и подвести под ним черту: так было. И понять: так больше — не будет. После чего взять за основу для прогнозирования лишь одну новейшую историю, чтобы выстроить совершенно новый алгоритм русского поведения, на иных, зачастую прямо противоположных привычному представлению принципах.

<...>

В политике подобной парадигме соответствует национальное государство. Его у русских никогда не было. Нам предстоит его создать.

<...>

Те, кто сегодня пытается продвигать идею “русской всемирности”, а также любые “всемирные русские проекты”, являются вольными или невольными агентами худшей разновидности глобализма с ее установкой на учреждение мирового правительства.

Нужно ясно понимать: данная философия, как бы ни были симпатичны

и умны отдельные ее носители, такие, как Хомяков, Достоевский или Вл. Соловьев, как бы ни были они правы в отдельных частных моментах, — безнадежно устарела в целом, не соответствует задачам построения русского национального государства. Не способствует решению основной задачи русского народа: **выжить и сохранить жизнеспособное потомство с русским самосознанием...**

Абсолютно все, что консервирует у русского народа имперскую психологию или ее рудименты — прилегающие к имперскому сознанию идеи и идейки, необходимо без всякого сожаления похоронить. И не эксгумировать по крайней мере до тех пор, пока русские не восстановят динамику рождаемости по образцу конца XIX века.

<...>

Итак, на повестке дня стоит создание Русского национального государства — этого настоятельно требуют, с одной стороны, глобальные тенденции развития, бросающие нам вызов, а с другой стороны — жизненные интересы русской нации. О том, каким оно должно быть и как его создать, подробно рассказывает Конституция Русского Государства (1997), созданная Лигой общественной защиты национального достояния при участии специалистов юрфака МГУ и Института государства и права РАН. Она полностью сохраняет актуальность и вполне доступна для изучения, равно как и карта “Русская Россия”, обозначающая оптимальные границы такого государства.

<...>

В основе русской национальной политической идеологии должен лежать краеугольный камень вообще концепции национализма: «Нация первична, государство вторично». Это ни в коем случае не значит, что государство есть нечто неважное; но мы должны твердо помнить, что в соответствии с диалектикой “сущность оформлена, а форма — существенна”.

Государство есть форма, отнюдь не определяющая сущность — нацию, но лишь выражающая ее во времени и пространстве. Недостатки и преимущества государства есть недостатки и преимущества нации, переведенные из ментального, имманентного нации, плана, — в план трансцендентный: бытийный и событийный. **Государство — это свойства нации, объективированные в историческом процессе.**

Отсюда следует тезис: нельзя (это просто бессмысленно) заботиться о внешней форме, не предусмотрев вначале необходимых изменений внутреннего содержания. Забота о русской нации должна лежать в основе любых преобразований России как государства, объективировавшего именно данную нацию. Расчетливое национальное строительство должно предшествовать государственному строительству, в том числе на стадии проекта, и во всем его определять.

Простая проекция предыдущего тезиса на практическую плоскость дает нам понимание ясного тезиса: “что хорошо для русских — хорошо для России; что плохо для русских — плохо для России”.

Сказанное не означает, что благо других народов России, прежде всего — автохтонных, не имеет значения для практикующего русского политика. Я сторонник гражданского равноправия в целом (хотя и не сторонник предоставления гражданства всем желающим). Но это значит лишь, что в ситуации конфликта национальных интересов, где одной стороной являются русские, ни о каком консенсусе не может быть речи: позиция “и вашим и нашим” является заведомо ложной, разрушительной и для нации, и для государства.

Россия — не только для русских, но для русских в первую очередь.

Есть область человеческой деятельности, где предыдущий тезис принимает вид ультиматума: это — политическая власть. Сегодня она реально

воплощена в четырех субстанциях: три конституционные плюс СМИ. В этих субстанциях все основные полномочия без исключения должны находиться только у русских. На определенные должности русские могут назначать нерусских заместителей при условии абсолютного контроля.

Вся власть — русским!

<...>

Построение русского национально-го государства не только политически необходимо, но и экономически возможно. Даже если весь мир будет против этого. Следует знать и помнить: Россия — самодостаточная страна, одна из очень немногих. Это целый мир, в котором есть все. У России, помимо людей, есть основные ресурсы, необходимые для выживания в новом столетии: сельскохозяйственные угодья; полезные ископаемые, в том числе энергоресурсы; ядерное вооружение; интеллект.

<...>

Экономическая политика национального государства должна соответствовать его сверхзадаче: абсолютному и относительному росту русского населения. Таков главный критерий пригодности той или иной программы.

Это значит, что во все экономические программы должны закладываться соответствующие приоритеты».

Понятно, что в данном случае перед нами — не блестящая последовательностью и не исчерпывающая тему агитка. Ее значение лишь в обозначении приоритетов, но на тот момент это именно и требовалось. Тем более что основополагающие документы РНГ, как сказано выше, уже были созданы, а ссылка на них дана.

Понятно также, что идеологическая разработка темы РНГ требовала продолжения. Я использовал для этого любой предлог, стараясь при этом вовлечь в интеллектуальное сотрудничество максимальное число коллег. Таким предлогом скоро стало создание Национально-Державной партии

России на основе моего альянса со Станиславом Тереховым (Союз офицеров).

Само название партии было знаковым (Национальная Держава!) и ко многому обязывало. На мои плечи легло программно-идеологическое обеспечение процесса; в январе 2001 г. я приступил к созданию важного документа: «ЧТО НАС ОБЪЕДИНЯЕТ. Объединительная платформа нового русского движения с целью создания единой русской партии Национально-Державная партия России», написав основу, которую потом обсуждал и дополнял с десятком товарищей по убеждениям. На первое место в платформе была поставлена тема национально-государственного строительства, заявленная так:

«Национально-Державная партия России, руководствуясь интересами русского народа и всех коренных народов России, а также ценностями справедливости и патриотизма, заявляет, что в случае ее прихода во власть будет проводить в жизнь следующие программные принципы:

1. В сфере государственного устройства

а) основные принципы, определяющие политику:

— Нация и государство находятся в неразрывном органическом единстве;

— Россия есть государственно-политическая ипостась русского народа. Будет великая русская нация — будет и великая Россия. Не будет великой русской нации — от России останется лишь горстка разрозненных стран-колоний;

— Русской нации нужна Великая Россия — Держава — как основа ее сохранения и развития. Не будет Великой России — не будет и великой русской нации. И никак иначе;

— Россия, согласно нормам международного права, признается мононациональной страной русского народа, т.к. русские составляют в ней абсолютное большинство населения;

б) русский народ утверждается в официальном статусе коренной, титульной и единственной государствообразующей нации России;

коренным народом России признается народ, не имеющий за пределами России своей субъектности и государственности;

в) необходимо стремиться к созданию мирным путем процветающего Русского национального государства — России — в границах компактного проживания русского этноса;

г) необходимо уравнивать в правах области и края с республиками в составе Российской Федерации.

Все субъекты Федерации должны иметь равные права; они не могут руководиться актами, противоречащими федеральному законодательству.

Впоследствии федеративное устройство России может быть полностью или частично пересмотрено методом референдума или внесения изменений в Конституцию, а наименование “Российская Федерация” отменено;

д) необходимо пересмотреть действующую Конституцию России, игнорирующую права и интересы русского народа, и внести в нее изменения или принять новую в соответствии с законом;

в России сохраняется принцип республиканского правления, принцип разделения властей, права и свободы граждан;

е) государственный аппарат, правительство и СМИ должны быть полностью очищены от антирусски настроенных людей;

Министерство по делам национальностей ликвидируется, вместо него создается Министерство по делам русского народа, в составе которого сохраняется департамент по проблемам коренных народов России и национальных меньшинств;

необходимо принять закон об ответственности за русофобию;

необходимо ввести национально-

пропорциональное представительство во всех ветвях власти независимо от уровня;

к высшим государственным должностям не должны допускаться нерусские и породненные с нерусскими лица, представители сексуальных меньшинств;

ж) необходимо признать вне закона масонство и тоталитарные секты, а также иудаизм и сионизм как учения, пропагандирующие национальную исключительность, национальное превосходство евреев и неполноценность других людей по национальному признаку;

з) необходимо укрепить государственную власть, значительно усилить государственное вмешательство во все дела жизни общества в сфере политики, экономики, культуры, правопорядка;

необходимо серьезное укрепление дисциплины, наведение всеобщего порядка;

и) необходимо искоренение преступности, особенно организованной, краж имущества трудящихся, финансовых афер и махинаций еврейской и южной мафии;

рецидивисты и лица, совершившие тяжкие уголовные преступления, должны быть ограничены в правах;

рэкет и вообще криминал в сфере экономики должны быть уничтожены, уголовный кодекс ужесточен, права милиции расширены, восстановлены добровольные народные дружины;

в области карательной юстиции следует исходить из принципа: “преступность — это преступники”;

к) должна быть восстановлена юридически и практически в полном объеме “доперестроечная” смертная казнь без права на помилование за особо тяжкие преступления, в том числе за незаконное изготовление и сбыт наркотиков;

вводится такая конституционная норма, как лишение гражданства по решению Верховного Суда;

л) суд присяжных ликвидируется;

м) признается факт геноцида по отношению к русскому народу. Правительству России будет предписано создать при Общественно-государственном Комитете по проблемам русского народа при президенте России Чрезвычайную государственную комиссию (ЧГК) по расследованию фактов геноцида русского народа и преодолению его последствий. В ЧГК должны, наряду с официальными представителями министерств и ведомств, войти выборные представители русских общественных организаций;

н) принимаются первоочередные законы: “О гражданстве”, “О правах коренных народов России”, “О русофобии”, “О разделенном положении единой русской нации и ее праве на воссоединение”, “О коррупции”, “О семье”, “О земле”».

Всего в Платформе оказалось 116 пунктов, под которыми, забыв частные разногласия, охотно подписывались все русские: и коммунисты, и монархисты, и националисты, и демократы. Партия росла как на дрожжах.

Вскоре Платформа была мною издана на плотной мелованной бумаге на обороте цветной карты «Русская Россия», что в совокупности послужило (и служит до сих пор) отличным агитационным материалом.

Проект Конституции и названная карта стали визитной карточкой НДПР, одним из ее ноу-хау, ее главным идеологическим оружием, какого не было и быть не могло ни у одной другой русской организации. Никто, кроме нас, не мог дать четкого и ясного ответа на простой вопрос: вот вы взяли власть — и что дальше? Мы же были готовы выложить свои «неубиенные козыри».

Освоение мейнстрима

Тем временем я не забывал и о другой аудитории, часто аполитичной и уж во всяком случае чужающейся откровенного национализма. Я считал

необходимым и этим людям «запустить ежа в мозги». И осенью 2001 г. выступил в университете г. Иваново на ежегодной конференции по интеллигентоведению (участником которой я долго был) с докладом: «Концепция новой России и задачи национального движения русской интеллигенции. Десять тезисов». Где высказался с предельной прямоотой:

«К чему в политике должен стремиться русский интеллигент, какой строй сознательно утверждать и строить? Это должно быть русское национально-демократическое государство по форме и технократическое общество по содержанию».

Как этот призыв сказался на умонастроении коллег, мне не ведомо («нам не дано предугадать...» и т.д.), но я сделал, что мог.

Следующим шагом в продвижении идеи РНГ в массы было издание моей книжки «Русская идея, век XXI» (М., 2002). В тот момент я был официально сопредседателем НДПР и книжка носила характер партийной пропаганды. В ней многое дословно повторялось из книжки «Итоги XX века для России», но появилось и кое-что новое, что не грех и сегодня процитировать, особенно о ближнем зарубежье. Я писал там, в частности:

«Необходимо подчеркнуть, что все перечисленные меры во внешней и внутренней политике в качестве первого условия своего осуществления предполагают создание русского национального государства. Такого государства у русских не было никогда, его только предстоит еще создать.

<...>

Надо ясно понимать: **восстановить империю в каком бы то ни было виде — означает окончательно погубить русский народ.**

<...>

5. Необходимо сделать все, чтобы произошло реальное воссоединение русской нации. Научное исследование этой проблемы дает выверенные реко-

мендации. Следует различать русскую диаспору по двум критериям: 1) компактность или дисперсность расселения; 2) примыкание к границам России или удаление от них. В зависимости от этого следует:

— обеспечить если не тотальный, то максимальный вывоз в Россию русских, проживающих за рубежом дисперсно (рассеянно). Или компактно (как в Алма-Атинской области), но — вдали от границ России;

— обеспечить присоединение к России граничащих с нею земель, компактно населенных русскими. Это следует делать, либо разделяя страну проживания русских с третьей стороной (варианты: раздел Казахстана между Россией и Китаем, выделение Западной Украины в самостоятельное государство), либо — мирным (увы, долгим) путем и в соответствии с международным правом, *двигаясь в пять этапов. Первый этап:* русские в анклав добиваются национально-культурной автономии. *Второй этап:* русские в анклав добиваются национально-территориальной автономии в составе страны проживания. *Третий этап:* русская автономия путем референдума добивается суверенитета. *Четвертый этап:* суверенная русская область путем референдума принимает решение о вхождении в состав России. *Пятый этап:* Россия в соответствии с нормами своей Конституции принимает решение об изменении границ. Понятно, что этот процесс невозможен без активной целенаправленной поддержки России;

— в ожидании исполнения данных мер предпринять все усилия для сохранения русской национально-культурной идентичности, русского самосознания у наших единокровных сограждан, отрезанных от материнской нации и страны.

6. Нельзя льстить себя надеждой на воссоединение с Украиной в целом. Эти мечты пусты и очень опасны. Они на практике уже обернулись преда-

тельством российской властью 11 млн. русских, проживающих там. Заклучив, по вине коммунистической фракции Думы и лично Ельцина и Селезнева, договор с Украиной, утвердивший нынешние границы, Россия бросила своих людей на милость “самостийников”, украинских этнократов. А у них задача: превратить русских Украины — в украинцев, не в первом, так во втором-третьем поколениях. Этот процесс “янычаризации” и “манкуртизации” русской молодежи прогрессирует гигантскими темпами при полном попустительстве России. Поскольку и Львов, и Крым (выражаясь символически) слишком хороши каждый по-своему, то киевская власть никогда не решится чем-либо одним пожертвовать. А покуда Львов (и с ним самостийническая идеологическая доминанта) — в составе Украины, нам не только с Украиной в целом, но даже с Крымом и Новороссией добром не воссоединиться. Это нужно ясно понимать и не строить иллюзий.

Есть разные сценарии решения данного вопроса. Но на ближайшее время в отношении русских на Украине следует руководствоваться изложенной в предыдущем пункте стратегией.

7. Ни в коем случае нельзя решать вопросы, касающиеся народонаселения, его количественного и качественного состава, каким-либо референдумом. Жесткое волевое решение компетентных лиц, оформленное законодательно, — вот все, что возможно в таком деле. Иначе дешевый прагматизм, желание сиюминутной выгоды, неизжитый имперский психоконплекс и всеобщая душевная расхристанность, всетерпимость и треклятая жалостливость русского человека вынесут ему самому окончательный приговор. Смертный, разумеется.

<...>

9. Остро необходимо отделить от России те ее субъекты, само существование которых в составе страны несет с собой явную этнодемографическую

(а значит — этнополитическую) угрозу, не компенсируемую геополитическими факторами. Это Чечня, Ингушетия, Тува, с которыми мы можем расстаться относительно безболезненно. Выполнив при этом ряд условий, как, например: **1)** взаимная тотальная репатриация русских и титульных народов, **2)** уточнение границ, **3)** материальная компенсация в пользу России за развитие местного народного хозяйства, а в случае с Чечней — еще и за геноцид русских и за материальный ущерб, понесенный Россией в ходе развязанной чеченцами войны и т.д.

Без сомнения, иные республики Кавказа, в первую очередь Адыгея, Дагестан (где за 10 лет процент русских снизился с 9 до 2), Карачаево-Черкесия, с их высоким приростом титульного населения, также несут в себе этнополитическую и этнодемографическую угрозу для русских. Но с их присутствием в России по разным причинам приходится мириться.

Некоторые квазипрагматики возражают: нельзя отдавать Чечню — там нефть, Туву — там марганец и т.д. Но иметь территории и владеть ими — это далеко не одно и то же. Разве русским принадлежит российский алюминий, российская нефть, российский никель? Если нерусский капитал сумел наложить лапу на наши ресурсы в одном случае (допустим, в Красноярске, в Тюмени), он сумеет это сделать и в другом (в Чечне, Туве). Смысл в том, чтобы, во-первых, стать хозяевами в собственной стране над собственными ресурсами (чего мы пока не достигли), а во-вторых — освоить практику неокOLONиализма, научиться владеть ресурсами, допустим, в колонии Туве, доминионе Ингушетии, протекторате Чечне, отделенных от нас, тем не менее, совершенно непрозрачными границами.

10. Наряду с ограничением роста численности инородцев в России должен действовать комплекс мер, повышающих рождаемость и качество но-

ворожденных русских. В числе самых главных задач современного общества (не только в России, но везде, где разразился демографический кризис) — вернуть женщину к детской кроватке и домашнему очагу. Желательно — и мать, и бабушку. По силе возможности — хотя бы бабушку. Ведь одна из важнейших причин малодетности — это разрушение извечной трехпоколенной структуры семьи. Необходимо провести ряд непопулярных мер, направленных на укрепление семьи и повышение рождаемости. В том числе вернуть налог на бездетность в пользу многодетных семей, ввести алименты с женщин, оставляющих новорожденных в роддомах, ограничения на свободу развода и аборта. Необходимо запретить порнографию, жестко ограничить распространение эротической продукции; запретить трудовую миграцию российских женщин в страны дальнего и ближнего зарубежья; запретить все конторы и фирмы, вербующие российских женщин на работу за рубежом в сфере секса, фото- и кинобизнеса, брачных и модельных агентств, работающих “на экспорт”; запретить так называемое “сексуальное обучение и просвещение” в школах. Необходимо создание школ материнства, усиление курсов домоводства в школах и других учебных заведениях. Необходима широкомасштабная пропаганда ценностей семьи и деторождения. За русскими мужчинами следует закрепить право на создание параллельной семьи на определенных моральных и материальных условиях.

11. Экономическая политика национального государства должна соответствовать его сверхзадаче: абсолютному и относительному росту русского населения. Таков главный критерий пригодности той или иной программы. Это значит, что во все экономические программы должны закладываться соответствующие приоритеты. Понятно, что именно по этой причине все т.н. либеральные программы развития

России должны быть немедленно отменены, а их дурные последствия по возможности исправлены. Незаконная приватизация требует выборочного пересмотра (в первую очередь в части предприятий стратегического значения и добывающей промышленности). Природную ренту и прибыль от эксплуатации госсобственности — а не налоги с населения! — следует сделать основным источником наполнения бюджета.

Таковы основные направления национального строительства в Русском Государстве, создание и построение которого является первоочередной задачей русского движения».

Можно только сожалеть, на мой взгляд, что ряд рекомендаций не был исполнен, а ряд других и не будет исполнен, пока РНГ не станет реальностью.

Составной частью книжки «Русская идея, век XXI» была «Программа государственного строительства Русского национально-освободительного движения». Преамбула, украшенная эпиграфом из Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского («Россия — государство русского народа»), вещала без обиняков:

«Современное государственное устройство России ни теоретически, ни практически не соответствует правам и интересам русского народа.

Причина такого несоответствия, если смотреть с точки зрения цивилистики (раздел юриспруденции, трактующий вопросы государственного строительства), лежит в действующей Конституции России, написанной без малейшего учета потребностей русского народа как государствообразующего народа России. Русский народ, создавший Россию и являющийся ее основной скрепой, в Конституции даже не упоминается».

Далее идет переработанный текст пояснительной статьи к нашему проекту Конституции. После чего — финал:

«ИТАК, главная политическая за-

дача русского движения в области государственного строительства состоит в создании русского национального государства. В целом русское государство может быть охарактеризовано как национально-демократическое государство с республиканским образом правления парламентского типа. (Поясним: “национальная демократия” — есть демократия, ограниченная по национальному признаку<...>) Самый животрепещущий вопрос: **в каких границах должно заключаться русское национальное государство**, не приведет ли его создание к появлению узкой полоски “русской” территории (подобный проект под титулом “Русской республики” был выдвинут в свое время группой “этнических демократов” при поддержке некоторых недалеких русских общественных деятелей). На это отвечаем: границы русского государства должны быть в основном расширены по сравнению с сегодняшней Россией, поскольку в него должны войти компактно населенные русскими людьми Южный Урал (Северный Казахстан), Левобережье Днепра, Крым и Новороссия до Приднестровья (включительно), северо-восточный район Эстонии. Однако ряд областей, населенных в основном нерусскими, быстро размножающимися и резко недружественными по отношению к русским народами (конкретно: Чечня, Ингушетия, Тува), могут на определенных условиях и через процедуру народного волеизъявления быть исключены из состава России. В целом границы России желательны привести в соответствие с границами ареала компактного проживания русского этноса (см. карту “Русская Россия”).

Какова экономическая основа всех преобразований, необходимых для строительства русского национального государства? Ясно, что такой основой на данном этапе может быть, главным образом, доход от эксплуатации природных ресурсов России. Никакого другого подобного по мощи ресурса у

нас в ближайшее время не предвидится (в перспективе таким ресурсом станет интеллектуальный продукт — патенты, лицензии и т.п.). Это значит, что, в зависимости от степени и форм сопротивления частного капитала, должна произойти либо тотальная национализация недр, коренной пересмотр долей участия государства и частного бизнеса в добывающих и стратегических отраслях, отмена закона “О Соглашениях о разделе продукции” и т.д., либо радикальное изменение природной ренты и методов ее взимания, либо комбинация того и другого.

Для более подробного ознакомления с проектом русского государственного строительства необходимо прочесть названные в начале главы источники».

Итак, к концу 2002 г. я мог считать, что проект РНГ получил достаточно всестороннее обоснование и достаточно полное изложение и выражение на всех необходимых уровнях: 1) идеологическом, 2) политико-географическом, 3) юридическом.

Теперь моей задачей стало включение такой цели, как построение РНГ, в программу всего Русского движения. Я решил эту задачу просто.

30 января 2004 г. по инициативе НДПР в нашей политической истории произошло событие, которое могло бы иметь значительные последствия: состоялась учредительная конференция Русского национального движения. На конференции был принят разработанный мною документ под названием «Программа-максимум и Программа-минимум Русского национального движения». При этом Программа-максимум РНД состояла из одной единственной фразы:

«Построение Русского национального государства, включающего в себя территорию нынешней России (но без национально-территориального деления), а также земли, желающие с ней воссоединиться».

Под решением о принятии обеих

программ стоят подписи практически всех русских организаций, что-то из себя представлявших на тот момент, бывших, что называется, «на плаву»: НДПР, ДПНИ, РОНС, ССО, ВДСР, «Спас», Партия Свободы (РНЕ, КРО, РОС и «Память» к тому времени сошли со сцены, кто на время, кто навсегда).

Этот момент я считаю очень важным. Что-то сдвинулось в русском общественном сознании, пусть пока только у авангарда народа. Но идею РНГ мы, что называется, «застолбили» в обществе, хоть и без всякой конкретики. Время показало, что идея прижилась и пустила корни и ростки.

Казалось бы, можно было считать свою задачу осуществленной и предоставить ход запущенного маховика самому себе. Увы, счастливый отдых от праведных трудов не предвидится, ибо маховик все время норовит сбиться с верной траектории — только успевай подставлять плечо...

Сумма десятилетия

В дальнейшем теме русской национальной государственности мною были посвящены многие публикации, среди которых я считаю наиболее интересными мои книги «Время быть русским» (2004, 2006), «Россия — для русских!» (2006) и полемические заметки по поводу коллективной монографии «Русская доктрина» (2008), вошедшие в мою книгу «Уклоны, загибы и задвиги в Русском движении» (2011) под заглавием «Мечты о России». В целом я отсылаю читателей к данным источникам («Россия для русских!» была признана в Адыгее экстремистским материалом в результате чрезмерного рвения местной прокуратуры, но решение в настоящее время отменено и пересматривается в Верховном суде республики, так что книгу читать можно), но некоторые фрагменты считаю нелишним привести здесь.

Книга «Россия для русских», по сути, вся посвящена идее Русского национального государства и ее вопло-

щению в жизнь. Ее предисловие так и называлось: «Русский проект. От теории — к практике» и имело характерный подзаголовок: «Из ЭрЭФии — в Русское национальное государство».

Не менее характерным и резким был зачин книги:

«Мы, русские, живём сегодня в чужом и чуждом нам государстве с нелепым, полупристойным, режущим наш слух названием “Российская Федерация”».

В чужом, ибо сегодня власть в нём принадлежит антирусским силам, не только не защищающим и не сберегающим, но — напротив — грабящим, угнетающим и разрушающим русский народ. РФ — не “государство русских” (как порой нам пытаются внушить) и, тем более, — не государство “для русских”. Своей государственности у русских — самого большого народа РФ — нет как нет.

В чуждом, ибо в нём торжествуют духовные ценности, общественные цели и задачи, идущие вразрез с традиционными ценностями русского народа, а русское духовное наследие третируется как второсортное.

<...>

Факт проживания огромного, полного творческих сил русского народа в чужом и чуждом для него государстве, которое по праву должно быть своим и родным, губительно сказывается на народном физическом и моральном самочувствии. Мы деградируем, эмигрируем и вымираем, оставляя завещанное нам предками наследие — территорию, природные ресурсы, материальные и духовные сокровища, научный и культурный потенциал и даже генофонд — другим народам, не создававшим этого наследия, которые жнут, где не сеяли. Это — чудовищная историческая несправедливость.

Мы никогда с этим не смиримся. Мы намерены коренным образом ломать такое положение дел.

Мы понимаем, что **единственный шанс на выживание** связан для рус-

ского народа с обретением собственной национальной государственности. (Какую уже обрели все титульные нации бывших республик СССР.)

Наша Россия, завещанная нам предками, была другой, не такой, как РФ. Наша Россия, которую мы должны оставить потомкам, тоже будет другой.

Мы, безусловно, — патриоты России. Но — России пока не существующей. Не той, презираемой, что есть на самом деле, а той, прозреваемой, что должна быть. Той, что призрачно сквозит нам через ржавый каркас Эрэфии. Той, что мы хотим построить.

Какой? На этот вопрос отвечает данная книга».

Пересказывать книгу я не вижу смысла, скажу только, что первая часть называлась «На языке закона». В оповещении «От автора» я раскрыл смысл названия, вкратце рассказав о попытках создания ряда законов (начиная с Основного), направленных на оптимизацию жизни русского народа. Содержание первой части и составила публикация всех подобных документов, сопровождаемая пересказом драматических обстоятельств их создания и обнародования.

Вторая часть называлась «От империи — к Русскому национальному государству». В оповещении я писал:

«Назначение второго раздела книги — обратное первому. Там я познакомил читателя с концепцией Русского национального государства, выраженной на языке закона, сухо и ясно, без эмоций и словопрений. Здесь же я хочу погрузить его в горячий и бурный мир идейных баталий, в которых выкристаллизовывались те юридические нормы, которые наше движение сегодня защищает в официальных инстанциях.

Как легко обнаружит читатель, мир русских национал-патриотов весьма неоднороден, и столкновение идей постоянно препятствует его объединению. Водоразделы в русском стане

идут по многим направлениям. Я намеренно исключил из данной книги всё, относящееся к религиозным прениям, запрещённым в лоне нашей Национально-Державной партии как наиболее “взрывчатая” материя. Но включил многое из того, вокруг чего ломаются копья русских политиков и публицистов последних лет двадцати. Пусть читатель сам разберётся, на чьей стороне правда.

<...>

Для того чтобы мы не погрузились в пучину междоусобиц после взятия власти, утверждая тот или иной проект Русского национального государства, некоторые идейно-политические “полосы препятствий” хорошо бы научиться проходить уже сейчас. И некоторые простые истины русского национализма затвердить заранее. По принципу: тяжело в ученье — легко в бою.

Помочь этому призвана моя книга».

Таким образом, как сама концепция РНГ, так и непростая история ее тернистого пути в русском обществе за десять лет (1997–2006) полностью отражены в данном сборнике документов и материалов. Хочу верить, что он представляет интерес не только для историков.

Вечный бой

Последнее, как мне казалось, что я должен сделать, дабы как следует послужить идее РНГ, — это дать два принципиальных идейных боя. Один — арьергардный, представителям недобитой имперской идеи, окопавшимся на тот момент в основном в Институте динамического консерватизма, а ныне в Изборском клубе. А другой — авангардный, против возникших в последнее время адептов национал-анархизма, чья базовая организация — Национально-демократический альянс (П. Хомяков, И. Лазаренко, А. Широпаев и др.). Подробная и всесторонняя полемика с этими противниками составила основу моей книги

«Уклоны, загибы и задвиги в Русском движении», к которой были добавлены и другие полемические материалы, многие из которых затрагивают частные проблемы РНГ.

По поводу первого идейного противника я писал:

«Передо мной — солидный том, без малого в 900 страниц: “Русская доктрина”. Как говорится в аннотации, “это целостная мировоззренческая система, дающая для современной России программу общественно-политических преобразований с достаточно глубокой степенью конкретизации”.

Над томом, как можно выяснить из выходных данных, трудилось множество народу: девять авторов и членов редколлегии (общая редакция В.В. Аверьянова и А.Б. Кобякова), а также 34 эксперта и 21 консультант».

Вот с этим капитальным трудом, детально расписывающим, что надо делать национал-патриотам (в первую очередь в плане государственного строительства), я и взялся вести столь же детальную полемику, с одной стороны.

А с другой стороны, я взялся за труд идейно разгромить концепцию НОРНа — политическое завещание профессора Хомякова и его сторонников.

В том и в другом случае проблема «нация и государство» стоит в центре внимания, но выглядит по-разному, противоположно. Свою задачу я обрисовал так:

«Мне показалась привлекательной задача параллельного анализа “Русской доктрины” как наиболее полного воплощения патриотической “русской идеи” прошлого и, одновременно — НОРНЫ как наиболее яркого отрицания этой идеи.

Крайности сходятся. Отрицание этничности во имя государственности, “патриотическая русофобия” — такова опасная крайность, объективно скрывающаяся в консервативной “Русской доктрине”. Отрицание го-

сударственности во имя этничности, “анархическая русофобия” — такова не менее опасная крайность, которую авторы НОРНЫ даже и не скрывают. Ни та, ни другая концепция не является в действительности русско-националистической, хотя обе существуют именно в националистическом дискурсе и стали возможны только в ходе его развития. Ибо представляют собой первая — мобилизацию донационалистического патриотизма, резко оппонирующего народившемуся национализму, вторая же — обостренную квазинационалистическую реакцию на данную оппозицию. Такая вот диалектика.

Думается, что параллельный анализ обеих концепций позволит окончательно покончить с обветшалым патриотизмом во всех его видах, включая снятый и превращенный, и расчистить путь собственно русскому национализму, каков он есть».

Насколько это удалось, судить не мне.

К чему мы пришли

Плюсы и минусы, возникшие по ходу развития Русского движения в связи с идеей РНГ, выпукло и детально продемонстрировала дискуссия, вспыхнувшая по поводу вопросов о русском национализме (числом семнадцать), которые известный кремлевский журналист Павел Данилин публично задал Константину Крылову. Они отменно сдетонировали в русском движении, вызвав обильные рефлексии. В результате образовался идейный массив, в котором мне было любопытно разобраться, поскольку общественное значение темы русского национализма непрерывно растет. Результаты анализа отразились в статье «Семнадцать мгновений истины, или Наш ответ Данилину»³.

³ См. в кн.: Александр Севастьянов. Уклоны, загибы и задвиги в Русском движении. М.: Русская Правда, 2011.

Дискуссия проявила интересную вещь. По ряду позиций у респондентов возник меня самого удививший прочный консенсус, по ряду других — столь же четкое расхождение во взглядах, преодолимое в одних случаях и антагонистическое в других.

Для нас первостепенную важность имеет, конечно же, все связанное с РНГ. Итак:

«Начну с вопроса, ответ на который поразил даже меня, издавшего разные виды в русском движении, своим единодушием.

— **Что именно хотят построить в России русские националисты в случае прихода к власти?**

Все респонденты ответили единогласно, отбросив все сомнения и колебания, все междоусобные различия и посторонние соображения: **Русское национальное государство.**

На этом отрадном замечательном факте можно было бы и остановить весь разговор. Ибо один этот факт стоит целой статьи о русском движении.

Даешь Русское национальное государство!

Вот, он, крик русской души! Вот он, лозунг момента!

Все остальное, как говорится, рюшечки и бантики.

Но несколько слов добавить для полноты анализа необходимо. Вопрос слишком серьезен, чтобы судить о нем, не зная истории самого вопроса. А он заявил о себе не вчера.

В свое время в СССР историком В.В. Мавродиным был даже написан вузовский учебник “Образование русского национального государства” (М.: ОГИЗ, 1939). Об этом сегодня уже мало кто знает, к сожалению. С тех пор всерьез на тему Русского национального государства у нас никто не писал, детально эту концепцию не разрабатывал, кроме меня (“Русское национальное государство: «рай для своих» или «лавка смешных ужасов?»” [ж-л “Политический класс” №4, 2008], “Россия для русских!” [М.: Книжный мир, 2007]

и мн. др.) и возглавлявшейся мною Лиги защиты национального достоинства (ЛЗНД), разработавшей проект новой Конституции России (1998 г.). Нами была даже подготовлена, опубликована и разъяснена карта территории идеального государства: “РУССКАЯ РОССИЯ. Карта компактного расселения русского этноса” (2001 г.). Таким образом мною со товарищи в последнее десятилетие был создан, высокопарно выражаясь, “Русский проект”, полностью и детально обнимающий собою всю концепцию русского национального государства на всех уровнях: от юридического, политического, исторического и нравственного — до географического. (Все материалы можно найти на моем сайте.)

Ничего подобного, никаких аналогичных разработок сколько-нибудь серьезного уровня, с привлечением лучших специалистов, не было сделано у нас больше никем и никогда, хотя скороспелых рассуждений на тему хватает.

Беда в том, что господа русские националисты, особенно теоретики, друг друга, увы, не читают, предпочитая каждый раз собственноручно писать историю кровью своего сердца с чистого листа. Ибо даже те из них, что в движении без году неделя, “образованность хотят показать”. И пожинают при этом все заслуженные плоды (в основном шишки), собирая один за другим свежеизобретенные велосипеды.

По понятной причине мне не с руки подвергать разбору этот весьма нестройный хор ни в целом, ни по партитурам. Чтобы не разбить ненароком то отрадное единство и согласие, которое манифестировано выше.

Но одно важное замечание я обязан сделать.

Понятно, что в общую, объединяющую всех нас формулу “Русское национальное государство” (РНГ) каждый волен вкладывать собственное содержание. У каждого в голове может жить свое мечтаемое РНГ, отдельными

детальями которого можно с блеском делиться в дискуссиях. Но есть два принципиальных различия, которые легко вычитываются даже в тех прозрачных набросках, что привели некоторые наши респонденты. Ими нельзя пренебречь.

Одну позицию четко обозначил **Крылов**, заявивший: «Русские националисты — чуть ли не единственные люди в России, последовательно отстаивающие *классические демократические ценности*. Не либеральные (которые сейчас заключаются в утверждении прав всевозможных меньшинств), а именно классические демократические, то есть права большинства. В России большинство населения страны — это русские (по крайней мере, пока). Демократические и национальные требования, таким образом, совпадают по факту. Но они совпадают и по смыслу. Организованная нация имеет право и даже обязана самоуправляться».

Другую позицию так же четко и даже агрессивно обозначил **Борцов**: «Русское Национал-Социалистическое Государство, чуть позже — Русскую НС-Империю. А вы что думали?».

<...>

Сегодня не стоит гадать, какая концепция победит и возобладает в русском государственном строительстве. Тем более, что, как это уже не раз бывало в истории, победить может одна, а возобладать в итоге — совсем другая. В самом общем смысле предскажу, что выиграть доведется тем, чьи теории ближе к жизни, к исторической и даже биологической правде.

А пока еще раз радостно констатируем: идея Русского национального государства объединяет русских националистов всех тонов и расцветок без исключения.

Таков наш главный ответ на кремлядский запрос».

Что ж, это действительно важный итог, выросший с 1991 г. до наших дней.

О чем речь?

Закономерен вопрос: а что же это такое — «Русское национальное государство» (РНГ)? И что такое «национальное государство» вообще?

На этот вопрос я ответил еще в 2006 г. в №6–10 «Национальной газеты», статьей, которая так и называлась — «Национальное государство». За ее краткостью приведу текст, слегка отредактированный, целиком.

«Если в двух словах, это государство, основной лозунг которого короток, прост и ясен: **“Все — для нации, ничего — против нации”** (под нацией, конечно же, подразумевается только государствообразующий народ; это понятие этническое, а не политическое).

Варианты могут быть очень разными, от жесткой этнократии (максимальный пример — Израиль) до апартеида (Латвия, Эстония) или просто государства, открыто провозглашающего суверенитет и приоритет одного народа (Казахстан, Украина и др). Детали можно узнать, читая конституции соответствующих государств (они доступны в Интернете). Что же касается Израиля, то, как говорят сами евреи, “нам конституции не нужны, у нас есть Тора и Талмуд”. Прочтите эти источники — и вам станет ясно, почему Израиль остается едва ли не единственным государством в мире, не имеющим по сей день своей конституции. Ведь никакая конституция не утвердит с такой непреложностью абсолютное национальное и религиозное превосходство евреев и неполноценность всех остальных народов, как это делают самые священные еврейские книги...

Тот вариант Русского национального государства, который мы предлагаем к всенародному обсуждению, достаточно мягок, по сравнению с Израилем. Подробно и детально все его основные черты выписаны в проекте новой Конституции России, созданном Лигой защиты национального достоинства (Русский проект. Конституция

России: новый вариант. М., 1998). Проекту предпослана пояснительная записка в виде статьи, подробно описывающей отличие РНГ от сегодняшней ЭрЭфии. Здесь же я лишь кратко обрисую его контуры.

ПЕРВОЕ. Национальное государство — не “многонациональная империя”, хотя может иметь колонии. Оно полиэтнично (ибо его населяют многие народы), но оно должно быть и сознавать себя как мононациональное и унитарное. В доме должен быть один хозяин; в стране — один государствообразующий этнос, самоопределившийся на всей ее территории. Суверенитет народа приходит в этом случае на смену суверенитету государства, как последний пришел в свое время на смену суверенитету монарха.

И никаких “политических наций”! Нация есть понятие этническое. **Лояльность к русскому народу — вот главный тест, обязательный для всех остальных жителей России, коренных или пришлых — неважно.** (Пример: недавно узаконен текст присяги Израилю именно как еврейскому национальному государству.) Но при этом мы гарантируем равноправие для всех коренных народов, не имеющих своей государственности вне России и лояльных к русским. Нелояльным же в России не место.

ВТОРОЕ. Приоритет одного (в нашем случае — русского) этноса в государстве влечет за собой приоритет государственных, национальных интересов во всем — в политике, экономике, культуре и морали. Поэтому следующий по значению лозунг — **“Опора на собственные силы”**. Это не значит, что права и интересы других народов должны подавляться, но надо ясно сознавать, что благосостояние государства зависит от них и требует их учета не в первую очередь. А главное: интересы государства и нации в принципе несовместимы с клановой экономикой. Контроль государства и народа в лице правящей русской партии над клана-

ми должен быть строгим. Стремление к полной автаркии ошибочно, но экономическая (в первую очередь продовольственная) независимость страны должна быть достигнута.

ТРЕТЬЕ. Национальное государство не может мириться с разделенным положением государствообразующего народа, особенно когда речь идет о непосредственно примыкающих к нашим границам территориях, компактно заселенных русскими. Русские должны жить в едином государстве, поэтому третий лозунг **“Одна нация — одно государство”**.

О том, каковы должны быть идеальные границы русского национального государства, рассказывает карта “Русская Россия. Карта компактного расселения русского этноса” (2001). Она была задумана и сделана Лигой защиты национального достояния на основе огромной и очень подробной карты расселения разных этносов на территории России и сопредельных с нею государств (исполнители: Институт картографии и Институт этнологии и антропологии РАН).

ЧЕТВЕРТОЕ. Въезд и выезд на ПМЖ в национальном государстве строго регламентирован, это не проходной двор. Мы построим в России, богатейшей стране мира, настоящий земной Рай. Но только для своих: посторонних туда не пустим. У русского человека нет и не может быть никакого “интернационального долга” или же долга перед фикцией “человечества”. Единственный долг его — перед собственной русской нацией. Бесспорным правом на гражданство и въезд может обладать только индивид, доказавший свое происхождение от одного из коренных народов России. Предполагается, что главный закон России — “Закон о Гражданстве” — детально проработает соответствующие вопросы и не только разделит население России на три основные категории, по примеру Конституции Украины (государствообразующая нация + корен-

ные народы + национальные меньшинства), но и отделит по принципу полнoprавия граждан от подданных, а тех и других — от иммигрантов. Все коренные народы России получают преимущества перед иностранцами и лицами без гражданства. Не воля мигранта, въезжающего в Россию по своей нужде и прихоти, а воля России, приглашающей приехать конкретную нужную нам личность, будет определять визовую политику.

ПЯТОЕ. Такая огромная и сложная во всех отношениях страна как Россия не может управляться иначе, как властью партии по принципу демократического централизма. Если русский народ не способен создать такую партию, которая сможет взять и удержать власть в стране, и выдвинуть таких лидеров, которые способны проложить верный курс общественного развития, — значит, место его на исторической свалке, он нежизнеспособен. Но я твердо уверен в обратном. Лучшие силы русского народа должны объединиться в единой правящей партии, чью программу будет выполнять правительство и возглавляющий его президент — ломовая лошадь русской партии.

ШЕСТОЕ. Русский этнический национализм будет введен во все учебные заведения как обязательный предмет. Каждый житель России, неважно, постоянный или временный, должен жить с простой истиной в душе: от благосостояния русских в первую очередь зависит благосостояние России. Будут русские — единственный государствообразующий народ — многодетными, здоровыми, богатыми, образованными и сильными, значит, будет такой и вся Россия. А это нужно всем и каждому, всем остальным 175 этносам страны, в этом польза для них всех, и все должны этому способствовать. Конституционный закон “О сбережении нации (государствообразующего народа)” должен лечь в основу специального законодательства, посвященного данной проблеме.

СЕДЬМОЕ. Международные отношения Россия должна выстраивать без предвзятости, исключительно на основе прагматизма. Полная изоляция нам не нужна и даже опасна. Но и об “открытом обществе”, куда каждый, кому охота, ходит, как в собственный чулан, речи быть не может.

ВОСЬМОЕ. Будут воплощены все остальные принципы “Программы-минимум Русского национального движения”, включая: а) признание факта этнодемографической катастрофы русского народа и законодательное утверждение мер, в том числе чрезвычайных, направленных против депопуляции его как государствообразующей нации, против снижения его удельного веса в составе населения России; б) сохранение и укрепление этнического единства русского народа и всех исторических и культурно-языковых факторов, способствующих этому; в) запрещение русофобии во всех её проявлениях, защита человеческих и гражданских прав русских людей в любой точке земного шара; д) признание факта геноцида русского народа и преодоление его последствий.

ДЕВЯТОЕ. Никакие природные ресурсы России, включая (по примеру Израиля или Украины) землю и (по примеру Казахстана) воздух, не могут находиться в частной собственности: это общенациональное достояние. В данной сфере предстоит тотальная национализация.

ДЕСЯТОЕ. Светский характер РНГ гарантируется. Однако, допуская развитие “религии отцов” (то есть конфессий, имевших когда-либо массовое хождение среди предков коренных народов России), РНГ ставит заслон на пути сект и конфессий, не имеющих в нашей стране национальных корней.

Таковы в самых общих чертах основные характеристики Русского национального государства, подробности которого должны быть прописаны его Конституцией.

Разработка и принятие Русской Конституции (Конституции Русского национального государства Россия) должны быть всенародным делом. Именно по такому пути сейчас пошел, кстати, Израиль, наконец-то осознавший неприличие своего исключительного положения как страны без основного светского закона. Там сегодня правительством инициировано всемирное (!) обсуждение всеми евреями проекта своей конституции. Мы предлагаем сделать так же: все русские грамотные и равнодушные к своей судьбе люди должны обсудить наш проект, высказаться, а дальше — осознанно двигаться к цели его воплощения».

Суммируя сказанное

С моей личной точки зрения, сделанного уже вполне достаточно для объединения всего Русского движения на

основе идеи РНГ. Для этого нужно лишь немного трудолюбия и желания единства со стороны лидеров Движения.

Ни того, ни другого мы не наблюдаем. Поэтому понимание приоритетности РНГ для русского народа вроде бы есть, а практического толка от этого понимания — никакого. Политический КПД от этой центральной идеи Движения — недопустимо низок. Это вызывает пессимизм, разочарование, раздражение.

Что же следует из всего сказанного? Две вещи:

— несть пророка без чести, аще как в доме своем и Отечестве своем;

— чума на головы честолюбивых вождей, торпедирующих каждый по своему единство Русского движения.

Я надеюсь, они прочтут мой текст, сохраняя чувство не только юмора, но и ответственности.

В продаже еще имеется новая книга Александра Никитича Севастьянова «Основы этнополитики» (М.: Перо, 2014), 544 с., с портретом автора, в твердом переплете. Тираж всего 200 экз.

Наука этнополитика ни в СССР, ни в государствах, возникших на его месте, никогда не изучалась и не преподавалась. По этнополитике почти не читается лекций, нет серьезных учебников, методических пособий, хрестоматий. В результате во внешней и внутренней политике России провал следует за провалом, ошибка за ошибкой — ибо ее проводят люди, не знакомые с азами этнополитики, не учившие ее законов, не пользующиеся ее правилами.

Именно вся сфера взаимоотношений народов и наций — есть основной предмет этнополитики. Данная книга, закладывающая фундамент надежных этнополитических представлений, необходима в первую очередь для руководства России.

Книга будет полезна также профессиональным этнологам и антропологам, поскольку содержит как актуальные исторические, так и самые последние сведения в указанной области, за которыми в наши дни непросто уследить. Она объединяет обширнейшие данные многих наук (этнополитики, расологии, этнологии, антропологии, геологии и др.), оставаясь при этом на твердой почве знаний и фактов, а не досужих мнений, как это частенько бывает у обществоведов. Книга поможет расстаться со множеством устоявшихся в науке предрассудков и взглянуть свежими глазами на старые и новые истины.

Разумеется, книга нужна и тем, кто вообще хочет понять, что происходит в мире людей, поскольку раскрывает сложную, невидимую простым глазом мотивацию поступков и отношений, происходящих в сфере этнического.

Стоимость книги 2000 руб.

Заказы оформляются почтовым переводом по адресу: 115142, Москва, а/я №3, Севастьянову А.Н., с указанием почтового адреса заказчика.

Владимир Близнеков

ПЕРВАЯ ГЕРМАНСКАЯ ТОТАЛЬНАЯ ВОЙНА

Согласно официальной статистике, убитых солдат и офицеров в Первой мировой войне (далее ПМВ)¹ у Антанты почти 6 млн., а у блока Центральных держав 4 млн. погибших. Потери погибшими среди гражданского населения: 8 млн. Антанта, из них около 750 тыс. человек погибло непосредственно от военных действий, в то же время Центральные державы — Германия, Австро-Венгрия, Болгария — без Османской империи потеряли только 660 тыс. общих потерь гражданского населения, из них непосредственно от военных действий — 130 тыс. человек.

Почему без Османской империи? Собственно гражданского населения Османской империи в результате ПМВ погибло 600 тыс. человек, непосредственно от военных действий — 100 тыс. человек. Но это государство в ужасающих масштабах само уничтожало собственное гражданское население, свои национальные меньшинства, заподозренные в лояльности к врагу — Российской империи. В результате геноцида национальных меньшинств турками погибло 2 млн. 200 тыс. человек, из них — 1 млн. армян, 500 тыс. ассирийцев, 500 тыс. курдов, 100 тыс. греков, 100 тыс. других народов. Эти люди стали жертвами собственного государства, которое посчитало их предателями, симпатизирующими врагу. Из 2 млн. 800 тыс. потерь гражданского населения Осман-

ской империи только 600 тыс. человек относятся собственно к потерям гражданского населения Османской империи, а значит, и Центральных держав, а 2 млн. 200 тыс. человек — жертвы геноцида национальных меньшинств, убитых по приказу или с ведома собственного государства, несомненно являются жертвами гражданского населения со стороны Антанты и должны быть зачислены на счет ее потерь гражданского населения.

Что получаем в итоге? (См. табл., с. 117.)

Не правда ли, статистика впечатляет? Неужели Центральные державы были настолько сильнее Антанты, что смогли уничтожить более чем в три раз больше вражеского населения чисто военными средствами? Ни в коей мере. Стоит только посмотреть на карту мира во время ПМВ — и становится ясно, что Антанта во всех отношениях превосходила блок Центральных держав. Ответ на этот вопрос заключается прежде всего в германском концепте тотальной войны, осуществление которого на полях ПМВ и в результате террора над гражданским населением противника привело к данному результату потерь обеих сторон, хотя и не помогло победе германцев в ПМВ.

Германский концепт тотальной войны

В ночь с 29 на 30 января 1916 г. немецкие цеппелины в последний раз вторглись в воздушное пространство Парижа и бомбардировали город. Это нападение стало полной неожиданно-

¹ См.: Русская Википедия. Статьи: Первая мировая война/Потери/Погибло военных и Потери в Первой мировой войне.

	Антанта	Центральные державы
Убитые военные	6 млн.	4 млн.
Погибшее гражданское население	10 млн. 200 тыс.	1 млн. 260 тыс.
Итого:	16 млн. 200 тыс.	5 млн. 260 тыс.

стью для французов. Тревогу подняли лишь за несколько минут до падения первой бомбы. В результате на Париж и окрестности обрушилось 2500 кг немецких бомб, 23 человека было убито и 31 ранен, а также повреждено значительное количество строений. После этой немецкой воздушной атаки известный французский журналист Леон Доде (*фр.* Léon Daudet), сын знаменитого французского писателя Альфонса Доде, впервые употребил понятие «тотальная война». В данном случае Доде подразумевал не только атаки вражеской авиации на гражданское население Парижа, но и подозревал, что немецкие диверсанты и французские саботажники препятствовали своевременному запуску воздушной тревоги во французской столице, что привело к катастрофическим последствиям. По мнению Доде, война после этой катастрофы должна была теперь также вестись и против внутренних врагов, которые уже непосредственно угрожали прочности самого фронта².

Тем самым Доде впервые в ПМВ выразил понятие «тотальной войны», которое уже в течение долгого времени имплицитно подразумевалось многими его современниками. Всем было очевидно, что данная война имеет место не только на полях сражений, но и включает в себя все сферы политической, общественной и экономической жизни в доселе невысказанных масштабах.

Тотальная война Людендорфа

Но фактически творцом концепции «тотальной войны» был отнюдь не

француз Доде, которому принадлежит только приоритет в употреблении этого понятия, а знаменитый немецкий генерал-милитарист Эрих Людендорф, в будущем член НСДАП, поддержавший Гитлера в Пивном путче 1923 г. Основные идеи концепта «тотальной войны» принадлежат именно Людендорфу и были изложены им в его книге под названием «Тотальная война», вышедшей в 1935 г. Уже в 1916 г. Людендорф, инициировавший немецкий закон «О вспомогательной службе» (*нем.* Hilfsdienstgesetz), имел целью принудить к мобилизации прямо или косвенно всех немцев. Книга «Тотальная война» фактически являлась его оправданием задним числом перед немцами за его радикальную милитаристскую политику во время ПМВ.

Идейная суть концепта «тотальной войны» Людендорфа состоит в том, что современная война — это война не армий, а наций. Поэтому, с одной стороны, необходима мобилизация всех ресурсов нации, а с другой — всестороннее воздействие на враждебную нацию (включая такие методы как пацифистская и антиправительственная пропаганда в стране врага, финансовая поддержка ее пятой колонны, политический террор против правительства страны противника и т.д.), чтобы сломить ее дух и вынудить к капитуляции. В своей книге Людендорф писал, что «душевная закрытость народа является основанием тотальной войны»³. Тотальная война, по мысли Людендорфа, требует прежде всего внутреннего единства нации, которое в том числе подразумевает отчуждение и исклю-

² *Bavendamm Gundulla*. Spionage und Verrat. Konspirative Kriegserzählungen und französische Innenpolitik, 1914–1917. Essen, 2004. S. 156.

³ *Lüdenorf Erich*. Der totale Krieg. München, 1935. S. 11.

чение внутренних врагов нации, т.е. ее пятой колонны.

Идейный концепт «тотальной войны» Людендорфа и особенно ее положения о том, что тотальную войну ведет не только армия, а вся нация, а также радикальный моральный релятивизм его концепции по принципу «цель оправдывает средства», очевидным образом радикально выходил за пределы того, что было принято в традиционной европейской философской и правовой концепциях в рамках понятия справедливой войны. Начиная со времени падения Западной Римской империи в 476 г. и вплоть до начала ПМВ концепт «тотальной войны» Людендорфа был немыслим для европейского сознания. Очевидно, что это была радикальная германская новация, призванная опрокинуть духовные и нравственные основы европейской цивилизации. На протяжении полутора тысяч лет германцы — победители древних римлян, по меньшей мере *de iure*, послушно следовали антично-христианскому концепту справедливой войны, означавшему морально допустимую войну, которая должна вестись в соответствии с определенными нравственными критериями. Одним из них, по мысли испанского католического святого и богослова XIII в. Раймунда из Пентифорты, являлось «бесстрастное» ведение войны, то есть война без ненависти и желания отомстить. Понятно, что в концепте «тотальной войны» Людендорфа данного морального ограничения не могло быть по определению.

«Тотальная война» Людендорфа выходила далеко за рамки того, что сто лет назад прусский военный стратег Карл фон Клаузевиц в своем сочинении «О войне» (1832 г.) охарактеризовал понятием «абсолютной войны». «Абсолютная война» Клаузевица отнюдь не означала милитаризацию всех сторон общественной жизни нации и моральную индульгенцию на террор и преступления против гражданского населения и политического строя

государства-противника. Но Клаузевиц уже совершил нравственный переворот в умах его современников, когда истолковал свой концепт «абсолютной войны» в качестве морально допустимых боевых действий, которые должны вестись с полной беспощадностью вплоть до уничтожения противника. Если беспощадность Клаузевица к комбатантам, т.е. к тем, кто воевал непосредственно с оружием в руках, уже поставила под вопрос нравственные основы европейского концепта справедливой войны, то что можно сказать о «нравственном характере» концепта «тотальной войны» Людендорфа?

«Душевная закрытость нации» у Людендорфа по отношению ко всей враждебной нации в качестве основания тотальной войны по сути означала уже допустимость беспощадности ко всем представителям народа-противника, а не только к комбатантам, а также амбивалентность и нравственный релятивизм по отношению к военным преступлениям собственной армии против любого представителя вражеского народа. Поэтому именно концепт «тотальной войны» Людендорфа был положен в основу военной доктрины Третьего рейха во Второй мировой войне, в особенности в основу гитлеровской концепции «войны на уничтожение» (*нем.* Vernichtungskrieg) прежде всего против СССР, подразумевавшей тотальное уничтожение враждебного государства, его народа либо определенных этносов посредством массового уничтожения гражданского населения и разрушения условий его жизнедеятельности.

Немецкий писатель и активный участник ПМВ Эрнст Юнгер в своем эссе «Тотальная мобилизация» (1930 г.) отчасти предвосхитил концепт «тотальной войны» Людендорфа. При этом подход Юнгера касался прежде всего общественно-политических и социальных, а не национальных аспектов войны и не затрагивал ее нравственно-этические аспекты. Говоря о тотальной

мобилизации как необходимости мобилизации всех ресурсов государства, мобилизации всей его потенциальной энергии для эффективного ведения войны, Юнгер видит в ней не субъективный процесс одной воюющей нации против другой, как это понимал Людendorф, но объективный безличный процесс, связанный с идеей прогресса и с политическим идеалом государственного устройства. Поэтому Юнгер в отличие от Людendorфа только в небольшой степени относится к авторам концепта тотальной войны.

Спор о германизме: Владимир Эрн и Николай Бердяев

Замечательный русский философ Владимир Эрн был, пожалуй, первым негерманским мыслителем, который увидел и выразил германскую интенцию тотальной войны, в то время когда она не была даже еще артикулирована в мире германской мысли. Абсолютно русский по духу мыслитель Владимир Эрн, несмотря на то что в его жилах текла не только русская, но и немецкая, шведская и польская кровь, ярко увидел онтологическое различие между германской и русской душой и был наряду с Василием Розановым, Михаилом Меньшиковым и Львом Тихомировым одним из немногих представителей русской мысли начала двадцатого века, кто испытал сильнейшее отторжение от мира германской культуры.

В сборнике «Меч и крест» (1915 г.), и особенно в своей замечательной статье «От Канта к Круппу» Эрн блестяще проанализировал духовные и культурные основы германского концепта тотальной войны. Суть мысли Эрна заключается в том, что именно убийство немецкой классической философией, вершиной которой был скептический агностицизм пруссака Канта, антично-христианской метафизики, имеющей отношение к подлинному бытию, к логосу, послужило причиной необузданного германского милитаризма или философии «орудий Круп-

па». Утратившее связь с онтологией, с подлинным бытием, схоластическое германское радио способно обосновывать только примитивную гордыню чисто языческого германского духа и находить свое материальное воплощение в развитии первоклассной немецкой военной техники. Только в этом и ни в чем более состоит, по Эрну, смысл «великой» немецкой культуры и философии.

В статье «От Канта к Круппу» Эрн говорит о «бурном вакхическом восстании германизма», захватившем всю целостность германской культуры. Весь цвет немецкой культуры и немецкой философии, по Эрну, подписывается под безусловным тождеством «германской культуры с германским милитаризмом». Таким образом, немецкая культура и германские зверства — это не две различных сущности, а одна. Поэтому Кант и Гегель, не говоря уже о безумном дикаре Ницше, — это то же самое, что и «тевтонские звери» ПМВ. По Эрну, сущность германизма — это не что иное, как духовный мятеж примитивного германского варвара-язычника против античных и христианских духовных основ европейской цивилизации. Причем кульминация «люциферианского» мятежа германца — это «орудия Круппа» ПМВ, т.е. германский концепт тотальной войны.

В другой интересной статье из сборника «Меч и крест» — «Что такое форсировка?» Владимир Эрн анализирует духовную скудость, нищету и поверхностный примитивизм германской культуры, ее переход из качества в количество, ее «технический прогресс» в виде производства «зажигалок, электрических фонарей и всяких патентованных средств» и рабское преклонение перед ней «полуобразованных кругов русского общества», доходящее даже до «магического испуга перед германской культурой» со стороны ее русских «hoch-почитателей». Именно в преклонении перед духов-

ной пустышкой германизма Эрн видит основную угрозу будущего русской цивилизации. Забегая вперед, можно только констатировать силу прозорливости русского мыслителя!

Но наиболее ярко Эрн характеризует онтологическое различие между германской и русской душой в статье из того же сборника «Налет Валькирий (Ответ Н.А. Бердяеву)». Эта статья является ответом на гнусную статью Бердяева «О “вечно бабьем” в русской душе», где на основе сомнительных психоаналитических созерцаний русского публициста и патриота Розанова Бердяев хамски называет последнего «бабой», подразумевая под этим также и русскую душу, апологетом которой выставляет себя Розанов. Эрн прекрасно понимает, что хамство Бердяева по отношению к Розанову — это только повод для агрессии бывшего марксиста Бердяева в отношении духовных основ русской цивилизации, и прежде всего православной веры русского народа. Мифология «мужественности» Бердяева, наследника духовной сивухи немецких мистиков — Беме и Экхарта, есть не что иное, как бердяевская апология германизма, пожелание для русской души трансформироваться в германскую. «Мужественность» Бердяева для Эрна не более чем миф, поскольку «германский» дух Бердяева не имеет даже духовной целостности, колеблясь между марксизмом, идеализмом Владимира Соловьева и германским нищенством. Не бердяевского «мужественного германизма» не хватает, по Эрну, русской душе, а мужественного отторжения русским народом «люциферических (“светоносных”) духов» германизма, «которые ищут русской души».

Работы Владимира Эрна — глубокого русского национального мыслителя — представляют собой не только блестящий анализ духовных и культурных аспектов германского концепта тотальной войны, но и характеризуют его принципиальную несовместимость

с ценностями русской цивилизации, что и стало одной из основных причин трагедии русского народа в ПМВ.

Феномены тотальной войны Германии

Тотальный характер войны между комбатантами в ПМВ далеко не всегда характеризовал только действия армий Центральных держав. Армии стран Антанты также нередко вели против стран «германского блока» тотальную войну на поле боя. Тем не менее представляется обоснованным, что действия армий обоих военных блоков, характеризующие тотальный характер ПМВ, были обусловлены прежде всего идейным германским концептом тотальной войны. Это означает, что идея или сознание определяли бытие ПМВ, а не наоборот. Поэтому тотальная война армий Антанты против блока Центральных держав практически всегда была неким «подобающим» ответом на тотальный характер военных действий со стороны германцев или же неким превентивным ударом с целью недопущения возможности для армий Центральных держав нанести «тотальный удар» по армиям Антанты. Таким образом, тотальная война со стороны Антанты была вторичной, хотя иногда и носила даже более яркий характер, чем первичная тотальная война противника. Кратко рассмотрим некоторые наиболее значимые и яркие аспекты и феномены тотальной войны Германии во время ПМВ.

Глобальность как фактор тотальной войны

В понятии ПМВ традиционно подчеркивается ее совершенно исключительный как тотальный, так и глобальный характер. Думается, что глобальное измерение ПМВ было все-таки вторичным, т.е. производным от ее изначальной установки на тотальность. Если бы не идея германского концепта тотальной войны, ПМВ имела бы хорошие шансы стать региональным вну-

триевропейским конфликтом, как это ранее неизменно имело место на протяжении всей полуторатысячелетней истории Европы после падения Западной Римской империи. Наиболее весомым фактором глобальности ПМВ являлся колониальный характер некоторых из основных враждующих государств, в первую очередь Великобритании и Франции, а также Германии. Другие основные участники данного конфликта — Российская, Австро-Венгерская и Османская империи — не были колониальными державами, но являлись многонациональными империями, и поэтому глобальный характер ПМВ угрожал их стабильности по причине возможных внутригражданских конфликтов и мятежа национальных меньшинств против собственного правительства, что в конце концов и стало причиной крушения всех трех империй.

Самый интересный вопрос состоит в том, кому был выгоден глобальный характер ПМВ. Ответ напрашивается сам собой — прежде всего Германии, как лидеру блока Центральных держав. Англия и Франция в принципе были заинтересованы ограничить ПМВ территорией Европы, чтобы они могли беспрепятственно доставлять к месту военных действий ресурсы из колоний. Германия же, напротив, была заинтересована в расширении территории конфликта, чтобы как можно больше сил противника связать на колониальной периферии и воспрепятствовать доставке их к европейским полям сражений. Причина этого заключалась в том, что мощь германских колоний в Азии и Африке была несопоставима с мощью колоний Британской империи и Французской республики. Но Германия, следуя своему концепту тотальной войны, не только способствовала расширению театра военных действий на территорию колоний, но и занималась подстрекательством Османской империи к исламскому джихаду против Великобритании, Франции

и России, что в будущем привело к катастрофе геноцида османским правительством собственных, в подавляющем большинстве немусульманских национальных меньшинств. Опираясь на свои колонии, Германия активно вела войну против Антанты в Восточной Азии, Тихом океане и Африке. Война в колониях закончилась для Германии полным поражением и в конечном итоге потерей всех ее колоний в мире.

Вальтер Ратенау и «тотальная экономика»

Тотальная война требовала введения своего рода «тотальной экономики», и интересно, что именно Германия во время ПМВ организовала свое народное хозяйство в форме плановой экономики военного типа. Отцом перестройки немецкой экономики во время ПМВ на плановые рельсы являлся немецкий предприниматель Вальтер Ратенау (1867–1922). Значение его деятельности по поддержанию способности Германской империи вести ПМВ в современной Германии оценивается очень высоко. Считается, что без Ратенау Германская империя едва ли бы была способна вести войну против Антанты дольше чем один год.

Дело в том, что немецкое руководство в начале ПМВ исходило из стратегии быстрого разгрома противника и потому не подготовило достаточных запасов сырья, необходимых для длительного ведения войны. Но эта проблема обеспокоила не немецкое правительство, а только одного человека — промышленника Вальтера Ратенау, который уже в самом начале войны, 9 августа 1914 г., представил немецкому военному министру Эриху фон Фалькенхайну докладную записку о кризисе снабжения армии сырьем для военных нужд. Фон Фалькенхайн согласился с доводами Ратенау и назначил его руководителем специального отдела военного ведомства по обеспечению сырьем для военных нужд

с особыми полномочиями. Ратенау с сотрудниками своего отдела занимался конфискациями сырья для нужд армии у десятков тысяч немецких фирм, что привело к банкротству некоторые из них. Для чисто предпринимательских нужд немецких производителей сырье распределялось под строгим контролем Ратенау. Кроме того, Ратенау впервые в истории буржуазной Европы пытался обосновать тезис о так называемой «новой экономике», под которой он понимал конвергенцию рыночной экономики и плановой экономики социалистического типа. Позднее, в период Веймарской республики, он стал министром иностранных дел Германии и был убит в 1922 г. группой террористов из ультраправой организации «Консул».

Вторжение в Бельгию и битва под Лангемарком

Германия уже в 1905 г. разработала тайный план нападения на Францию, автором которого был начальник Генерального штаба германской армии фон Шлиффен. Согласно плану Шлиффена, немецкие войска должны были вторгнуться в Бельгию для обхода основных оборонительных рубежей Франции. Именно это и произошло в начале ПМВ, когда 3 августа 1914 г. немецкие войска вторглись в Бельгию. Нападение Германии на маленькую нейтральную страну было несомненным нарушением международного права, что уже в первый день войны создало у европейцев представление о немцах как о военных преступниках. Но на немецких генералов это не производило никакого впечатления, так как план Шлиффена являлся для них гарантией победы Германии в ПМВ. По причине концепта тотальной войны у Германии даже отсутствовала стратегическая альтернатива плану Шлиффена. Такое положение вещей представляется действительно глупым, позорным и преступным.

Уже 19 августа 1914 г. немцы захва-

тили старейший бельгийский университет Лувен, но неожиданно были обстреляны силами бельгийского сопротивления. Немцев охватила паника, и они начали карательную операцию против гражданского населения, которая длилась пять дней. За этот период они полностью разрушили и подожгли город Лувен и проводили массовые расстрелы гражданского населения. Во время оккупации Бельгии в 1914–1918 гг. немцами было убито около 6 тыс. гражданских лиц, более 60 тысяч бельгийцев за нелояльность к оккупантам были отправлены на принудительные работы в Германию.

Битва под Лангемарком состоялась 10 ноября 1914 г. возле бельгийской деревни Лангемарк и была частью первой битвы на Ипре. Это незначительное сражение навечно вошло в историю ПМВ, поскольку оно происходило между молодежью 4-й немецкой армии, большей частью гимназистами и студентами в возрасте 17–19 лет, и опытными английскими и французскими ветеранами. 10 ноября 1914 г. запасной корпус молодых и неопытных немецких добровольцев получил приказ командования цепью атаковать деревню Лангемарк, где в окопах лежали опытные британские солдаты. Уже за первый день немецкой атаки они с высоты скосили из пулеметов более 2 тыс. немецких добровольцев. Только 18 ноября немецкое командование отменило наступление на Лангемарк, за этот период из 12 тыс. молодых немцев, участвовавших в наступлении, в живых осталось меньше половины.

Из этой трагедии, ставшей одним из эпизодов германской тотальной войны, продемонстрировавшей абсолютную безжалостность немецкого генералитета к своим солдатам и названной впоследствии немецкими историками «детоубийством», немецкая военная пропаганда поспешила сделать красивый пропагандистский миф, даже официально получивший название «миф Лангемарка» (*нем.* Mythos

von Langemarck). Немецкие журналисты и газетчики наперебой писали о «детоубийстве» под Лангемарком в возвышенно слащавых выражениях, утверждая, что немецкая молодежь презирала смерть и с радостью шла на бессмысленный пулеметный убой, с развевающимися знаменами и песнопениями «Германия, Германия превыше всего» (*нем.* Deutschland, Deutschland über alles).

Как пишут современные немецкие историки, никаких доказательств ни развевающихся знамен, ни пения немецкими молодыми смертниками «Deutschland, Deutschland über alles» немецкими пропагандистами никогда не было представлено, но они в Германии во время ПМВ никому и не были нужны. Из трагедии немецкой молодежи и позора немецкого командования немецкая пропаганда хитроумно сделала патриотическую конфетку, подвергнуть которую сомнению для немецких обывателей в военное время было не только неполиткорректно, но и опасно. Германская тотальная война родила миф Лангемарка, миф радостно умирающей за родину немецкой молодежи.

Газовая война Германии

22 апреля 1915 г. немцы впервые применили хлор, смертельно ядовитый газ, в ПМВ. Они распылили 168 т хлора около реки Ипр на французских позициях. Около 5 тыс. французских солдат стали жертвами первой газовой атаки немцев (по данным современных историков, около 1,5 тыс. из них погибло, остальные были отравлены хлором).

После этого отравляющие газы были применены Германией в скором времени ещё несколько раз: 24 апреля 1915 г. — против канадской дивизии под Ипром, 5 мая 1915 г. — против британских солдат и 6 августа 1915 г. — против русских солдат, защитников знаменитой крепости Осовец. По свидетельствам очевидцев, из

около 3 тыс. канадских солдат, жертв газовой атаки немцев 24 апреля 1915 г., почти все погибли от отравления хлором. Применение хлора против британских и русских солдат 5 мая и 6 августа 1915 г. оказалось для немцев по разным причинам намного менее эффективным, хотя в обоих случаях погибло более сотни человек, некоторые из них после продолжительных мучений.

Фактически применение немцами ядовитых газов в ПМВ было не просто военным преступлением, но и преступлением против человечества. Антанта сразу заявила, что Германия тягчайшим образом нарушила принципы международного права, в частности Гаагскую конвенцию о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г., ратифицированную Германией и запрещающую применение на войне любых боевых химических веществ без исключения. Но Германия, основываясь на заключении собственных юристов, заявила, что Гаагская конвенция запрещает только применение химических отравляющих снарядов, но не ядовитых газов. Такое истолкование Гаагской конвенции было явно фальшивой уловкой Германии, но тем не менее никаких дипломатических демаршей больше не последовало. Обе воюющие стороны de facto приняли на вооружение химическое оружие и начали разворачивать друг против друга газовую войну. В газовой войне во время ПМВ особенно «отличились» Германия и Великобритания, поскольку Франция, Россия и Австро-Венгрия не обладали в начале двадцатого века высокоразвитой химической промышленностью. В течение ПМВ были синтезированы и применены обеими воюющими сторонами более токсичные отравляющие газы, чем хлор, в частности фосген и иприт.

«Отец» немецкой газовой войны, химик Фриц Габер сыграл ключевую роль в использовании химического оружия в ПМВ. Он лично участвовал в организации газовой атаки на

реке Ипр, за что получил звание капитана немецкой армии. Позднее Габер пропагандировал применение хлора на войне в качестве «гуманного оружия». В 1919 г. он даже получил Нобелевскую премию по химии за открытие синтеза аммиака, невзирая на его «заслуги» в немецкой газовой войне. Но судьба жестоко наказала Габера: в мае 1915 г. застрелилась его жена, возможно, из-за отчаяния, вызванного участием мужа в газовой войне. В 1933 г. он, как еврей, вынужден был покинуть нацистскую Германию и не был принят в Англии из-за причастности к разработке химического оружия в ПМВ. Габер скончался в отеле в швейцарском Базеле в 1934 г., собираясь эмигрировать в Палестину.

Верден как сильнейшее разочарование в тотальной войне

Битва при Вердене (21 февраля — 18 декабря 1916 г.), вошедшая в историю как Верденская мясорубка, стала своеобразным символом тотального характера ПМВ.

21 февраля 1916 г. немецкие войска атаковали наиболее сильную и лучше всего укрепленную крепость Франции. 10 месяцев длилось жесточайшее сражение ПМВ, в котором обе стороны потеряли только убитыми около 300 тыс. солдат и офицеров. Но после такого страшного сражения линия фронта почти не изменилась. Верденская мясорубка стала символом позиционной войны на Западном фронте ПМВ, символом бессмысленной смерти в окопах тотальной войны. Битва при Вердене стала душевной травмой как для немцев, так и для французов, боль от которой не изглаживалась из памяти обоих народов еще в течение десятилетий после окончания ПМВ.

«Верден, — такого никто не мог предвидеть, это нечто невероятное» — так написал 27 февраля 1916 г. в письме своей жене известный немецкий художник Франц Марк. Он ушел на войну добровольцем и погиб от оскол-

ка снаряда уже 4 марта 1916 г., т.е. спустя шесть дней после написания этого письма.

Нет смысла описывать здесь ход этой тотальной битвы, по сути, Сталинграда ПМВ. Но нужно подчеркнуть, что немецкие солдаты, умирая в Верденской мясорубке, так же как и немецкая молодежь под Лангемарком и практически во всех остальных сражениях ПМВ, продолжали верить в идеологию концепта тотальной войны, в то, что напряжение всех сил нации, высочайшее самопожертвование принесет немецкому народу долгожданную победу над врагом. Это объясняется не только безграничным доверием немецкого народа своему правительству и военному командованию, но и его слепой верой в немецкую национальную идею, в Германию, которая обязательно победит, раз ей принесены народом такие жертвы.

Но после бессмысленной мясорубки при Вердене немецкие солдаты, пожалуй, в большей степени, чем после любого другого сражения ПМВ, потеряли доверие и к своим офицерам, и к властям Германской империи. Настолько пренебрежительной к их жизням, беспощадной, а в итоге совершенно безрезультатной оказалась эта битва.

Верденская мясорубка стала началом конца германского концепта тотальной войны, потерей доверия немецких солдат к этой пропагандистской фальшивке своих властей, заявлением о моральном банкротстве Германской империи.

Тотальная война Австро-Венгрии против гражданского населения

Капитан Праш стоит перед своим укрытием, весь залитый кровью, он держит над своей головой чужую голову, насаженную им на палку. Он говорит: Это мой первый итальянский пленный — я зарубил его моей собственной шашкой. Моего первого русского пленного я сделал мучеником

чуть раньше. Больше всего я люблю иметь дело с чехами.

Я — уроженец Граца⁴. Любого, кого я повстречал в Сербии, — я прикончил на месте. Двадцать человек, в том числе мирных жителей и военнопленных, я убил собственной рукой, по меньшей мере сто пятьдесят человек я приказал расстрелять. Каждого своего солдата, который запоздал в атаке или спрятался под ураганным огнем, я пристрелил собственноручно. Моих подчиненных я всегда бил прямо в лицо, будь то палкой или кулаком. Но я также много для них сделал. В Сербии я изнасиловал сербскую девушку, но потом отдал ее своим солдатам, а на следующий день приказал повесить эту сербку вместе с ее матерью на перилах моста. Веревка порвалась, и она еще живой упала в воду. Я схватил пистолет и стрелял в эту девушку до тех пор, пока она скрылась под водой. Я всегда исполнял мой долг до последнего издыхания людей или лошадей. Я был награжден и повышен в звании. Я всегда был на посту. Война требует жесткой концентрации всех сил. Нельзя терять мужества. Выше голову! »

(Карл Краус. Последние дни человечества)⁵

Откровение этого австрийского капитана — садиста и военного преступника — это всего лишь один документально подтвержденный случай, засвидетельствованный австрийским историком Карлом Краусом непосредственно сразу после окончания ПМВ. Это один из сотен тысяч, возможно, даже миллионов случаев ужасающих военных преступлений ПМВ против мирного населения на оккупированных территориях. Здесь сразу встает

вопрос о субъекте военных преступлений ПМВ против гражданского населения. Совершались ли они в равной мере обеими воюющими сторонами? На этот вопрос придется ответить отрицательно. Абсолютное, подавляющее большинство военных преступлений ПМВ как на поле боя, так и вне военных действий совершалось военными одной стороны — блоком так называемых Центральных держав, куда входили Германия, Австро-Венгрия, Османская империя и Болгария. Основную роль в совершении военных преступлений во время ПМВ против гражданского населения сыграли Австро-Венгерская и Османская империи.

В рамках данной статьи нет возможности рассмотреть тему геноцида Османской империи против собственных национальных меньшинств, о котором мы упоминали выше. Гораздо менее известной темой в России являются преступления против человечности и военные преступления против гражданского населения, совершенные Габсбургской империей во время ПМВ, прежде всего в отношении сербского и русинского народов.

Серба на вербу

Слоган «Серба на вербу», призывающий к уничтожению всех сербов через повешение, был первой пропагандистской провокацией Австро-Венгрии, призывавшей к оправданию войны против Сербии. Он принадлежал австрийскому националисту словенского происхождения Марку Натлачену и неслучайно появился в одной австрийской газете на следующий день после объявления Австро-Венгрией войны Королевству Сербия, т.е. еще до начала вступления в войну Германии и стран Антанты. В первые же дни ПМВ во время похода Австро-Венгрии на Белград этот пропагандистский слоган затмил другой подобный ему лозунг по вульгарному вкусу австрийской милитаристской пропаганды: «Serbien muss sterbien!», что на испорченном

⁴ Город в бывшей Габсбургской монархии, в настоящее время находится в Австрии.

⁵ Kraus Karl. Die letzten Tagen der Menschheit. Frankfurt am Main, 1986 (erste Ausgabe 1919/1921). S. 139.

немецком означает «Сербия должна умереть!», но для знающих немецкий язык такой литературный стиль звучит откровенно пошло. Оба этих лозунга призывают, по сути, к тотальной войне против сербского государства и народа, к тотальному уничтожению всего сербского. К сожалению, оба этих австрийских слогана не остались только на бумаге, а стали символом жесточайшей войны на уничтожение Австро-Венгрии против Сербии и многочисленных варварских преступлений австрийской армии против сербского мирного населения во время ПМВ.

Наиболее катастрофические людские потери в ПМВ из всех воюющих государств понесла именно Сербия. В конце 1915 г. вся территория Сербии была захвачена австрийскими, немецкими и болгарскими войсками, при этом сербская армия отступила в Албанию. Оккупационные войска творили на ее территории жуткий террор против мирного населения. Потери гражданского населения Сербии в ПМВ составили 340 тыс. человек, из них 110 тыс. человек погибло в результате террора оккупационных властей, а 230 тысяч человек умерло от голода и болезней.

Из всех оккупационных войск в Сербии именно австрийцы, следуя в русле ярко выраженной антисербской политики и пропаганды собственного правительства, проявляли в отношении сербского гражданского населения особую жестокость. Многочисленные архивные документы подробно описывают настоящую резню сербского населения, устроенную австрийскими военными во время ПМВ.

Часто, особенно в начале австрийского вторжения в Сербию, когда австрийские солдаты входили в захваченную сербскую деревню, они сгоняли вместе все ее население: мужчин, женщин, детей, которых на месте расстреливали, закалывали штыками, вешали. Жертв среди мирного населения, сгоняли в сараи и затем сжигали заживо.

Огромное число женщин было изнасиловано. Жителей целых деревень брали в заложники, а затем одних насильно депортировали, а других унижали, мучили и убивали. Пленных и раненых сербских солдат австрийцы часто убивали на месте. Целые сербские деревни были разорены и сожжены австрийскими оккупантами. Причем карательные экспедиции австрийских военных против отдельных населенных пунктов Сербии планировались в австрийском генеральном штабе. По сути, действия австрийских солдат в Сербии во время ПМВ ничем не отличались от действий Вермахта и СС на оккупированных территориях СССР во время Второй мировой войны.

Так, 17 августа 1914 г. на церковной площади сербского города Шабац австрийцами были убиты почти 80 его жителей. Количество жертв резни в Леснице 19 августа 1914 г. составило 109 мирных жителей⁶.

Тотальная война Австро-Венгрии в отличие от Германии была прежде всего направлена против гражданского населения оккупированных территорий и являлась по сути преступной карательной войной с мирным населением. К точно такому же выводу приводит история фактического геноцида Австрией русинского народа в период ПМВ.

Русинская идентичность — жертва австрийской тотальной войны

Сербия была далеко не единственной жертвой австрийского тотального террора против гражданского населения оккупированных территорий. Историками ПМВ подмечена интересная закономерность: австрийские войска убивали и казнили гражданских лиц прежде всего в тех местах, где славянское население составля-

⁶ *Holzer Anton*. Das Lächeln der Henker. Der unbekannte Krieg gegen die Zivilbevölkerung 1914–1918. S. 118–126.

ло большинство. Австрийцы понимали германский концепт тотальной войны главным образом в шовинистическом смысле, как своеобразную тотальную войну пангерманизма с панславизмом, в которой нет различий между комбатантами и некомбатантами и нет никаких моральных ограничений в этнической войне германцев против славянства. Сам политический концепт существования Габсбургской империи строился на перманентном силовом подавлении многочисленных славянских национальных меньшинств, имевших в этом государстве вполне официально статус граждан третьего сорта (после германоязычных австрийцев и венгров), несмотря на то что славянское население империи составляло почти половину ее граждан. В этих условиях тотальная война против панславизма и массовый террор против славянского населения становился основным условием выживания Австро-Венгерской империи.

Ситуация в Галиции, присоединенной в конце XVIII в. к Габсбургской империи после разделов Польши, оказалась в начале ПМВ особенно трагичной, поскольку на этих землях окончательно не сложилась национальная идентичность славянского населения, населявшего эту территорию. В высшей степени русофобское правительство Австро-Венгрии делало в течение полутора столетий здесь все для того, чтобы население Галиции приняло новую украинскую идентичность, создателем которой официальная Вена в большой степени сама и являлась. Украинская национальная идентичность в глазах австрийского политического класса выражала политическую лояльность к их империи и нелояльность к империи Российской. Но в Галиции во время начала ПМВ оставалось огромное количество населения, не желавшего принимать новую украинскую национальную идентичность и державшуюся за старую русинскую, основывающуюся на исторической па-

мяти о Киевской Руси и том факте, что население Галиции в Речи Посполитой, не желавшее ассимилироваться в польскую культуру, на протяжении пятисот лет даже официально именовалось русским. Русины Галиции уже по определению были русофилами, что еще до начала ПМВ вызывало открытую злобу официальной Вены.

Можно себе представить, во что превратилась эта австрийская злоба в отношении русинской национальной идентичности, когда Галиция с самого начала ПМВ стала ареной ожесточенных сражений между австрийской и русской армиями. При отступлении русской армии из Галиции в мае 1915 г. вернувшиеся на «свою» территорию австрийские войска устроили страшный погром русинского населения. Австрийцы практически поголовно объявили русин русскими шпионами, предателями и коллаборационистами. Тысячи были повешены или расстреляны на месте, подвергнуты жутким издевательствам, а десятки тысяч русин, часто только за их национальную идентичность, были депортированы впервые в европейской истории в концлагеря Талергоф и Терезин. Таким образом, австрийцы — создатели первых в мире концлагерей, где уничтожались гражданские лица, по сути, защищавшие свое право называться русскими. Причем концентрационный лагерь Талергоф, по жестокости обращения с узниками ничем не уступавший будущим нацистским концлагерям, был создан австрийцами близ Граца в первые же дни войны специально для русин. Только через Талергоф прошло по меньшей мере 20 тыс. русин, большинство из которых погибло. Общее количество русин — жертв австрийского тотального террора против их национальной идентичности оценивается историками приблизительно в 60 тыс. человек.

Со всей очевидностью можно утверждать, что террор против национальной идентичности русин был не

случайными эксцессами озверевшей австрийской солдатни, но планомерно организованной политикой Габсбургской империи. В австрийских архивах сохранились даже официальные акты чиновников времени ПМВ, где славянское население Галиции разделяется на русофилов и украинофилов, причем русофилы, т.е. русины, поголовно объявляются государственными изменниками, подлежащими «беспощадному уничтожению». Некоторые историки даже сравнивают геноцид австрийцами русин с турецким геноцидом армян во время ПМВ. Хотя по масштабам жертв цифры все-таки несопоставимы, но в отношении результата по уничтожению национальной идентичности народа можно сказать, что геноцид русин превзошел геноцид армян.

При этом нельзя забывать, что русины были теми, кто желал иметь русскую идентичность. 100 лет назад Галиция была в чем-то похожа на Донбасс сегодня. Но для русин тогда все закончилось катастрофой. Украинство в Галиции победило на крови десятков тысяч зверски замученных русин в германской тотальной войне против славянства.

Проблема нравственной ответственности России за ее катастрофу во время ПМВ

Тема рефлексии над итогами ПМВ неисчерпаема, но несомненным является то, что Россию постигла в ней страшная катастрофа. Основной причиной русской катастрофы в ПМВ являлось абсолютное непонимание подавляющим большинством русского народа, что против него и его союзников ведется жесточайшая тотальная война. В этом причина массовых братаний русских солдат на фронте с немцами, убийство ими своих офицеров, заставлявших их воевать с врагом на фронте, в этом же состоит и основная причина большевистской вакханалии,

ставшей голгофой для трех поколений потомков русских солдат на фронтах ПМВ. Но катастрофа России в ПМВ была не только катастрофой русского народа, она стала также катастрофой для ее духовных и политических союзников — русин, сербов, армян, греков, ассирийцев.

Понимали ли пробольшевистски настроенные русские солдаты и дезертиры ПМВ, что, изменяя Российской империи во время тотальной войны, они будут нести нравственную ответственность не только за последующую трагедию России в период большевистского ига, но и за осуществленный австрийскими шовинистами геноцид русин и массовый террор в Сербии, за геноцид турками армян, греков и ассирийцев, народов, бывших по одну сторону с русским народом во время ПМВ? Осознавали ли русские солдаты в окопах ПМВ, что братания с ними немецких солдат по большей части не были искренними, а большевистская агитация оплачивалась немецким Генеральным штабом, поскольку все это было организовано немецким командованием с целью морального разложения врага в качестве банального инструмента тотальной войны в прямом соответствии с доктриной Людендорфа, чтобы оказать всестороннее воздействие на враждебную нацию? Очевидно, что нет, осознания данного положения вещей в России по преимуществу не было, иначе можно было бы предполагать другой результат ПМВ для России.

Осуществление германского концепта тотальной войны в период ПМВ не смогло сломать всю Антанту, но сломало Россию. Трагедия русского народа в двадцатом веке состояла в том, что один раз несданный экзамен по данному предмету ему вскоре пришлось сдавать заново. Вызов тотальной войны стал для России в двадцатом веке одним из самых важных уроков в ее истории.

Александр Михайловский

УСПЕХИ И НЕУДАЧИ «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ»: ГЕРМАНСКИЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

1. Рождение интеллектуалов из духа мировой войны

В отличие от всех предыдущих войн, Первая мировая война (или Великая война) является «войной интеллектуалов». Публичные выступления и воззвания ученых, философов, свободных писателей придавали первому глобальному конфликту индустриальных держав характер «войны за культуру» и ставили своей целью воздействовать на общественность как внутри страны, так и за ее пределами. По аналогии с понятием «тотальной мобилизации» (Э. Юнгер), которое означает вовлечение в военный процесс всей совокупности мирной энергии, можно применить понятие «интеллектуальной мобилизации». Война предъявила повышенные требования к «представителям духа», и то, насколько эффективным оказался их ответ на вызовы времени, несомненно, является одним из важных показателей степени и характера модернизации страны и общества.

В России и Германии, двух типологически близких странах с запоздавшим процессом нацистроительства, осмысление войны было связано с реакцией на ускорение процессов модернизации, а «мобилизация» концептов нации и народа свидетельствовала о поиске основ для коллективного со-

циального действия и межгрупповой солидарности на фоне распада старой сословной структуры общества. Возобновление дебатов об «особом пути», национальной идее, народной миссии, с одной стороны, несло на себе отпечаток хорошо знакомых историкам мысли историософских спекуляций образца XIX в. С другой стороны, «переживание войны» (нем. *Kriegserlebnis*) впервые позволяло интеллектуалам не теоретически, а вполне практически внести свой вклад в совокупные усилия всей нации, соответственно, побуждало осмыслять внешние и внутренние задачи стран, вступивших в грандиозное противостояние, заново формулировать основные вопросы национального самосознания, отношения Востока и Запада и прогнозировать дальнейшую судьбу европейской цивилизации.

Несмотря на то что российские «идеологии идентичности» (как в неозападническом, так и в неославянофильском вариантах) были вытеснены интернационалистской классово-идеологией, а «национальная» война была заклеена как «империалистская бойня» (В.И. Ленин), военный опыт рефлексии о нации до сих пор представляет большой интерес как в плане формирования исторической памяти, так и для понимания исторических перспектив социокультурной модернизации в России.

В исследовании, которое имеет дело с российским контекстом, особенно

Данное научное исследование (№14-01-0058) выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014/2015 гг.

полезно различать понятия «интеллигенции» и «интеллектуалов». Если первое подразумевает в целом *социальный слой* образованных людей¹, включая людей «интеллектуальных профессий», то второе скорее относится к определенному *социальному типу*. По меткому замечанию германского социолога М. Райнера Лепсиуса, «интеллектуалы — это не люди с какими-то личными особенностями, а люди, которые делают нечто определенное»². Тем самым не всякий писатель, ученый или публицист автоматически становится интеллектуалом, но только тот, кто помимо своей профессиональной деятельности определенным образом высказывается в (политическом) публичном пространстве и совершает общественно значимые поступки. Кроме того, следует отметить, что большинство существующих дефиниций интеллектуалов связано с определенными нормативными характеристиками: интеллектуалы *обязаны* выполнять общественные функции, а именно, «формулировать мировоззренческие ценности, выступать за рациональную организацию социального порядка и систематизацию индивидуальных жизненных моделей»³.

¹ Согласно переписи 1897 г., численность этого слоя (с включением только лиц, получивших среднее и высшее образование) едва превышала 1% от всего населения Российской Империи. О получившем распространение в западноевропейской литературе понятии «intelligentsia» в смысле «образованного слоя» и структурном отличии от «интеллектуалов» см. исследование: *Sdvizkov Denis. Das Zeitalter der Intelligenz. Zur vergleichenden Geschichte der Gebildeten in Europa.* Göttingen, 2006.

² *Lepsius M. Rainer. Kritik als Beruf. Zur Soziologie der Intellektuellen // Lepsius M. Rainer. Interessen, Ideen und Institutionen.* Opladen, 1990. S. 270–285.

³ Так, опираясь на Макса Вебера, определяет миссию интеллектуалов Гангольф Хюбингер: *Hübinger G. Die Intellektuellen im wilhelminischen Deutschland. Zum Forschungsstand //*

Эта нормативная нагрузка, как и сама история неологизма «интеллектуал», берет начало с получившего европейский резонанс дела Дрейфуса, которое поляризовало французскую общественность и коренным образом изменило Третью республику. Появление фигуры интеллектуала было связано со «структурным изменением публичности» (Ю. Хабермас) на рубеже XIX–XX вв. — такими, как прогрессирующая демократизация и одновременно политизация всех сторон жизни, дифференциация образованного слоя, расширение рынка массовой печати, переход от элитарной (дворянской и соответственно буржуазной) культуры к массовой демократической коммуникации. К началу Первой мировой войны социальный тип интеллектуала уже утвердился в стране, где он получил первое свидетельство о рождении в виде знаменитого памфлета Эмиля Золя «J'accuse!..» 1898 г. В отличие же от Франции, *в Германии и России мы как раз можем принять за точку отсчета для появления феномена политических интеллектуалов «мобилизацию интеллекта» в первые годы войны.* Вместе с тем именно ввиду «позднего рождения» влияние «духа» на принятие конкретных политических решений оставалось в обеих странах незначительным⁴.

Hübinger G., Mommsen W. (Hg.). Intellektuelle im deutschen Kaiserreich. Frankfurt a. M., 1993. S. 202. Подробнее об истории интеллектуалов в Европе и России на русском языке см. коллективную монографию: Мыслящая Россия. История и теория интеллигенции и интеллектуалов: В 2 т. / Под ред. В.А. Куренного. М.: Некоммерческий фонд «Наследие Евразии», 2009.

⁴ В качестве исключения можно, пожалуй, рассматривать профессионального критика времен вильгельмовской Германии, основателя влиятельного журнала «Die Zukunft» Максимилиана Хардена (1861–1927), пик популярности которого пришелся как раз на предвоенное время (70 000 экз.).

2. Соотношение сил в «войне манифестов»

Подтверждением для этого тезиса является так называемая «война манифестов» в первые месяцы войны. С одной стороны, она была спровоцирована бомбардировкой Реймского собора и разрушением ряда других памятников европейского искусства⁵, оказавшихся в зоне боевых действий на Западном фронте, но более всего — гибелью библиотеки католического Лувенского университета 25 августа 1914 г. на территории оккупированной Бельгии. Она давала повод для обличения немцев в варварстве, которое всегда скрывалось под тонким наносным слоем образованности и культурности и теперь вырвалось наружу, продемонстрировав всему цивилизованному миру волю к разрушению современного Аттилы. Ответом немецких ученых и писателей стал пресловутый «манифест 93-х», обращенный «К культурному миру». С другой стороны, эта идеологическая война между немецкими интеллектуалами и их оппонентами была бы невозможна без сформированного в предшествующие годы «образа другого», а также имевшегося в наличии разнообразного пропагандистского инструментария, вроде популярной у многих европейских и русских критиков идеи «двух Германий» (условно говоря, «Германии Гёте» и «Германии Бисмарка») или отчеканенной В. Зомбартом оппозиции «торгашей и героев» (читай: англичан и немцев).

Чтобы оценить значимость нового фактора интеллектуальной среды и уровня идеологической пропаганды, достаточно сопоставить возмущение общественности разрушениями в Реймсе и Лувене с весьма вялой реак-

цией на уничтоживший немало ценнейших средневековых манускриптов пожар в библиотеке Страсбургского университета, который сильно пострадал при занятии города прусскими войсками в августе 1870 г.⁶ Меньше чем за столетия французские интеллектуалы сделали, так сказать, большой прогресс в формировании представлений о Германии как извечном противнике, а не просто конкуренте Французской Республики в период правления Бисмарка⁷. В этом отношении показательна и *скорость* французской реакции: уже осенью 1914 г. тон идеологической войны французских интеллектуалов против их германских оппонентов задает Р. Роллан своими пацифистскими публикациями в изданиях «Journal de Genève» и «Tribune de Genève»⁸. Ответ на открытое письмо Роллана публикует немецкий драматург Герхард Гауптман, которым немцы, по выражению В. Эрнэ, тщетно «пытались заслониться от Достоевского». Нобелевский лауреат, имевший репутацию защитника свободомыслия, ничтоже сумняшеся произносит слова о том, что ради спасения жизни хотя бы одного немецкого солдата он не пощадит даже шедевра Рубенса.

Весьма быстрым и эффективным стало вступление в идеологическую войну и английских партнеров Франции по Антанте. Первым эпизодом участия ученых в общественных дискуссиях можно считать воззвание шести профессоров, опубликованное в газете «Times» 1 августа 1914 г., за пять дней до объявления Англией войны Германии, и направленное против вовлечения страны в начавшийся на контин-

⁶ Schivelbuch W. Die Bibliothek von Löewen. Eine Episode aus der Zeit der Weltkriege. München, Wien: Carl Hanser Verlag, 1988. S. 32–33.

⁷ Digeon C. La crise allemande de la pensée française. (1870–1914). Paris: PUF, 1959. P. 463–476.

⁸ Prochasson Cb., Rasmussen A. Au nom de la patrie: les intellectuels et la première Guerre mondiale (1910–1919). Paris, 1996. P. 142–151.

⁵ См. подробнее: Баумгартен Е.Е. Мартиролог погибших памятников искусства // Вопросы мировой войны: Сб. / Под ред. М.И. Туган-Барановского. Пг., 1915. С. 202–204, 219–221.

ненте вооруженный конфликт с «великой культурной нацией». Выступление было проникнуто либеральным духом и носило однозначно антироссийский характер. Однако уже осенью тональность публичных выступлений английских интеллектуалов меняется со знака «минус» на знак «плюс». 2 сентября 1914 г. Чарльз Мастермэн, глава Бюро военной пропаганды, организовал тайную встречу в «Веллингтон-хаусе», на которую пригласил не менее 25 именитых писателей с просьбой оказать содействие в идеологической борьбе. Среди прочих в конференции приняли участие сэр Артур Конан Дойл, Джон Мэйсфилд, Томас Харди и Герберт Уэллс. Сторонник английского превосходства Р. Киплинг прислал свои извинения, но пообещал оказать всестороннюю помощь. Вскоре после этой встречи в периодической печати начали появляться воззвания, в которых осуждались антигуманные действия Германии, вменялись в вину нарушения правовых норм, показывалось превосходство конституционных держав Западной Европы над прусской бюрократией и милитаризмом. За ними последовали пропагандистские книги, написанные по заказу Веллингтон-хауса, — «When Blood Is Their Argument» и «Between St. Dennis and St. George» (1915) Форда Мэдокса Форда, «France at War» (1915) Р. Киплинга и «A Visit to Three Fronts» (1916) А. Конан Дойла. Последний даже заставил вернуться с заслуженного отдыха своего героя Шерлока Холмса и отправил его противодействовать немецким шпионам и их агентам в последнем рассказе одноименного сборника «His Last Bow»⁹.

Из этих примеров хорошо видно запаздывание немецких интеллектуалов с ответным ударом, равно как и

неудачное применение ими антигуманистических по своему пафосу риторических приемов, которые могли вызвать у оппонентов только единодушное осуждение и дать в руки лишний аргумент в подтверждение «цивилизационной отсталости» противников. О том, что немцы были плохими учениками Запада, писал и национал-революционер Э. Юнгер: фразеология их лидеров представляла собой «смесь ложной романтики и ущербного либерализма» (чего стоят слова князя фон Бюлова о «Niebelungentreue», «верности до гроба» двух союзников — Германского рейха и Австро-Венгерской империи). Юнгер также одним из первых отметил *слабую по сравнению с «прогрессивными» странами готовность Германии к идейной «мобилизации масс» накануне Великой войны*: «Кто захочет оспаривать тот факт, что “цивилизация” намного больше обязана прогрессу, чем “культура”, что в больших городах она способна говорить на своем родном языке, оперируя средствами и понятиями, безразличными или враждебными для культуры. Культуру не удастся использовать в пропагандистских целях...»¹⁰. Однако и он, точный сейсмограф своей эпохи, ретроспективно оценивал идеологический расклад сил, по-прежнему находясь внутри типичной для немецких интеллектуалов оппозиции «культура–цивилизация» и нисколько не теряя убежденности в ценностном преимуществе первой над второй.

Итак, начавшаяся в печати стран Антанты публичная антигерманская кампания дала импульс к организации в середине сентября 1914 г. одиозного обращения 93-х немецких интеллектуалов «К культурному миру», более известного как «Манифест 93-х» и названного так по числу подписавших

⁹ См.: King Edmund G.C. E.W. Hornung's Unpublished «Diary», the YMCA, and the Reading Soldier in the First World War // English Literature in Transition, 1880–1920. Vol. 57. Num. 3, 2014. P. 361–387.

¹⁰ Юнгер Э. Тотальная мобилизация // Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт / Пер. с нем. А.В. Михайловского. СПб.: Наука, 2000. С. 460.

его выдающихся писателей и ученых¹¹. В Германии не было своего Веллингтон-хауса, однако показательно то, что инициатором манифеста выступил руководитель Информационного бюро Имперского военно-морского ведомства капитан Генрих Лёляйн. Манифест составил переводчик и драматург Людвиг Фульда. Среди тех, кто выразил свою солидарность с «воюющим за культуру» Volk'ом, были историки Адольф фон Гарнак и Эдуард Майер, бывший пастор и публицист Фридрих Науманн, юрист-международник Франц фон Лист, композитор Энгельберт Хумпердинк, экономист Луио Brentano, художники Макс Либерманн и Макс Клиндер, философ Вильгельм Виндельбанд, антиковед Ульрих фон Виламовиц-Мёллендорф и еще многочисленные нобелевские лауреаты — физик Вильгельм Рентген, философ Рудольф Ойкен, химик Рихард Вильштеттер. «Профессорское воззвание» было переведено на 10 языков. Оно подчеркивало роль Германии как носительницы культуры, отводило обвинения в «зверствах» немецких солдат, настаивало на оборонительном характере войны. «Без нашего милитаризма, — провозглашалось в воззвании, — немецкая культура была бы стерта с лица земли. На защиту этой культуры возник милитаризм из ее недр... Немецкое войско и немецкий народ составляют одно целое. Это сознание братски соединяет ныне 70 млн. немцев без различия уровня образования, сословий и партий»¹².

Нельзя однозначно сказать, чего в этом выступлении было больше — защиты или наступления. Скорее всего,

¹¹ Подробнее см.: *Ungern-Sternberg J. von, Ungern-Sternberg W. von. Der Aufruf «An die Kulturwelt»: das Manifest der 93 und die Anfänge der Kriegspropaganda im Ersten Weltkrieg: mit einer Dokumentation.* Stuttgart: Steiner, 1996.

¹² Две культуры (К философии нынешней войны). Пг.: Издательство Б.С. Бычковского, 1916. С. 136.

все же первого, поскольку глава Информационного бюро недвусмысленно отклонил предложение писателей Л. Фульды и Х. Зудерманна о включении в манифест сомнительного пункта о якобы имевших место жестокостях врагов Германии, на которых все время настаивала официальная немецкая пропаганда¹³. Так или иначе, манифест оказался контрпродуктивным. Он не только не смог склонить общественное мнение стран Антанты и даже нейтральных стран в пользу Германии, но и продемонстрировал приверженность даже лучших представителей немецкой духовной жизни культу грубой силы¹⁴. Однако ключевую для манифеста идею единства воюющей армии и ее духовных вождей, несмотря на вызванный ею негативный эффект, следует рассматривать как важный демократический жест и серьезный вклад в дело скрепления гражданских основ нации¹⁵. Мысль о культурном и поли-

¹³ *Piper E. Nacht über Europa. Kulturgeschichte des Ersten Weltkrieges.* Berlin: Propyläen, 2013. S. 220.

¹⁴ Имперское военно-морское ведомство и Министерство иностранных дел не придавали огласке факт своего непосредственного участия в подготовке воззвания. Это позволило привлечь и многих либерально настроенных ученых, которые даже во время войны не приняли националистических установок. Тем не менее, 10 из 93 подписавших (в их числе — Л. Brentano и М. Планк) позднее отозвали свои подписи, увидев, к каким катастрофическим последствиям для имиджа германской науки привел «Манифест 93-х».

¹⁵ Социальной подоплекой интеллектуальной декларации единства солдат и интеллигенции является тот факт, что для германской буржуазии вильгельмовская казарма воплощала собой настоящую «школу нации», более того, университетские профессора имели статус государственных чиновников (Beamte) и потому не рассматривали свое «верноподданничество» как предательство по отношению к свободной академической деятельности.

тическом единстве нации проводилась и в последовавшем 16 октября «Обращении преподавателей высших школ Германского рейха» («Манифест германских университетов»), под которым стояли подписи более чем 4000 профессоров и приват-доцентов из 22 университетов Германии. В противовес тезису союзников о «двух Германиях» — «подлинной» стране «Dichter und Denker» и державе победившего варварства и милитаризма, немецкие интеллектуалы как бы подписывались под большим национальным мифом, в котором соседствовали Веймар и Версаль, «героические германцы» Тацита и верноподданные Второй империи Бисмарка, где «Егоіса» и «Заратустра» поднимали боевой дух в окопах, а Кант, Фихте и Гегель чувствовали себя как у домашнего очага в Генеральном штабе Шлиффена и Мольтке.

К ряду «профессорских манифестов» стран Антанты, Швейцарии и нейтральных на тот момент США присоединились и русские ученые¹⁶. Собственные ответы на «оскорбительное воззвание» опубликовали Военно-морская академия, Казанский университет, Университет св. Владимира в Киеве и другие высшие учебные заведения. Эта обширная реакция объяснялась во многом необходимостью ответить на вызов немецких коллег, которые в одном из пассажей манифеста отказывали России в статусе культурной нации. Однако если взглянуть на действия коллегии Петроградского университета, то можно отметить неожиданно малую степень консолидации представителей столичной академической общественности, которые не проявили ни «безоглядного патриотизма», ни «шовинистических страстей», а в целом предпочли остаться в рамках либерально-патриотического умонастроения. В отличие от других профессорских коллегий, в Пе-

троградском университете сформировать единогласный «ответ» даже в самой умеренной форме оказалось попросту невозможным. Поэтому, когда стало известно о начале сбора подписей в других учебных заведениях, ректор Э.Д. Grimm оказался в щекотливом положении, выход из которого был найден в форме составления проекта всероссийского профессорского и академического воззвания от имени «группы профессоров»¹⁷. Ответ русских ученых главным образом состоял из последовательного «опровержения» пунктов «Манифеста 93-х» и порицания милитаризма, который «успел уже оказать свое губительное влияние на всю духовную культуру Германии, в которой былой культ истины, добра и красоты — стал сменяться с некоторыми пор культом грубой силы и стремлением оправдать насилие и вандализм». Свои подписи под документом поставили многие видные члены Профессорского совета, в том числе такие известные ученые, как А.И. Воейков, И.М. Гревс, А.А. Жижиленко, И.И. Лапшин, В.А. Стеклов, А.А. Шахматов, В.М. Шимкевич и др. В целом же Петроградский университет, в коллегию которого входило немало членов партии кадетов, не стремился к выполнению «социального заказа» любой ценой (например, никто не хотел отказываться от поставок оборудования для лабораторий из враждебной Германии) и использовал военную ситуацию для того, чтобы лишний раз подчеркнуть свою академическую автономию. Единственным «шовинистическим» актом Совета университета стало исключение из рядов почетных членов Совета Ф. фон Листа как подпи-

¹⁷ Подробнее см.: *Ростовцев Е.А.* Испытание патриотизмом. Профессорская коллегия Петроградского университета в годы Первой мировой войны // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. № 29. Мир и война: аспекты интеллектуальной истории. М.: КРАСАНД, 2009. С. 313–314.

савшего воззвание немецких ученых¹⁸. В то же время можно предположить, что, «как и большая часть духовной элиты России, петроградские профессора воспринимали “отечественную войну” как “войну надежды для России” — войну, которая объединит нацию и правительство и подвигнет его к реформам»¹⁹.

Если в общих чертах оценивать расстановку сил «академической окопной войны» (Э. Пипер), бросается в глаза неоспоримое преимущество в плане скорости и эффективности пропаганды, которое было, несомненно, на стороне французских и английских интеллектуалов. Во-первых, немецкое воззвание профессоров носило скорее реактивный характер (18 сентября была опубликована декларация 53-х британских писателей, 4 октября вышел «Манифест 93-х», и уже 21 октября «Times» напечатала уничижительный «Reply to German Professors», под которым подписались более тысячи (!) британских ученых). Во-вторых, оно не только не достигло своей цели, вынудив оправдываться снова и снова²⁰, но и вызвало новую лавину обвинений, направленных уже не только против империалистических притязаний

Вильгельма, но и против поддержавшей их интеллектуальной элиты.

Российская же академическая общественность отвечала с еще большим запозданием²¹; кроме того, несмотря на отдельные попытки, она не смогла подчинить свои узкокорпоративные интересы интересам общенациональным. «Говорить о том, — резюмирует в своем исследовании Е.А. Ростовцев, — что университетская наука в сколько-нибудь значительной степени была поставлена на службу фронту, представляется затруднительным; анализируя подход университетской корпорации к событиям военного времени, можно констатировать, что при всем “патриотизме” профессоров война воспринималась, прежде всего, как инструмент реализации определенных политических и корпоративных ценностей, важных для профессуры. Следует учитывать, что претензии на патриотизм у петербургской профессуры сочетались с ярко выраженной оппозиционностью»²². Таким образом, российская академическая общественность оказалась плохо готовой к «духовной мобилизации», да и за годы войны в России не было создано организаций, которые представляли бы интересы отечественной науки за рубежом и координировали внешнюю культурную политику, подобно Комитету по публикации документов и исследований о войне под руководством Э. Лависса и Э. Дюркгейма в Париже или Культурному союзу немецких ученых и деятелей искусств, учрежденному в октябре 1914 г.

3. «Война за культуру» и «идеи 1914 года»

Рассмотрим теперь идейный и цен-

¹⁸ Московский университет продемонстрировал большую решительность в идеологической войне: осенью 1914 г. из состава почетных членов университета были исключены около 70 подданных Германии, и в том числе подписавший германское воззвание философ и психолог В. Вундт.

¹⁹ Ростовцев Е.А. Испытание патриотизмом. С. 315.

²⁰ В свою очередь, в ответ на «Reply...» была выпущена новая, уже более мягкая по тону декларация, авторы которой прямо сожалели, что «даже среди высокообразованных, любящих истину и владеющих словом людей, хотя бы и относящихся к враждебным партиям, не было сделано ни единой попытки прийти к взаимопониманию» (*Ungern-Sternberg J. von, Ungern-Sternberg W. von. Der Aufbruch «An die Kulturwelt».* S. 96).

²¹ Если «Манифест 93-х» был опубликован в начале октября, то подписи под возванием петроградских ученых собирались только в ноябре–декабре 1914 г.

²² Ростовцев Е.А. Испытание патриотизмом. С. 321

ностный арсенал, имевшийся на вооружении немецких интеллектуалов. Сразу бросается в глаза отсутствие преград в международном интеллектуальном сообществе, особенно на фоне экономической блокады Германии. Уровню интеграции интеллектуального мира накануне Первой мировой мог бы позавидовать современный глобализованный мир, более того, объявление «духовной войны» предполагало возможность всестороннего и прямого (не через эмигрантов или развитые средства массовой информации, как уже в годы Второй мировой войны или «холодной войны») влияния на общественное мнение за границей. В дело защиты отечества на духовном фронте активнее всего включились именно те германские профессора и писатели, которые были наиболее плотно включены в международные интеллектуальные сети.

Один из них, важнейший представитель неохристианства, лауреат Нобелевской премии по литературе за 1908 год и профессор Университета Йены Рудольф Ойкен внушал своей немалочисленной аудитории (тиражи брошюр Ойкена расходились десятками тысяч экземпляров) идею справедливой войны как «источника нравственной силы», который привносит внутренний порядок в жизнь нации²³. Идеализм Ойкена — этой своего рода реинкарнации Фихте образца «Речей к немецкой нации» — усматривал в немцах некую самость всего человечества, которая придает глубинный смысл всемирной истории. В другой, более поздней брошюре «Духовные вызовы современности» Ойкен вводил противопоставление «культуры труда» и «культуры наслаждения». «Культура, — утверждал автор, — производит самостоятельным творчеством собственный мир», а потому достичь самостоятельности можно лишь став «инструментом твор-

ческой жизни»²⁴. Так Ойкен уже с позиций философии жизни интерпретировал восходящую к Ф.М. Достоевскому и популяризованную А. Мёллером ван ден Бруком идею, что германский народ — это «народ юношеской свежести», перед которым раскрывается огромное поле возможностей²⁵. Предъявленные современностью вызовы были сформулированы так: 1) необходимо признать уникальную ценность собственной нации как духовной сущности, 2) и вместе с тем провести основательную ревизию всего германского культурного наследия, 3) в будущем должна увеличиться роль государства, и 4) возрасти значение широких народных масс.

Стало быть, задачи духовной войны максимально сближались с национальными задачами. Не менее горячо оправдывал войну и самый известный ученик Ойкена, молодой феноменолог и вскоре католик-неофит Макс Шелер, который не смог отправиться на фронт по причине слабого здоровья. В своей работе «Гений войны и Германская война», вышедшей в самом начале 1915 г. и посвященной «друзьям

²⁴ *Eucken R.* Die geistigen Forderungen der Gegenwart. 3. durchges. Aufl. Berlin: Otto Reichl Verlag, 1918. S. 19, 23.

²⁵ Пожалуй, решающую роль в рецепции Достоевского в Германии сыграли многочисленные предисловия к томам собрания сочинений (издавалось при содействии Д. Мережковского), написанные Мёллером ван ден Бруком — отцом «консервативной революции» и автором книг «Прусский стиль» и «Третий рейх». Заимствованные у Достоевского и трансформированные им идеи «молодых народов» и «третьего Рима» (русский прототип идеи «третьего рейха»), а также образ Германии как «протестующей империи» находили в среде германских интеллектуалов преданных сторонников (см: *Dostojewski F.M.* Sämtliche Werke. Bd. 1–23. Hrsg. v. Moeller van den Bruck unter Mitarbeiterschaft von Dmitri Mereschkowski und anderen. München–Leipzig, 1908–1919).

на поле брани», он трактовал мировую войну как начало духовного возрождения человека и явление распада капиталистической системы. В этом смысле наиболее подходящим для Германии выбором, считал Шелер, мог бы стать христианский социализм или солидаризм. Вместе с тем именно немецкий народ казался ему избранным народом (в отличие от англичан), поскольку он лучше понимал метафизический характер войны: «Если Бог — это Бог любви, то он дарует победу народу, в котором живет глубочайшая и облагораживающая любовь»²⁶. Гений войны превращается здесь в «вождя, указующего путь к Богу», а «германская война» становится своего рода политической религией.

Формула «война за культуру», провозглашенная протестантским теологом и философом религии Эрнстом Трельчем (который придерживался вполне умеренных политических взглядов) в речи 1 июля 1915 года, стала своего рода ответом на вопрос историка Отто Хинтце о «смысле войны». Речь шла не только о «справедливой войне», но и о необходимости положить конец «всемирному господству Англии», о формировании собственной, совместимой с национальной традицией «мировой политики». Если в Великобритании и Франции экспансионистская идеология подкреплялась лозунгами из арсенала Просвещения («человечество», «права индивида», «цивилизация», «демократия»), то германская «идеология идентичности» обосновывала войну стремлением защитить свою «общность», «культуру», «историческое право» в новых условиях.

Тезис о «1789» и «1914» годах как «символических годах в истории» был выдвинут в 1915 г. в докладе социолога Йоханна Пленге²⁷. Мировая вой-

на завершила эпоху Французской революции, сама же война постепенно обнаруживает в себе революционные черты, а в ее недрах вызревает новая «идея». При этом Пленге опирался на уже существовавшее представление о том, что империя в центре Европы призвана вести борьбу с «торгашескими идеалами» Запада (прежде всего Англии) и «деспотизмом» Востока с целью добиться равновесия (или синтеза в гегелевском смысле) между свободой и порядком, правом индивида и правом целого.

Еще радикальнее выглядели идеи общественного переустройства. Пленге относился к ярким сторонникам идеи «национального социализма», полагая, что развитие промышленности вынуждает капитализм трансформироваться в «организаторский социализм». В этом его поддерживал другой представитель идей «1914 года» социолог Вернер Зомбарт, который утверждал, что милитаризм готовит почву для охватывающего весь народ героического порядка. В памфлете «Торгаши и герои»²⁸, написанном в первые месяцы войны и посвященном «молодым героям, сражающимся с врагом», Зомбарт по культурным, экономическим, социальным и политическим позициям противопоставляет немцев англичанам с их утилитаризмом и позитивизмом. «Война 1914 года — это война Ницше», — декларировал Зомбарт.

Важным было выражение «идеи 1914 года», которым принято обозначать антилиберальные, антипросвещенческие и националистические позиции немецких интеллектуалов периода Первой мировой войны. См. детальный разбор взглядов в: Руткевич А.М. Идеи 1914 года: препринт WP6/2012/03. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

²⁸ Sombart W. Händler und Helden, Patriotische Besinnungen. München, Leipzig: Dunker & Humblot, 1915. (Рус. пер.: Зомбарт В. Торгаши и герои. Раздумья патриота / Пер. Д.В. Кузницына // Зомбарт В. Собрание соч.: В 3 т. Т. 2. СПб., 2005.)

²⁶ Scheler M. Der Genius des Krieges und der Deutsche Krieg. Leipzig, 1915. S. 150.

²⁷ В современной историографии закреп-

Немец отвергает утилитаризм и эвдемонизм, идеи пользы и наслаждения во имя воли и духа, долга и преданности, самопожертвования и героизма. Комфорт, это уродливое порождение капитализма, — отравяющая его идеалистические побуждения. «Я испытал боль, — пишет в своем памфлете Зомбарт, — когда в одной берлинской газете прочел заметку о немецком солдате на поле боя, который с каким-то глубоким трепетом отзывался о бритвенных приборах, оставленных английскими солдатами в окопах. Все это очень печально: в гуще таких великих событий думать о том, как бы удалить щетину со своего благородного лица. Мне же всякий бритвенный прибор в окопах кажется омерзительным знаком выхолащенной английской культуры лавочников»²⁹. Солдаты без бритвенных станков, но с томиками Гёте и Ницше в окопах вели «истинную войну», «германскую войну», «героическую войну» — и это безоглядное прославление войны оказывало огромное влияние на читателей.

Примечательным образом путь к социализму через военную экономику казался вполне реальным и сторонникам социал-демократии. Несмотря на иные, чем у Пленге и Зомбарта, мотивы, они также мало сомневались в конце либеральной эры и делали ставку на этатистскую традицию Германии и социалистическую организацию. Главным представителем этих воззрений был журналист Пауль Ленш. С 1915 г. Ленш и двое его единомышленников — Хайнрих Кунов и Конрад Хениш — публиковались в журнале «Die Glocke» («Колокол»). Который, кстати, финансировался русским социалистом Александром Гельфандом-Парвусом и оказывал немалое влияние на программу СДПГ. Идея «консервативно-социалистического альянса» имела среди социалистов горячих привер-

женцев. Журнал «Glocke» выходил до 1925 г. и служил серьезной площадкой для обсуждения исторической роли германского рабочего — «подлинного носителя» идей нации и социализма.

К сторонникам «идей 1914» можно отнести и раннего Томаса Манна (до написания «Волшебной горы»). Его блестящий публицистический труд «Размышления аполитичного» (1918) не только придал окончательный вид формуле «культура против цивилизации», но и стал важной вехой в формировании консервативно-революционного мировоззрения³⁰. Манн рассматривает войну как «восстание Германии против западного духа», дошедшего до нигилизма в результате Просвещения и демократического прогресса. Писатель строго противопоставляет «дух» и «политику», он считает, что «бюргер» (не «буржуа») остается носителем «духовности» и как таковой не приемлет «демократии»³¹. Но в действительности это публичное выступление немало способствовало именно «политизации немца». Пример Томаса Манна показателен тем, что здесь успешный писатель, всемирно известный автор семейной саги о Будденброках, начинает выдвигать притязание на формирование общественного мнения по общественно значимым вопросам, широко пользуясь своей культурной автономией.

Выше уже отмечался факт огромных по тем временам тиражей книг и брошюр, посвященных актуальным вопросам культуры и политики. Они были бы невозможны без множества маленьких и средних, старых и совсем

³⁰ А.М. Руткевич называет Т. Манна одним из «духовных отцов “консервативной революции”».

³¹ *Mann T. Betrachtungen eines Unpolitischen // Mann T. Reden und Aufsätze, 4. Bd. XII. Gesammelte Werke in dreizehn Bänden. 2. durchges. Aufl. Frankfurt: S. Fischer, 1974. S. 30–31.*

молодых издательств, специализировавшихся на литературе non-fiction, которые уже после войны продолжают формировать интеллектуальный ландшафт Веймарской республики. Достаточно назвать издательства Duncker & Humblot, Otto Reichl, Eugen Diederichs. О тематическом спектре литературы можно судить по аннотациям и анонсам. Одно лишь издательство Duncker «предлагало своим читателям на конец 1915 года десятка три книг немецких профессоров; по аннотациям можно выяснить, что в них мы имеем дело с целой панорамой. В одних обсуждаются (и осуждаются) британский империализм, французская демократия, русская деспотия, в других обосновывается право немцев на захват территорий, в третьих прославляются великие немецкие полководцы прошлого и т.д. Некоторые ранее никому неведомые провинциальные учителя, вроде будущего нацистского куратора немецкой философии Эрнста Крика, получили известность именно благодаря таким патриотическим сериям»³².

Итак, «пангерманизм» в виде праворадикальной идеологии, в целом типичный для мелкобуржуазной среды, включал в себя идею исключительности германской нации, основанную на превосходстве «культуры» над «цивилизацией», «молодых народов» над «старыми» (антизападническая идея Sonderweg, «особого пути»), прославление войны и требование слияния социального и национального принципов в качестве противоядия против капитализма. Образ внешнего врага «торгашеской» Англии и «просвещенческой» Франции дополнялся довольно-таки размытым образом России как «деспотического государства» и «страны варваров». Последнюю характеристику трудно назвать оригинальной — она была заимствована у тех же либеральных французских критиков и оказа-

лась палкой о двух концах, больно ударившей самих апологетов культур-милитаризма.

4. «Крест и меч — одно»

Посмотрим, что происходило на российских словесных фронтах. В отсутствие пропагандистского бюро, которое координировало бы идеологическую кампанию³³, эту функцию удивительным образом взяла на себя как раз независимая молодая «публичная среда», представленная массовой периодикой и книжными издательствами. Еще в июле громко выступила за войну с Германией либеральная газета «Утро России», издаваемая крупным финансистом и меценатом П.П. Рябушинским. Периодическая печать служила инструментом формирования общественного настроения и в то же время его индикатором. Частная ежедневная газета к началу XX в. вообще становится главным средством массовой коммуникации как орган политической борьбы, как средство воздействия на общественное мнение. Вопросы о целях, ходе, перспективах «европейской войны» с первого дня приковали к себе внимание газетного мира — издателей, редакторов, публицистов, равно как и читающей публики. Все силы печати концентрировались на главном направлении — формировании образа врага, однако большое внимание уделялось и вопросам ведения войны,

³³ В то же время следует отметить тот факт, что ряд преподавателей Петроградского университета все же активно участвовали в деятельности Особого совещания по обороне, Военно-промышленного комитета. В частности, можно указать на приват-доцента М.А. Сиринова, который фактически руководил информационной политикой Комитета, будучи редактором его «Известий» (см.: *Иванов А.Е.* Российское «ученое сословие» в годы «Второй Отечественной войны»: (Очерк гражданской психологии и патриотической деятельности) // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 2. С. 121).

³² *Руткевич А.М.* Идеи 1914 года. С. 37.

взаимодействия с союзниками и противодействия противникам. В их числе можно назвать, например, вопросы об общественной помощи фронту, о беженцах, о шпионаже, об экономических трудностях, переживаемых Россией в военное время, также вопрос о будущем устройстве Польши. В целом, как показывают исследования, «два пункта, — “образ врага” и “перспективы войны” — включают в себя основные проблемы, освещавшиеся периодической печатью»³⁴.

Сотни патриотических статей выходят в консервативной и либеральной прессе — общественно-политической и литературной газете «Новое время» (издательство А.С. Суворина), политико-экономической газете «Биржевые ведомости», общественно-политической газете «Русские ведомости», журналах «Русская Старина», «Вестник Европы», «Русские ведомости». Отдельно стоит назвать ежемесячное литературно-политическое издание «Русская мысль», с которой сотрудничали такие авторы, как Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, М.О. Гершензон, Б.А. Кистяковский, П.Б. Струве, С.Л. Франк, А.С. Изгоев (ими же в 1909 г. был подготовлен к печати сборник статей «Веки», на долгие годы ставший «визитной карточкой» журнала).

В 1915 г. в московском издательстве И.Д. Сытина увидели свет десять брошюр, объединенные в серии «Война и культура»³⁵. Пожалуй, эта серия мо-

жет считаться наиболее заметной реакцией независимых русских интеллектуалов на вызов Великой войны. В самом деле, эмоциональная наполненность, высокий стилистический уровень, консолидированность позиции авторов, четкая формулировка задач России в войне и, конечно, широка охвата читательской аудитории показывают нам интеллектуала *in actu* и говорят о новом этапе по сравнению с «Вехами», которые были опытом саморефлексии «русской интеллигенции». Вместе с тем, если взглянуть на такие количественные показатели, как суммарный тираж серии, который не превышал 30 000 экземпляров, то сопоставление с аналогичными немецкими сериями (см. выше) будет явно не в пользу русских издателей.

Профессора и преподаватели университета также активно включились в подготовку ряда патриотических сборников («Борьба народов», «Вопросы мировой войны», «Россия и ее союзники» и др.). Основными темами этих междисциплинарных сборников были объяснения «варварской» природы немецкого империализма и прогрессивной сущности войны, которую вела Антанга.

Делались и определенные шаги в направлении международного публичного пространства, прежде всего для ознакомления союзников с русской культурой и, в частности, с российской оценкой идущей войны, видением ее целей и задач. Так, историк и

³⁴ См. исследование: *Эйдук Д.В.* «Образ врага» и перспективы войны в русской периодической печати в 1914–1915 гг.: по материалам газеты «Утро России». Дисс. на соискание уч. ст. к. ист. н. СПб., 2008; *Смирнов Н.Н.* Война и российская интеллигенция // *Россия и Первая мировая война: Материалы международного науч. colloквиума, 1–5 июня 1998 г.*, С.-Петербург. СПб., 1999.

³⁵ *Н. Бердяев.* Душа России. М., 1915; *С. Булгаков.* Война и русское самосознание. М., 1915; *А. Волжский.* Святая Русь и рус-

ское призвание. М., 1915; *С. Дурылин.* Град Софии. Царьград и Святая София в русском народном и религиозном сознании. М., 1915; *М. Здзеховский.* О польском религиозном сознании. М., 1915; *И. Ильин.* Духовный смысл войны. М., 1915; *Кн. Е.Н. Трубецкой.* Война и мировая задача России. М., 1915; *Кн. Е.Н. Трубецкой.* Национальный вопрос. Константинополь и Святая София. М., 1915; *Кн. Е.Н. Трубецкой.* Умозрение в красках. М., 1915; *В. Эрн.* Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия. М., 1915.

правовед П.Г. Виноградов (занимавший позицию профессора в Оксфорде с 1903 г.) выступает с лекциями и статьями о России, которые перепечатываются в британской прессе, занимает должность почетного секретаря Комитета помощи русским узникам войны. Ведущий историк Академии наук А.С. Лаппо-Данилевский весной 1915 г. побывал в составе представительной делегации в Англии и произнес там речь об истории науки и образования в России, опубликованную затем в специальном издании для ознакомления английской публики с проблемами внутренней политики важнейшего союзника по Антанте и настроениями российской общественности (английские историки в мае 1915 г. также посетили Академию наук в Петрограде)³⁶. К подготовке сборника статей «Вопросы мировой войны»³⁷ историком и экономистом М.И. Туган-Барановским были привлечены такие известные за рубежом ученые и одновременно мастера публицистического слова, как проф. Н.И. Кареев («Прошлое двух союзов великих европейских держав»), проф. Ф.Ф. Зелинский («Война с искусством»), проф. В.М. Гессен («Война и право»), проф. М.М. Ковалевский («Национальный вопрос и империализм»), акад. В.М. Бехтерев («Война и психозы»).

Однако и здесь роль российских интеллектуалов в интеграции пропагандистских усилий на международном уровне была скорее незначительной — если позиции российских историков, социологов, экономистов и правоведов в целом мало чем отличались от аналогичных научно-объективистских

оценок войны у их зарубежных коллег, то о специфических историософских взглядах русских философов на миссию России в этой войне западные читатели в лучшем случае могли узнать только по туманным пересказам в газетных и журнальных статьях. Это влияние на общественное мнение в союзных, нейтральных и враждебных государствах было очень ограниченным еще и потому, что Россия, страна Достоевского и Толстого, не отвечала, так сказать, международным «показателям эффективности» в литературном плане: страна не дала миру ни одного Нобелевского лауреата по литературе, если, конечно, не принимать в расчет Генрика Сенкевича, который родился в Царстве Польском и на момент получения премии в 1905 г. был гражданином Российской Империи³⁸. Россия по-прежнему оставалась «загадочной» страной, и по большому счету не существовало ни условий, ни возможностей приподнять завесу тайны над ее «душой».

Внутри же страны мобилизационная работа велась гораздо более масштабно. В первые месяцы Е.Н. Трубецкой вместе со своим недавним студентом И.А. Ильиным совершает поездку по российским городам (Саратов, Воронеж, Курск, Харьков), где выступает с публичными благотворительными лекциями «Война и культура», «Война и мировая задача России» и др., сбор от которых идет то в помощь всероссийскому союзу городов, то в помощь разоренному войной населению Царства Польского. В 1914–1915 гг. читал лекции секретарь Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева С.Н. Дурый-

³⁶ См.: *Дмитриев А.* Мобилизация интеллекта: Международное научное сообщество и Первая мировая война // *Интеллигенция в истории: Образованный человек в социальных представлениях и действительности.* М.: ИВИ РАН, 2001. С. 24–25.

³⁷ *Вопросы мировой войны: Сб.* / Под ред. М.И. Туган-Барановского. Пг., 1915.

³⁸ С началом Первой мировой войны Сенкевич выехал в Швейцарию, где возглавил Комитет помощи жертвам войны в Польше. В ноябре 1914 г. писатель был избран почетным академиком Императорской Санкт-Петербургской академии наук по отделению русского языка и словесности.

лин, а в 1916 г. они были изданы в книге «Лик России. Великая война и русское призвание». Разумеется, в условиях патриотического возбуждения в стороне оставались важные, волновавшие общество вопросы, порожденные войной, но все же относящиеся в большей степени к внутренней жизни России. После спада воодушевления зимой–весной 1915 г. эти болезненные проблемы неминуемо возникнут в публицистике.

Самые ранние публицистические реакции на начавшуюся войну последовали уже в июле–августе 1914 года. 19 июля по ст. ст., в день объявления Германией войны России, в №13775 газеты «Новое время» выходит импрессионистическая заметка В.В. Розанова под названием «Вступаем в великую годину»³⁹. «Что-то неопишное делается везде, что-то неопишное чувствуется в себе и вокруг... Какой-то прилив молодости. На улицах народ моложе стал, в поездах — моложе... Все забыто, все отброшено, кроме единого помысла о надвинувшейся почти внезапно войне, и этот помысл слил огромные массы русских людей в одного человека... В Петербурге ночью — то особенное движение и то особенное настроение, разговоры, тон, — то самое выражение лиц, какое мы все и по всем русским городам знаем в Пасхальную ночь»⁴⁰. Единение всего народа, единение с Государем, вдруг ожившее благородное самосознание русского человека, слияние «огромной массы русских людей в одного человека» — такой увидел автор Россию в июле 1914 г.

Кн. Е.Н. Трубецкой, убежденный соловьевец и лидер «путейцев»⁴¹, всту-

пает в духовную брань уже 8 августа 1914 г. В статье «Смысл войны», опубликованной в газете «Русские ведомости», он старается прояснить согражданам всемирное значение свершающихся событий. Смыслом и целью войны являются «единство и целостность России», а также освобождение славянских народов (эту формулировку философ будет по-разному дополнять и аранжировать в своих дальнейших статьях и выступлениях). Недавнее поражение России в войне с Японией объяснялось Трубецким именно отсутствием подобных сверхцелей; начавшаяся же война, сопровождаемая взрывом патриотических настроений, прекратит разного рода внутрirosийские раздоры и приведет к победе.

Статья С.Н. Булгакова «Родине» вышла в №181 газеты «Утро России» 5 августа. Автор видел в войне шанс полностью освободиться от немецкого влияния. Россия боролась за свое достоинство и должна была покончить с низкопоклонством перед Германией. Тогда и «западническое идолопоклонство» потеряло бы опору в России. В качестве сверхзадачи автор провозглашал «духовное возвращение на родину», к православию.

В номере за 17 августа той же газеты, имевшей репутацию «глашатая воинствующих московских капиталистов», философ Н.А. Бердяев публикует статью «Война и возрождение»⁴². Она начинается с призыва увидеть в войне тотальный феномен, требующий

ориентированных мыслителей, несколькими годами ранее объединившихся вокруг московского книгоиздательства «Путь» (см.: *Голлербах Е.А.* К незримому граду: Религиозно-философская группа «Путь» (1910–1919) в поисках новой русской идентичности. СПб., 2000).

⁴² Статьи Н.А. Бердяева, не включенные им в сборник «Судьба России» (1918), цитируются по изданию: *Бердяев Н.А.* Футуризм на войне. Публицистика времен Первой мировой войны. М.: Канон+, 2004.

³⁹ Вошла в качестве первой главы («На улицах Петербурга») в сборник «Война 1914 года и русское возрождение» (Пг., 1915).

⁴⁰ *Розанов В.В.* Война 1914 года и русское возрождение // *Розанов В.В.* Последние листья. М., 2000. С. 255.

⁴¹ Имеется в виду группа православно

мобилизации всех сил нации: «В эпоху великих испытаний, когда все силы народа должны быть собраны и напряжены, каждому народу надлежит осознать себя и свое положение в мире не только материально, но и духовно. И война, в которой действуют чисто материальные орудия и которая предполагает материальную мощь, может и должна быть рассматриваема, как духовный феномен, и оцениваема, как факт духовной действительности»⁴³. Корнем зла и главной метафизической причиной войны для него, как и для Булгакова, назвавшего войну «бичом Божиим», является секуляризация, отпадение Запада от Христа: «Лживый европейский мир и не менее лживый европейский мир обречены на этот огонь»⁴⁴. Бердяев осуждает нацеленный на мировое господство «агрессивный пангерманизм», ведь германское и австрийское «царство милитаризма, это — занесенный над всем миром кулак, варварская сила, угрожающая культуре»⁴⁵. Всемирная задача России в этой справедливой, оборонительной войне — обуздать германский империализм и выступить гарантом европейского мира («Россия — носительница идеи мира»). Для успешного выполнения этой задачи Россия должна избавиться от немца в себе, от бюрократизма и механицизма как вражеского вторжения в «организм русского народа». Освобождение от «внутренней немечины» и укрепление русской государственности будет шагом к утверждению «культурно-молодой, свежей, полной надежд на будущее славянской расы», которая еще не сказала миру своего слова.

В приведенных выше формулировках уже содержатся основные линии русской «философии войны»⁴⁶ — кри-

тика пангерманизма⁴⁷, национальный (религиозный) миссионизм, дихотомия материалистического Запада и духовного Востока («страна святых чудес»), противопоставление «двух ликов» Европы, «феноменологического» и «онтологического» (в странах-союзницах Франции, Англии и Бельгии). В то же время было бы неверно рассматривать знаменитые «пароли» славянофильского возрождения в отрыве от того контекста, в котором они создавались и произносились. И здесь снова придется признать пальму первенства за французскими *hommes de lettres*. Разумеется, это прежде всего касается наиболее распространенного полемического сюжета, а именно, «пангерманизма» и «милитаризма».

В качестве примера достаточно привести статью Н.А. Бердяева «Современная Германия», опубликованную в октябрьском номере «Утра России», а стало быть, уже после «Лувена и Реймса». Бердяев рисует портрет своего врага по популярной книге А. Лихтенберже «Современная Германия»⁴⁸, не критично перенимая все предрассудки ее автора и дополняя их своими историософскими выпадами. Конечно, француз, даже «беспристрастный и весьма благожелательный к немецкой культуре», не мог оценить своего

лман Б. Когда время славянофильствовало. Русские философы и Первая мировая война // *Studia russica helsingiensia et tartuensia*. Проблемы истории русской литературы начала XX века / Под ред. А. Бюклинг и П. Песонена. Helsinki, 1989. С. 211–239.

⁴⁷ Исследование «русского образа Германии» см. в статье: *Плотников Н.С., Колеров М.А.* Русский образ Германии: социал-либеральный аспект // *Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1999 год*. М., 1999. С. 65–156.

⁴⁸ Книга «Современная Германия» вышла в Москве в 1914 г. в издательстве Сабашниковых (пер. Н. Попова) и в том же году — в Петербурге в издательстве Брокгауз–Ефрон (пер. Р.М. Марголиной).

⁴³ Бердяев Н.А. Футуризм на войне. С. 5.

⁴⁴ Там же. С. 6.

⁴⁵ Там же. С. 7.

⁴⁶ Панорама философской публицистики этого времени представлена в статье: Хел-

восточного соседа иначе, как страну неразвитой гражданственности, в которой всегда отсутствовал «массовый моральный подъем». И Бердяев охотно соглашается с тонкими дистинкциями между «духовным вырождением германского народа» и «французским декадансом» как «болезненным уточнением и усложнением души». Германцы издавна учредили культ силы, а национализм, обоготворяющий мощь Vaterland'a, подменил собой истинное богопочитание и превратился в лжерелигию. «Перед пастью Дракона крест и меч — одно», — вспоминает Бердяев строки Вл. Соловьева. «Ныне опасность пангерманизма оказалась более страшной и более реальной, чем опасность панмонголизма. Изобличается ложь культуры, которая не подчинила себя духовному центру и всегда стремилась не к праведности, а к земной силе. Германия учит нас тому, чего не должно быть у нас»⁴⁹. Из этих слов хорошо видно, что Бердяев понимает под культурой нечто отличное от немецкой «Kultur», от имени которой выступали тевтонские интеллектуалы, противопоставляя ее «механической и мертвой» «civilisation». Приветствуя переименование г. С.-Петербурга в г. Петроград и надеясь на скорое наступление конца петербургского периода, Бердяев провозглашает: «Германский дух имеет свое назначение в мире не то, конечно, на которое претендует германская империалистическая мощь. Но дух этот для нас, славян, может быть лишь чуждой нам, внешней нормой, которая калечит нашу душу. Роднее нам и безопаснее для нас культура латинских народов. Новая отечественная война освободит нас от чужеземного нашествия внешнего и внутреннего и поможет нам выявить наш чистый дух»⁵⁰.

Ядовитые упреки в ущербности немецкого духа, духовном варвар-

стве звучали почти из каждой военной брошюры. Так, С.Н. Дурылин писал: «Происходит какое-то общегерманское объединение в зле всех — профессора Гарнака и императора Вильгельма, прусского вахмистра и писателя Гауптмана: все начинают мыслить по-одинаковому, чувствовать по-одинаковому, так что не отличишь, где кончается профессор и начинается вахмистр... Культурный облик и отвратительный испод варвара — вот образ современной Германии»⁵¹.

Но, безусловно, самым ярким эпизодом первого акта словесной войны стало выступление В.Ф. Эрн на открытом заседании Религиозно-философского общества памяти В.С. Соловьева в Москве 6 (19) октября 1914 г. со знаменитым докладом «От Канта к Круппу», где оратор, вскрывая «сущность немецкого феноменализма», декларировал: «Я убежден, во-первых, что бурное восстание германизма предрешено *Аналитикой* Канта; я убежден, во-вторых, что орудия Круппа полны глубочайшей философичностью; я убежден, в-третьих, что внутренняя транскрипция германского духа в философии Канта закономерно и фатально сходится с внешней транскрипцией того же самого германского духа в орудиях Круппа»⁵². Два десятилетиями позже, уже в эмиграции, путеец В.В. Зеньковский вспоминал то тяжелое впечатление, которое произвел доклад: «За Эрном нужно, однако, признать в этой статье одно бесспорное достоинство — она громко и открыто сказала о том, что многие думали и чувствовали под влиянием войны»⁵³. Впрочем, и здесь образо-

⁵¹ Дурылин С.Н. Лик России. Великая война и русское призвание. М., 1916. С. 19.

⁵² Эрн В.Ф. Меч и крест. От Канта к Круппу // Эрн В.Ф. Сочинения. М., 1991. С. 308–309.

⁵³ Цит. по: Марченко О. Когда время отчасти славянофильствовало // Сократ. 2010. №2. С. 86.

⁴⁹ Бердяев Н.А. Футуризм на войне. С. 31.

⁵⁰ Там же. С. 32.

ванные современники не могли не распознать союзнических тонов в идейном громе славянофильского оркестра. Примерно в одно время с публикацией сборника «Меч и крест»⁵⁴, куда Эрн включил текст своего нашумевшего выступления, вышла и французская брошюра с почти идентичным названием «Против германского духа — от Канта к Круппу»⁵⁵.

Общую мысль докладов на вечере в Политехническом музее, где помимо Эрна перед большой аудиторией выступили С.Н. Булгаков («Русские думы») и В.И. Иванов («Вселенское дело»), Г.А. Рачинский («Братство и свобода») и кн. Е.Н. Трубецкой («Война и мировая задача России») можно резюмировать так: разразившаяся война явила собой не столкновение государств, а борьбу национальностей и культур, соответственно, и причины войны искались не в экономических и социально-политических противоречиях, а в мировоззренческих установках (война — «великое духовное бореие», «война принципов»)⁵⁶. В этом смысле черно-белые схемы «неославянофильского» миссионизма отличались от своих европейских (и прежде всего германских) аналогов главным образом религиозной окраской.

Религиозную миссию России в войне лаконично выразил талантливый публицист Дурылин: «Бережь Православие, освободи славян и армян от гнета Австрии и Турции»⁵⁷. «Вопрос о

проливах» и «походе на Царьград» являлся вообще квинтэссенцией все русской историософии и неотделимой от нее политической публицистики 1914–1916 гг. Е.Н. Трубецкой в публичной лекции «Война и мировая задача России» утверждал: «Волею судеб России навязывается освободительная миссия; и в этой миссии она находит самое себя, свое лучшее национальное я... России нужно чувствовать, что она служит не себе только, а *всему человечеству, всему миру*»⁵⁸. Настоящая миссия России, условие ее свободы и территориальной (Трубецкой: «материальной») целостности — это освобождение «угнетенных народов», в особенности, *народностей славянских*⁵⁹.

В другой публичной лекции — «Национальный вопрос, Константинополь и святая София» становится особенно очевидно, что *национальная и религиозная миссия России суть одно*. «Все вопросы русской жизни, поднятые настоящей войною, так или иначе завершаются этим одним, центральным вопросом — удастся ли России восстановить поруганный храм и вновь явить миру погашенный турками светоч»⁶⁰. У Трубецкого источник легитимации национально-религиозной миссии России имеет, так сказать, всенародный, общечеловеческий смысл: «*Россия может прийти в Константинополь только во главе всемирного освободительного движения народов*» (курсив автора). «Освобождение христианских народов» от турецкого господства видится Трубецким в перспективе Святой Троицы: «В обра-

становлении славянства» и примирении с Польшей.

⁵⁸ Трубецкой Е.Н. Война и мировая задача России // Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М.: Республика, 1994. С. 372. Дальнейшее указание страниц дается по этому изданию.

⁵⁹ Трубецкой Е.Н. Смысл войны; Война и мировая задача России. С. 353, 373.

⁶⁰ Трубецкой Е.Н. Национальный вопрос, Константинополь и святая София. С. 356.

⁵⁴ Эрн В.Ф. Меч и крест. Статьи о современных событиях. М.: Типография т-ва И.Д. Сытина, 1915.

⁵⁵ Daudet Leon. Contre l'esprit allemand de Kant à Krupp. Paris: Bloud & Gay, 1915. Также линию от Канта к германскому милитаризму проводил и американский философ-прагматист Джон Дьюи: *Dewey John. German Philosophy and Poitics*. Henry Holt & Co., 1915.

⁵⁶ Ср.: Хеллман Б. Когда время славянофильствовало. С. 9.

⁵⁷ Дурылин С.Н. Лик России. С. 30. В расширенной формуле могла идти речь о «вос-

зе Софии открывается тот самый замысел Божий о человечестве, который обнаружился в Пятидесятнице»⁶¹. Парадоксальным образом, притязание России на проливы, носившее с реально-политической точки зрения националистический и империалистический характер, в такой религиозной перспективе оказывалось притязанием универсальным, всечеловеческим: Трубецкой исходит из идеи разорванности и раздробленности современного ему человечества; тогда как ложный национализм только увеличивает пропасть между народами, Россия может и должна восстановить поврежденное единство человечества.

Противоположность узкого, партикулярного национализма, языческого утверждения национальной исключительности, с одной стороны, и универсализма русской национально-религиозной миссии, вселенского христианства — с другой, выражается у Трубецкого символическим противопоставлением мифа о драконе Фафнире из германо-скандинавской саги о кольце Нибелунгов (в интерпретации этого мифа у Вагнера) и чуда Пятидесятницы: задача России заключается как бы в преодолении пагубного лозунга «Deutschland, Deutschland über alles», уничтожении власти кольца посредством своего служения высшей сверхнародной культуре: новозаветное чудо Пятидесятницы, видение огненных языков, олицетворяет совершенное духовное объединение народов⁶².

⁶¹ Там же. С. 364. С.Н. Дурьин в книге «Град София. Царьград и Святая София в русском народном религиозном сознании» (1915) говорил о «нашем единственном, но безмерном праве на Константинополь, обусловленном почитанием Софии Премудрости Божией со времен Древней Руси».

⁶² См.: Михайловский А.В. Пещера Фафнира и чудо Пятидесятницы. Идея русского миссионизма в политической публицистике Е.Н. Трубецкого // Вопросы философии.

Трубецкой также формулирует общую для трактовки национально-го в русской религиозной философии идею, которая отличается как от германского отождествления «культуры» и «нации» (так называемая «гердеровская идея»), так и от французского понимания нации как сообщества граждан, выражающих желание жить совместной жизнью (Ренан: «нация — это каждодневный плебисцит»). Он замечает по поводу отечественной войны, что «...восстанавливается распавшаяся, казалось бы, давно порванная связь поколений. Их историческое преемство становится явным; единство общей жизни, связующей их в национальное целое, ощущается с необычайной силой»⁶³. Таким образом, здесь идет речь о понимании *бытия нации как исторической преемственности поколений* — важный вклад в русскую мысль о нации.

Эта сверхнародная религиозно-миссионерская концепция нации, не говоря уже о крайне своеобразном мистико-апокалиптическом национализме А.С. Глинки (Волжского)⁶⁴ с его прозрением в «нумеральное существо России», едва ли способствовала преодолению пропасти между идеализмом лучших представителей русской

2007. № 11. С. 45–55.

⁶³ Трубецкой Е.Н. Отечественная война и ее духовный смысл. С. 391.

⁶⁴ Уже в 1915 г. Глинке (Волжскому) открывался «апокалиптический лик святой Руси, крестный свято-русский Спас, последний Спас, преображающий все свершившееся в человечестве в совершенную в Боге вечность»: «В настоящем же, и до конца, до самой последней минуты, на пороге времен и сроков, Русь святая в крестных муках страстных своих судеб, в багрянице и терновом венце сораспинается Господу Распятому. И не ведаем ни дня ни часа, в который Сын Человеческий придет, а потому: бдите и молитесь, да не внидете в напасть: дух бо бодр, плоть же немощна» (Волжский А. Святая Русь и русское призвание. М., 1915. С. 87).

интеллигенции и реальностью внешних и внутренних вызовов, которые предъявляла России война. Теоретический инструментарий политической публицистики кн. Евгения Николаевича Трубецкого, опиравшийся на идеи христианского либерализма и казавшийся уже современникам «софизмом из соловьевских обносков» (В.В. Розанов), очень скоро должен был обнаружить свою неспособность интеллектуально трансформировать переживание войны в устойчивую основу для коллективного социального действия. Эсхатологический миссионеризм сделал большинство русских интеллектуалов полностью нечувствительными по отношению к проблеме межгрупповой солидарности, от решения которой в других воюющих странах во многом зависел успех духовной (и не только) мобилизации нации.

5. Конец «славянофильского зона»

По внимательном рассмотрении патриотизм интеллектуалов и патриотизм воюющего народа оказываются омонимичными явлениями. Политическое мировоззрение русской многомиллионной солдатской массы в первые годы войны всецело покрывалось формулой «За Веру, Царя и Отечество», которое воплощало собой бытовой мистицизм или своего рода «политический обряд» русских народных масс, который был окончательно разбит в 1917 г. В этом смысле в странах Антанты, да и во враждебной Германии, социальная зрелость народных масс была гораздо выше, а стало быть, и патриотизм имел гражданский и национальный характер. Здесь уместно привести социологические наблюдения проф., генерал-лейтенанта Н.Н. Головина о природе русского патриотизма: «Внутреннее строение, т.е. строение психологическое, русского патриотизма было другое, нежели внутреннее строение патриотизма любого из западноевропейских

народов. Русский патриотизм был значительно более примитивен, он был — если можно так выразиться — лишь сырой материал, из которого в условиях культурной жизни и вырастают те более сложные виды “патриотизмов”, которые можно было наблюдать во Франции, в Великобритании и в Америке. В примитивных формах патриотизма отсутствует социальная его осознанность; ближайшее следствие этого — отсутствие внутриобщественного контроля. И этот недостаток можно было наблюдать у нас не только в малокультурных слоях народа, но и в более просвещенных кругах»⁶⁵.

Приведенные выше примеры интеллектуальной мобилизации в России говорят о ясном понимании войны как «общего дела». В.Ф. Эрн обращал к гражданам честные и правильные слова: «Не будучи сами активны и “решительны”, мы изолируем армию и тем *ослабляем* ее в борьбе, из которой она может выйти победительницей лишь после величайших испытаний»⁶⁶. Однако в 1914 г. Россия втягивалась в грандиознейшую борьбу, акты которой должны были протекать в крайне сложных условиях современности, и здесь призывов к народу делать дело, «возложенное на него Провидением», было недостаточно. Создается впечатление, что патриотическая кампания 1914 года, стилизовавшая войну масс и машин под Отечественную войну 1812 года⁶⁷, предпочитала не заме-

⁶⁵ Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. М.: Кучково поле, 2001. С. 294–295.

⁶⁶ Эрн В.Ф. Меч и крест. Общее дело // Эрн В.Ф. Сочинения. М., 1991. С. 346.

⁶⁷ Уже с первых дней войну в России стали почти официально называть «второй отечественной войной». Показателен и такой пример: в августе 1914 г. В. Ходасевич составляет сборник «Война в русской лирике» (М.: Издательство «Польза», 1915), который открывался стихами «Певца во стане русских вои-

чать того факта, что российская армия даже после тяжелого поражения в вооруженном конфликте с Японией так и не сумела уйти от устаревшей идеи ведения войны «постоянной армией» и решить насущные вопросы организации современного «вооруженного народа» и соответствующего тылового обеспечения.

Уже в середине 1915 г., после тяжелого отступления Русской армии из Галиции и первых сбоев в продовольственном снабжении больших городов, в стране начал распространяться «дух уныния». В 1916 г. в стране начали ощущаться гигантские потери, достигавшие более 2 000 000 убитых и раненых и около 350 000 пленных⁶⁸. И эти потери были тем более чувствительными, чем слабее было сознание в необходимости их для России. Изменившаяся ситуация требовала большей гибкости реакции, но славянофильская публицистика неохотно отходила от модели 1914 г. Нагнетание эсхатологизма, например, в духе Глинки (Волжского), плохо компенсировало дефицит просветительской и гражданско-воспитательной работы. «Осознание приносимых жертв является одним из основных условий для увеличения жертвенной способности народных масс — это социально-психический закон, общий для всех народов. Вот вывод, сделанный одним французским военным писателем, генералом Сериньи на основании его наблюдений за происходившим во Франции: “Объясните народу, что требования национальной охраны вынуждают применить всю совокупность Коммерческого флота для перевозки американских войск и что вследствие этого размеры продовольствия должны быть сокращены до ми-

нов» и на две трети состоял из произведений Языкова, Дельвига, Давыдова, Батюшкова, Пушкина и Лермонтова.

⁶⁸ Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. С. 330.

нимума, — он поймет это и примет это как неизбежность; но если вы отдадите резкий приказ сжать свои животы — он возмутится. В течение трех лет Германия испытывала с изумительной выдержкой гораздо худшие лишения, и это потому, что путем речей, газетных статей, лекций ее народу дали уразуметь всю необходимость требуемых жертв...”⁶⁹

Уступая германским интеллектуалам в эффективности пропаганды, рассматриваемые здесь интеллектуалы все же не теряли ни самообладания, ни веры в русский народ и Россию. Однако ситуация с российским «пишущим сословием» в целом представляется гораздо более печальной, если взглянуть на нее глазами современника, даже если тот склонен сгущать краски: «В этом отношении существовавшее в России положение вещей было крайне неблагоприятным. Ни правительство, ни сами народные массы не были подготовлены к современным сложным формам управления. Представители первого привыкли только приказывать, считая даже, что всякие излишние рассуждения только подрывают авторитет власти; вторые — вследствие своей малой культурности не были способны подняться выше интересов “своей колокольни” и осознать интересы широкого государственного значения. Положение же ухудшалось еще тем, что все представители русской интеллигенции были отброшены к концу 1916 г. правительством в лагерь оппозиции. И в результате вместо того, чтобы слышать из уст представителей своих более образованных классов слова бодрости и разъяснения, народные массы слышали только критику, осуждение и предсказания неминуемой катастрофы»⁷⁰.

Менее чем через год после начала войны время отславянофильствовало. В русской публицистике появляются

⁶⁹ Там же. С. 330–331.

⁷⁰ Там же.

ся ревизионистские настроения (напр., у Франка и Гершензона), хотя Иванов, Розанов и Булгаков продолжают держать высокую славянофильскую ноту, а Эрн сохраняет верность идее «соборности»⁷¹. На этом фоне особенно актуальными и содержательными выглядят требования критики и самоочищения у сторонника демократического национализма (или, по его собственным словам, «национальной ориентировки») Н.А. Бердяева, который, пожалуй, лучше других понимал всю сложность стоящих перед интеллектуалами задач и видел свою ответственность в том, чтобы постоянно напоминать о них. Его публицистика лишена стилистических изысков В.Ф. Эрна, но как раз подкупает ясностью и простотой стиля, взвешенностью и выдержанностью позиции. Признавая гражданскую незрелость русского патриотизма и отсутствие коллективного «мы»-сознания, он писал в статье «Воля к победе»: «В нашем обществе замечаются большая нервность и неустойчивость в переживании войны. Малейшая неудача ведет к унынию и упадку духа. Многие относятся к войне не как обыватели, а не как граждане своего отечества. Но война должна переживаться не извне, как что-то и кем-то для нас совершаемое, а изнутри, как дело совершаемое нами самими. Мы —

граждане своего отечества лишь тогда, когда осознаем, что войну ведем “мы”, а не “они”, что “мы” хотим одолеть врага и “мы” должны победить»⁷².

Масштабность вызовов современной индустриальной войны осмысливается им в статье «Современная война и нация»: «Нынешняя война глубоко отличается от прежних войн... Нынешняя европейская война показала, что войны также демократизируются, становятся общественными и народными, как и вся жизнь... Война есть борьба вооруженных во всех отношениях народов, которые мобилизуют все свои силы. Огромное значение имеют промышленность страны, ее техника, ее наука, общий ее дух. Победит сила всего народа, мощь всей страны, как материальная, так и духовная»⁷³. Война создает условия для «объединяющего и созидательного опыта», а потому необходима жертвенность всех лагерей и организация всех народных сил. «Страна, в которой война не будет национальной, не будет напряжением всех народных сил, рискует быть побежденной. Победить может лишь свободный и вооруженный народ. И всякий патриотический подъем народной энергии есть вместе с тем и самоосвобождение народа. Речь идет, конечно, не о народе в социально-классовом смысле слова, а о народе-нации»⁷⁴.

Вместе с молодым автором «Русской мысли» Д. Муретовым Бердяев требовал от русской интеллигенции признать «самостоятельную ценность национальности», преодолеть традиционную оппозицию «правого» и «левого»⁷⁵ и подчинить «клас-

⁷¹ «Логосовец» Ф.А. Степун, воевавший в Галиции, неслучайно с плохо прикрытой злобой отзывался о «лжи идеологии» московских философских салонов: «Отечественная война», «Война за освобождение угнетенных народностей», «Война за культуру и свободу», «Война и св. София», «От Канта к Круппу» — все это отвратительно тем, что из всего этого смотрят на мир не живые, взволнованные чувством и мыслью пытливые человеческие глаза, а какие-то слепые бельма публицистической нечестности и философского доктринерства» (Степун Ф.А. (Лугин Н.) Из писем прапорщика-артиллериста. Томск: Изд-во «Водолей», 2000. С. 75).

⁷² Бердяев Н.А. Воля к победе // Биржевые ведомости. 1915. №14881. 3 июня. (Бердяев Н.А. Футуризм на войне. С. 80.)

⁷³ Бердяев Н.А. Современная война и нация // Биржевые ведомости. 1915. №14921. 23 июня. (Бердяев Н.А. Футуризм на войне. С. 85.)

⁷⁴ Там же. С. 88.

⁷⁵ См.: Бердяев Н.А. О «левости» и «право-

совую точку зрения» «точке зрения национальной»⁷⁶. Тем более болезненно воспринимался им разрыв власти и общества в России, обнажившийся после того, как схлынул эмоциональный порыв единения первых месяцев войны: «Наше общество всегда чувствует себя так, как будто бы не оно за нее ответственно. Мы привыкли себя чувствовать как в завоеванной стране, и русское государство часто казалось нам не нашим государством»⁷⁷. Отказ Николая II принять депутацию, выбранную третьим съездом земской организации под председательством кн. Г.Е. Львова, заставляет Бердяева бить настоящую тревогу: «России грозит опасность хаоса и анархии, если не будет собрана народная энергия и не будет укреплено народное сознание для организованной борьбы с надвигающейся тьмой и разложением. Для предотвращения анархизации народной жизни необходима организация народных масс, которые, в противном случае, могут выступить стихийно-хаотически... Для судьбы России существенно необходимо, чтобы и рабочие, и крестьяне были сознательно патриотичны и вдохновлены служением национальной идее. Но это возможно лишь в том случае, если рабочие и крестьяне почувствуют себя соучастниками и творцами национальной жиз-

сти» (Ответ Д. Муретову) // Биржевые ведомости. 1915. №14967. 16 июля.

⁷⁶ Бердяев Н.А. Роль третьего сословия в России // Биржевые ведомости. 1915. №15136. 18 октября.

⁷⁷ Бердяев Н.А. Общество и власть // Биржевые ведомости. 1915. №15017. 10 августа. (Бердяев Н.А. Футуризм на войне. С. 119.) Статья была написана по итогам очередной сессии IV Государственной Думы, когда все выступавшие (В.А. Бобринский, В.Н. Львов, Н.В. Савич, П.Н. Милуков) потребовали «проявления патриотического скептицизма ко всему, что предъявит правительство», и создание такого правительства, которое пользовалось бы доверием всей страны.

ни, сынами, а не пасынками родины... К ответственности за родину должны быть привлечены как можно более широкие слои русского народа»⁷⁸.

Ввиду поставленных войной мировых или, как сказали бы сейчас, геополитических задач Бердяев видел хорошие перспективы в политическом, экономическом и культурном сближении России и Англии. Только этот союз, по мнению автора, мог решить как большой восточный вопрос, так и более широкий вопрос о Востоке и Западе вообще: «Английский и русский языки должны стать господствующими в мире языками». Тема преодоления ограниченности западного и славянофильского дискурсов, примирение Востока и Запады прослеживается во всех историософских размышлениях Бердяева о России, которая должна стать «великим Востоко-Западом», который «раньше или позже будет призван к мировой роли духовного единения, принятия в свой духовный универсализм азиатской души, издревле шедшей к Богу, и отражения темной, антихристианской азиатской опасности»⁷⁹. «Славянская раса с Россией во главе» призвана к великому историческому делу⁸⁰.

⁷⁸ Бердяев Н.А. Очередная задача // Биржевые ведомости. 1915. №15216. 17 ноября. (Бердяев Н.А. Футуризм на войне. С. 147–148.)

⁷⁹ Бердяев Н.А. Россия, Англия и Германия // Биржевые ведомости. 1916. №15571. 21 мая. (Бердяев Н.А. Футуризм на войне. С. 239.)

⁸⁰ Размышления на эту тему войдут в подготовленный уже после революции сборник статей «Судьба России». В предисловии к нему автор с горечью признавал: «Я думал, что мир приближается путем страшных жертв и страданий к решению всемирно-исторической проблемы Востока и Запады и что России выпадет в этом решении центральная роль. Но я не думал, что Азия может окончательно возобладать над Европой, что сближение Востока и Запады будет побе-

Война, как «неподкупный судья, выносящий приговор по своим строгим законам» (Э. Юнгер), испытывала на сейсмоустойчивость не только фундаменты, на которых зиждились европейские общества, но и молодой социальный тип интеллектуала. В Германии, несмотря на отмеченную выше слабую готовность к духовной мобилизации, в годы войны сложились лучшие (как институциональные, так и идейные) условия для взаимодействия интеллектуалов и общества. «Идеи 1914» показали большой потенциал национализма для решения модернизационных сверхзадач и явились своего рода «затактом» «консервативной революции» 1918–1932 гг. Как этим потенциалом воспользовались после падения монархии в ноябре 1918 г. — тема для другого исследования.

В России в годы Великой войны тоже громко заявил о себе новый тип публичного интеллектуала, однако в силу своей невысокой эффективности, обусловленной глубоким социокультурным расколом российского общества, он так не сумел стать

сколько-нибудь решающим социальным фактором и был фактически вычеркнут после установления большевистской диктатуры и преследований тех, кто высказывал свое независимое мнение по общественно важным вопросам. Многих русских интеллектуалов во время войны можно назвать «националистами», однако им не удалось «инвестировать во внутреннюю политику России национальный подъем, национальную консолидацию, создаваемые военным временем, и на этой волне попытаться претворить в жизнь свою программу модернизации сословно-династической империи в национальное государство»⁸¹. Дефрагментированное общество, состоявшее из сословий и представленное враждующими партиями, продолжало оставаться таким и во время войны. В таких условиях, конечно, «война не может быть действенной стратегией национальной модернизации»⁸². А потому неудача «мобилизации интеллекта» служит лишь одной из иллюстраций неудачи процесса модернизации российского общества в целом.

дой крайнего Востока и что свет христианской Европы будет угасать. А это ныне угрожает нам» (Бердяев Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. Репринт издания 1918 г. М., 1990. С. III).

⁸¹ Сергеев С.М. Русский национализм и войны императорской России // Вопросы национализма. 2013. № 14. С. 52.

⁸² Там же. С. 59.

Андрей Тесля

Народнический национализм Михаила Драгоманова (1860-е – 1-я пол. 1880-х гг.)

Несмотря на огромную по своей значимости роль в истории украинского национального движения, Михаил Петрович Драгоманов (1841–1895) плохо укладывается в «типичный» образ националиста (иное дело, что можно поставить вопрос, насколько сам этот типичный образ характерен для национальных движений, особенно на ранних их стадиях). Драгоманов был далек от превознесения «украинского народа», не отдавал приоритета национальным задачам перед иными, в первую очередь социальными, будучи историком, сторонился попыток «удревнения» национальной истории — что особенно любопытно применительно к его времени, когда подобная стратегия «глорификации» являлась едва ли не универсальной, а аргументы от «исторической древности» и «былой славы» служили компенсацией нынешнему, далекому от желаемого, положению нации.

Статус его в истории украинского национализма неоднократно пересматривался — от превознесения до полагания его главным виновником поражения «национальной революции»¹: сама на-

пряженность отношения и разброс оценок демонстрируют долговременную важность его фигуры. Однако значение Драгоманова выходит далеко за пределы истории украинского национализма: он играл заметную роль в истории российского революционного движения² и, без преувеличения, одну из наиболее важных в истории российского либерализма 1870–1890-х гг. Показательно, что «Освобождение» (1902–1904), зарубежный орган русских конституционалистов, руководимый П.Б. Струве, ставший ядром, вокруг которого образовалась группа, в ходе 1-й русской революции оформившаяся в Партию конституционных демократов, приняло издание собрания политических сочинений Драгоманова, закономерно рассматривая его как одного из своих интеллектуальных предшествен-

результат событий 1917–1921 гг. сторонники «интегрального национализма». См., напр.: Мухин М. Драгоманов без маски. Львів, 1934.

² Драгоманов дистанцировался от революционного движения, но был с ним связан множеством отношений. В числе прочего через Драгоманова «Священная Дружина» устанавливала контакт с представителями «Народной воли» за рубежом, а в 1880 г. он вместе с С. Подолинским предпринял издание «Периодической Громады», эмигрантского издания весьма «левого» толка (это была максимальная точка его полеведения — не столько изменение взглядов, сколько уступка времени, преобладающим настроениям).

Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ №МК-2579.2013.6. Тема: «Социальная и политическая философия поздних славянофилов: между либерализмом и консерватизмом».

¹ Именно на Драгоманова возлагали интеллектуальную ответственность за плачевный

ников и теоретика, работы которого сохраняют свою актуальность³. Значимо здесь то, что эти и многие другие ипо-

³ Основная работа над изданием легла на Б.А. Кистяковского, видного российского философа права и социолога, бывшего одновременно деятелем украинского движения (в молодые годы лично знакомого с Драгомановым, переписывавшегося с ним, лидера киевского драгомановского студенческого кружка; см., напр., любопытные мемуары одного из участников 1-го (Минского) съезда РСДРП 1898 г., где обрисована интеллектуальная ситуация в студенческих киевских кружках 1890-х гг.: *Тучапский П.А.* Из пережитого. Девяностые годы. Одесса: Гос. изд-во Украины, 1923). На титульном листе парижского двухтомника (1905–1906) было помечено: «Печатается по инициативе и на средства украинцев-демократов».

В 1908 г. было предпринято уже внутри-российское издание собрания политических сочинений Драгоманова (под редакцией И.М. Гревса и Б.А. Кистяковского), остановившееся на 1-м томе.

Б.А. Кистяковский и в дальнейшем играл заметную роль в дебатах, связанных с памятью о Драгоманове, — выход в свет известной работы В. Богучарского («Активное народничество...») побудил его написать развернутые замечания, в центре которых находится оспаривание фактов и оценок деятельности Драгоманова в начале 1880-х гг., в первую очередь в связи с изданием «Вольного слова» (финансировавшегося «Священной Дружиной»), а именно — стремление Кистяковского доказать относительную силу и состоятельность либерального движения этого времени, а с другой стороны — невозможность свести публицистическую деятельность Драгоманова этого периода к границам «полицейской провокации» (см.: *Кистяковский Б.А.* Страницы прошлого. К истории конституционного движения в России. М.: Тип. П.П. Рябушинского, 1912; ср. крайне критические выпады в адрес работы Кистяковского у М.К. Лемке: *Святая дружина Александра III.* СПб.: Лики России, 2012 — по именованному указателю).

стасти Драгоманова⁴ соединены не биографически, а доктринально — это не «разные стороны его жизни», но части его программы, которую он стремился последовательно реализовывать.

Крупнейший консервативный украинский политический мыслитель В. Липинский писал: «...есть в истории не один, а несколько Драгомановых <...>. Наибольшим несчастьем Драгоманова была его деклассированность и радикализм. Он, под влиянием российской школы, загубил те моральные и политические устои, которые были в его семье, в его доме, а потом сам для себя всю жизнь таких устоев искал, каждый час их меняя и каждый час будучи в этих исканиях радикалом, доводя большинство своих идей до абсурду. Но почему за эти черты — черты общие почти со всею т.н. сознательной украинской интеллигенцией — следует бить только одного Драгоманова, который кроме них имел еще и то, чего было лишено большинство украинской интеллигенции: большую эрудицию, науку, сильную волю и большой честный характер?»⁵

⁴ Он выступал как собиратель и публикатор народных украинских политических песен, обозреватель культурной (в первую очередь литературной) жизни в Юго-Западном крае Российской империи, в Галиции и Закарпатье, знакомя с нею не только русскую и украинскую публику, но и западных читателей (публикуясь, например, в известных французских и итальянских изданиях, вводя западных читателей в круг местных дел и споров, доводя до них точку зрения свою и своего круга — и через это, «возвратным» образом, добываясь ее большего веса во внутрироссийских, например, дебатах).

⁵ Письмо к О. Назаруку от 15 апреля 1926 г. // Цит. по: *Лисяк-Рудницький І.* Назарук і Липинський: історія хньої дружби та конфлікту // *Липинський В.* Архив. Т. 7: Листи Осипа Назарука до Вячеслава Липинського / Ред. І. Лисяк-Рудницький. Філадельфія (РА), 1976. С. XLVII–XLVIII. (Здесь и далее перевод с укр. выполнен нами.)

В данном отзыве важны для нас два момента: во-первых, это стремление утвердить множественность «Драгомановых», что давало бы возможность выборочно работать с его теоретическим наследием — Липинский, в отличие от своего корреспондента О. Назарука, не был готов отбрасывать символический капитал Драгоманова. Во-вторых, Липинский утверждает принадлежность Драгоманова к традиции русской интеллигенции, размещая его в ряду тех, кого привычно именуют «разночинцами» — и если само мировоззрение разночинцев 1860–70-х гг. можно считать внутренне противоречивым (как утверждает Липинский), то во всяком случае оно образует вполне отчетливую систему взглядов в практическом отношении, если не восходить к основаниям. Фундаментальные противоречия здесь выступают источником напряжения, которое разрешается в программах, стратегических определениях политического действия — не отменяясь интеллектуально, но либо снимаясь на следующем этапе, утрачивая актуальность, либо становясь «ключевым вопросом» этого, нового этапа: то, что теоретически выступает как конфликт принципов, ситуативно разрешается, например, через очередность, приоритетность задач и границы компромиссов.

* * *

Биография Драгоманова достаточно характерна для «второго поколения» «украинофилов»: выходец из вполне обруселой мелкодворянской семьи, происходящей от козацкой старшины, он вплоть до 1861 г. не проявляет никаких украинофильских симпатий — напротив, в глазах окружающих он скорее противник «местных чувств и увлечений», его характеризуют как «космополита», и сам он не только соглашается с данной характеристикой, но и гордится ею⁶. Двумя важнейшими

событиями этих лет станут похороны Тараса Шевченко (1861), на которых, к удивлению окружающих, Драгоманов произнесет краткую, но очень эмоциональную речь, — и польское восстание 1863 г. В написанном двадцать лет спустя автобиографическом тексте Драгоманов отметит: «Польское движение имело большое влияние на мое политическое воспитание. Рожденный на левом берегу Днепра, я не имел наглядного понятия о поляках и сочувствовал им, как жертвам русского деспотизма <...>. Приехав на правый берег Днепра, в Киев, я увидел, что поляки здесь — аристократия, а не народ, и был поражен тем, что даже студенты поляки бьют своих слуг и ходят в костелы, где усердно стоят на коленях (мы, студенты “русские”, или “православные”, все были горячие демократы, а в религии — атеисты). Вместе с тем мне бросилась в глаза нетерпимость поляков относительно русских и в особенности малороссов, или украинцев. <...>

Между тем польское восстание приближалось к Киеву. Поляки, даже демократы, серьезно доказывали, что имеют право на З[ападную] Украину, потому что в ней дворянство, или, как тогда стали говорить, “интеллигенция”, — польское. Реакция этим польским стремлениям давала силу среди киевской “православной” молодежи украинцам. Кредит “космополитов” падал по мере того, как становилось известным, что составленные столичные кружки безусловно становились на сторону поляков. Видя ошибки “космополитов” и не разделяя многого в стремлениях украинцев, я стал охладевать к “политике” студенческих кружков...»⁷.

дах обучения в Университете св. Владимира: «Меня и некоторых других <...> украинцы бранили космополитами — слово, которое мы принимали за похвалу» (Драгоманов М.П. Литературно-публицистичні праці у 2 т. Т. 1. Київ, 1973. С. 44).

⁷ Драгоманов М.П. Автобиографическая заметка (1883). С. 43, 44.

⁶ В «Автобиографической заметке», написанной в 1883 г., он будет вспоминать о го-

Данный фрагмент предельно выразителен раскрытием интеллектуальной и политической динамики Драгоманова — он, разделяющий общий «радикальный» студенческий дух эпохи (к почитаемым им литературным авторитетам относились вполне предсказуемо Чернышевский, Добролюбов и Писарев), дистанцируется от московских и питерских авторитетов постольку, поскольку именно принимаемые принципы формирующегося «народничества» ведут его к выводам, отличным от принятых в столичных кружках. Общий пафос «освободительного движения», побуждающий в центре симпатизировать польским революционерам, в Киеве ведет к противоположным выводам — а «украинофильские» симпатии выступают местной формой «народничества». Примечательно, что и «Валуевский циркуляр» 1863 г., резко ограничивший возможность изданий на украинском языке, по крайней мере отчасти вызван опасениями противоправительственной пропаганды среди крестьянства на понятном ему языке; аналогичными будут и мотивы административной ссылки одного из видных деятелей «Громады», Павла Чубинского, в Архангельскую губернию⁸. Драгоманов, который в эти годы включится — на антипольской волне — в деятельность местных школ, непосредственно не подпадет под карательные меры, однако запрещение со стороны правительства этих начинаний станет (как и для ряда других современников) существенным фактором радикализации и национализации их позиции. Если первоначальный мотив имел «народнический» и антипольский характер, то сама идентификация себя с «народом» в противостоянии правительству способствовала дифференциации данной идентичности от «общерусской».

⁸ См.: Савченко Ф. Заборона українства 1876 р. Харків, Київ: Державне видавництво України, 1930. С. 183–190.

Разумеется, было бы ошибочно «спрямлять» процесс — характерно, что как и для многих других деятелей «украинофильского» движения, 2-я половина 60-х гг. проходит для Драгоманова вдали от политических интересов: он делает академическую карьеру, в 1864 г. становится приват-доцентом, а в 1873 — избирается штатным доцентом Университета св. Владимира, входя в круг В.Б. Антоновича и находясь в это время под его преобладающим интеллектуальным влиянием. С начала 1870-х деятельность «украинофилов» резко активизируется — этому в особенности способствует открытие в 1873 г. Юго-Западного отдела Русского географического общества, инициированное в числе прочих видными борцами с сепаратизмом⁹ М.В. Юзефовичем и В.Я. Шульгиным¹⁰ и активно поддержанное киевским генерал-губернатором Дондуковым-Корсаковым (первым председателем отдела был избран Г.П. Галаган, обладатель солидного состояния, участник редакционных комиссий, близкий к славянофилам). Несмотря на наличие подобных деятелей среди инициаторов и организаторов отдела, его работа оказалась вскоре всецело в руках членов «Громады», наиболее активными и влиятельными членами были В.Б. Антонович, М.П. Драгоманов, П.П. Чубинский. В конце 1874 г. Драгоманов становится фактическим редактором «Киевского телеграфа» — небольшой местной газеты, влачившей до этого времени жалкое существование. Обновленная редакция (в нее войдут все основные украинофильские члены отдела РГО) за неполные десять месяцев своего существования поведет активную борьбу с «Киевлянином»

⁹ В первую очередь — с польской угрозой: украинофильское движение интерпретировалось ими как плод польского влияния, производное от него.

¹⁰ Издателем и редактором газеты «Киевлянин», отцом В.В. Шульгина.

В.Я. Шульгина и кругом этого издания¹¹.

Отметим, что на тот момент деятели «Громады» ощущали себя силой — и еще в большей степени представляли таковыми в глазах окружающих. Показательно, что владелица «Киевского телеграфа» Е.И. Гогоцкая была совершенно равнодушна к взглядам кружка — и приглашение Драгоманова в редакцию объяснялось желанием привлечь подписчиков к изданию¹². Отдел

¹¹ Отметим, что еще ранее Драгоманов заработал себе репутацию уважаемого публициста, в первую очередь серьезными статьями в «Вестнике Европы», посвященными национальному вопросу. Там же появилась его большая статья, по существу впервые знакомившая отечественную публику с галицийской литературой.

¹² См. в дневнике А.Ф. Кистяковского, профессора юридического факультета университета св. Владимира (человека хорошо информированного, члена редакции «Основы» в начале 1860-х гг., к середине 1870-х уже весьма далекого от украинофильских взглядов, но близкого к этому кругу — в том числе и потому, что его жена была родной сестрой жены В.Б. Антоновича): «Иконников сообщил о сцене, происшедшей в попечительском совете. Докладывалось дело о какой-то грамматике русского языка, в которой разбираются формы и малороссийского языка. Постановлено было о сем обстоятельстве предоставить на разрешение ученого комитета. Причем Гогоцкий заметил, что подобные затеи следует преследовать. На это кто-то заметил, что он говорит здесь так, а в «Киевском телеграфе», издаваемом его женой, скажут об этой грамматике иначе. Тогда он стал отрешиваться от солидарности с этой газетой. Бунге ему заметил, что, давши свое имя, он не может так говорить. Это окончательного его взорвало — и он пустился в нападки нынешней редакции «Киевского телеграфа», говорил, что там завелась партия, которая ведет сношения с границею, что там верховодит жид (Беренштам), что бедная жена его в убытках, что он будет писать против. Видно, брак по расчету ладу не дал. Гогоцкие ду-

развернул активную работу на всем пространстве Юго-Западного края, развивая сеть корреспондентов, проектируя открытие музея и т.д. — фактически он и связанные с ним кружки образовывали аналог хорошо известных по западно- и южно-славянским движениям «матиц». Подобная активность и заметность в публичном пространстве оказалась одной из причин внешне крайне жесткой реакции — Эмского указа (1876), которому предшествовали и его сопровождали увольнение из университета М.П. Драгоманова (вместе с ним, в знак протеста, ушел профессор политической экономии Н.И. Зибер, известный как первый переводчик и популяризатор К. Маркса в России), высылка из Киева П.П. Чубинского и П.А. Косача¹³.

мали руками украинофилов загребать капиталы. А между тем подписка скудная, а гонорары подавай» (*Кистяківський О.Ф.* Щоденник: 1874–1885: У 2 т. Т. 1: 1874–1879 / Упоряд. В.С. Шандра. Київ: Наукова думка, 1994. С. 53, запись от 1 апреля 1875). На следующий день А.Ф. Кистяковский записал: «Перед обедом пришел Демченко. Разговор шел о Гогоцких, как издателей «Киевлянина» (описки, речь идет о «Киевском телеграфе». — А.Т.). По его наблюдениям также выходит, что у Гогоцких произошла реакция. Обманутые в своих надеждах загребать капиталы руками украинофилов, они свои недовольство прикрывают некоторыми идеями» (Там же. С. 54, запись от 2 апреля 1875). Стремлению избавиться от подозрений в связях с украинофилами можно, видимо, приписать появление в «Русском Вестнике» в июне 1875 г. статьи С.С. Гогоцкого «Еще несколько слов об украинофилах» (Русский Вестник. 1875. Т. СХVII (июнь). С. 787–798), являющейся откликом на публикацию: *Z.* Современное украинофильство // Русский Вестник. 1875. Т. СХV (февраль). С. 818–848 (ее вероятным автором был Н.А. Ригельман. — см.: *Савченко Ф.* Указ. соч. С. 134–137).

¹³ Особенное внимание к П.А. Косачу было связано с тем обстоятельством, что он был женат на сестре Драгоманова, Ольге Пе-

Собственно, с этого момента начинается основная деятельность Драгоманова, та, благодаря которой он вошел в историю. Уволенный из университета, он принимает предложение «Громады» стать ее представителем за границей — на тот момент «Громада» располагала капиталом в 12 000 руб. и назначила Драгоманову ежегодное содержание в размере 1200 руб., и 1500 руб. было определено на издание задуманного одноименного украинского «непериодического журнала». По отъезде из России Драгоманов первоначально намеревался обосноваться в Вене (проездом через Галицию он познакомился, в частности, с И. Франко: эта встреча произвела на последнего глубокое впечатление, определив эволюцию его взглядов в ближайшие годы¹⁴), однако вскоре по его приезде начался процесс по делу Подолинского и Терлецкого, издававших брошюры, адресованные крестьянству, ставший первым социалистическим процессом в Австро-Венгрии, — и Драгоманову стало понятно, что наладить планируемую им деятельность в Вене не выйдет; результатом стало решение переехать в Женеву, выбрав ее центром своей деятельности. Это послужило, с одной стороны, усложнению и ограничению его связей как с российским, так и галицийским украинскими движениями, но с другой — привело его в центр международного революционного движения. Сам он был этим скорее недоволен — положение Драгоманова в Женеве хорошо характеризует его

тровне, известной в украинской литературе под псевдонимом Олены Пчілки — через них Драгоманов после отъезда за границу в первую очередь поддерживал контакты с Киевом. Большую известность в последующем получила их дочь (и племянница М.П. Драгоманова) Леся Українка.

¹⁴ См.: *Грицак Я.* Пророк в своїй вітчизні. Фрако та його спільнота (1856–1886). Київ: Критика, 2006. С. 162–174, 230–238.

фактически единственный русский биограф¹⁵ Д. Заславский:

«Эмигрантская публика относилась с уважением к Драгоманову и несколько побаивалась его. Он был свой и не свой, — слишком ученый, слишком профессор и слишком, — на языке нашего времени, — “буржуй” для радикальной молодежи. Драгоманов не сторонился от эмиграции, но был в ней отдельный, особый. Ему не трудно было бы стать главарем кружка и создать свою партию, — партию драгомановцев, как были лавристы, бакунисты, чайковцы. Но он не умел и не хотел создавать кружков вокруг своей личности. И поэтому между ним и, пестрой по составу, русской эмиграцией всегда оставалось некоторое пространство. Когда разногласия обострились и Драгоманов резко разошелся с руководителями влиятельных кружков, это пространство превратилось в пустоту. Его был окружен Драгоманов в последние годы женевского периода своей жизни»¹⁶.

Однако именно Женева позволила ему в полной мере развернуться как политическому мыслителю, отодвинув на второй план издательский проект «Громады» (к нему он вернулся только в 1878 г.): разворачивающийся балканский кризис, а затем русско-турецкая война 1877–1878 гг., последовавшая за ней дестабилизация режима в Российской империи, надолго, вплоть до

¹⁵ Если не считать Б.А. Кистяковского, предпославшего 2-му парижскому тому «Политических сочинений» объемную статью о Драгоманове, содержащую в том числе и биографические сведения, заимствованные преимущественно из «Автобиографической заметки» и «Добавления...» к ним. Статья была переиздана в 1-м томе российского издания (1908), на сей раз подписанная именем автора (в парижском издании были проставлены только инициалы).

¹⁶ *Заславский Д.* М.П. Драгоманов: критико-биографический очерк. Киев: Изд-во «СОРАБКОП», 1924. С. 85.

1883 г., сделав актуальными вопросы переустройства государства — все это побудило Драгоманова поместить украинское национальное движение в широкую перспективу, к чему он был склонен уже в публикациях «Вестника Европы» 1-й пол. 1870-х. В публикациях женева периода он сформулировал целостную программу национального движения, связанную с общим политическим видением¹⁷ — ему удалось не только связать воедино национальное движение в Галиции с надднепрянскими украинофилами, но и создать коммуникацию между всеми частями проектируемого им национального движения: возникло, пусть для очень небольшого, но реального (т.е. знающего друг друга, взаимодействующего между собой) круга людей «воображаемое сообщество Украина», при этом данную общность он оказался способен вписать не столько даже в текущий, сколько в перспективный политический контекст.

Свой государственный идеал он обозначал как «анархистский», прямо отсылая к Прудону, однако данная им политическая интерпретация этого идеала оказывалась весьма далека от того, что привычно связывалось с понятием «анархизма», отсылая скорее к либеральным теориям «минимального государства»: «своя воля каждому и свободное общество и товарищество людей и товариществ»¹⁸, уточняя:

¹⁷ О двух основных направлениях своей публицистической деятельности Драгоманов писал: «...я установил себе такое разделение литературной работы: 1) писать по-украински все, имеющее непосредственное отношение к Украине и к распространению в ней социальных идей; 2) писать по-русски разные вещи политически-либерального и федерального характера, следя за всеми событиями, которые волнуют публику в России» (*Драгоманов М.П.* Автобиографическая заметка (1883)... С. 65).

¹⁸ Цит. по: *Лисяк-Рудницький І.* Историчні есе: В 2 т. Т. 1 / Відповід. ред. Ф. Сисин; упо-

«Прудон ставил синонимом для слова “анархия” английское слово self-government. В практике ее применения теория анархии вела к федерализму»¹⁹.

Принципиальное отличие его от народничества в разных его изводах состояло в постулировании принципиальной ценности политической свободы, которая выступала и ценностью сама по себе, и неперемным средством достижения (и, что важнее, — удержания) иных целей. В этом отношении Драгоманов был, в отличие от многих современников, безразличен к выбору монархической или республиканской формы правления — куда более существенным ему представлялся вопрос о наличии гарантий свободы при данном правлении. В 1889 г. он, напр., писал: «Мы, конечно, не ставили в число требований наших республиканской формы государства, так как вопрос о форме этой не ставится жизнью во многих, и более развитых, чем Россия, странах и вообще есть дело второстепенное по сравнению с существенными политическими правами: лиц и самоуправления, по части которых в иных отношениях некоторые современные монархии, напр., английская или бельгийская, дают больше простора и гарантий, чем, напр., республика французская»²⁰. Данная цитата показательна и в том отношении, что для Драгоманова речь идет не столько о «свободе нации» и «свободе государства», сколько о «свободе лица»: в этом плане французская республика, осуществляющая централизованное (и централизаторское) правление, не менее (если не более) деспотична, чем какая-нибудь «рыхлая» абсолютная

рядник Я. Грицак; переклади У. Гавришків и Я. Грицака. Київ: Основи, 1994. С. 301.

¹⁹ *Драгоманов М.П.* Собрание политических сочинений. Т. 1. Париж, 1905. С. 124.

²⁰ *Драгоманов М.П.* К вопросу о национальностях в России (1889) // Собрание политических сочинений. Т. 2. Париж, 1906. С. 864–865.

монархия, где власть государя ограничивается местными привилегиями и множеством провинциальных особенностей. Размышляя о ситуации с позиции представителя народа, в любом случае являющегося относительным меньшинством — что в Российской империи, что в Австро-Венгрии, Драгоманов оказывается чувствителен к проблеме прав меньшинств, особенно остро чувствуя следствия догмата «народного суверенитета» и «воли народа»²¹.

²¹ Девятью годами ранее, когда активно обсуждалась возможность созыва Земского собора, Драгоманов писал: «...люди, сознающие себя украинцами, каких бы философских, политических и социальных мыслей они ни были, одинаково заинтересованы в *устранении в России административного произвола, или иначе — в установлении политической свободы. Говорим политической свободы, а не конституционного образа правления*, потому что это не одно и то же: политическая свобода — это значит, прежде всего, *свобода лица*, его веры, равно как и неверия, его национальной жизни, его слова, его группирования с другими, а самодержавный парламент, известным образом составленный, может всего это и не дать, как и самодержавный государь, и даже по большей части не дает, особенно в централизованных государствах. **В частности относительно России мы почти вполне уверены, что Земский Собор Империи сохранит преобладание великорусской народности и интересов центральных московских провинций над всеми другими, особенно в вопросах школьных и экономических** (выд. нами. — А.Т.). А потому для нас, как для украинцев, также интересно ограничение власти и центрального земского собора провозглашением неприкосновенности *личных прав* (в число которых входят и национальные) и организацией *местного самоуправления*: общинного, уездного, губернского, областного, как и ограничение произвола царского. И так как только при этих двух условиях и возможна какая-либо действительная политическая свобода, то мы надеемся, что, по крайней мере, известная часть друзей свободы и

Подобная же перспектива делает для него зримой еврейский вопрос вне обычных для его времени рамок рассуждения — если защитники прав евреев чаще всего рассуждали в логике «равноправия» и/или «ассимиляции» (при этом последний тип аргументации легко переключался в противоположном направлении, а именно, когда в равноправии отказывали в силу неассимилированности — принципиальной неспособности к ассимиляции или на текущий момент, тем самым перенося решение вопроса на отдаленную перспективу), то для Драгоманова «ассимиляторская» позиция отбрасывается в силу ее неприменимости к ситуации Российской империи, имеющей дело с куда большим еврейским населением, чем Франция или Германия в момент принятия решения о гражданском равноправии. Проблема, однако, разумеется не в численности самой по себе — Драгоманов отмечает, что евреи являются одновременно «и нацией, и религией, и сословием»: так, например, поскольку на Украине они

среди великоруссов, **особенно из окраинных губерний** (выд. нами. — А.Т.), поддержат эти требования неприкосновенных личных прав и широкой местной свободы, без которых для невеликорусских народностей и в конституционной России жизнь останется почти так же невыносима, как невыносима она и в России царского самодержавия. Само собою разумеется, что к так постановленному вопросу о политической свободе в России должны отнестись с сочувствием и поддержкою все люди не славянских “окраин” ее: литовцы, латыши, эсты, румыны, кавказцы, а также славяне-поляки, которые до сих пор считали более согласно с своими интересами программу не федерализма, а сепаратизма, при своего рода централизме, и даже финляндцы, которых местная жизнь всегда будет менее стесняема федеральною, чем централизованною Россией» (Драгоманов М.П. Письмо В.Г. Белинского к Н.В. Гоголю (Предисловие). (1880) // Собрание политических сочинений. Т. 2. Париж, 1906. С. 248–249).

образуют фактически подавляющее большинство торговцев и мелких ремесленников, то равноправие само по себе не приведет к «ассимиляции», поскольку нет других групп, среди которых еврейские ремесленники могли бы ассимилироваться²². Вопрос нельзя свести к гражданскому равенству, поскольку основным остается проблема осуществления этих прав.

Отсюда, из подобного способа постановки вопросов, в числе прочего вытекает своеобразный «социализм» Драгоманова. Последний никоим образом не был экономистом, его знание экономических проблем было довольно поверхностным (да, собственно, на компетентность в данного рода вопросах он никогда и не претендовал) — его социализм носил, как отмечает И. Лисяк-Рудницкий, «этический» характер, а именно требование социальной справедливости, невозможность ограничиться одним только формальным уровнем прав: право, чтобы быть реальным, должно быть возможно, осуществимо — в противном случае оно не имеет никакой ценности.

* * *

Не вдаваясь в детали понимания «драгомановского социализма», остановимся на моменте, имеющем принципиальную значимость с точки зрения национализма. Драгоманов неоднократно подчеркивал, что украинцы являются (вместе, например, с литовцами и латышами) «плебейской» нацией — понятие, для которого в дальнейшем Д.И. Чижевский и И. Лисяк-Рудницкий использовали термин «неполная» нация²³, т.е. нация,

не имеющая полной социальной структуры, в которой отсутствуют (если говорить, напр., языком классового анализа) отдельные классы (разумеется, чаще всего встречающийся вариант — отсутствие высших классов, которые принадлежат к другой нации и вхождение в которые предполагает ассимиляцию). В силу этого, поскольку фактически создаваемая украинская нация оказывалась едва ли не тождественной крестьянству, то национализм здесь в понимании Драгоманова оказывался тождественным социализму, народнической программе — с той разницей, что путь к решению социально-экономических задач крестьянства мыслился соединенным с национальным — национальное движение выступало как способ решения этих задач и, одновременно, могло оказаться состоятельным лишь в той мере, в какой оказывалось способным их решить²⁴.

Если в определении национальности Драгоманов полагался на «этнографический» критерий, обходя порождаемые им двусмысленности, то на практике его видение возможностей решения национального вопроса приближалось к разработанному позднее принципу «персональной культурной автономии». Государство не выступало необходимой формой существования нации — собственно, в условиях Восточной Европы подобный ход размышления оказывался наиболее продуктивным (и, как представлялось на тот момент, наиболее вероятным — если учитывать опыт Австро-Венгрии): любой вариант создания что национальной автономии в рамках импер-

²² См. подробнее: *Лисяк-Рудницкий И.* Историчні есе: В 2 т. Т. 1. С. 375–404.

²³ И. Лисяк-Рудницкий тем вызвал резкий выпад в свой (и уже покойного к тому времени Д.И. Чижевского) адрес со стороны Г. Грабовича, заявившего, что «подразделение наций на высшие и низшие, исторические и неисторические, полные и неполные относит-

ся не к научной сфере, а, так сказать, к политической пропаганде» (*Грабович Г.* До історії української літератури: Дослідження, есеї, полеміка. Київ: Критика, 2003. С. 484).

²⁴ См.: *Скельчик С.* Українофіли. Світ українських патріотів другої половини XIX століття. Київ: КІС, 2010. С. 110–111, 114–115.

ского целого, что попытки создать независимое государство означал автоматически, что в рамках этого нового политического целого будут существовать значительные меньшинства (при этом зачастую занимающие более высокие социально-культурные и/или экономические позиции). В силу этого федеральный принцип, отстаиваемый Драгомановым, предполагал образование территориальных округов, а не этнических/национальных «штатов»: так, территория Российской империи, относимая им к населенной украинцами, подразделялась гипотетически на три области, выделенные исходя из географических и экономических соображений. В равной степени он настаивал на «необходимости выработать широкую федеральную программу, независимую ни от каких «исторических» преданий и государственных претензий»²⁵: понятно, что к такого рода решению его подталкивал «польский вопрос», однако принципиально важен был заявленный отказ от «генетической логики» и обоснованию через историю, которая оказывалась формой самосознания нации, самоидентификации себя во времени, но не имеющей прямого выхода в политическое — последнее отстаивалось в своей самостоятельности, и характерно, что Драгоманов последовательно избегал апелляций к историческому прошлому как политическому аргументу.

В отношении федерализации Драгоманов подчеркивал, что «политическая и социальная оппозиция могла бы скорее всего найти себе сочувствие в тех населенных России, которые не принадлежат к государственной национальности, и потому терпят двойной, а иногда тройной гнет от теперешних порядков. Надо только умеючи взяться за дело агитации среди таких населений, — чего, к сожалению, и недо-

стает в теперешнее время»²⁶. По мере того как развиваются его взгляды, на задний план уходят идеи «славянской взаимности», еще актуальные во 2-й пол. 1870-х гг. — постепенно исчезает апелляция к «славянству», к федеративности славянских народов, вытесняясь географическими понятиями. Так, в статье 1881 г. Драгоманов пишет: «Не предрешая всех подробностей, мы думаем, что и теперь можно угадать в общих чертах те естественные области, на которые разделяются страны В[осточной] Европы. Это будут области: А) *Русские* или *великорусские*: северные, озерные, верхневолжские, нижневолжские, Покамье, Приуралье, уральско-козацкие, окские, степные. В) *Балтийские*: эстонская и латышская с колониями немецкими. С) *Литовские*. Д) *Польские* в трех частях вислянского бассейна, в России, Австрии и Пруссии. Е) *Белорусские*. Ф) *Украинские* (карпатская, полесская правобережная, левобочная, степная, слободская и козацкие). Г) *Румынские* (бессарабская, дунайская, трансильванская и буковинская). Н) *Кавказские*»²⁷. Характерно здесь, во-первых, принципиальное дистанцирование от «славянской идеи»; во-вторых, Украина наибольшим образом отделена от России самим способом перечисления; в-третьих, соединение территориального и национального принципов классификации (особенно характерного в случае «кавказских областей», проходящих едва ли не на уровне «прочие»).

При изложении федерального принципа проявляется внутреннее напряжение — поскольку он не только предполагает положение в основу национального элемента, но и сама «федерация» оказывается лишь движени-

²⁶ Там же. С. 356.

²⁷ Драгоманов М.П. Естественные области и пропаганда социализма на плебейских языках Восточной Европы (1881)// Собрание политических сочинений. Т. 2. Париж, 1906. С. 336.

²⁵ Драгоманов М.П. Историческая Польша и великорусская демократия. Женева, 1883. С. 105–106.

ем к отделению: «Что <...> касается до России, то уже по одной величине ее, централизованное всероссийское “народное государство” (Volksstaat) было бы такой же нелепостью, какою была, есть и будет централизованная российская монархия, самодержавная или парламентская. При малейшей же уступке началу местной свободы даже великорусские окраины России оттянутся от центра, а *не-великорусские населения запада и юга тотчас почувствуют, что их нравственные и экономические интересы в массе случаев гораздо больше влекут их к их соплеменникам, находящимся вне России, чем к нынешнему государству и его населению* (курсив наш. — А.Т.). Всякой несвоекорыстной и дальновидной политической и социальной партии в России гораздо лучше наперед иметь в виду это неизбежное центроудалительное движение в населении этого государства и сообразоваться с ним, чем не признавать его или даже противиться ему»²⁸. Иными словами, федерализация — это способ смягчить проблемы, которые в любом случае встанут перед империей, создать дополнительные интересы для групп, пребывающих в рамках империи, хранить ей лояльность, заменяя прежние, постепенно выходящие инструменты поддержания лояльности (такие как региональные привилегии — напр., для остзейского дворянства и бюргеров).

Парадоксальным образом взгляды Драгоманова были и более радикальными, и более умеренными чем у ведущих членов «Старой Громады» в 1880-е гг.:

— более радикальными, так как он ставил прямо вопросы политической борьбы, превращая движение в политическое, сформулировав первую украинскую политическую программу;

— более умеренными — по той же самой причине, поскольку он ставил вопросы в политической плоскости, исходя из того, что считал реально

достижимым в обозримой перспективе, обсуждал, что может быть целями движения как общественного и политического — не утопические задачи, а те, по поводу которых возможны переговоры: он стремился превратить украинское национальное движение в политическую силу — в субъекта, с которым имеет смысл договариваться (и, следовательно, который способен предложить нечто взамен).

Если «Старая Громада», после 1882 г. получив свое легальное выражение в виде редакции «Киевской старины»²⁹, ограничивалась «культурничеством», старательно избегая любых политических жестов, то ее настроения носили куда более «анти-русский» характер. Так, в письме к Антоновичу от 10 сентября 1885 г. Драгоманов вынужден защищать свою позицию (в том числе и от упреков в «русофильстве»), отстаивая надежду на федерализацию Российской империи, ее демократическое переустройство — а не на отделение и образование некоей «юго-западно-славянской федерации»:

«Я бы сам предпочитал федерацию юго-западную северо-восточной. Но что ж делать, если первая провалилась уже в 1569 г., если не раньше? Вы теперь нигде во всем зап[адном] славянстве не найдете федерализма: даже сербы и хорваты относятся друг к другу хуже, чем москали и хохлы. <...> Наши дела мы должны устраивать на почве реальных интересов, а на сей почве пока нет славянства, а есть кусок Польши — Галиция (о Буков[ине] и Венг[ерской] Р[уси] я пока не говорю, ибо, как оказалось, это не самостоятельные элементы, а прихвостни, по кр[айней] м[ере], теперь) да Россия.

²⁹ Статус данного учреждения был довольно специфический, фактически в нем признавалась легальная форма «Громады»: так, после смерти В.Г. Шевченко (1892) она получила юридическое право попечительства над могилой Т.Г. Шевченко (*Єкельчик С. Українофіли... С. 66–67*).

Вот тут и будем или федерироваться, или сепарироваться. Я бы сейчас за сепаратизм, так ведь... остается федерализм. И так как линия от Перемышля до Волочиска во много раз короче линии от Волочиска до Ставрополя, и так как я не вижу нигде силы, которая бы смогла втиснуть эту последнюю линию ни в Австрию, ни в Польшу, то я за федерализм российский. Трудно его получить, да ведь на свете все трудно! Но я не могу отчаиваться, между прочим и потому, что немало встречал и кацапов, которые сего хотят»³⁰.

³⁰ Архив Михайла Драгоманова. Т. I: Листування Київско Старо Громади з М. Драгомановим (1870–1895 рр.). Варшава: Вид-во УНИ, 1938. С. 32.

В некотором смысле именно реализм мешал ему всерьез обсуждать «сепаратистскую» программу: он рассуждал в рамках Центральной и Восточной Европы, контролируемой тремя большими империями, где места для сравнительно (с этими державами) небольшого национального государства не существовало — вопрос стоял, как формулировал сам Драгоманов, о том, как добиться независимости: путем федерализации или путем сепаратизма — здесь «федерализация» не противостоит «независимости», выступая одной из возможных форм ее реализации, и, на взгляд Драгоманова, наиболее возможной. Как писал Драгоманов еще в 1872 г. галицийскому руському Милитону Бучинскому, вопрос стоит так: «Или идти с *новою Россиею* в целом — как оно и *volens polens*, если она за нас, — или создавать *новую Украину*, но по новым идеям. — Я с первыми, — а вторым не мешаю, но против старины бьюсь везде» (Переписка Михайла Драгоманова з Мелітоном Бучинським 1871–1877 / Зладив М. Павлик. Львів: Вид-во НТШ, 1910. С. 169, письмо от 12 октября 1872 г., из Флоренции). Национализм выступал здесь как единственная дорога к модерну, а путь пролегал через политическое освобождение и федерализацию и России, и Австро-Венгрии.

В данном отношении Драгоманов был одним из первых, но в дальнейшем его позиция стала преобладающей: показательно, ка-

Собственно, ключевая разница состояла в том, что для членов «Старой Громады», например, авторитетнейшего историка В.Б. Антоновича, эти вопросы были скорее эмоциональными — радикальные решения, равно как накал национальных чувств, находивший выражение в проведении антропологической границы между «велико-» и «малороссами» с доказательством биологического превосходства последних, проповедуемый им в рамках университетского курса, не имели своих ограничителей в виде практической реализации или публичной полемики — отсюда склонность к радикальным утверждениям при крайней умеренности действий. Для Драгоманова же речь шла о реальной политике — и в этой перспективе каждый проект получал измерение с точки зрения осуществимости, а любые лозунги были значимы не только как эмоциональный выплеск или способ укрепить групповую солидарность, но и с точки зрения реакции на них других — как потенциальных союзников, так и потенциальных или реальных противников. Драгоманов тем и выделяется из круга современников в украинском движении, что постоянно имел перед своими глазами стопор в виде политической и социальной реальности. Выступая против национализма «Громады», понимаемого ею как самодостаточная позиция, он писал:

«Националисты ошибаются, коли думают, что публика сегодня может

кой большой путь пришлось в 1917 г. пройти М. Грушевскому, чтобы к весне 1918 г. встать на позицию украинской самостоятельности (см.: *Плохий С.* Великий переділ. Незвичайна історія Михайла Грушевського. Київ: Критика, 2011. С. 83–97) — чтобы данный вариант стал рассматриваться в числе реалистичных, должны были произойти столь невероятные в перспективе последней трети XIX в. события, как мировая война и приход к власти крайне левых радикалов.

жить национализмом, всегда думать про “свою хату” <...>. В жизни общественной человек чаще пан, или мужик, или либерал, или абсолютист, рационалист, или клерикал и т.д., а очень редко русин или полян, москаль. Вот и от литературы человек желает прежде всего научиться или хозяйству, или политике, или религии и т.д. — а потому уже удовлетворять свое национальное чувство, даже если оно в нем возбуждено, — и через это он будет читать охотно чужие издания, если они будут его научать тому, что ему интересно»³¹.

Высокий реализм его мышления — несмотря на доктринерство — обеспечил Драгоманову долговременное влияние на политическую мысль, в первую очередь украинскую, где его тезисы в качестве не до конца потерявших актуальность обсуждались еще в конце 1970-х гг.³². Доктринерство и не-

которые личные особенности характера³³ помешали ему стать политическим лидером — но в качестве теоретика и вдумчивого аналитика он оказался настолько необходимым политическим лидерам украинского национального движения, которое во многом было сформировано его усилиями.

українська політична програма: «Передне слово» до «Громади» Михайла Драгоманова // Історичні есе: В 2 т. Т. 1. С. 360–372.

³³ Близкий друг М.П. Драгоманова по Киеву, П.И. Житецкий писал ему 25 марта 1871 г.: «Хорошо было бы хоть издали казаться милым и послушным Мишей, а не человеком, о котором еще Устрялов сказал: ума дерзкого и проч. Но и это не в Вашей природе» [Архив... С. 102]. Хотя в данном случае речь об отношениях с начальством, конфликтами по иерархической линии дело не ограничивалось — мало с кем на протяжении своей жизни Драгоманов не разрывал отношений (впрочем, и разрывы эти редко — по крайней мере, с его стороны — были финальными).

³¹ Цит. по: Грицак Я. Указ. соч. С. 211.

³² См.: Лисяк-Рудницький І. Перша

«ВН» в соцсетях

Новости «Вопросов национализма» можно узнать на страницах социальных сетей, посвящённых журналу.

Facebook: facebook.com/vnatio; «В контакте»: vk.com/vnatio.

- Анонсы новых публикаций
- События журнальной жизни
- Оформление подписки
- Приобретение электронной версии
- Обсуждения и дискуссии

Андрей Марчуков

«Прочь от Москвы!»

«НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ» ИДЕОЛОГИИ УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В 1920-х гг.

Большевики сделали то, о чём мечтали адепты украинского проекта, но сами сделать оказались не в состоянии, — создали Украину (в широких границах) и начали создавать украинскую нацию. К середине 1920-х гг. процессы государственного и национального строительства Украины достигли такого уровня, что потребовали осмысления дальнейших путей своего развития в рамках советского государства. Характерно, что общественная дискуссия велась не «антисоветскими элементами», а представителями коммунистической или «социально близкой» интеллигенции и партийцами.

В это время появляется ряд идеологических концепций, посвященных положению украинской республики в СССР.

«Волобуевщина»

Михаилу Волобуеву суждено было стать одним из символов украинского национализма, а «волобуевщиной» стали обозначать национальный уклон в области экономики. Он не был этническим украинцем (настоящая фамилия Артёмов), и поэтому его путь

к «украинству» весьма показателен. С 1922 г. М. Волобуев работал в органах политпросвещения, был заместителем начальника губернского отдела политпросвета в Виннице. По воспоминаниям дочери, он «своей любви к Украине не скрывал. Любил одевать украинские вышивки, искренне увлекался красотой украинских песен, украинского языка»¹. Но это присущее многим великороссам увлечение послужило лишь почвой для развития идей, благодаря которым Волобуев вошёл в историю.

Работая на ниве политпросвещения, он сталкивался с людьми, состоявшими ранее в националистических партиях. Позднее он общался с А. Шумским, В. Яловым, Н. Хвылевым. Вращаясь в среде украинской интеллигенции, Волобуев воспринял её мировоззрение (что также наблюдалось за некоторыми великороссами). Уже после Великой Отечественной войны, обращаясь к генеральному прокурору СССР Р. Руденко, он объяснял это так: «...сталкиваясь и дискутируя с работниками российского Главполитпросвета в практических вопросах, болезненно воспринимая попытки трактовать украинскую культуру и украинский Наркомат просвещения как провинциальные, я постепенно пришёл к выводу о невозможности украинского

Статья выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований секции истории ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории», направление «Проблемы нацистроительства и национализма». Проект «Украина на перекрёстке идентичностей: формирование национальных общностей и нацистроительство (XIX — начало XX вв.)», 2012–2014 гг.

¹ Шаповал Ю. «Я помиаясь, взявши на себе провину». До 90-річчя М.С. Волобуєва-Артёмова // Архіви України. 1994. №1. С. 110.

культурного строительства в совместной работе с русскими»². Это почти дословно совпадает с тем, что говорили по поводу «официальной» украинизации украинские националисты.

И вот в 1928 г. редакция журнала «Большевик Украины» в двух номерах опубликовала большую статью Волобуева под названием «К проблеме украинской экономики». При этом оговаривалось, что статья носит дискуссионный характер. И «дискуссия», а вернее, острая критика основных положений статьи, переросшая в борьбу с «волобуевщиной», незамедлительно началась. Собственно, ради того, чтобы выставить подобные взгляды на всеобщее обозрение, а затем разбить в пух и прах, статью и опубликовали³. В чём же заключалась «волобуевщина»?

К изложению своих взглядов на перспективы развития народного хозяйства Украины Волобуева подтолкнула точка зрения советских экономистов на экономику СССР как на экономику единого государства, а на СССР — как на реинкарнацию исторической России. В основу экономического районирования страны Госпланом СССР был положен экономико-географический принцип. То есть экономика Союза виделась единым организмом, в основе которого лежала экономическая специализация регионов. При этом совершенно выпадало из вида наличие союзных республик. Территория УССР подразделялась на Юго-Западный и Южнотуркменский экономико-географические районы.

Волобуев подверг это резкой критике. Он исходил из того, что Украина представляет собой «народно-хозяйственное целое», которое нельзя разрывать на независимые части⁴.

Собственно, Волобуев не был первым, кто во главу угла развития экономики ставил национально-государственный принцип. Ещё Г.Ф. Гринько, бывший в своё время украинским наркомом просвещения, на Первом съезде Госплана СССР в феврале 1926 г. выступил против деления УССР на экономические районы, призывал подходить к ней «как к народно-хозяйственному целому» и идти по пути её консолидации (в том числе экономической) как самостоятельной республики. Гринько объяснял это тем, что стремится не допустить разрыва смычки между левобережным пролетариатом и правобережным крестьянством и намеревается превратить Украину в форпост Союза и плацдарм для коммунистической экспансии на Ближний Восток и в Европу. УССР надлежало стать «образцом решения Советской властью национального вопроса для всего юго-восточного угла Европы, наиболее раздираемого национальной враждой», в связи с чем «укрепление Украины как республики» имело «огромное внешнеполитическое значение»⁵. Эти аргументы в какой-то степени могут объяснить позицию Гринько, хотя уже само их наличие говорит о том, насколько далеко зашло национально-государственное строительство Украины. Но его аргументы — это партийный подход к вопросу (или прикрытый партийной риторикой). Как и в случае с «официальной» и «неофициальной» украинизацией, имелись и другие доводы, более близкие «национально мыслящим» кругам украинской общественности. Их-то и высказал Волобуев.

Одним из базовых (но притом неубедительных) положений его концепции было отрицание единства рос-

² Там же. С. 105.

³ *Скрипник М.* З приводу економічної платформи націоналізму // *Большевик України.* 1928. №6. С. 47.

⁴ *Волобуев М.* До проблеми української

економіки // *Большевик України.* 1928. №3. С. 46–47; №2. С. 46, 49.

⁵ *Гринько Г.* Плановые проблемы украинской экономики // *Плановое хозяйство.* 1926. №6. С. 180–181.

сийской экономики не только после, но и до революции. Он считал, что с точки зрения угнетённых ею колоний (вернее — с точки зрения украинского движения, позицию которого он излагал) российская экономика была «комплексом национальных экономик». По мнению Волобуева, Украина являлась колонией России, но не в обычном понимании этого слова (экономически отсталой), а «колонией европейского типа», обладающей развитым капиталистическим хозяйством, «страной, находившейся в колониальном положении»⁶. И украинская экономика, а значит, и Украина как некое политическое и экономическое целое, существовала уже в Средневековье. Здесь явно прослеживается влияние украинской историографии: Волобуев действительно опирался на работы ряда украинских и российских историков (чётко прослеживается влияние теории М. Покровского о торговом капитале).

Превращение украинской экономики в колониальный придаток русской началось якобы со времён Переяславской Рады, когда русский капитал проник на Украину и оттеснил украинский от торговли с Западом. В XIX в. конкуренция между капиталами и колониальное угнетение — вывоз сырья и полуфабрикатов, неэквивалентный обмен и т.п. — обострились. При этом как-то «забывалось», что «украинский» капитализм, отличный от общероссийского, отыскать проблематично, а капиталисты-малороссы сидели в Петербурге и Москве как у себя дома, рассматривая полем своего «бизнеса» всю Россию. По мере развития мировой экономики, наряду с явно наметившейся интернационализацией хозяйства, начали наблюдаться тенденции к его «национализации», то есть к укреплению национальных экономик.

⁶ *Волобуев М.* До проблеми української економіки // *Більшовик України.* 1928. № 2. С. 49, 50, 58, 72.

На Украине эта центробежная тенденция выразилась в «стремлении войти в состав мировой хозяйственной системы непосредственно, а не через российскую экономику»⁷.

Если уж дореволюционная российская экономика была суммой национальных экономик, то хозяйство СССР, полагал Волобуев, единой экономикой может быть названа условно, лишь при её противопоставлении капиталистической системе Запада. И «русское» хозяйство, и «украинское» в союзе равноправных народов тоже стали равноправными и должны были войти в мировое социалистическое хозяйство непосредственно. Таким образом, экономике УССР надлежало бы зависеть не от части мировой хозяйственной системы (российской экономики), а от всей этой системы в целом⁸.

В теоретических построениях Волобуева чётко проступает популярная в те годы идея создания мировой республики Советов, в которой действительно не оставалось места для национальных государств. Он, в частности, писал, что «развивать социалистическое хозяйство СССР надо с прицелом на мировое социалистическое хозяйство» и не проводить чрезмерную автаркию. Не стоит забывать, что за космополитической идеей мировой революции часто скрывались отнюдь не космополитические, а националистические интересы. Какое значение для мировой республики Советов, в основу которой должен был лечь социально-экономический, а не национальный принцип, имело бы непосредственное вхождение в неё какой-либо страны (скажем, Украины) как национально-государственного целого? Историко-экономические построения Волобуева и основанные на них выводы не оставляли сомнений в том, что в его взглядах преобладали национальные, а не левореволюционные мотивы. Сам он

⁷ Там же. С. 51, 55, 58, 59, 70–72.

⁸ Там же. № 3. С. 44.

также утверждал, что мировое разделение труда должно происходить между национально-хозяйственными организациями мирового СССР⁹.

Основываясь на приведённых выше положениях, Волобуев переходил к критике сложившейся системы хозяйствования в УССР. Он утверждал, что экономика республики развивается исходя из интересов Союза, а не Украины. Его не устраивало, что планы первой пятилетки наносили ущерб экономике УССР, так как электрификация, строительство новых заводов, разработка новых месторождений (например, создание восточной экономической базы) были, по его мнению, нацелены на развитие экономики РСФСР. Об этом же, правда, далеко не так откровенно и полно, говорил и Г. Гринько¹⁰.

Волобуев также утверждал, что союзные власти оттесняют республиканское руководство от управления украинским хозяйством, управляя последним через союзные и смешанные наркоматы и выхолащивая таким образом самостоятельность УССР. Не мог его устроить и порядок утверждения бюджетов, который превращает «так называемые бюджетные права Украины в фикцию», и то, что Украина выплачивает непомерно высокий процент от налоговых поступлений в союзный бюджет¹¹. Другими словами, точка зрения Волобуева сводилась к тому, что экономической самостоятельности УССР не имела и продолжала оставаться российской «колонией».

Подобная точка зрения — будто Москва разрабатывает и вывозит минеральные и сельскохозяйственные богатства Украины без соответствующей компенсации, не даёт причитающуюся ей долю импорта, а её продукцию от-

бирает для экспортных поставок — имела место и раньше. Здесь важно отметить другое. Согласно концепции Волобуева, Украина уже являлась не только политически, но и экономически сложившимся целым, которое следовало не создавать, а лишь укреплять и оберегать. «Правильное» разрешение» национального вопроса, то есть «ликвидация провинциального положения нашего языка, нашей литературы, нашей культуры в целом», полагал он, будет возможно лишь тогда, когда Украина окончательно превратится в оформленный и законченный национально-хозяйственный организм. Поэтому центральным местом национальной проблемы современности он считал экономический вопрос¹².

Волобуев не останавливался на утверждении этого очевидного для многих представителей украинства постулата и предлагал свой вариант достижения республикой «настоящей» хозяйственной самостоятельности. Он считал необходимым отказаться от районирования СССР по экономико-географическому принципу. За Госпланом и прочими союзными экономическими организациями он предлагал оставить лишь общедирективные функции. Общесоюзные хозяйственные планы должны были рассматриваться на Союзном съезде Госпланов и утверждаться двумя палатами ЦИК СССР. В том случае, если бы эти планы вступили в противоречие с интересами республик, последние имели бы право их менять. Подвергнуться изменению (в сторону уменьшения отчислений в союзный бюджет) должно было и бюджетное законодательство. Последней инстанцией, где бюджет должен был утверждаться, становился ВУЦИК. Всё это означало передачу республиканским экономическим органам решающих прав в управлении всем комплексом народного хозяй-

⁹ Там же. С. 45, 50.

¹⁰ Там же. С. 53–55, 57; Гринько Г. Плановые проблемы украинской экономики. С. 182–192.

¹¹ Волобуев М. Указ. соч. С. 52, 59–61.

¹² Там же. № 3. С. 62.

ства, в том числе предприятиями союзного подчинения (тяжёлой и добывающей промышленности). Союзным органам отводилось право «контроля за деятельностью союзных органов», что фактически лишало их каких бы то ни было реальных функций.

Волобуев настаивал на необходимости пересмотра планов индустриализации и отношения к союзной экономике как к главной. Строительство новых предприятий должно было вестись именно на Украине. Также он предлагал создать всеукраинскую систему регулирования притока рабочей силы, которой надлежало «следить за пропорциональным разделением мест на украинских заводах между УССР и РСФСР». Это означало бы фактическое закрытие УССР своих границ, что уже выглядело как явный сепаратизм. Кроме прочего, это представляло угрозу единству рабочего класса — главной социальной опоры большевиков, а значит, и их положению.

Проект Волобуева стал квинтэссенцией представлений националистов о проблемах экономического развития республики. Принятие его означало бы конфедерализацию СССР и превращение союзных республик в фактически независимые государства.

Итак, бытовавшие в определённых кругах украинского общества подобные взгляды уже не ставили под сомнение факт существования Украины как национально-государственного целого. Речь шла о продолжении строительства государственности в направлении укрепления её самостоятельности и независимости от СССР, а фактически — от России, при одновременном продолжении строительства национальной общности и укрепления её экономического «фундамента».

«Хвылевизм»

Появление статьи М. Волобуева обозначило переориентацию наиболее передовой части адептов украинского движения на новые идейные позиции,

неотделимые от социалистического и коммунистического вектора развития Украины. Время её выхода в свет не должно никого вводить в заблуждение: появление родственных концепций началось несколькими годами ранее, а толчком для них послужила так называемая «Литературная дискуссия», в центре внимания которой оказался вопрос о путях развития украинской нации в условиях советской государственности.

«Литературная дискуссия» 1925–1928 гг. стала одним из наиболее значительных событий в общественной жизни республики. На страницах прессы, в публицистической и художественной литературе, а позже и на партийно-государственном уровне, шло обсуждение перспектив развития украинской культуры и национальной культуры вообще в условиях строительства социализма, роли и места интеллигенции в этом процессе, взаимоотношениях украинской и русской культур¹³. По мере развёртывания дискуссии речь зашла и о линии партии в национальном вопросе. Поскольку тогда литература являлась наиболее массовой формой культуры, активно воздействующей на народное сознание, то и спор о будущем украинской культуры и нации свёлся к обсуждению путей развития украинской литературы.

Адепты украинства задавались вопросом: будет ли «национальное искусство» Украины продолжать оставаться «вечно подсобным», «вечно резервным» «для тех мировых искусств, которые достигли высокого расцвета» (имелась в виду прежде всего русская культура), или же украинская общественность «посчитает необходимым поднимать его художественный уровень на уровень мировых шедевров»? Так весьма точно ухватил суть

¹³ Даниленко В.М., Касьянов Г.В., Кульчицкий С.В. Сталінізм на Україні: 20–30-ті роки. Київ, 1991. С. 264.

дискуссии её главный участник, пролетарский писатель и публицист Николай Хвильевой¹⁴.

Несмотря на то что дискуссия продемонстрировала наличие в украинском обществе разных точек зрения на ключевые вопросы современности, она стала лучшим свидетельством того, что в результате национально-культурных процессов последних лет, направлявшихся «снизу» и «сверху» (строительства Украины и украинской нации), оно стало реальностью. И, будучи облечено в государственные формы УССР, начало вырабатывать свои варианты развития Украины. К каким же выводам пришло на первый взгляд невинное обсуждение чисто литературных вопросов и как они соприкасались с проблемами строительства украинской нации?

Мыслительная работа, что велась в украинской интеллигенции, стимулировалась не только самим ходом украинского нациостроительства, но и сугубо конкретной обстановкой после революционной Украины, в частности, той двойственностью, которая обозначилась сначала в экономике, а затем и в общественной жизни страны после введения нэпа. Разрешение частной предпринимательской деятельности привело к усилению сельских и городских буржуазных элементов, оказывавших сильное влияние на общественные настроения, на культуру, в частности на литературу. У тех же, кто верил в мировую революцию и коммунизм, былой революционный запал стал быстро угасать, уступая место мещанской обывательщине. Чувство отката назад привело к кризису направления, получившего название пролетарской литературы — то есть такой литературы, которая своей идейной основой брала коммунистическую доктрину, и потому считалась её адептами авангар-

дом художественной литературы. Например, главный оппонент Хвильевого, идеолог литературного объединения «Плуг», в котором состояли писатели «крестьянского» направления, С. Пилипенко считал, что кризис в пролетарском искусстве крылся «в загубленных» нэпом «перспективах революционного движения»¹⁵. Двойственность экономического бытия привела к появлению различных идеологических течений. Как полагал Хвильевой, порождённая этой двойственностью литературная дискуссия стала «спором двух социальных сил» — пролетариата и буржуазии, «вынудила каждую сторону высказаться до конца» и впервые начала выяснять те скрытые социальные процессы, которые были порождены нэпом¹⁶.

Споры в украинской писательской среде (имеется в виду так называемое «молодое поколение» пролетарских и революционных писателей) начались задолго до 1925 г. Начало же самой дискуссии положил призыв Хвильевого бороться против бесплодной графомании и невежества в литературе, бороться за «качество». Поскольку никто не хотел считаться графоманом и имел своё представление о качестве, призыв не остался без ответа, и борьба развернулась по литературным и околотрудовым вопросам: о форме и содержании, о том, каким образом должна осуществляться организация литературных сил и т.д. В 1920-е гг. в УССР насчитывалось множество литературных объединений, организаций и направлений, таких как «Гарт», «Плуг», «Вольная академия пролетарской литературы» (ВАПЛІТЕ), «Мастерская революционного слова» (МАРС), течение, получившее название «неоклассицизма» и др. В спорах, конечно, не последнюю роль игра-

¹⁴ Хвильевий М. Думки проти течі // Хвильевий М. Україна чи Малоросія? Київ, 1993. С. 109.

¹⁵ Цит. по: Хвильевий М. Апологети писаризму (до проблеми культурної революції) // Там же. С. 194–196.

¹⁶ Там же. С. 157.

ли личные мотивы. Но в ходе дискуссии от чисто литературных тем стороны перешли к более глубоким принципиальным вопросам. Борьба приобрела уже «чисто политический характер» и, как это бывало с большинством вопросов, возникавших во время социалистического строительства на Украине, «обострилась по линии национальной проблемы». Основными противниками стали ВАПЛИТЕ (Хвылевой, стиль — «академизм») и общество «Плуг», представлявшая в литературе «массовизм»¹⁷.

Ход дискуссии оставим в стороне и сосредоточим внимание на наиболее ярком её проявлении, заодно и ставшем её основным содержанием. Речь идёт о взглядах Хвылевого. Эти взгляды, сведённые им в своего рода «систему ценностей» и выдвигаемые в качестве программы национально-культурного развития Украины, были квалифицированы властями как национальный уклон, а сам автор был охарактеризован как «яркий представитель и выразитель идеологии украинского шовинизма»¹⁸. «Хвылевизм», наряду с «волобуевщиной», стал обозначением для ещё одного проявления украинского национализма, только уже в области культуры.

Система культурных ценностей, выдвинутая Хвылевым, стала своеобразным итогом всей дискуссии, хотя нужно отметить, что поддержку она нашла далеко не у всех даже в высшем слое «молодой» украинской интеллигенции (сам он про своих единомышленников говорил, что они — «очень небольшая группа»¹⁹). Но даже несмотря на это, появление подобных взглядов за-

ставило большевиков вмешаться в ход литературной дискуссии и во всеуслышание заявить о той угрозе, которую представлял прогрессирующий украинский национализм. Действительно, многое во взглядах Хвылевого было новым и неожиданным, а некоторые ключевые аспекты позднее послужили отправной точкой для теоретических выкладок М. Волобуева.

При этом надо отметить два обстоятельства. Во-первых, Хвылевой (как и Волобуев) был русским. Путь его к украинству был следующим: украинский кружок в Ахтырской гимназии, затем фронт и избрание в армейскую украинскую раду. Там Хвылевой, как сам позднее вспоминал, «начал задумываться над вольностями Украины». Затем была работа совместно с боротьбистами, борьба против белых и петлюровцев. Первые шаги в литературе Хвылевой делал на русском языке, а украинизовался лишь около 1921 г.²⁰.

Второе обстоятельство, которое казалось большевикам гораздо тревожнее, — Хвылевой был коммунистом. Уже с 1917 г., по его собственному утверждению, он начал «сомневаться в революционности украинских национальных партий» и ориентироваться на большевиков, а затем вступил в КП(б)У²¹. Проникновение националистических взглядов в партию и коммунистическую интеллигенцию стало одной из причин резкой реакции большевиков. Если концепция Волобуева, хоть и исходила из социалистических реалий Советской Украины, но не содержала ничего принципиально нового и лишь суммировала все бытующие в «национально мыслящей» среде идеи, то взгляды Хвылевого могли родиться

¹⁷ Там же. С. 155; Шумський О. Ідеологічна боротьба в українському культурному процесі // Більшовик України. 1927. №2. С. 12.

¹⁸ Національне питання на Україні та опозиція // Більшовик України. 1927. №10. С. 5.

¹⁹ Хвильовий М. Думки. С. 92.

²⁰ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 81. Оп. 3. Д. 132. Л. 3; Річицький А. До проблеми ліквідації пережитків колоніальності та націоналізму (ответ Мих. Волобуеву) // Більшовик України. 1928. №3. С. 84.

²¹ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 132. Л. 3, 6.

только в коммунистической среде. Его национализм был не «буржуазным», а «социалистическим», подчас даже «ярко-красным».

Свою точку зрения на перспективы развития украинской культуры Хвылевой изложил в четырёх циклах памфлетов, три из которых были опубликованы. Четвёртый, наиболее острый (ибо касался вопросов взаимоотношения украинской и русской культур) не был издан, но широко цитировался партийными критиками, и людям, следившим за ходом дискуссии, был известен. Свою главную задачу, как и задачу украинских пролетарских писателей, Хвылевой выразил следующим образом: надо вывести «нашу “хохландию” на большую историческую дорогу». То есть превратить «Малороссию» — «классическую страну рабской психологии», подражательства и безграмотности, в «Украину» — передовую страну и нацию, самостоятельно думающую и развивающуюся без «российского дирижёра»²².

На пути превращения «Малороссии» в «Украину» стояло два препятствия. Первое — это тот самый «российский дирижёр», управляющий развитием Украины. И второе — тип местного человека, боящегося «дерзнуть», искать собственный путь развития — того, кого украинские националисты презрительно называли «малороссом». Но такие люди, писал Хвылевой, широко встречались даже среди самых что ни на есть «щирых украинцев» — тех, кого он называл «просвитянами». То есть связанных с мелкобуржуазной средой города и особенно села. В «просвитянстве», в попытках такой интеллигенции взять в свои руки молодую украинскую культуру и повести за собой молодёжь, Хвылевой усматривал главную опасность для украинского культурного развития. Борьба за новое поколение стала самым насущ-

ным вопросом пролетарской литературы, считал он. Нэп активизировал буржуазные элементы, которые через многочисленных «попутчиков» начали выдвигать свою идеологию. Угрозу несла, как ни странно, украинизация, точнее то, что вкладывала в неё «гопаковско-шароваристая “просвита”». Эта «просвита», став «красной», вылезла «из своего традиционного кубла и тучей валит в город», принося с собой кулацкую идеологию, не давая украинской культуре расти духовно и интеллектуально²³ и отбрасывая её назад на местечковый уровень, полагал Хвылевой.

В противоположность «просвите», под которой он понимал «категорию в психике общества», тянущую это общество назад, Хвылевой выдвигал лозунг ориентации на «психологическую Европу». Призыв ориентироваться на Европу привлёк внимание и большевиков, и их противников (в первую очередь украинскую эмиграцию), которые истолковывали его по-своему. Сам пролетарский писатель разъяснял, что под «Европой» понимал не современные ему капиталистические европейские государства, а «психологическую категорию, определённый тип культурного фактора в историческом процессе, определённый революционный метод»²⁴. Европа дала миру цивилизацию духа, которую творил тип европейского интеллигента — «сознательного и вольного выразителя необходимой и внесознательной воли», тип деятельного творца.

На эту прогрессивную деятельность, на этот тип и призывал ориентироваться Хвылевой. Он был коммунистом²⁵ и

²³ *Он же*. Думки. С. 111; Камо грядеши // Там же. С. 31.

²⁴ *Он же*. Україна чи Малоросія? // Там же. С. 254.

²⁵ Хвылевой был скорее «романтическим коммунистом», чем большевиком-партийцем. Так, он свидетельствовал, что «с большей уверенностью» называл себя «коммунаром,

не утратил веру в великую миссию мировой революции. И эта вера нашла своё выражение в идее «азиатского ренессанса» — духовного возрождения мира, которое должно было начаться с расцвета Китая, Индии и т.д. (разделявшейся многими представителями «молодой» украинской интеллигенции). Возглавить ренессанс, повести за собой «нового человека», «разбудить Европу» и принести туда коммунизм был призван большевизм. Здесь Хвылевой перебрасывал мостик от «психологической Европы» и большевистского мессианства к национальному вопросу. Он считал, что духовная культура большевизма может ярко проявиться только в «молодых советских республиках», прежде всего в УССР, воспитавшей «в своих буйных степях тип революционного конкистадора», и где всегда были сильны традиции гражданской борьбы. Иными словами, на украинскую культуру и её пролетарский авангард возлагалась обязанность «нести свет из Азии, ориентируясь на грандиозные достижения Европы прошлого»²⁶. Но сделать это была способна только та культура, которая смогла бы стать подлинной культурой молодой активной нации.

Ориентация на ценности «психологической Европы» сразу же со всей остротой поставила ещё один чрезвычайно важный вопрос: о взаимоотношениях украинской и русской культур. Хвылевой выразил своё отношение к нему в формуле «Прочь от Москвы!». Это также послужило поводом для его обвинения в национализме. На самом деле Хвылевой не был сторонником полного отделения Украины от Советского Союза. Но это не мешало ему быть уверенным в том, что «Украина тоже чуть иначе будет идти к социализму, хоть и в одном советском

политическом союзе с Россией». Действенной, прогрессивной «психологической Европе» и её культурным ценностям он противопоставлял такую же «психологическую Москву», превратившуюся после введения нэпа в «центр всесоюзного мещанства», в котором «всемирным оазисом» остались «пролетарские заводы, Коминтерн и ВКП». От этого «мещанства», слившегося, как он считал, со свойственным российской литературе пессимизмом, с отсутствием «позитивного мироощущения» и активности, он призвал бежать прочь. Новая украинская литература ни в коем случае не должна была ориентироваться на «московское искусство», которое было не способно «воспитать сильного и здорового, цельного и полезного человека», поддерживающего огонь «чрезвычайной веры в правду гражданских битв, в неминуемость прихода далёкой... коммуны»²⁷.

«Запереть» русскую литературу на территории «Московии» Хвылевой хотел не только из-за её «неподходящих» качеств. По его мнению, русская культура с присущими ей ценностями, противоречащими ценностям «психологической Европы», мешала Украине стать «Украиной» ещё и потому, что ориентация на неё низводила украинскую культуру до уровня провинциальной и вбивала в головы «потребителей» восприятие её как чего-то недоделанного, второсортного, второстепенного²⁸. Только непосредственный контакт с культурой Европы и использование её духовных достижений без посредничества России (вспомним волобуевский тезис о непосредственном вхождении в мировое социалистическое хозяйство) дал бы возможность создать из «малоросса» «украинца» и вывел бы «Украину» на широкую дорожку истории.

Обрисовав нравственно-этические

нежели коммунистом» // РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 132. Л. 8.

²⁶ Он же. Камо грядеши. С. 54; Он же. Україна чи Малоросія? С. 259, 263.

²⁷ Там же. С. 238, 242, 244–245, 250.

²⁸ Там же. С. 241.

критерии, на которых должна была развиваться украинская культура, Хвылевой давал своё видение возможных способов модернизации «колониальной Малороссии». Здесь его «азиатский ренессанс» и «красный мессианизм» одеваются в национальные одежды. Он полагает, что «Украина — в действительности *независимое государство*, входящее своим *республиканским организмом* в Советский Союз» (курсив мой. — А.М.). Как и довольно значительная часть интеллигенции, в том числе коммунистической, Хвылевой считал СССР союзом равноправных государств, в котором все имеют «свою конституцию» и все «самостоятельны». В УССР воплотилась извечная «воля нации к своему государственному организму». По мнению Хвылевого, вызванное революцией украинское национальное возрождение было ценно не только само по себе, как процесс становления украинской нации, но и потому, что являлось обязательным этапом на пути Украины к социализму. К середине десятилетия оно подошло к новой ступени развития. Начавшиеся шатания и споры в обществе (та же литературная дискуссия) сигнализировали, что это возрождение стало перерастать «тесные рамки культурного развития». Возникла опасность, когда разбуженные революцией народные силы могли попасть в чужие (мелкобуржуазные и кулацкие) руки и перейти на службу врагам коммунизма и советской власти²⁹.

Расширить «тесные рамки», которыми была ограничена украинская культура, можно было только создав «соответствующую культурную атмосферу» — то есть обратившись к ценностям «психологической Европы» и отказавшись от оглядки на Россию и русскую культуру. Хвылевой полагал (а во многом констатировал реальное положение вещей), что русская и украинская культуры — антиподы, по-

скольку оперируют на одном поле и борются за одну и ту же аудиторию. Согласно его точке зрения, культура развивается на базе экономики. Позднее многие выкладки Хвылевого заимствовал Волобуев (Хвылевой даже говорил, что со временем, возможно, и сам бы сформулировал экономическую концепцию, подобную волобуевской)³⁰.

В послереволюционное время сложились все условия для развития самостоятельной, специфической по форме и характеру, украинской экономики. «Своя» экономика, — утверждал Хвылевой, — придаёт украинской культуре «теорию коммунистической самостоятельности», согласно которой «Союз... остаётся Союзом», а Украина — «самостоятельной единицей». При таких условиях «социальные процессы, вызванные нэпом, логично ведут к конфликту двух культур. Украинское общество, окрепнув, не смирится со своим фактически, если не юридически, декретированным гегемоном — российским конкурентом». Конкуренция — «эта жизненная правда... которая с каждым днём становится яснее» — заключалась в борьбе «за книжный рынок, за гегемонию на культурном фронте». А поскольку на стороне русской культуры был качественный и количественный перевес, а также психология читателя, который в большинстве случаев выбирал продукцию русской культуры, продукцию украинской расценивая как «товар второго, третьего или четвёртого сорта, хоть бы он и был первого», в одиночку украинская культура побороть своего конкурента не была способна³¹.

А значит, процесс национально-культурного развития было необходимо как можно скорее взять в партийные руки. А самой КП(б)У надлежало срастись с национальным движением

³⁰ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 132. Л. 34.

³¹ *Хвильовий М.* Україна чи Малоросія? С. 234–235, 239, 241; *Он же.* Апологети. С. 215.

«в единое целое», поддержать «возрождение молодых национальных республик» ради них самих и ради победного шествия по Европе «азиатского ренессанса» и бросить все силы на то, чтобы оградить украинскую культуру от российского конкурента. Поскольку партия — это передовой отряд пролетариата, то и овладеть украинской культурой должен был пролетариат. До тех пор пока рабочий класс будет оставаться в стороне от украинского национального развития, ход его будет контролироваться другими силами, считал Хвылевой. И выдвинул ещё один лозунг — «дерусификация рабочего класса»³² — как первая и главнейшая предпосылка овладения культурным процессом и превращения «Малороссии» в «Украину».

Концепция Николая Хвылевого была насковозь пропитана идеей мировой революции, которая к середине 1920-х оказалась прочно связана с именем её самого последовательного сторонника — Л. Троцкого. Кстати, сам украинский литератор не скрывал, что «симпатизировал... положениям Троцкого»³³. Ожидание «азиатского ренессанса» родилось под влиянием затухания революционной борьбы в Европе и подъёма освободительной борьбы на Востоке, в частности в Китае. Надежды на Восток в те годы возлагало и руководство СССР, особенно те его круги, которые по-прежнему мыслили категориями «мирового пожара». Но в представлении Хвылевого и его единомышленников «ренессанс» превратился в своеобразную мессианскую идею, тесно связанную со строительством «молодой украинской нации». Борьба с русской культурой точно соответствовала концепции нового украинского «мессианства».

«Старое» и «новое» направления: возможности и перспективы

Вот, вкратце, в чём состоял «хвылевизм». Впоследствии критики ухватились за его отдельные моменты: ориентацию на Европу (из «психологической» ставшей «Европой» в привычном понимании этого слова), призыв бежать прочь от Москвы, требование немедленной украинизации рабочего класса. И они были не так уж неправы. Тем более, если учесть, что любая теоретическая система, выйдя из-под пера автора, становится достоянием общественности и начинает жить своей жизнью, приспособляясь к реалиям данного общества. А нюансы, вкладываемые в неё автором, отходят на второй план. «Национально сознательными украинцами» всех направлений (в том числе и теми, кто понимал «возрождение нации как буржуазную реставрацию», а под ориентацией на Европу — «ориентацию на Европу капиталистическую») предложенная пролетарским писателем система ценностей могла быть использована в качестве идеологического оружия³⁴.

Так, в украинской эмиграции отлично поняли и оценили сказанное Хвылевым (а там имелось немало тех, кто мыслил аналогичным образом). «Освобождение украинской культуры из-под убийственных русских влияний и введение её в блестящую семью западных национальных литератур будет иметь влияние на весь способ мышления нашей интеллигенции и приведёт многих к убеждению, что “политический союз с Москвой” является в действительности колониальной зависимостью... и что в силу экономических и культурных причин Украина может быть или московской колонией, или действительно самосто-

³² *Он же*. Україна чи Малоросія? С. 239, 246; *Он же*. Апологети. С. 203–204; РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 132. Л. 26.

³³ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 132. Л. 15, 21, 37.

³⁴ Тези пленума ЦК и ЦКК КП(б)У про наслідки українізації (червень 1926) // Документи трагічної історії України (1917–1927 рр.). Київ, 1999.

ятельной нацией»³⁵. Так на страницах «Літературно-наукового вісника» прокомментировал памфлеты украинского писателя-коммуниста Дмитрий Донцов³⁶, ведущий идеолог украинского интегрального национализма (из которого позже выросла ОУН), борец за «духовную модернизацию» украинской нации на активных, наступательных «европейских» принципах. Кстати, и сам Хвылевой признавал, что обмен идеями был обоюдным, и Донцов, «как сильный публицист», также влиял на него³⁷.

Хвылевой также давал практические советы по проведению национальной политики. Он не маскировал тот факт, что на Украине действительно имеет место такое явление, как борьба культур, считал эту борьбу желательной и во всеуслышание призывал её усилить. Только «борьбой культур» дело не ограничивалось. Проблемы преобразования «Малороссии» в «Украину» могли облекаться и в более открытые рассуждения о судьбах нации. В своём докладе на XIV Киевской партконференции С.В. Косиор проиллюстрировал это словами писателя Г. Косынки, который разделял нации на творческие и нетворческие. Первые делают историю, так как стремятся победить другие нации, вторые же обречены влачить жалкое существование и жить по указке наций «творческих». И далее писатель сетовал, что украинцы принадлежат не к творческой нации, подавляющей других, а к нации угнетаемой³⁸.

Хотя идеи Хвылевого и тем более Косынки (который, по сути, повторял основные мысли интегрального нацио-

нализма Донцова) разделялись не всеми представителями украинской интеллигенции, многие их положения или общая направленность вполне могли найти у них отклик. В связи с этим не такими уж неправильными представляются слова одного из тогдашних партийных теоретиков национального вопроса В. Ваганяна, критиковавшегося «национал-коммунистами» из КП(б)У за великодержавность (хотя он был вовсе не великорусским шовинистом, а троцкистом) и недооценку национального вопроса на Украине. Он полагал, что «при внимательном рассмотрении окажется, что отнюдь не малая часть украинской интеллигенции (речь идёт не о «буржуазной», а о «новой» интеллигенции. — А.М.) — фактический возбудитель нынешних разговоров о национальной культуре — ведёт неустанную, более или менее ловко скрытую борьбу с интернациональной культурой»³⁹, стремясь вложить в украинскую форму национальное же содержание.

Борьба за «аудиторию», за утверждение в массах своих идей с каждым днём обостряла противостояние украинской и русской культур. Тем более что первая была не в состоянии самостоятельно одолеть русскую и поэтому устами Хвылевого требовала от партии поддержки (то есть наращивания темпов украинизации). И это несмотря на то, что наступательный экспансионистский характер был присущ именно украинскому национализму. Русская культурная традиция была весьма сильной, что выражалось в саботировании украинизации широкими слоями населения, считавшими (чаще про себя, чем открыто) её делом бессмысленным, шагом назад в образовательном и культурном уровне.

В это число входили работники союзных аппаратов, многие коммунисты, которые сомневались в правильности

³⁵ Цит. по: Національне питання на Україні та опозиція // Більшовик України. 1927. № 10. С. 6–7.

³⁶ И, опять-таки, великоросс: настоящая фамилия Щелкопёров. Тенденция, однако.

³⁷ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 132. Л. 41.

³⁸ Косіор С. Українізація і завдання КП(б)У // Більшовик України. 1929. № 1. С. 43.

³⁹ Ваганян В. О национальной культуре. М.–Л., 1927. С. 123.

национальной политики партии, относились к национальному вопросу равнодушно или понимали его в крайне интернационалистской трактовке — как неминуемое и скорое отмирание национальных культур в едином социалистическом человечестве. Помимо приверженности к русской культурной традиции само существование СССР позволяло им всерьёз не воспринимать УССР. Всё это усиливало злобу приверженцев украинства.

Наличие борьбы украинской и русской культур, как и активную роль в этом украинского национализма, были вынуждены признать и большевики. Правда, сам факт они по-прежнему предпочитали не афишировать, объясняя всё деятельностью буржуазных элементов и выразителей их идеологии из числа творческой интеллигенции обеих национальностей («архимелкобуржуазный национализм», национализм мещан, «приросших... к своей куче навоза») ⁴⁰. Дело представляли так, как будто те, кто призывает её усилить, — даже не националисты, и борются не столько за независимость, сколько против революции и «поэтому... идут против Москвы», хотят «закупориться у себя», ничего Советской власти не давать и русскую культуру как культуру революции «не развивать» ⁴¹.

Разрешить ситуацию большевики старались по-своему. Встав на украинскую позицию, признав «законность» существования украинской нации и укрепляя «национальные формы», они повели борьбу за придание им «правильного» содержания. И одновре-

менно разъясняли, что украинизация «ничего общего не имеет с попытками украинских шовинистов разорвать связь украинского рабочего с пролетарской Москвой», поскольку она вызвана к жизни «не ради исправления вековой кривды и старых обид той или другой нации, а лишь исходя из интересов пролетарской революции», освобождавшей из-под социального и национального гнёта трудящихся всех наций ⁴². Поэтому любые проявления «борьбы культур», как и их обсуждение, расценивались как национальные уклоны от истинной линии партии в национальном вопросе.

Очень важная черта концепций Хвильевого и Волобуева заключалась в точке зрения на Украину как на уже сформировавшийся самостоятельный национальный и государственный организм. Ориентация на культурный тип Европы и стремление установить с ней непосредственные контакты в культурной и экономической сфере становились главными идейными позициями нового, модернизационного направления украинского движения. Направления, ставящего перед собой не просто и не столько задачу превращения народных масс в украинскую нацию (чего добивались адепты украинского движения до революции и после неё), сколько задачу дальнейшего развития таковой.

Большевики отмечали, что основная масса националистов «традиционного» типа не поднималась выше уровня «галушек с салом» и была удовлетворена «украинизацией в районном масштабе». После неудачи борьбы за самостоятельную Украину в бандах и подполье их энергия перешла в область «реальной политики» — работы в советских, культурно-просветительских и образовательных организациях. Курсом национальной политики (ра-

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 130. Л. 4. Цитата взята из письма киевского партийца о состоянии национального вопроса на Украине Н.И. Бухарину (1926 г.).

⁴¹ Центральный государственный архив общественных организаций Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2573. Л. 133; *Скрипник М.* Хвильевизм чи шумскізм? // *Більшовик України*. 1927. №2. С. 31.

⁴² *Затонський В.* Матеріали до українського національного питання // *Більшовик України*. 1927. №6. С. 16, 17.

зумеется, не без его критики) эти люди были «пока что довольны» и о большем не помышляли, потому что не имели ясной перспективы своей работы в условиях «новой» Украины. Конечно, вера в «жовто-блакитное» будущее у них оставалась, но как и когда оно наступит, эти люди представляли себе нечётко — и не только из-за «галушечно-шароваристого» идейного уровня⁴³.

К этой категории относились и те, кто знал цену культурной работе и не сомневался, что вслед за «языком» и «культурой» придут «нация» и «суверенность». Но в условиях советской социалистической Украины, промышленного строительства реализация их усилий была возможна лишь через её внутреннее перерождение. Вот почему они поддерживали «красный НЭП» с его частной собственностью, уступками «сельскому производителю» и, естественно, украинизацией. Пролетариат, коммунизм, индустриализация — то есть всё, что противоречило политике «временной уступки», были для них чуждыми. Поэтому они и не могли увязать друг с другом «национальную Украину» и коммунистическую УССР. Не имея сил и желания перестроиться или не понимая неизбежность этого, они были обречены надолго, если не навсегда, отойти от активного участия в историческом процессе.

Совсем иначе мыслили представители «красного», «модернизационного» направления. Эти люди решительно порывали «с этнографизмом хуторянского украинофильства», с «провинциальной ограниченностью последнего». Поэтому они были непримиримыми врагами националистов «традиционного» типа, выступали за индустриализацию, за социальную модернизацию общества в авангарде с пролетариатом, «за выход на широкие просторы мировой культуры»⁴⁴. Но в

их мировоззрении, помимо коммунизма, мирового пролетариата и СССР, присутствовала «Украина» как абсолютно равная им символическая ценность, как вполне гармоничный организм, способный на самостоятельное существование и нуждающийся в нём. Ориентация на «красную» Россию, её революционные и культурные традиции, низводила бы «красную» Украину до уровня не «целого», а «части», а самих носителей «украинского красного мессианства» оставляла бы «не у дел» (ведь всё решалось «московскими» большевиками и «российским» пролетариатом). И тогда у носителей новой идеологии оставался единственный, но прямой путь — к «старой просвите» с её «этнографизмом», антикоммунизмом и надеждами на буржуазное перерождение и неминуемую реставрацию УНР Грушевского, Петлюры и Винниченко.

Получался замкнутый круг, из которого был простой выход, хотя он чуть ли не дословно повторял главный лозунг украинских националистов — «прочь от России». Опять, как и в сотнях других случаев, когда речь шла о создании «Украины», вперёд выступала борьба мировоззрений, конкуренция «украинскости» и «русскости», борьба с «московским дирижёром», хоть бы он заседал в Политбюро. Но это ставило под сомнение необходимость существования «красного», модернизационного направления, а главное, являлось бы шагом назад, вступало бы в противоречия со сложившимся социально-экономическим, национальным и культурным положением УССР того времени.

Для того чтобы разорвать порочный круг и не скатиться к банальному повторению «чубатых просвитян», нужно было внести в идеологию свежую струю, придать ей позитивность. Призыв «Геть від Москви!» не содержал в себе ничего нового и был просто кратким выражением сущности украинского движения и идейной зарязи

⁴³ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2255. Л. 66.

⁴⁴ *Затонський В.* Матеріали до українського національного питання. С. 18.

женности украинского национального проекта. Если уж украинство было «обречено бежать» от России, то этому «бегу» надо было придать направленность и указать ценностные ориентиры. В контексте извечного культурно-философского и политического противостояния Европы и России такой альтернативой должны были стать не какие-то мифические «древние» «народные» украинские ценности, а европейские нормы и образцы в культуре, ментальности, экономике, языке, а затем, вполне возможно, и в политике.

Несмотря на различный подход к проблемам развития Украины и взаимное неприятие между сторонниками «старого» и «красного» вариантов национализма, различия между ними были тактическими, а стратегическая цель оставалась общая — строительство украинской нации и превращение «Малороссии» в «Украину». Националисты «нового» типа создали модернизационную идеологию и придали ей (возможно, впервые в истории украинского движения) хоть какую-то позитивную направленность, заключавшуюся даже не столько в ориентации на «европейские» ценности как таковые, сколько в их мифологизации и использовании для достижения своей цели. Националисты «нового» типа имели больше шансов на успех в коммунистическом государстве, только они реально могли встать у руля УССР и, внедрив в партийно-хозяйственную бюрократию свою идеологию и воспитав на ней новые кадры, стимулировать местнические и сепаратистские поползновения последней.

Конечно, это направление было лишь в начале своего становления. Но несмотря на это большевики-интернационалисты были обеспокоены его появлением, называя их приверженцев «наисерьёзнейшим противником». Малочисленность последних (часть научной и художественной украинской интеллигенции, вузовской молодёжи, некоторых сотрудников со-

ветских учреждений) никого не должна была вводить в заблуждение.

То обстоятельство, что «красные» националисты в количественном отношении заметно уступали националистам «старого типа», не уменьшало их значения. Хотя возможность влияния последних на настроения общества и нельзя сбрасывать со счетов, оно было ограничено реалиями социалистического строительства. «Старые» в качестве своей общественной опоры имели отживающие мелкобуржуазные слои, с каждым днём лишались её и теряли перспективу. А возможности их влияния на массы, особенно на их передовую часть — рабочих, партийцев, коммунистическую интеллигенцию и молодёжь — были ограничены. Гораздо больше их имелось у националистов «нового» типа, и они использовали это в полной мере, оказывая нарастающее влияние на учащихся вузов, молодых партийцев, особенно тех, кто пришёл из рядов боротьбистов и укапистов⁴⁵.

С течением времени стала складываться ситуация, когда молодая коммунистическая интеллигенция, борясь с буржуазным влиянием на народные массы «старых», всё больше оттесняла своих конкурентов — «просвितян» и прочие «буржуазные» элементы от идейного и практического руководства строительством украинской культуры. По мере углубления этого строительства перед «красными модернизаторами» начали вставать новые задачи и определяться несколько иные приоритеты, которые начинали всё больше и больше расходиться с тем курсом, который проводила в этом вопросе партия. В. Затонский с тревогой напоминал, что эти люди, «отдав» ликбез и начальное образование «идеологам-хуторянам», «почти монополизировали... создание новых ценностей в украинской культуре», через литературные журналы сеяли «тонкую отраву» в советской обёрт-

⁴⁵ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2255. Л. 67.

ке, а в советских вузах готовили кадры для национального движения из числа молодой украинской интеллигенции. То есть начинали брать украинское национально-культурное строительство в свои руки⁴⁶.

Именно этот принципиально новый этап развития украинского национального движения, выраженный в родившихся в высшем слое украинской интеллигенции концепциях, заставил большевиков активно включиться в борьбу за овладение украинским национально-культурным процессом. К тому же подобные настроения стали появляться и в партии, причём главным образом не среди рядовой массы, а в кругах высокопоставленных коммунистов. Украинский национализм (его разновидность, «поразившая» партию, получила название национально-уклона) был сведён большевиками в триединую формулу: «хвылевизм» (в культуре), «волобуевщина» (в экономике) и «шумскизм» (в партии).

«Шумскизм»

Присутствие в КП(б)У выходцев из национал-коммунистических партий и курс на украинизацию усиливал в ней украинские настроения и сближал «украинствующих» партийцев с беспартийной национальной интеллигенцией. Затруднения, которые украинизация встречала на своём пути, становились лишь новым поводом к их совместным действиям против русскости и «великодержавных настроений». Сближение позиций и единство целей и средств (пусть и тактическое) начало отчётливо проявляться к середине десятилетия в ходе «Литературной дискуссии». Но сами по себе «хвылевизм» и «волобуевщина» не могли бы стать серьёзным фактором общественной жизни и остались бы просто «контрреволюционными вылазками», если бы не находили поддержку и источник легитимации в партии. Именно Нарком-

прос УССР, сосредоточивший большое идейное и фактическое влияние на жизнь республики, стал точкой пересечения действия официальной украинизации и украинизации «низовой», идущей от национального движения.

К середине десятилетия политика украинизации столкнулась с двумя трудностями. Если коренизация партийного, советского аппарата, комсомола — то есть увеличение в нём доли этнических малороссов (по новой терминологии, украинцев) протекала нормально, то их украинизация (перевод делопроизводства и прочей работы на украинский язык) шла довольно вяло, встречая сопротивление. В то же время украинизация в народном образовании, сфере культуры шла высокими темпами и проводилась преимущественно руками национальной интеллигенции. Переход инициативы в культурно-национальном строительстве в руки элементов, именуемых большевиками «шовинистическими», «петлюровскими», «антисоветскими», создавал реальную угрозу отрыва партии и советской власти от масс и воспитания последних в националистическом духе. Отказ большевиков от иных, альтернативных вариантов национального развития для населения Украины и следование в русле ленинской доктрины разрешения национального вопроса не оставляли им иного выхода, кроме как усилить украинизацию партии и госаппарата с тем, чтобы перехватить инициативу. Это можно было сделать только наполнив строящуюся национальную по форме украинскую культуру социалистическим содержанием, то есть повести украинизацию не ради неё самой, а ради укрепления «пролетарской составляющей» украинской культуры.

Увеличение темпов украинизации и борьба против «буржуазного национализма» оказались связаны с именем секретаря ЦК РКП(б) Лазаря Моисеевича Кагановича, в апреле 1925 г. направленного на работу на Украину. Назна-

⁴⁶ Там же; *Затонський В.* Указ. соч. С. 19.

чение Л. Кагановича на пост генерального секретаря КП(б)У (этот пост был введён специально «под него») преследовало ряд целей. Основной задачей нового руководителя парторганизации Украины стало очищение её рядов от троцкистско-зиновьевских оппозиционеров, укрепление и превращение в надёжную опору Сталина. Предыдущий глава — первый секретарь ЦК КП(б)У Э.И. Квиринг, представитель донецкой парторганизации и выходец из руководства Донецко-Криворожской советской республики, — был надёжным союзником Сталина во время его борьбы с Троцким и немало сделал для отстранения от управления республикой вождя украинских троцкистов Х.Г. Раковского. Однако затем он по ряду причин «утратил доверие» и был заменён проверенным Кагановичем⁴⁷. И тот полностью оправдал доверие «шефа». Каганович был человеком «со стороны», от КП(б)У не зависел и подчинялся лично генеральному секретарю ЦК РКП(б). Усиление веса и значения КП(б)У выразилось не только в учреждении поста генерального секретаря её ЦК, но и в повышении её статуса в целом. Превращение украинской парторганизации в опору ЦК требовало укрепления в ней дисциплины и беспрекословного подчинения. Поскольку Украина являлась национальной республикой, а национальный вопрос очень живо в ней дискутировался, то одним из непрременных условий этого стала борьба с любыми подходами, расходящимися с проводимым курсом: как с сопротивлением украинизации, так и со стремлением трактовать украинизацию как самоценную вещь. Борьба за овладение украинским культурным процессом стала другой важной задачей генсека КП(б)У.

Созданная под руководством Кагановича комиссия Политбюро ЦК КП(б)У по украинизации повела работу ускоренными темпами. И административные методы принесли свои результаты. Например, в 1926 г. делопроизводство в УССР было украинизировано на 65%, тогда как в начале 1925 — только на 20%, столь же активно велась украинизация образования⁴⁸. Вместе с тем методы, а главное, идеологическая направленность украинизации «по-сталински» вызвала недовольство у наркома просвещения УССР А.Я. Шумского, которое вскоре переросло в открытое противостояние с Кагановичем.

Бывший боротьбист Александр Яковлевич Шумский был в 1924 г. назначен на пост наркома просвещения для того, чтобы способствовать усилению украинизации. «Пора положить конец топтанию на месте в вопросе об украинизации», — заявил он на апрельском 1925 г. пленуме ЦК КП(б)У. Он заверял, что украинизация — это не превращение кого-либо в украинскую национальность⁴⁹. На практике же его политика сводилась именно к этому.

Каганович же свою задачу видел в том, чтобы «учитывать политические перспективы» и бдительно следить за тем, «куда идёт украинизация, гарантируя её направление в сторону укрепления диктатуры пролетариата»⁵⁰. Как и его «шеф», он понимал, что под прикрытием официальной политики развитие украинской культуры и националостроительство всё больше начинают развиваться в националистическом духе. Естественно, с перманентно присутствующим этому процессу противостоянием России и всему русскому, которые, вольно или невольно, ассоциировались с СССР и большевизмом. Между тем та же «Литературная дискуссия» показа-

⁴⁷ Борисёнок Е.Ю. Проблема украинизации во второй половине 1920-х годов и Л.М. Каганович // Славяноведение. 2001. № 5. С. 4.

⁴⁸ Даниленко В.М., Касьянов Г.В., Кульчицкий С.В. Сталінізм на Україні. С. 255.

⁴⁹ Там же. С. 255–256.

⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 113. Л. 10.

ла, что национально-культурные процессы, как и сама украинизация, из чисто культурной сферы перемещались в идеологическую. Поэтому придание украинизации «направления в сторону укрепления диктатуры пролетариата» было немыслимо без победы над её националистической трактовкой. Носителями таковой являлись национальная интеллигенция и те круги в партии, которые считали украинизацию явлением более широким, нежели средством по укреплению диктатуры пролетариата, и во главу угла ставили интересы «национального возрождения» «ранее угнетённого народа».

Шумский тоже был сторонником форсирования украинизации, но именно с позиций восстановления «исторической справедливости». В своём противостоянии Кагановичу он начал апеллировать к Сталину. В октябре 1925 и в апреле 1926 г. он обвинял Кагановича в формально-аппаратной украинизации, из-за которой создавалось положение, при котором «рост украинской культуры и украинской интеллигенции идёт быстрым темпом», а партия Украины от него отстаёт и может упустить это движение, если не возьмёт его в свои руки, и поднимал вопрос о его замене на посту генерального секретаря КП(б)У В. Чубарём. Вину за отставание партии Шумский возлагал на Кагановича, чьи личные качества и методы работы (авантюры, карьеризм, «метод организационного нажима», «оттирания высших советских учреждений и руководителей этих учреждений» от управления не соответствовали, как он считал, потребностям КП(б)У⁵¹.

Но не только Каганович виделся Шумскому «злым гением» украинизации. Он был лишь верхушкой айсберга, имя которому, как можно понять из слов наркома просвещения, — предательство национальных интересов украинского народа компартией

Украины и особенно коммунистами-украинцами. По убеждению Шумского, этнические украинцы-коммунисты делились на две неравные группы. Одна — это настоящие украинцы, с болью отзывающиеся на то угнетённое колониальное положение, в котором находился украинский народ (а если продолжить его мысль, и оставался до сих пор, потому что УССР не стала подлинно самостоятельным государством). Но «они в партии забиты, загнаны и составляют меньшинство даже арифметическое, не говоря уже о влиянии». И происходит это «потому, что в партии господствует русский коммунист, с подозрительностью и недружелюбием, чтобы не сказать крепче, относящийся к коммунисту-украинцу». Русский коммунист-господин (а в эту категорию попадали не только великороссы, но и обрусевшие инородцы и евреи, как Каганович) правил не сам, а «опираясь на презренный, шкурнический тип малоросса, который во все исторические эпохи был одинаково беспринципно-лицемерен, рабски-двоедушен и предательски подхалимен. Он сейчас щеголяет своим лжеинтернационализмом, бравитует своим безразличным отношением ко всему украинскому и готов всегда оплевать его (может, иногда и по-украински), если это даёт возможность выслужаться и получить тёплое местечко»⁵².

Именно в этой неукраинской, малороссийской психологии Шумский усматривал причины трудностей, с которыми пришлось сталкиваться украинизации, а УССР из-за них же не могла превратиться в подлинно самостоятельную советскую республику. Коммунист, нарком просвещения УССР слово в слово повторял то, что в своём кругу думали и говорили о большевиках, о партии и т.д. украинские националисты (в эмиграции и внутри страны). На существующую действительность Шумский смотрел с позиции

⁵¹ Сталин И. В. Сочинения. Т. 8. С. 149, 150.

⁵² РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 135. Л. 22–23.

украинского националиста, сторонника и участника украинского проекта. Главное препятствие — это русскость, в том числе её местные носители: «шкурры» — «малороссы» — и партия как её современный выразитель (пусть и формальный, внациональный). Таким образом, бывший боротьбист Шумский, ещё в 1920 г. называвший Красную Армию оккупационной силой, не только не отказался от своих прежних эсеровско-боротьбистских взглядов, но и считал ту позицию, которую он занимал до вступления в КП(б)У, правильной. «Партия должна стать украинской и по языку, и по культуре», — утверждал он⁵³. Строительство Украины надо вырвать из рук «малороссов» и тех, кто «не привлекает к руководству партийной и профсоюзной работой коммунистов, непосредственно связанных с украинской культурой», и передать его тем людям, которые «верят в дело украинской культуры... знают и хотят знать эту культуру, которые поддерживают и могут поддерживать нарастающее движение за украинскую культуру». А для этого, считал нарком, надо было самыми решительными темпами проводить украинизацию «в партии и среди пролетариата»⁵⁴.

Конфликт внутри КП(б)У сразу же привлёк внимание с разных сторон. За ситуацией внимательно следила украинская общественность, а эмиграция восприняла конфликт с воодушевлением, посчитав его началом долгожданного перерождения партии в защитницу украинских интересов. Например, один из столпов эмиграции Н. Шаповал советовал украинским коммунистам «увеличить влияние украинской националистической оппозиции... вести себя так, чтобы оппозицию считали выразителем интересов украинских рабочих и крестьян». «Тех коммунистов-украинцев, которые подлизываются к Москве», увеще-

вал Шаповал, «нужно взять под бойкот, как изменников... и презренных малороссов»⁵⁵ (бросается в глаза прямое заимствование из Шумского). Эмигрантская и западноукраинская пресса продолжала симпатизировать Шумскому, а затем Хвылеву и Волобуеву, одобряя их борьбу против «москвофильских коммунистических коммивояжёров» и «империалистов»⁵⁶. Настроения эмиграции не могли остаться незамеченными и оказывали влияние на реакцию большевиков, как и на весь ход идеологической борьбы на «украинском фронте».

Ситуация, между тем, требовала разрешения. И.В. Сталин ответил на претензии Шумского в свойственном ему духе, формально признав их правильными, фактически же указав на недопустимость проводимой наркомом линии. В своём письме «Тов. Кагановичу и другим членам ПБ ЦК КП(б)У» генсек согласился с необходимостью перелома психологии советских и партийных работников, недооценивающих серьёзность украинизации и скептически к ней относящихся, высказался за правильный подбор и создание кадров, «способных овладеть новым движением на Украине» Но тут же указал на недопустимость передачи руководства национально-культурным строительством «в руки чужих нам элементов»⁵⁷.

Он охладил пыл украинизаторов вроде Шумского, сказав, что украинизация — «процесс долгий, стихийный, естественный», и искусственно форсировать её темпы нельзя. Ошибка Шумского, пояснял Иосиф Виссарионович, заключалась в том, что он неправильно понимал украинизацию и не учитывал опасность, исходящую от чрезмерного потворствования национальному движению. Кадры коммунистов были сла-

⁵³ Там же. А. 23.

⁵⁴ Сталин И.В. Указ. соч. С. 149–150.

⁵⁵ Шаповал М. Через десять років // Нова Україна. Ноябрь 1927.

⁵⁶ Більшовик України. 1928. № 5. С. 5–6.

⁵⁷ Сталин И.В. Указ. соч. С. 150–151.

быми, а украинизация «сплошь и рядом» возглавлялась «некоммунистической интеллигенцией». Всё это могло «принять местами характер борьбы за отчуждённость украинской культуры и украинской общественности от культуры и общественности общесоюзной, характер борьбы против “Москвы” вообще, против русских вообще, против русской культуры и её высшего достижения — ленинизма». А «такая опасность» на Украине, по мнению вождя, становилась «всё более и более реальной». Сталин ссылался на пример «некоторых украинских коммунистов», например, Н. Хвылевого. «Только в борьбе с такими крайностями можно превратить поднимающуюся украинскую культуру и украинскую общественность в культуру и общественность советскую»⁵⁸. Сталин ненавязчиво, но твёрдо отверг и требования Шумского форсировать темп «украинизации» партийной верхушки КП(б)У и очистить её от «малороссов».

После такого ответа позиции наркома просвещения резко пошатнулись. Вопрос о Шумском (а затем и об олицетворяемом им уклоне в национальном вопросе от линии партии) начал широко обсуждаться на различных партийных форумах, например, на июньском пленуме 1926 г., и на заседаниях Политбюро ЦК КП(б)У. Шумский был вынужден признать ошибочность постановки вопроса об устранении Кагановича с поста генсека, полномочия которого, кстати, были подтверждены пленумом. В феврале 1927 г. украинское Политбюро, разбирая вопрос о состоянии народного образования, подвергло работу Наркомпроса резкой критике, отметив «неправильность линии» при проведении национальной политики, бессистемное руководство украинизацией и ослабление в наркомате партийного руководства. Успехи в деле украинизации Каганович объявил заслугой партии (и

самого себя), а не соратников Шумского. «Меньше всего в этом заслуга Наркомпроса, который не сумел охватить и руководить этим процессом, шедшим мимо Наркомпроса». Шумский, которому всё чаще приходилось объясняться и оправдываться, вынужден был согласиться, что «динамикой происходящего общественного процесса строительства украинской культуры» он не овладел⁵⁹. В конечном счёте Шумский был освобождён с поста наркома и отозван из Украины. В феврале — марте на Объединённом пленуме ЦК и ЦКК КП(б)У его поведение было уже охарактеризовано как «национальный уклон» от линии партии. И борьба против уклона Шумского, получившего название «шумскизма», пошла по нарастающей. Уже мартовский 1928 г. пленум назвал «шумскизм» одной из разновидностей украинского фашизма (хотя сам репрессирован не был)⁶⁰.

Отношение украинских кругов к оппозиции Шумского и Хвылевого было неоднозначным, и диапазон оценок, как указывалось в составленной в ГПУ «Записке об оживлении украинской контрреволюции», был чрезвычайно широк. «Правые» круги отнеслись к ней недоверчиво, подозревая, что это «не что иное как блеф, как грандиозная провокация, направленная к выявлению тех групп и лиц, которые пойдут за Шумским и Хвылевым». Но, не разделяя их взглядов, они в то же время усматривали в ней «защиту интересов украинцев». «Левые» круги, в целом разделявшие платформу Шумского и Хвылевого, были довольны появлением этого «знаменательного проявления» украинского национализма «внутри самой партии» как фактора, способствующего «развитию укра-

⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 113. Л. 16, 30.

⁶⁰ Даниленко В.М., Касьянов Г.В., Кульчицкий С.В. Указ. соч. С. 208, 262; Попов Н.Н. Очерк истории Коммунистической партии (большевиков) Украины. Изд. 5. Харьков, 1933. С. 289.

инской самостийнической идеологии и деятельности». Но и те, и другие были встревожены, что в партии проводится «борьба с украинцами», а «проявления инициативы в украинском направлении кончается ссылкой»⁶¹.

Развенчание национального уклона в КП(б)У велось параллельно с развенчанием «хвyleвизма», а потом и «волобуевщины», которые имели общие с «шумскизмом» корни. Утверждалось, что проявления «шумскизма» в культуре и экономике стали возможными благодаря позиции Шумского, прикрывавшего и даже защищавшего их (позже аналогичные обвинения падают на нового наркома просвещения Н. Скрыпника, в то время активного борца с «шумскизмом»). Скрыпник в частности обрушился на Шумского за его отношение к ВАПЛИТЕ и творчеству Хвyleвского, за ту позицию, которую он занимал в ходе литературной дискуссии. На майском пленуме 1926 г. Шумский прямо заявил, что «согласен с основной мыслью т. Хвyleвского о том, какими путями должна развиваться украинская литература и какими материалами она должна питаться». Не согласен он был лишь «с той формой, в которую облекает Хвyleвский свою правильную мысль». А ведь именно нарком просвещения во многом определял линию, по которой шло развитие литературы (в частности, он редактировал известный журнал «Червоный шлях», где печатались Хвyleвский и его единомышленники). Шумский обвинялся в потворстве и покровительстве Хвyleвскому⁶², то есть в оправдании теории борьбы культур в её украинском варианте и приоритетности ориентации молодой украинской культуры на западные образцы. Действительно, бывший нарком полагал (и не без основания), что в УССР

продолжается борьба двух культур «за аудиторию... за рынок сбыта продукции своего труда», но, формально порицая и русскую, и украинскую интеллигенцию, он всецело был на стороне последней, называя её борьбу «борьбой за права», да «и сам являлся... сторонником и представителем» теории «борьбы культур»⁶³.

Между тем июньский 1926 г. пленум решительно осудил Хвyleвского и вместе с ним «шумскизм» и «хвyleвизм». «Такие лозунги, — говорилось в резолюции пленума, — могут только служить знаменем для растущей на почве нэпа украинской мелкой буржуазии, которая возрождение нации понимает как буржуазную реставрацию, а под ориентацией на Европу... понимает ориентацию на Европу капиталистическую — отмежевание от крепости международной революции, столицы СССР — Москвы»⁶⁴. Каяться в ошибках пришлось и Хвyleвскому.

Особое место в критике национального уклона занимали проблемы украинизации рабочего класса, прежде всего его русской и русскоязычной части. О недопустимости форсирования темпов в этом вопросе весьма резко высказался сам Сталин. Признав, что состав пролетариата будет постепенно меняться, украинизовываться, он отверг попытки украинизовать его «сверху». «Нельзя заставить русские рабочие массы отказаться от русского языка и русской культуры и признать своей культурой и своим языком — украинский, поскольку это противоречит принципу свободного развития национальностей», — предостерегал Сталин, напоминая, что это может лишь спровоцировать рост антиукраинского шовинизма⁶⁵. Рабочий класс являлся опорой советской власти, и актив-

⁶¹ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 127. Л. 276–278.

⁶² Скрыпник М. Хвyleвизм чи шумськизм? // Більшовик України. 1927. № 2. С. 26, 30, 31, 33.

⁶³ Там же. С. 32, 34; Шумський О. Ідеологічна боротьба в українському культурному процесі. С. 14.

⁶⁴ Документи. С. 583–584.

⁶⁵ Сталин И.В. Указ. соч. С. 151–152.

ность, с которой украинская интеллигенция старалась украинизовать его ради завоевания украинского культурного процесса или ради превращения его в украинский по виду и по духу (конечный результат был бы одним), вызывала обеспокоенность у советского руководства. В заявлении ЦК КП(б)У о сути шовинизма на Украине, направленном в адрес Исполкома Коминтерна (1927 г.), в разделе об украинском уклоне вопрос об украинизации рабочего класса стоял на первом месте. Там же говорилось, что национальный уклон в КП(б)У проявлялся в недооценке и непонимании роли рабочего класса и компартии (якобы не желающих строить Украину и не делающих этого) в разрешении национального вопроса на Украине, в бюрократическом и националистическом подходе к темпам (форсированным) и форме приобщения неукраинской части рабочего класса к украинской культуре и в стремлении насильственно украинизовать русских и прочих рабочих-украинцев.

Далее следовали пункты, в которые были сведены взгляды на партию всех её критиков в национальном вопросе, начиная с украинских эсеров и социал-демократов и заканчивая позицией Шумского. Уклон проявлялся в неверии в силы и способность партии проводить национальную политику; в стремлении подорвать доверие к партийным кадрам (к русским и назначенным из других республик); в представлении о партии как об организации — носительнице русского шовинизма, в которой угнетаются коммунисты-украинцы; в травле украинских товарищей, проводящих правильную линию и потому квалифицируемых как изменники, ренегаты, «презренные малороссы». И, наконец, перебрасывался мостик между критикой партии и шовинизмом в вопросах строительства украинской культуры, заключавшемся в поддержке ориентации украинской культуры на капита-

листическую Европу в противовес Москве⁶⁶.

Но не стоит усматривать в борьбе с «шумскизмом — хвылевизмом» исключительно гонения на «национально-сознательных ведъм» (хотя украинский национализм тоже начинал беспокоить власти). Начавшаяся кампания подогревалась и корректировалась раскладом сил в руководстве страны. Правомерно утверждение, что политику большевиков в области украинизации следует рассматривать в контексте партийно-политической борьбы⁶⁷. События 1926 г. не были исключением. Левая оппозиция во главе с Г. Зиновьевым и Л. Каменевым активно использовала национальный вопрос, стремясь заручиться поддержкой мощной украинской партийной организации. В апреле 1926 г. на сессии ЦИК СССР, на котором правительство УССР отчитывалось о проделанной работе, с критикой в его адрес «за крайности украинизации», проявления «зоологического русофобства», притеснения русского и русскоязычного населения, русского языка выступил известный коммунист Ю. Ларин (Лурье). В журнале «Большевик» была также помещена его статья, в которой говорилось, что «местные партийные и государственные органы перегнули палку» в проведении украинизации⁶⁸. Выступление Ларина не нашло поддержки у большинства участников сессии, но сигнализировало об отношении определённых кругов партии к состоянию дел на Украине. Недовольство украинизацией звучало и из уст вождей партийной оппозиции. Например, Зиновьев, выступая на заседании Президиума ЦКК (июнь 1927 г.), назвал националь-

⁶⁶ *Попов Н.Н.* Указ. соч. С. 286–287.

⁶⁷ *Борисёнок Е.Ю.* Проблема украинизации во второй половине 1920-х годов и Л.М. Каганович. С. 11.

⁶⁸ *Ларин Ю.* Об извращениях при проведении национальной политики // *Большевик*. 1926. № 23–24. С. 58.

ную политику Сталина «архибеспринципной», приведя в качестве примера Украину, где «такая» украинизация «помогает петлюровщине, а настоящему шовинизму отпора нет»⁶⁹.

Использование в своих интересах распространённого недовольства украинизацией могло сослужить оппозиции добрую службу. Внутрипартийная борьба заставляла Сталина и его верного соратника Кагановича лавировать в национальном вопросе. Украинизация уже сама по себе была колоссальной уступкой украинствующим. Но баланс надо было поддерживать. Обвиняя оппозицию в великодержавных настроениях, они в то же время должны были сохранить поддержку тех украинских коммунистов, кто не выступал против линии партии, но был недоволен украинизацией. Кампания против национального уклона и его «покровителя» Шумского лишила оппозицию сильных аргументов и отсекала от неё тех, кто был готов её поддержать исключительно из-за национального вопроса.

Развернувшаяся кампания по развенчанию «триединого уклона», снятие Шумского и критика «украинизации ради украинизации» стали явным знаком того, что в руководстве ВКП(б) местный национализм всё больше и больше начинал восприниматься главной опасностью. Голоса, критикующие украинизацию не в чьём-либо толковании, а как политику вообще, стали раздаваться всё чаще. Но это, безусловно, не означало прекращения борьбы против «великорусского и великодержавного шовинизма» и — шире — русскости. Они по-прежнему расценивались как главная опасность (об этом, например, говорилось в резолюции июньского 1926 г. пленума ЦК КП(б)У). Любые попытки критиковать украинизацию, если критика исходила не из уст Сталина и

его окружения, расценивалась в лучшем случае как ошибка, если не враждебный выпад. В уже упомянутом заявлении ЦК КП(б)У в Исполком Коминтерна говорилось о необходимости борьбы с великодержавным уклоном в партии и перечислялись его черты.

Несмотря на кампанию против «триединого уклона», курс на украинизацию свёрнут не был. Напротив, невзирая на явное одёргивание тех, кто видел в ней самоцель, в конце 1920-х темпы украинизации выросли, а сама она продолжала представлять собой нечто большее, нежели декларируемое средство по укреплению диктатуры пролетариата и приближения партии и власти к народу. И оставалась она таковой во многом благодаря новому наркому просвещения Николаю Скрыпнику.

* * *

Что можно сказать о рассмотренных выше концепциях с точки зрения исторической перспективы? Лежащая в их основе идея «Украины» и её самостийности не выбивается из общей канвы идеологии и практики украинства, и потому данные концепции дополнили идейный багаж украинского движения. Так, требования экономического суверенитета (от России — СССР) и «вхождения в мировое хозяйство» как самостоятельного организма оказались востребованы в условиях постсоветской Украины. Ну а что при этом происходит с украинской экономикой и Украиной вообще (разрыв естественных экономических связей с Россией и интеграцией-капитуляцией с экономикой Запада), становится понятным сейчас, на фоне «евроассоциации» Украины с Европейским союзом и сопутствующих этому событий. Хотя о таких последствиях разумные люди (те же большевики) предупреждали давно.

Основа такой экономической политики — идея-миф о европейско-

⁶⁹ Національне питання на Україні та опозиція. С. 4.

сти Украины и украинцев, о необходимости ориентации на «европейские ценности» и «культурные образцы» и «бегство от России». Всё это — основа украинской идеи, и украинский проект базировался на этом принципе и раньше. Но именно писатель-коммунар Хвылевой выразил их наиболее чётко, при этом подчеркнув, что делать это необходимо в любом случае, какой бы Россия и Украина ни были.

Однако само это «модернизационное направление» украинского национал-самостийничества оказалось феноменом временным, хотя и всерьёз встревожило большевиков. И дело не только в том, что коммунистическая идея и УССР ушли в прошлое. Как показало время, для идеологии и сущности украинского национализма оно оказалось чем-то искусственным. Модернизация, промышленность, городская культура — всё это как было, так и осталось для украинства чужим и чуждым, ибо было русским (или даже

просто русскоязычным) по культуре и мировоззрению.

«Хуторянство», «местечковость» и «провинциальность» — только уже воинствующие и «обогащённые» кровавым опытом ОУН-УПА, остались идейным уровнем и социальным идеалом украинского национализма. Даже если его адепты и рассуждают о своей «европейскости». И в этом социально-мировоззренческом контексте неслучайной видится ненависть, которую украинство питает к промышленному урбанистическому «Юго-Востоку». Неслучайно и то, с какой лёгкостью оно приносит его в жертву «евроинтеграции» — то есть, с одной стороны, интересам Запада, а с другой — собственным идеалам и мифам. Это ещё раз показывает, что городские, промышленные, наукоёмкие, русскокультурные Донбасс, Новороссия и Харьков чужды «Украине». И им не жить вместе.

Издательская группа «Скимень» выпустила в свет книгу Константина Крылова «Прогнать чертей»

Константин Крылов — признанный интеллектуальный лидер русского национального движения. Последовательный националист, радикальный критик российской политической и культурной реальности, продолжатель традиций классической публицистики — и блестящий мыслитель, чье творчество стало одним из самых ярких явлений интеллектуальной жизни России «нулевых».

В сборнике представлены тексты, посвященные общественно-политическим темам: начиная с устройства современного российского государства и кончая положением русского народа.

По вопросам распространения и приобретения: 8-964-551-49-54, kkrylov@mail.ru (Константин Крылов); 8-964-580-19-12, lasido@mail.ru (Надежда Шалимова).

АЛЕКСАНДР СТЫКАЛИН

ДУНАЙСКИЕ ПРОЕКТЫ ОСКАРА ЯСИ

*Памяти Тофика Муслимовича
Исламова, выдающегося знатока
межнациональных отношений в
странах Средней Европы в Новое и
Новейшее время*

Для осмысления сегодняшних процессов, происходящих в сфере межнациональных отношений как на постсоветском пространстве, так и в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, весьма полезно, на наш взгляд, обращение (если даже и критическое) к богатому, многообразному опыту монархии Габсбургов, спектр оценок которой в исторической литературе всегда был чрезвычайно широк — от «европейской необходимости» и гаранта стабильности в Средней Европе до «тюрьмы народов». И речь идет не только о реально воплощенных, зачастую неудачных или по крайней мере не оправдавших себя в длительной перспективе (как не оправдала себя и сама конструкция австро-венгерского дуализма образца 1867 г.) проектов урегулирования отношений между имперским центром и национальными движениями. Но и о тех идеях и планах, которые в силу конкретных исторических обстоятельств так и не были реализованы, но все же определенным образом повлияли как на общественную мысль в странах Дунайско-Карпатского региона, так и на политическую практику в них в некалендарном XX веке (1914–1989). К последним можно отнести дунайские федеративные и конфедеративные проекты венгерского, а позже американского политического мыслителя Оскара Яси (1875–1957). При всем утопизме взятой им на себя сверхзадачи (предло-

жить жизнеспособную федералистскую альтернативу развитому национализму в странах Средней Европы в условиях, в частности, Версальской системы), они и сегодня могут представить некоторый интерес при выработке конкретных планов регионального сотрудничества.

* * *

18 октября 1918 г. президент США Вудро Вильсон признал полное право народов Австро-Венгерской монархии на самоопределение. Предоставление им автономии уже не было достаточным условием для заключения мира с Австро-Венгрией. Все более открытая поддержка державами-победительницами центробежных тенденций в многонациональной Дунайской империи ускорила ее обвал. Провозглашенное 28 октября Чехословацкое государство претендовало не только на чешские земли, входившие в состав австрийской половины двуединой монархии, но и на словацкие — принадлежавшие ее восточной, венгерской половине. 30 октября Словацкий национальный совет подтвердил свою приверженность единому с чехами государству. 13 ноября Чехословакия провозглашается республикой, а на следующий день Национальное собрание в Праге избирает ее президентом находившегося в США Т.Г. Масарика. Тогда же, в ноябре, республикой становится и Венгрия, президентом был избран известный либеральный политик граф Михай Каройи.

Попытки нового правительства сохранить Венгрию в исторически сложившихся границах ее «коронных» земель, включавших в себя Трансиль-

ванию, Словакию, Воеводину, Закарпатскую Украину и др., с самого начала терпели неудачу. Подписанная Венгрией как побежденной страной 13 ноября конвенция предусматривала вывод войск с обширных территорий, ранее управлявшихся из Будапешта.

Правительство Каройи сразу признало право земель, заселенных словаками, на автономию в составе Венгрии. Однако контроль над этими землями был утрачен. Новая администрация формировалась там с чешской помощью. Венгерское правительство, не отказавшись от претензий на словацкие земли, инициировало наступление своих войск. Их столкновение с чешскими легионерами было чревато перерастанием в серьезную войну. Конфликт не могли разрешить ни обмен нотами, ни переговоры. Неудача на переговорах по вопросам размежевания с Румынией, проходивших перед этим в Араде¹, только придавала венгерской стороне решимости отстаивать свои позиции в споре с молодым чехословацким государством. Между тем чехословацкая дипломатия нашла себе мощного союзника в лице Франции. С подачи министра иностранных дел Э. Бенеша представитель Антанты в Будапеште французский подполковник Ф. Викас вручил венгерскому правительству ноту, определявшую венгеро-чехословацкую границу по достаточно произвольной линии, не совпадавшей с этнической границей. Согласно позиции венгерского правительства, вопрос о границах могла решить только мирная конференция, а до тех пор речь должна была идти лишь о демаркационной линии, установить которую можно в ходе двусторонних переговоров. Однако фактически первая «нота Викаса» предвос-

хитила будущие границы двух государств.

Масарик, вернувшись на родину 20 декабря, через день выступил в Национальном собрании, изложив свои представления о послевоенном устройстве Центральной Европы и месте Чехословакии в нем. Его речь имела особый отклик в Венгрии, чья новая политическая элита, продолжая воспринимать страну в границах «королевства Св. Стефана» (включавших в себя словацкие территории), была весьма равнодушна к постановке Прагой словацкого вопроса. В первой же программной декларации президента Чехословакии было заявлено жесткое отношение к трехмиллионному немецкому меньшинству — немцам сразу же было указано, что в чешских землях они воспринимаются не как коренное население, а как потомки иммигрантов и переселенцев. Масарик выразил и свое отношение к австро-венгерской государственности эпохи дуализма. Австро-Венгерская монархия, образованная в 1867 г., как и обе ее составные части, были, на его взгляд, искусственными конструкциями, сразу же развалившимися при поражении Германии и ее союзников в войне. Президент напомнил и о политике дискриминации национальных меньшинств в Венгрии. Страны-союзницы, говорил он как бы от имени всех победоносных держав, ясно видят, что у венгров есть право только на национальное государство в границах проживания мадьярского этноса.

Возможные со стороны венгров обвинения чехов в экспансионизме Масарик отверг: правительство молодой республики не претендует на чужие земли, однако претензии на Словакию обоснованны в силу того, что речь идет о землях, на которых проживает одна из ветвей единой (согласно выношенным убеждениям Масарика) чехословацкой нации. Как и венгерские политики, он исходил из принципа исторических границ. В случае с Богемией и

¹ См.: Чуканов М.Ю. К истории венгеро-румынских переговоров о будущем Трансильвании в ноябре 1918 г. // Восточная Европа после «Версаля» / Отв. редактор И.И. Костюшко. СПб., 2007.

Моравией проблем не было, ибо сложившиеся еще в Средневековье границы этих государственных образований номинально продолжали существовать и в условиях габсбургского господства. Сложнее дело обстояло с чешской Силезией (на часть которой претендовала Польша) и особенно со словацкими землями. С севера естественной границей Словакии должны были стать северные границы прежнего Венгерского королевства, в самых верхних комитатах которого словаки составляли абсолютное большинство. Спорным, по мнению Масарика, мог быть только вопрос о южных границах Словакии, а значит, и о венгеро-чехословацких границах. Границы, обозначенные французской нотой, президент назвал исторически обоснованными, но никаких исторических аргументов не привел. К этнической аргументации он также не прибегал, она не могла работать в его пользу: в Южной Словакии, вблизи новых границ, проживало более полумиллиона венгров.

В те же дни в интервью венгерской газете президент не мог уйти от вопроса о правомерности присоединения к Чехословакии ряда земель, где преобладали венгры. В качестве контраргумента Масарик заметил, что и в Венгрии осталось словацкое меньшинство (он при этом не вдавался в подробности относительно его численности — если не считать ассимилированных, омадярившихся в эпоху австро-венгерского дуализма словаков, то весьма незначительной). Обязавшись гарантировать соблюдение прав венгров в Словакии, президент в то же время отклонил идею плебисцита на спорных территориях. Более надежным инструментом закрепления этих земель в составе Чехословакии он считал гарантии западных держав. Масарик говорил и о правомерности присоединения к Чехословакии земель, заселенных преимущественно русинами — речь идет о Подкарпатской Руси (Закарпатской Укра-

ине). Венгерского министра по делам национальностей Оскара Яси сильно задело недоверие к венгерскому демократическому правительству, поскольку 23 декабря оно провозгласило автономию этой области и там было начато строительство новых властных институтов.

Программные заявления Масарика тем сильнее задевали венгерского политика, что чешский лидер воспринимался им как старый соратник в борьбе с отжившей себя дуалистической системой. М. Каройи и О. Яси (оба родившиеся в 1875 г.), хотя и относились совсем к другому поколению, чем Масарик (1850 г.р.), играли в политической жизни довоенной Венгрии роль, сходную с той, что играл Масарик в чешских землях. Они были виднейшими фигурами того лагеря, который выступал за далеко идущие системные реформы (хотя, конечно, ситуации различались. Если в Чехии на повестке дня стояло достижение национального суверенитета, то в Венгрии — задачи коренной демократизации существующей политической системы², и в том числе решения остро стоявшего национального вопроса). Роль Яси в движении за реформы была настолько велика, что относящийся к его поколению великий поэт Эндре Ади назвал его ни много ни мало «венгерским мессией», открывшим ранее неизвестные пути к национальному возрождению³.

С самого начала своей карьеры публициста, политика и ученого (одного из основоположников венгерской социологии) Яси (уроженец Трансильвании, выросший в полиэтнической среде) проявлял чувствительность к национальному вопросу, который

² Из 17 млн. населения многонационального Королевства Венгрия избирательным правом пользовались 400 тыс. человек.

³ См.: Congdon L.W. Beyond the «Hungarian Wasteland»: a study in the ideology of national regeneration. 1900–1919. Ann Arbor, Mich., 1973.

справедливо считал важнейшим для дальнейшего существования исторически сложившейся венгерской государственности. Один из пороков системы он видел в том, что либеральный закон 1868 г. барона Й. Этвёша, предусматривавший развитие национальных школ, использование в суде и комитатских органах языков этнических меньшинств, назначение их представителей на ответственные должности, не был проведен в жизнь. Вместо того чтобы решать национальный вопрос, венгерская элита использовала его в корыстных целях: если бы не было нацменьшинств, их бы придумали — ведь для того, чтобы канализировать недовольство венгров жизненным положением, нужно было найти общего для всех независимо от социальных различий врага. Выступая за ликвидацию всякой дискриминации, за широкое представительство выходцев из меньшинств в органах власти, Яси писал, что содействием немадьярским культурам только обогатит хозяйственные и духовные силы многонациональной страны и даже призывал венгерскую интеллигенцию осваивать языки живущих в стране народов.

Вместе с тем позиция Яси обозначила непреодолимую пропасть между максимумом уступок, на которые готовы были пойти самые радикальные венгерские политики, и минимумом, который считали приемлемым для себя лидеры румынских, словацких, хорватских, сербских движений монархии. Мнение Яси о том, что национальный вопрос сам собой постепенно разрешится вследствие общей демократизации, вестернизации страны, было неубедительным для представителей национальностей, требовавших (как и во время революции 1848–1849 гг.) не только личных свобод, но и коллективных национальных прав. Критикуя политику мадьяризации, Яси и сам не был чужд иллюзиям относительно возможности снять существующие межэтнические противоречия, опи-

раясь на идею единой венгерской политической нации, которая как аксиома присутствовала во всех межпартийных спорах⁴. Критерием нации, отличающим ее от национальности, Яси считал способность к образованию государства. В проживающих в Венгрии национальных меньшинствах он видел главным образом национальности, которые могут и не иметь предпосылок для создания собственной государственности, их устремления должны быть направлены на развитие своего языка, культуры и хозяйства в рамках инационального (или многонационального) государства. Его представления о культурной автономии, близкие австромарксистским, не исключали, а напротив, предполагали в отдаленной перспективе ассимиляцию меньшинств.

Правда, Яси выступал за медленную, постепенную, безболезненную ассимиляцию, в которой видел естественный исторический процесс. Вместо близорукой политики насильственной мадьяризации, ведущей к консервации отсталости, необходимо, считал он, предоставить дело ассимиляции великим историческим силам экономического прогресса, создавшим унитарные западные государства, в которых (как, например, во Франции, где Яси провел около года в университетской среде) в целом решен национальный вопрос. Индустриализация, развитая городская культура, всеобщее избирательное право и более высокие жизненные стандарты решат задачи ассимиляции куда эффективнее силовой политики. Приоритетной задачей он считал не всеобщую языковую мадьяризацию, но усиление у разноязычных жителей страны венгерского государственного самосознания. С другой стороны, подлинная демократия, по его мнению, поведет к усилению доминанции венгерской культуры в Дунай-

⁴ См.: *Контлер А.* История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М., 2002. Глава VI.

ском бассейне, поскольку для представителей национальностей откроются широкие возможности преуспевания на экономическом, административном и любых других поприщах, и они с большей охотой будут учить венгерский язык. Залогом сохранения «исторической Венгрии» является ее демократическая трансформация, ведь только общими усилиями всех проживающих народов можно превратить Венгрию в современную, отвечающую европейским стандартам страну, предотвратить распад всей Австро-Венгерской монархии и сохранить экономическую целостность ее венгерской половины.

Требую строгого соблюдения автономии хорватских земель, предусмотренной законом 1868 г., Яси и его партия в то же время исходили из принципов унитаризма, полагая, что федеративное устройство страны помешало бы делу демократии и развитию культуры. Реформированную Венгрию он по возможности хотел видеть в тех же исторических границах. Сохранение целостности венгерского государства он считал тем более важным для обеспечения стабильности в Дунайском бассейне, что этнические границы в этом регионе достаточно размыты и условны. Предвидя ситуацию, действительно сложившуюся в условиях Версальской системы, Яси еще до Первой мировой войны писал, что проблема нацменьшинств сохранится и в государствах, образованных вследствие развала Австро-Венгрии.

Между тем надежды на то, что программа культурной автономии сделает нацменьшинства лояльными Венгрии, оказывались несостоятельными в условиях, когда вдоль венгерских границ существовали самостоятельные румынское и сербское государства, а в чешских землях — мощное национальное движение, притягательное для словаков. Ни один из этносов Венгрии, исключая разве что закарпатских русинов, в начале XX в. уже не мог удовлетвориться этой программой, а тем

более принять ассимиляторские установки. Чем далее, тем более лидеры национальных движений связывали пути разрешения своих проблем с созданием и укреплением собственных национальных государств.

С началом Первой мировой войны с ее сомнительными при любом исходе перспективами для Австро-Венгрии (успех Германии усилил бы ее доминацию в регионе за счет ослабления союзной ей Дунайской монархии) Яси, резко не принявший войну, признал, что выполнение его прежней национальной программы отнюдь не гарантирует сохранения целостности венгерского государства. Под влиянием идей позднего Л. Кошута он выступает с проектами преобразования Австро-Венгерской монархии в Дунайскую федерацию (конфедерацию), Дунайские Соединенные Штаты⁵. В условиях угрозы со стороны соседних мощных держав — Германии и России — венгерское государство, по его мнению, могло бы сохраниться как жизнеспособное образование только в тесном союзе с соседними государствами (польским, чешским, австро-немецким, югославянским). Только объединившись во внешнеполитическом и военном плане и создав единое таможенное пространство, они могли бы стать серьезной державой, способной противостоять любой экспансии как с Запада, так и с Востока, — очевидна идейная переключка с эмигрантской публицистикой Л. Кошута.

При том, что осуществление Дунайского проекта Яси предполагало далеко идущую демократизацию политической жизни в каждой из составных частей нового государственного образования, лидеры национальных дви-

⁵ На идейные построения О. Яси оказала известное влияние и концепция «Срединной Европы» Ф. Науманна, хотя венгерский публицист наполнял ее иным, более демократическим содержанием, нежели идеолог германского экспансионизма.

жений народов Австро-Венгрии воспринимали этот проект как форму сохранения венгерской гегемонии в регионе и даже как проявление венгерского экспансионизма, ибо речь могла идти о претензиях Венгрии на ведущую роль в федерации, даже превышающей по размерам монархию Габсбургов⁶. Для такого отношения были основания, ведь Трансильвания и словацкие земли должны были остаться неотъемлемыми частями унитарного венгерского государства в составе Дунайской конфедерации. Там, где дело касалось Трансильвании, это был шаг назад в сравнении с проектом Л. Кошута, видевшего в Трансильвании самостоятельный государствообразующий компонент.

Только в октябре 1918 г., в самый канун революции, Яси признал правомерность федерализации Венгрии, превращения ее в своего рода «восточную Швейцарию», однако эти идеи не были поддержаны его соратниками по радикальной партии, которые продолжали делать акцент на целостности будущей демократической Венгрии, ограничившись обещаниями удовлетворить притязания других народов в сфере языка и культуры. Между тем к осени 1918 г. уже и программа федерализации Венгрии казалась лидерам национальных движений недостаточной, на повестку дня весомо и зримо вышли лозунги на-

ционального самоопределения вне рамок венгерского государства. В ноябре 1918 г., в совершенно новых условиях, создавшихся в результате падения Австро-Венгерской монархии, Яси на венгеро-румынских переговорах исходил из принципа федерализации демократической Венгрии в границах, максимально приближенных к границам раннесредневекового «королевства Святого Стефана». Но его миссия, как уже отмечалось, закончилась полным провалом, натолкнувшись на жесткую позицию румынской делегации во главе с Ю. Маниу⁷. Не только в практической политике и на дипломатическом поприще, но и как теоретик Яси потерпел осенью 1918 г. серьезную неудачу: его надежды на поддержку идеей Дунайской конфедерации со стороны Великобритании и США, примирение этих проектов с провозглашенными принципами вильсонизма оказались иллюзорными, а любые планы по удержанию национальных меньшинств в лоне исторической Венгрии — мертворожденными.

Программные выступления Масарика оказались еще одним ударом (после неудачи «на румынском направлении») по формирующейся венгерской демократии, тем более сильным, что нанесен он был европейски известным политиком и мыслителем демократического склада. Яси подверг резкой критике в прессе заявления чехословацкого президента. Задетый утверждением о том, что многонациональное венгерское государство было искусственной кон-

⁶ Для установления равновесия в регионе Яси считал необходимым включить в состав Дунайской конфедерации польские и югославянские территории, не входившие в состав Австро-Венгрии. Венгрия стала бы важнейшим системообразующим компонентом федерации, войдя в нее в границах восточной — венгерской половины дуалистической монархии (кроме хорватских земель). Проект Яси по сути дела предусматривал создание союза не народов, а исторических государственных образований. В случае успешного осуществления Дунайская федерация стала бы, по мнению Яси, шагом к созданию Соединенных Штатов Европы.

⁷ После неудачных арадских переговоров Яси писал о том удручающем положении, в котором оказалась молодая венгерская демократия в своем стремлении решить национальный вопрос: теперь уже невозможно удовлетворить национальности теми мерами, которые они с удовольствием приняли бы несколько лет, а может быть и несколько месяцев назад. У нас уже ничего не осталось, кроме демократических принципов, которые мы последовательно соблюдаем, заметил он.

струкцией, закономерно распавшейся, он писал, что совсем не в интересах победы демократии в Дунайском бассейне было бы ущемлять 10-миллионный народ несправедливым решением, нанося ему плохо заживающие душевные раны. Было бы более правильным воздать должное искренним демократическим стремлениям нации, которая сбросила виновников своего вовлечения в войну и со всей решимостью приступила к демократическим реформам. Яси считал, что победоносная Антанта, игнорируя венгерскую позицию о границах с Чехословакией, совершает серьезную ошибку, которая будет иметь негативные последствия для безопасности в регионе. В более широком плане, соглашаясь с необходимостью принятия мер в целях нейтрализации на будущее германской угрозы для народов Дунайского бассейна, Яси видел ключевую проблему послевоенной системы безопасности все же не в формировании защитных механизмов против пангерманизма, а в том, чтобы для всех наций региона были созданы условия для демократического развития — без ущемления национальных чувств. Воспрепятствовать германскому реваншизму может только союз жизнеспособных демократических государств, умеющих обеспечить полноценное развитие своих народов и находящихся при этом в состоянии тесного экономического сотрудничества.

Требование Масарика отказаться от плебисцитов при подготовке мирного договора с Венгрией вызвало серьезные возражения Яси. Раздраженный недоверием к венгерскому демократическому правительству и его искренним обещаниям навсегда отказаться от прежней шовинистической политики, он решительно отверг обвинение в том, что оно будет в случае проведения плебисцита путем насилия добиваться выгодного для себя результата. Действительно, речь шла о территориях, контролируемых чехословацкими войсками, и подобного рода обвинения

были бессмысленны. Венгерское правительство не имело механизмов, способных повлиять на исход плебисцита, именно в этом безнадежном положении Яси и предлагал прибегнуть к плебисциту как наиболее демократичному способу выявления народного волеизъявления. Что касается Масарика, его позиция не была здесь последовательна. Лидер Чехословакии неоднократно высказывался в пользу проведения плебисцита как метода разрешения спорных территориальных вопросов, но только если не видел в том или ином конкретном случае прямой угрозы чехословацким интересам.

В свою очередь Яси был весьма последователен в скептическом отношении к проекту чехословакизма. Еще в условиях Первой мировой войны он высказывал раздражение по поводу чрезмерного, по его мнению, радикализма чешского национального движения: чехи уже не удовлетворяются исторической территорией «земель короны св. Вацлава», они вошли в азарт и требуют для себя также земли венгерской «короны св. Стефана (Иштвана)», заселенные словаками. Споря с Масариком в конце 1918 г., Яси уже не ссылаясь на принцип исторического права, говорил лишь о требовании справедливости в отношении Венгрии и соображениях экономической целесообразности. В то же время он высказал сомнение в том, что культурная, образованная часть словацкого общества пожертвует своим языком и правом на самоопределение ради объединения с чехами на искусственной платформе чехословакизма. Ход истории чешско-словацких взаимоотношений в XX в. доказал обоснованность его скептицизма.

Полемизируя с Масариком, Яси в то же время подчеркивал единство целей либеральных элит соседних стран. Он считал разрешение венгеро-чехословацкого конфликта реальным и насущным делом и весьма наивно надеялся на то, что его оппонент, при-

неся в жертву часть обретенного чехословацкого суверенитета, осознает преимущества преобразования габсбургского пространства в демократическую конфедерацию, в рамках которой можно легче разрешить межэтнические противоречия. Чешская элита, обретшая долгожданную власть, не только с враждебностью воспринимала любые призывы ограничить ее суверенитет. Ставя своей задачей интеграцию словацких земель в единое чехословацкое государство, она вообще в тот момент не была особенно заинтересована в демократической Венгрии, привлекательной для словаков, как не могла быть, конечно, заинтересована и в агрессивном режиме в соседней стране, который угрожал бы региональной стабильности и безопасности. Венгрия в любом случае оставалась для Чехословакии наиболее проблематичным соседом.

Трагедия венгерского демократического правительства заключалась в том, что оно, оказавшись в состоянии внешнеполитической изоляции, не смогло даже в минимальной степени отстоять свои позиции в территориальных спорах с соседями, и это лишило его внутренней поддержки. Уже в январе 1919 г. О. Яси, подвергавшийся сильным нападкам с правого фланга за неспособность сохранить целостность венгерского государства, ушел в отставку с поста министра по делам национальностей. Граф М. Каройи, столкнувшись с новыми требованиями Антанты, 21 марта передал власть правительству коммунистов и левых социал-демократов. Продолжавшийся 133 дня коммунистический эксперимент, предпринятый в расчете на мировую революцию и сопровождавшийся левацкими эксцессами, завершился в начале августа падением Венгерской Советской республики под натиском превосходящих сил противника (решающую роль в ее разгроме сыграла румынская армия). На смену советской власти в Венгрии в скором времени

пришел правоавторитарный хортистский режим.

* * *

Как Каройи, так и Яси покинули Венгрию еще в период коммунистической диктатуры 1919 г. Живя в эмиграции, оба политика в своей борьбе против хортистского режима стремились заручиться поддержкой наиболее влиятельных политических кругов в странах Дунайского бассейна. Встречаясь с Масариком и Бенешем, они пытались прозондировать почву: готово ли либеральное чехословацкое правительство полуофициально признать венгерскую демократическую эмиграцию в качестве представителя интересов Венгрии на международной арене и поддерживать с ней постоянные связи. В Венгрии в первые месяцы 1920 г. бушевал белый террор, преследованиям подвергались не только коммунисты, но и либералы, по мнению правых радикалов, подготовившие национальное унижение, выразившееся в Трианонском мирном договоре, передавшем соседним государствам около двух третей территории, до войны управлявшейся из Будапешта.

В ходе беседы с Яси Бенеш охотно согласился с его мнением о том, что режим Хорти представляет собой не только угрозу для соседей, но и препятствие для торжества демократии в Дунайском бассейне (ни его, ни других лидеров соседних с Венгрией государств в этом никогда не надо было убеждать). Он согласился также с необходимостью поддержания искреннего и активного диалога между демократическими силами соседних наций. Хотя Бенеш и заверил Яси в поддержке⁸, едва завязавшийся диалог не получил, однако, серьезного продолжения. С одной стороны, руководство молодой Чехословацкой респу-

⁸ См.: *Wilson S.J. Oszkar Jaszi and the Hungarian democratic emigration // Hungarian Studies. Vol. 7. № 1–2. Вр., 1991/1992.*

блики не сбрасывало со счетов возможность использования Яси и венгерской демократической эмиграции как орудия против Хорти (прежде всего в пропагандистском плане). С другой стороны, оно понимало, что пришедший к власти в Венгрии режим имеет глубокие корни в полуфеодальной социально-экономической структуре страны, и с этим нельзя не считаться; обладает он и достаточной общественной поддержкой в условиях тотального сдвига вправо, охватившего венгерское общество после провала коммунистического эксперимента и внешнеполитического поражения в Версале. Знали чехословацкие лидеры и о том, что Яси, напротив, не имеет необходимой опоры в обществе и не пользуется поддержкой крупных держав, чтобы в обозримом будущем оказаться во главе Венгрии.

Не внушала энтузиазма в Праге и persona самого Яси. Там хорошо знали о его скептической позиции в отношении перспектив чешкословацкой общности. Кроме того, пропагандируемые им проекты установления таможенного союза дунайских государств предполагали ключевую роль демократической Венгрии в таком союзе, что не было в интересах чешской экономической элиты. Наконец, Яси не скрывал своего отрицательного отношения к условиям Трианонского договора, вполне устраивавшего чехословацкую сторону. Во время встречи с венгерскими эмигрантскими лидерами Бенеш явно уклонился от предпринятой его собеседниками попытки навязать обсуждение несправедливостей договора. Масарик, принимая Яси, проявил несколько большее понимание венгерской позиции. Он сказал, что, если бы был лидером демократической Венгрии, добивался бы двух вещей: 1) создания международных гарантий для того, чтобы были обеспечены права венгерского меньшинства в соседних странах; 2) в ходе мирных переговоров он стал бы добиваться пересмотра гра-

ницы в целях присоединения к Венгрии тех пограничных территорий, где венгры составляли очевидное большинство. На словах признавая правомерность постановки с венгерской стороны вопроса о более справедливых границах, президент Чехословакии, конечно, не собирался идти здесь ни на малейшие уступки. Что же касается Бенеша, то он в ходе беседы с Каройи откровенно заметил: учитывая венгерские политические традиции и влияние поправившего общественного мнения, сомнительно, чтобы тот, оказавшись в Венгрии у власти, проводил принципиально иную внешнюю политику, нежели Хорти и его окружение⁹.

В конце концов в Пражском Граде предпочли обсуждать и решать вопросы двусторонних отношений в диалоге не с демократической эмиграцией, находящейся не у дел, а с самими хортистами, чему способствовали начавшаяся консолидация режима Хорти, провал попытки реставрировать правление Габсбургов в Венгрии и приход к власти в этой стране более умеренных и реалистически настроенных консерваторов во главе с графом Иштваном Бетленом, хотя и не поступившихся ревизионистскими требованиями, но отдававших предпочтение мирному способу решения территориальных проблем в ожидании благоприятной для этого внешнеполитической конъюнктуры. Уже в марте 1921 г. Бенеш принял министра иностранных дел хортистской Венгрии Г. Граца. Интерес к венгерской демократической эмиграции как к орудию борьбы против Хорти к этому времени фактически пропал. В Праге осознали, что есть другие, куда более эф-

⁹ Подробнее см.: *Стыкалин А.С.* К истории взаимоотношений лидеров первой Чехословацкой республики с венгерскими леволиберальными деятелями (1918 — начало 1920-х гг.) // *Славянский альманах. 2007 / Отв. ред. М.А. Робинсон. М.: Индрик, 2008. С. 133–152.*

фективные и реальные способы обуздать ревизионистские территориальные притязания Венгрии — Малая Антанта (союз Чехословакии, Румынии и Королевства сербов, хорватов и словенцев — КСХС, т.е. будущей Югославии) и поддержка Франции, гарантирующей неприкосновенность границ, установленных в рамках Версальской системы. Установки на диалог с хортистами находили поддержку Запада. В 1923 г. режим Хорти получает заем от Лиги наций. Вопреки мнению либеральной эмиграции, требовавшей обусловить предоставление такого займа глубокой внутренней либерализацией Венгрии, от Хорти потребовали только более сдержанной политики в отношении соседей. Сам регент и его премьер-министр граф И. Бетлен были склонны принять это правило игры.

Неудачами завершились попытки Яси обрести весомых политических партнеров и в двух других соседних с Венгрией государствах — КСХС, а также в Румынии. В Белграде помнили о том, что в годы Первой мировой войны венгерский политик отрицательно относился к объединению югославянских земель вокруг Сербии. Он мотивировал это тем, что в этом случае вся Средняя Европа (как регион) утратила бы выход к Средиземному морю, а западные культурные влияния были бы отданы на произвол восточных. В Белграде Яси натолкнулся на стену отчуждения. Не помог и сомнительный в этическом плане компромисс, дававший все основания соотечественникам упрекать его в национальном предательстве: Яси предлагал югославам в целях сохранения рычагов давления на Хорти не спешить с выводом своих войск из г. Печ и его окрестностей, хотя вопрос о принадлежности этих земель был решен державами-победительницами в пользу Венгрии (войска были выведены в 1921 г.).

В Румынии Яси был принят более радушно, однако его идеи экономического и культурного сближения Ду-

найских стран нашли понимание и поддержку только самого узкого круга интеллектуалов, но отнюдь не политической элиты. В письме Каройи он писал, что румынские, как и чехословацкие лидеры, предпочитают иметь дело не с ним, а с хортистами, у которых реальная власть; при всем внешне проявленном радушии к человеку, уступившему в свое время Румынии Трансильванию, интерес к его идеям невелик. В самом деле, идеи федерации с участием демократической Венгрии могли в 1921–1923 гг. проходить только по ведомству «журавлей в небе», тогда как для обуздания реально существовавших ревизионистских притязаний хортистской Венгрии на земли соседей уже были найдены к тому времени достаточно эффективные средства, включая Малую Антанту.

Будучи в Румынии, Яси посетил родную Трансильванию и вынес впечатление о притеснении румынскими властями полуторамиллионного венгерского населения. В своей последующей публицистике и лекциях, отмечая недостатки Версальской системы, он писал не только о неразрешенной проблеме национальных меньшинств, но и о нарушении издавна сложившихся экономических связей (между Венгрией и Трансильванией, венгерскими и словацкими землями), здесь его аргументация парадоксально перекликалась с аргументами хортистских идеологов. Проведенное в Версале размежевание, разезд по национальным «квартирам» Яси считал в лучшем случае только промежуточным этапом в деле средневропейского урегулирования. Он пытался обратить внимание международного общественного мнения на опасность балканизации стран Дунайского бассейна, писал о том, что вакуум, образовавшийся вследствие распада монархии, должно заполнить большое государственное образование, которым могла бы стать демократическая федерация дунайских народов. Ведь только в ее рам-

ках можно разрешить национально-территориальные споры, а с другой стороны, только сильное во внешнеполитическом плане государство будет способно отстаивать интересы народов региона в условиях диктата соседних держав. В противном случае Дунайский бассейн станет ареной кровавых междоусобиц.

Призывая к поискам новых форм сотрудничества и кооперации, Яси находил, однако, мало понимания, в том числе и на Западе. В его планах конфедерации и там видели не механизм разрешения застарелых территориальных споров, а хитроумный способ сохранения венгерской доминации в регионе. Играло роль и общее предубеждение против Венгрии, сильное в 1920-е гг. в среде европейских интеллектуалов, особенно во Франции. Живучий образ венгров как угнетателей соседних этносов (не только славян, но и румын) дополнился новыми негативными стереотипами вследствие прогерманской ориентации венгерской правящей элиты во время Первой мировой войны. Сказались и коммунистический эксперимент 1919 г., и ревизионистские устремления хортистского режима, которым противостояли, защищая при поддержке Франции свои новые границы, страны Малой Антанты. Причем незавидный политический имидж Венгрии в межвоенной Европе в известной мере способствовал предубеждению против венгерской культуры и даже языка, само существование которого в иноязычном средневропейском окружении иногда рассматривалось как нечто иррациональное, мешающее взаимопониманию народов.

В самой крайней, провокативной и циничной форме такую точку зрения выразил всемирно известный французский лингвист Антуан Мейе, еще в 1906 г. избранный иностранным членом-корреспондентом Петербургской Академии наук. «В тот день, когда олигархическая структура Венгрии уступила бы натиску катящегося по

всему миру простонародного движения, венгерский язык был бы сметен с лица земли вместе с обломками феодалного сословия, которое насильственно навязало этот язык другим. Ведь венгерский язык был защищаем лишь политической силой этого сословия. Язык этот не несет в себе оригинальной цивилизации»¹⁰, — писал он в конце 1920-х гг. на волне антивенгерской истерии во Франции, усилившейся после нашумевшей финансовой диверсии: в отместку за Трианон (воплощение французских планов безопасности Средней Европы) венгерские авантюристы при участии хортистских спецслужб пытались наводнить рынки Франции фальшивыми деньгами, что едва не привело к серьезному расстройству финансовой системы в этой стране. Таким образом, общественное мнение на Западе, особенно во Франции, не было надежным союзником венгерской демократической эмиграции.

При всей своей приверженности либеральным ценностям Запада Яси в работах начала 1920-х гг. много критиковал не только французскую, но и британскую внешнюю политику, считая эти страны ответственными за приход к власти в Венгрии режима, создающего угрозу региональной безопасности. В 1920 г. не оправдались его надежды на вмешательство Запада в целях пресечения белого террора. Еще более серьезной ошибкой он считал предоставление займа реакционному режиму. Однако ошибки, по его мнению, допускались не только в тактике, но и в стратегии. В Трианонском договоре Яси видел недальновидную попытку принести венгров в жертву тем процессам переустройства региона, которые были призваны обеспечить всеобщий мир и спокойствие. Он убеж-

¹⁰ Цит. по: Венгры и Европа. Сборник эссе / Составители В. Середа и Й. Горетить. Предисловие и комментарии В. Середы. М., 2002. С. 33.

дал оппонентов в том, что спокойствие в Средней Европе не наступит, если Венгрия будет изгнана из семьи дунайских народов. Ставя проблему в более широком плане, он обращал внимание лидеров молодых государств на опасность разрозненности в условиях, когда эти страны оказались зажаты между крупными, склонными к экспансии державами (реванш Германии и активизацию наступательной внешней политики СССР он считал только делом времени).

Без частичного пересмотра Версальской системы, некоторого удовлетворения амбиций Германии и Венгрии нет надежды на мир, писал Яси, душевные раны ущемленных народов можно залечить только мирным путем, тогда как новая война будет иметь катастрофические последствия для всех народов Центральной Европы. Указывая на несправедливости Трианонского договора, он в то же время не считал его пересмотр панацеей от всех проблем: Трианон стал для хортистов удобным защитным механизмом от любых оппозиционных выступлений — отсталость экономики и все пороки системы легко можно было списать на внешнеполитическое ущемление Венгрии.

Трагизм положения Яси заключался в том, что его мало кто слушал. Лидеры соседних стран шли на контакт с ним только в той мере, в какой считали возможным использовать его в инструментальном плане (против Хорти). Идеи и проекты Яси оказались невостребованными. Чехословакия была довольна обретенным суверенитетом, а Румыния своими версальскими границами, нужды в федерации они не видели, связывая гарантии безопасности в Дунайском бассейне с формированием механизма сдержек и противовесов. Более того, будучи критиком Трианонского договора, Яси воспринимался в соседних странах в сущности как сторонник той же ирредентистской политики, что и хортисты. На него до известной степени проецировалось тра-

диционное недоверие соседей даже к самым умеренным венгерским политикам, которое (позволим себе сделать небольшое отступление) значительно позже, в феврале 1940 г., в принципиально иных условиях четко выразил в беседе с советским посланником в Будапеште Н.И. Шароновым его югославский коллега Рашич: с венграми «трудно иметь дело: они одержимы мегаломанией и не могут понять, что все державы на Балканах не хотят видеть старую Венгрию»; «ревизионизм и мегаломания оставят их без всяких союзников»¹¹.

Для недоверия были, конечно, все основания. Первый и второй венские арбитражи 1938 и 1940 гг., возвратившие Венгрии часть утраченных ею по итогам договора 1920 г. земель (Северную Трансильванию, Южную Словакию и Южное Закарпатье), показали ненасытность ревизионистских аппетитов хортистской элиты. Они не удовлетворили ее притязаний на земли, отошедшие в 1920 г. к соседним государствам. Лидеры страны в условиях начавшейся Второй мировой войны стремились к реализации программы максимум в деле восстановления дотрианонских границ Венгрии.

Весной 1943 г., после сокрушительного поражения Германии под Сталинградом и разгрома венгерской армии на Дону, правительство М. Каллаи пытается осторожно искать пути разрыва с Германией и выхода из войны, ставка делалась на сепаратные переговоры с Великобританией и США. Дело продвигалось с трудом, не доверяя хортистской элите, западные державы предпочитали налаживать контакты с представителями либеральной и социал-демократической оппозиции. При этом не только в оппозиционных, но уже и в умеренных хортистских

¹¹ Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы / Отв. редактор Т.М. Исламов. М., 2000. С. 20–21.

кругах теперь прорабатываются концепции послевоенного переустройства Карпатско-Дунайского региона, частично переключившиеся с прежними проектами Яси. В Будапеште хорошо понимали, что активное участие Венгрии в войне на стороне нацистской Германии практически не дает ей оснований надеяться на поддержку западных держав в деле ревизии трианонских границ и что можно рассчитывать самое большее на незначительную их корректировку в Трансильвании с учетом того, что не только Венгрия, но и Румыния была сателлитом Третьего рейха. В этих условиях больше надежд возлагалось на возможность осуществления альтернативных федеративных и конфедеративных проектов, участвуя в которых, Венгрия могла бы не только избежать дипломатической изоляции, но и влиять благоприятным для себя образом на ситуацию в регионе.

О своих планах венгерские (и в том числе хортистские) политики информировали не только Запад, но и антигитлеровские политические круги некоторых соседних стран, в том числе представителей эмигрантского правительства Югославии, с которыми контактировали в нейтральной Турции. Но попытки в ходе контактов убедить соседей в целесообразности создания некоей Дунайской федерации не находили понимания. Те же югославы увидели в этих планах не более чем тактический трюк хортистской политической элиты, стремившейся не только избежать ответственности за участие в войне на стороне Германии, но по-прежнему упрямо претендовавшей (пускай в скрытой форме) на политическую доминацию в регионе. Стойкое подозрение к любым исходившим с венгерской стороны идеям преобразования Дунайско-Карпатского региона на федеративных началах продолжало, таким образом, сохраняться и в годы Второй мировой войны.

Показательно, как в июле 1943 г.

посланник югославского королевского правительства в Турции в беседе с советским послом С.А. Виноградовым прокомментировал получившие хождение в венгерских оппозиционных кругах идеи создания после войны федерации, в которую Хорватия и Трансильвания входили бы в качестве самостоятельных субъектов: «Венгрия этой комбинацией хочет заполучить все то, что когда-то потеряла Австро-Венгрия, и демонстрирует то, что дважды битая Венгрия не хочет расстаться со своими империалистическими намерениями»¹². Тем более не могли найти поддержки соседей планы некоторых венгерских легитимистов, сделав ставку на Отто Габсбурга, восстановить в реформированном виде Дунайскую монархию.

Надо сказать, что некоторые проекты Дунайской федерации (конфедерации), разрабатывавшиеся в официальных хортистских кругах, искавших путей разрыва с Германией, в отдельных моментах переключались не только с идеями Яси, но и с проектами переустройства Дунайско-Карпатского региона, разработанными британскими и американскими экспертами. Правда, эти эксперты сохраняли недоверие к хортистам и с трудом шли на контакты с последними (тем более что правительство Каллаи не было готово предпринимать слишком радикальные шаги с целью разрыва с Германией, опасаясь оккупации Венгрии вермахтом, что в конце концов и произошло 19 марта 1944 г.).

* * *

Как бы то ни было, Оскар Яси ко всему этому не был непосредственно причастен. Убедившись, что лидеры соседних с Венгрией государств предпочитают диалогу с ним контакты с хортистами, а идеи Дунайской федерации не находят большого отклика, он переселился еще в 1925 г. в США,

¹² Там же. С. 193.

где стал всемирно известным экспертом по габсбургской и средневропейской тематике. Живя в США, Яси пропагандировал в университетской среде идеи Дунайской федерации как первого шага к созданию Соединенных Штатов Европы, побуждал американскую внешнеполитическую элиту к более активной европейской политике. В своей классической работе 1929 г. о распаде Австро-Венгрии¹³ он писал об угрозе националистических вызовов для безопасности в Центральной Европе.

В 1930 г. к 80-летию Т.Г. Масарика в Чехословакии силами либеральной венгерской эмиграции был подготовлен и вышел юбилейный сборник на венгерском языке. Участвовать в нем был приглашен и Яси. Установленные в регионе границы, писал он, едва ли можно назвать оптимальными с точки зрения интересов всех народов Дунайского региона. Однако существующее состояние он считал переходным, надеясь на формирование новых рамок сотрудничества стран Средней Европы¹⁴. Через три года, с приходом Гитлера к власти, обеспокоенный Масарик и сам уже, по некоторым сведениям, в беседе с австрийским послом завел разговор о Дунайской федерации.

Венгерские либералы не могли не признать, что положение венгров в демократической, масариковской Чехословакии было не таким уж плохим. Неоднозначность ситуации применительно к межвоенному периоду хорошо выразил в работе 1946 г. известный политический мыслитель Иштван Бибо. Чехи имеют все основания утверждать, писал он, «что судьбу

немцев или венгров в чехословацком государстве никак нельзя [было] называть невыносимой». Но хотя «положение их было вполне сносным, однако нелепым был сам факт их пребывания в составе страны чехов и словаков, обретших друг друга на основе славянского братства»¹⁵.

После оккупации в марте 1944 г. Венгрии Германией события развернулись для нее по наихудшему сценарию. Не сумев вовремя «выпрыгнуть», как Румыния, из союза с Гитлером, Венгрия оказалась в незавидной роли последнего сателлита Третьего рейха. Естественно, что после войны ей было еще труднее рассчитывать на благосклонное к себе отношение больших держав, огромные трудности ждали Венгрию и при выстраивании отношений с ближайшими соседями. Вплоть до подписания в 1947 г. мирных договоров продолжался территориальный спор с Румынией из-за Трансильвании, отношения с Чехословакией резко осложняли проекты выселения венгров из Словакии, вынашивавшиеся чехословацкой элитой во главе с Э. Бенешем. Все-таки Венгрии довольно быстро удалось нормализовать отношения с титовской Югославией, отказавшейся под давлением Сталина от территориальных претензий к своему северному соседу. Развитие отношений двух стран происходило под знаком дунайского содружества, и побежденная во время войны, не принятая в ООН Венгрия даже не прочь была отдать пальму первенства гораздо более влиятельной Югославии в проектируемом союзе дунайских государств. К весне 1947 г. происходят некоторые подвижки и в отношениях с Румынией (планы таможенного союза двух стран, поддержанные премьер-министром Румынии П. Грозой, нашли отклик части венгерской

¹³ *Jaszi O. The Dissolution of the Habsburg Monarchy. Chicago, 1929.* На русском языке: *Яси О. Распад Габсбургской монархии / Перевод О.А. Якименко. Послесловие А.Г. Айрапетова. М., 2011.* Рецензию на эту книгу см.: *ВН. 2011. №8. С. 233–238 (прим. ред.).*

¹⁴ *Jászi O. Masaryk elnök tanítása // Masaryk G.T. életműve, működése és hatása. Bratislava, 1930.*

¹⁵ *Бибо И. О бедствиях и убожестве малых восточноевропейских государств // Венгры и Европа. М., 2002. С. 234.*

элиты, увидевшей шанс на сохранение некоторых экономических позиций Венгрии в Трансильвании).

В последний раз Яси посетил Центральную Европу в 1947 г. «*My Fate Calls me*» («Судьба зовет меня») — объяснял он в одном из писем мотивы своего средневропейского турне. 72-летний американский профессор не просто вернулся в прошлое, он хотел на основе собственных впечатлений оценить, способна ли идея Дунайской федерации найти воплощение в новых условиях. Дунайский регион был охвачен очередной волной межнациональных распрей, правительство Чехословакии, как было отмечено выше, приступило к реализации программы выселения венгров, в отличие от программы выселения немцев так и не реализованной в полном объеме. Парижская мирная конференция подтвердила с небольшими изменениями (не в пользу Венгрии) границы, установленные Трианонским договором 1920 г. Не только консервативная, но в своей значительной части и либеральная интеллигенция Венгрии продолжала видеть родину в ее исторических границах и верить в несправедливость трианонской «ампутации».

Считавший себя либералом и западником писатель Шандор Марай, когда прочитал в феврале 1947 г. текст Парижского договора, сделал запись о новом торжестве «мещанской Бенешевой клики», вновь овладевшей прекрасным и благородным городом Кашша (Кошице), родным городом Марай. Ностальгируя по Венгрии в границах «святого Иштвана» и сетуя по поводу того, что «чисто венгерское население Верхней Венгрии, никем не спрошенное, вопреки его воле, [вновь] пожаловали чешскому и словацкому минимпериализму»¹⁶, Марай даже не задается вопросом о праве на самоопределение не только венгров, но также румын Трансильвании и словаков Верх-

ней Венгрии (слово «Словакия» вообще принципиально отсутствует в его лексическом багаже). И так, при всем органически присущем Яси историческом оптимизме результатом его поездки явилось новое, еще более глубокое разочарование в возможности реализации его дунайского проекта. До самой своей смерти (1957 г.) он больше не возвращался в Европу.

Впрочем, было бы неправильно полагать, что у Яси совсем не имелось единомышленников. Идеи единения, союза, содружества и особенно тесного экономического сотрудничества Дунайских государств были довольно популярны во второй половине 1940-х годов среди части интеллигенции и некоторых видных политиков региона, в Венгрии вошли даже в партийные программы. Для того чтобы в странах Средней Европы часть элит обратилась к серьезному обсуждению перспектив регионального сотрудничества, понадобился исторический опыт двух мировых войн. Празднования весной 1948 г. в Венгрии столетия одной из великих европейских революций XIX в. не просто приобрели большой размах, но стали в общем неплохо получившейся попыткой продемонстрировать единение дунайских народов. Вследствие состоявшихся в Будапеште встреч правительственных делегаций произошли позитивные сдвиги в развитии венгерско-румынских и венгерско-чехословацких отношений, отягощенных различием подходов к урегулированию национально-территориальных споров.

Наиболее сильный удар по планам сотрудничества дунайских народов нанес не кто-нибудь, а Сталин, не только всегда с подозрением относившийся к любым неподконтрольным ему горизонтальным связям между странами советской сферы влияния, но иницировавший в 1948 г. конфликт со слишком амбициозным югославским коммунистическим лидером Тито и настаивавший на прекращении контактов

¹⁶ Венгры и Европа. С. 299.

с Югославией всех своих сателлитов. С началом конфликта Венгрия быстрее других восточноевропейских стран отмежевалась от Югославии. Из-под любых планов создания союза дунайских государств и даже менее амбициозных проектов активизации дунайского экономического сотрудничества была полностью выбита почва.

В сравнении с Яси, оставшимся в сущности человеком ушедшей эпохи, другой выдающийся венгерский леволиберальный мыслитель, Иштван Бибо шел в 1940-е гг. дальше. Главным условием превращения Дунайско-Карпатского региона в зону мира и сотрудничества стали бы, по его мнению, не строительство конфедерации и связанные с этим поиски новых комбинаций союзных стран с участием традиционных субъектов, например, самостоятельной Трансильвании, а способность новых политических элит (причем не только венгерской) к дефетишизации отживших себя рамок исторических государств. Это сделало

бы возможным отказ от взаимных претензий при перекройке межгосударственных границ на основе строгого соблюдения этнического принципа и принципа самоопределения¹⁷.

Не теряет, однако, значения идейное наследие Оскара Яси. В общественно-политической атмосфере Европы 1920-х гг. венгерский мыслитель, конечно, напрасно питал иллюзии, что идея Дунайской федерации окажется более привлекательной для чехов или румын, нежели восторжествовавшая в Версале национальная идея. Но в долгосрочном плане он оказался отчасти прав, увидев угрозу распыленности сил в Дунайском бассейне безопасности всей Европе. Чешские политики, и в том числе Эдвард Бенеш, не считавшие нужным реагировать в 1919–1920 гг. на предостережения Яси, в 1938 г. поплались за свою самоуверенность печальной мюнхенской развязкой.

¹⁷ См.: *Бибо И.* Указ. соч.

**rosndp.org —
официальный сайт Национально-
Демократической партии**

На этом портале вы всегда можете узнать свежие новости о деятельности партии, о проводимых НДП гражданских кампаниях и ознакомиться с партийной программой. Кроме того, данный сайт предлагает вашему вниманию регулярные публикации об актуальных событиях в политической, общественной и экономической жизни страны.

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВ

СТАЛИНИЗМ КАК РЕГРЕСС

В голове нашего среднего обывателя за последние годы сложилось сугубо мифологическое представление о сталинском периоде отечественной истории, в котором он предстаёт чуть ли не потерянным раем, — неудивительно, что мечта о его возвращении стала настоящим массовым психозом «россиян». Это настроение резко контрастирует с тем, как видели ту эпоху её современники. Например, в замечательном «Дневнике» Л.В. Шапориной без обиняков говорится о «жизни без горизонта, полуголодной, полухолодной, полукаторжной и абсолютно рабской», где господствует «презрение к обывателю, возведенное в принцип»¹.

Кто-то может сказать, что эта характеристика субъективна и пристрастна. Между тем она полностью соответствует выводам новейших научных исследований, написанных как российскими, так и (в основном) зарубежными историками, на основе тщательного изучения материалов бывших советских архивов, приоткрывшихся в 90-е годы (а сегодня становящихся всё менее доступными). К сожалению, широкий читатель, как правило, этих работ не знает, а довольствуется сталинистской макулатурой а ля Стариков, которой буквально завалены полки книжных магазинов.

Не льщу себя надеждой, что предлагаемые заметки смогут принципиально переломить ситуацию, но надеюсь, что людей адекватных и настроенных про-

сталински просто в силу неосведомлённости приведённые ниже факты заставят хотя бы задуматься: хотели бы они жить в этом «раю» и стоит ли так уж восхищаться мнимыми достижениями сталинского СССР? Большинство сталинофилов воспринимает последний как *справедливое общество*, как *социальное государство*, а более продвинутые говорят о сталинизме как о «русском Модерне», но ничего из перечисленного на самом деле там и в помине не было.

1. Голод и нищета

Сталинский СССР (т.е. СССР 1929–1953 гг.) не был для подавляющего большинства его граждан не только обществом материального изобилия, но и даже обществом скромного достатка, это было общество голода, нищеты и борьбы за выживание.

Разгромленное в результате коллективизации сельское хозяйство не могло обеспечить население страны достаточным количеством продовольствия, а неурожаи и вовсе приводили к эпидемиям голода. Хорошо известны голод 1933 г. (по разным оценкам, от 4,6 до 8,5 млн. умерших; в XX в. больше человек умерло от голода только после 1958 г. в Китае)² и 1946–1947 гг. (более 1,5 млн.)³, но более скромные вспышки голода происходили и в 1936–1937 гг. (умерло несколько десятков человек⁴ и в 1940-м («в апре-

¹ Шапорина Л.В. Дневник. М., 2012. Т. 1. С. 428; Т. 2. С. 98. См. мою развёрнутую рецензию на эту книгу: *Сергеев Сергей*. Хроника обыденного ада // <http://www.apn.ru/publications/article31322.htm>

² Дэвис Роберт, Уиткрофт Стивен. Годы голода: Сельское хозяйство СССР, 1931–1933. М., 2011. С. 421–422.

³ Зима В.Ф. Голод 1946–1947 годов: Происхождение и последствия. М., 1996. С. 170.

⁴ Осокина Е.А. За фасадом «сталинского

ле 1940 года Берия в донесении Сталину и Молотову информировал: «По сообщениям ряда УНКВД республик и областей за последнее время имеют место случаи заболевания отдельных колхозников и их семей по причине недоедания». В числе нуждающихся в помощи перечислялись Киевская, Рязанская, Воронежская, Орловская, Пензенская, Куйбышевская области, Татарская АССР. «Проведенной НКВД проверкой факты опухания на почве недоедания подтвердились». Колхозники ели мясо из скотомогильников, подсолнечный жмых и другие суррогаты, бросали работу и уезжали в другие районы»⁵.

От голода страдала, конечно, в первую очередь деревня, ибо вместо помощи у неё отбирали последнее. В досоветской России случаев голода было очень много, но, как правило, цари и императоры открывали для голодающих запасы продовольствия и уж, конечно, не выставляли вокруг голодающих районов заградотряды, которые не давали отчаявшимся людям вырваться из зоны бедствия (к 13 марту 1933 г. ОГПУ арестовало 220 тыс. беглецов, из них 187 тыс. были отосланы обратно умирать в свои деревни, остальные отданы под суд или отправлены в фильтрационные лагеря)⁶.

Деревня, в которой проживало в начале 30-х гг. 80% населения страны (к концу сталинского правления уже гораздо меньше), воспринималась правящим режимом просто как ресурсная база, откуда можно черпать дешёвое продовольствие и дешёвую рабочую силу. Колхозы служили «государству средством экономической эксплуатации крестьянства в форме больших заданий по обязательным госпоставкам, оплачиваемых государством

по крайне низким ценам». Соответственно уровень жизни и потребления крестьянства «после коллективизации резко снизился и за весь предвоенный период так и не достиг снова уровня, существовавшего до 1929 г.». А «период с конца войны и до смерти Сталина в 1953 г. стал для крестьян самым тяжёлым из всех, пережитых ими с начала 30-х гг.»⁷.

Так называемая система трудодней в колхозах предполагала оплату труда продуктами, но лишь после сбора урожая и расчёта по госпоставкам, так что в случае неурожая выплата на трудодень могла составлять менее трети килограмма зерна на крестьянский двор, денежные же выплаты были крайне малы (по официальным данным, средний колхозник получил в целом за год 108 руб. в 1932 г. и 376 руб. в 1937 г.), а во многих колхозах вообще не производились (скажем, так было в 1940 г. в 41% колхозов Рязанской области)⁸.

Уровень медицинского обслуживания советского крестьянства поражает воображение. «В 1932 г. в сельской местности одна больничная койка приходилась примерно на тысячу человек, правда, в 1937 г. это соотношение несколько выросло — до 1,6 койки на тысячу человек. Согласно переписи, в 1937 г. 110 млн. чел. сельского населения обслуживали менее 12 000 врачей, 54 000 фельдшеров и акушерок и менее 7000 фармацевтов». «Электричество в большинство сел Советского Союза пришло только в хрущевскую эпоху. Накануне Второй мировой войны электрифицирован был лишь каждый двадцать пятый колхоз, и даже в 1950 г. — не больше чем каждый шестой»⁹.

Но в городах, даже и в самых привилегированных, как Москва и Ленинград, жизнь тоже мёдом не казалась.

изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. 2-е изд. М., 2008. С. 264.

⁵ Там же. С. 277–278.

⁶ Дэвис Р., Уиткрофт С. Указ. соч. С. 433.

⁷ Фицпатрик Шейла. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. С. 350–352.

⁸ Там же. С. 167.

⁹ Там же. С. 243–244.

Реальный доход рабочих, который впервые в 1927 г. превысил уровень 1913 г., во время первых пятилеток снизился и вновь достиг уровня 1927 г. только в послевоенный период. В 1931–1934 гг. рабочий тратил на питание 70–80% своего заработка, в то время как до Первой мировой войны — 40–50%¹⁰.

Почти половину сталинского периода в городах официально действовала карточная система (с 1929 по 1935 и с 1941 по 1947 г.) Карточки гарантировали рабочим минимум, препятствующий голодной смерти. В 1930 г. «рабочие получали... 600–800 гр черного хлеба плохого качества, по 100–200 гр мяса в “мясные дни”. Но что это было за мясо — конина, солонина. Частенько мясо заменялось воблой, рыбой, консервами. Другие продукты — крупа, сахар, масло, чай, сельдь, макароны — продавались с перебоями. В лучшем случае рабочая семья получала в месяц по 0,5–1 кг сахара и крупы да бутылку растительного масла. Дети рабочих в мизерном количестве от случая к случаю получали масло, яйца, молоко. По сравнению с пайком служащих, который включал лишь хлеб, сахар и крупу, рабочие имели преимущества, но они не обеспечивали сытой жизни». «Вместо 150 гр. мяса в день, как в 1926 году, рабочий в среднем ел 70 гр в 1932-м и 40 гр в 1933 году. Практически исчезли из рациона сливочное масло, яйца, молоко. Примерно на уровне 1926 года оставалось только потребление хлеба, картофеля, крупы, рыбы... В 1934–35 годах питание рабочих улучшилось, но все же ко времени отмены карточной системы восстановить уровень потребления мясо-молочных продуктов, существовавший в конце 20-х годов, так и не удалось»¹¹.

Еще более скудным было государ-

ственное снабжение непродовольственными товарами. В начале 30-х «даже в Москве потребность в чулках, носках, платках удовлетворялась лишь наполовину, потребность в одежде и обуви — в лучшем случае на треть, в нитках — на 10–20%. Очереди за керосином были хроническими, а спичек выдавали — по 2 коробка в руки... Рабочие имели преимущества в получении товаров, но они выглядят смехотворными. Так, на 338 человек фабрики Гознак было получено 9 ордеров на женскую и 11 на детскую обувь. Другой пример, взятый из сводок ОГПУ: на одной из шахт Донбасса на 326 рабочих было выдано 15 ордеров на костюмы и обувь. После этого рабочие пытались избить членов комиссии по распределению талонов... На следующий день треть не вышла на работу. Мотивировка — отсутствие одежды»¹².

Но после отмены карточек 1 января 1935 г. уровень жизни только понизился. Сами рабочие в письмах 1935 г. к советским руководителям, сравнивая стоимость жизни в 1913 г. и теперь, подсчитали, что зарплаты с той поры выросли в четыре раза, а цены на хлеб в двадцать семь раз¹³. Главное же, товаров (прежде всего продовольственных) в свободной продаже постоянно не хватало.

«К концу третьей пятилетки, в 1940 году, легкая промышленность производила в год на душу населения всего лишь 16 м хлопчатобумажных, 90 см шерстяных и 40 см шелковых тканей, менее трех пар носков и чулок, пару кожаной обуви, менее одной пары белья... В 1937 году в стране производилось 2 часов на каждые сто человек населения; 4 патефона, 3 швейные машины, 3 велосипеда, 2 фотоаппарата и 1 радиоприемник на каждую тысячу человек; 6 мотоциклов на каждые 100 тысяч человек. Государствен-

¹⁰ *Нойтатц Дитмар*. Московское метро: От первых планов до великой стройки сталинизма (1897–1935). М., 2013. С. 258.

¹¹ *Осокина Е.А.* Указ. соч. С. 111, 166–167.

¹² Там же. С. 111.

¹³ *Дэвис Сафа*. Мнение народа в сталинской России: Террор, пропаганда и инакомыслие, 1934–1941. М., 2011. С. 44.

ная пищевая промышленность, хотя и расширила объемы производства, выпускала в год (1940) на душу населения всего лишь 13 кг сахара, 8–9 кг мяса и рыбы, около 40 кг молочных продуктов, около 5 кг растительного масла, 7 банок консервов, 5 кг кондитерских изделий, 4 кг мыла.

Приведенные цифры — это данные о размерах производства. В магазины попадало гораздо меньше, так как значительная часть продукции шла на вне рыночное потребление — снабжение государственных учреждений, изготовление спецодежды, промышленную переработку и прочее. Во второй пятилетке вне рыночное потребление несколько сократилось, но с началом третьей вновь стало быстро расти. За весь 1939 год в розничную торговлю в расчете на одного человека поступило всего лишь немногим более полутора килограммов мяса, два килограмма колбасных изделий, около килограмма масла, порядка пяти килограммов кондитерских изделий и крупы. Треть промышленного производства сахара шла на вне рыночное потребление. Рыночный фонд муки был относительно большим — 108 кг на человека в год, но и это составляло всего лишь около 300 гр в день. Вне рыночное потребление “съедало” и огромную часть фондов непродовольственных товаров: только половина произведенных хлопчатобумажных и льняных тканей, треть шерстяных тканей поступали в торговлю¹⁴.

«Товарный дефицит приводил к тому, что в открытой торговле сохранялось нормирование. СНК СССР установил “нормы отпуска товаров в одни руки”. В 1936–39 годах покупатель не мог купить больше 2 кг мяса, колбасы, хлеба, макарон, крупы, сахара, 3 кг рыбы, 500 гр масла и маргарина, 100 гр чая, 200 штук папирос, 2 кусков хозяйственного мыла, пол-литра керосина. В 1940 году, в связи с ухудшением продовольственной обстанов-

ки в стране, нормы снижались, стали нормироваться товары, которые ранее продавались без ограничения... Дважды за короткий период предвоенной открытой торговли (кризисы снабжения 1936/37 и 1939–41 годов) нормирование принимало форму карточной системы¹⁵. То есть перед войной карточная система была фактически восстановлена.

Многочисленные источники (в т.ч. и сводки НКВД) сообщают о перманентных многотысячных очередях в городских магазинах в конце 30-х — начале 40-х гг. С ними всячески боролись органы правопорядка, а в 1940 г. Политбюро вообще очереди запретило: «Очередь могла стоять внутри магазина в часы его работы, но за пределами магазина до начала ли торговли, после ли закрытия магазина или в часы его работы очереди не должно было быть. Незаконное стояние в очереди каралось штрафом»¹⁶.

Письма трудящихся «наверх» рисуют совершенно безрадостную картину советской повседневности того времени:

«Опять чья-то преступная лапа разстроила снабжение Москвы. Снова очереди с ночи за жирами, пропал картофель, совсем нет рыбы» (декабрь 1939 г.).

«С первой декады декабря 1939 г. мы хлеб покупаем в очередь, в которой приходится стоять почти 12 часов. Очередь занимают с 1 и 2 часов ночи, а иногда и с вечера. Мы с женой оба работаем и имеем 3-х детей, старший учится. Часто по 2–3 дня не можем купить хлеба... В январе был холод на 50 градусов. Приходишь с работы, вместо культурного отдыха в такой мороз идешь в очередь, и невольно вытекает вопрос — лучше иметь карточную систему, чем так колеть в очередь» (январь 1940 г., Алапаевск, Свердловская область).

¹⁵ Там же. С. 247.

¹⁶ Там же. С. 306.

«Тов. Молотов. Вы в своем докладе говорили, что перебоя с продуктами не будет, но оказалось наоборот. После перехода польской границы в нашем городе не появлялось ряда товаров: вермишель, сахар, нет вовсе сыра и колбасы, а масла и мяса уже год нет, кроме рынка. Город вот уже четвертый месяц находится без топлива и без света, по домам применяют лучину, т.е. первобытное освещение. Рабочие живут в нетопленных домах... Дальше самый важный продукт, без которого не может жить рабочий, это хлеб. Хлеба черного нет. У рабочих настроение повстанческое» (январь 1940 г., Орджоникидзеград, Орловская область).

«Готовить не из чего. Все магазины пусты за исключением в небольшом количестве селедка, изредка, если появится колбаса, то в драку. Иногда до того давка в магазине, что выносят людей в бессознательности. Иосиф Виссарионович, что-то прямо страшное началось. Хлеба, и то, надо идти в 2 часа ночи стоять до 6 утра и получишь 2 кг ржаного хлеба, белого достать очень трудно. Я уже не говорю за людей, но скажу за себя. Я настолько уже истощала, что не знаю, что будет со мной дальше. Очень стала слабая, целый день соль с хлебом и водой... Не хватает на существование, на жизнь. Толкает уже на плохое. Тяжело смотреть на голодного ребенка. На что в столовой, и то нельзя купить обед домой, а только кушать в столовой. И то работает с перерывом — не из чего готовить. Иосиф Виссарионович, от многих матерей приходится слышать, что ребят хотят губить. Говорят, затоплю печку, закрою трубу, пусть уснут и не встанут. Кормить совершенно нечем. Я тоже уже думаю об этом...» (февраль 1940 г., Нижний Тагил).

«Я хочу рассказать о том тяжелом положении, которое создалось за последние месяцы в Сталинграде. У нас теперь некогда спать. Люди в 2 часа ночи занимают очередь за хлебом, в 5–6 часов утра — в очереди у магази-

нов — 600–700–1000 человек... Вы поинтересуйтесь чем кормят рабочих в столовых. То, что раньше давали свиньям, дают нам. Овсянку без масла, перловку синюю от противней, манку без масла. Сейчас громадный наплыв населения в столовые, идут семьями, а есть нечего. Никто не предвидел и не готовился к такому положению... Мы не видели за всю зиму в магазинах Сталинграда мяса, капусты, картофеля, моркови, свеклы, лука и др. овощей, молока по государственной цене... У нас в магазинах не стало масла. Теперь, так же как и в бывшей Польше, мы друг у друга занимаем грязную мыльную пену. Стирать нечем, и детей мыть нечем. Вошь одолевает, запаршили все. Сахара мы не видим с 1 мая прошлого года, нет никакой крупы, ни муки, ничего нет. Если что появится в магазине, то там всю ночь дежурят на холоде, на ветру матери с детьми на руках, мужчины, старики — по 6–7 тыс. человек... Одним словом, люди точно с ума сошли. Знаете, товарищи, страшно видеть безумные, остервенелые лица, лезущие друг на друга в свалке за чем-нибудь в магазине, и уже не редки случаи избиения и удушения насмерть. На рынке на глазах у всех умер мальчик, объевшийся пачкой малинового чая. Нет ничего страшнее голода для человека. Этот смертельный страх потрясает сознание, лишает рассудка, и вот на этой почве такое большое недовольство. И везде, в семье, на работе говорят об одном: об очередях, о недостатках. Глубоко вздыхают, стонут, а те семьи, где заработок 150–200 руб. при пятерых едоках, буквально голодают — пухнут. Дожили, говорят, на 22 году революции до хорошей жизни, радуйтесь теперь» (зима 1939/40 г.)

«Разве наши дети не такие, как в Москве и в Ленинграде? Почему наши дети не имеют сладкого и жиров совершенно, почему они обречены на гибель? В магазинах у нас буквально ничего нет. Дети вот уже больше года не имеют самого необходимого, они ис-

тощены до крайности. Какие же они “будущие строители коммунизма”. Где забота о их здоровье?» (июнь 1940 г., Казань)¹⁷.

После войны питание среднестатистического советского гражданина как в деревне, так и в городе оставалось «чрезвычайно скудным. Городские рабочие питались чуть лучше, чем крестьяне. Однако эту разницу трудно признать принципиальной... В семьях рабочих и крестьян в среднем в день на одного человека потреблялось мучных изделий (в основном хлеба) около половины килограмма в мучном эквиваленте, а также небольшое количество круп. 400–600 граммов картофеля и около 200–400 граммов молока и молочных продуктов (в основном молока) в день в дополнение к хлебу составляли основу рациона. Все остальные продукты были доступны в незначительных количествах. В день в среднем потреблялось около 150 граммов овощей и бахчевых, 40–70 граммов мяса и мясных продуктов, 15–20 граммов жиров (животного или растительного масла, маргарина, сала), несколько ложек сахара, немного рыбы. Одно яйцо среднестатистический житель СССР мог позволить себе примерно раз в 6 дней. Для того чтобы оценить размеры этого рациона, можно отметить, что он был почти равен основным нормам снабжения заключенных лагерей. В сутки заключенный должен был получать 700 граммов хлеба, 120 граммов крупы и макарон, 20 граммов мяса и 160 рыбы, 400 граммов картофеля и 250 граммов других овощей и т.д. Паек для заключенных, занятых на тяжелых работах, был выше. Кроме того, для всех заключенных предусматривались надбавки за перевыполнение норм...

Столь же недостаточным, как и потребление продуктов питания, было снабжение промышленными товарами. Цены на них традиционно оставались чрезвычайно высокими. Муж-

ское шерстяное демисезонное пальто в апреле 1953 года стоило в магазинах Москвы 732 руб., а мужские сапоги 202 руб. При этом средняя месячная заработная плата рабочих и служащих в 1953 году составляла 684 руб. Денежный доход одного колхозного двора не превышал 400 руб. в месяц, или примерно 100 руб. на человека. Нетрудно заметить, что промышленные товары даже в государственной торговле были предметом роскоши для основной массы населения. Люди довольствовались простейшими сравнительно дешевыми изделиями, но и их покупали немного. Например, кожаную обувь в 1952 году смог приобрести только каждый третий крестьянин. Но не все имели и более простую обувь и одежду. Как жаловался в письме Сталину в декабре 1952 года житель одной из деревень Тамбовской области, “в нашем колхозе колхозники имеют одну зимнюю одежду на 3–4 члена семьи, дети зимой у 60% населения учиться не могут, ибо нет одежды”¹⁸.

В марте 1947 г. свыше 30% промышленных рабочих Ленинграда страдали от дистрофии и авитаминоза. В 1947 г. смертность от дизентерии в крупных городах выросла в 2–5 раз. В крупных и малых городах и рабочих посёлках РСФСР туберкулёз стал ведущей причиной смертности среди граждан обоего пола от 29 до 39 лет и мужчин от 20 до 49 лет. Чуть ли не главной причиной широкого распространения болезней (тифа, дизентерии, диареи) был низкий уровень гигиены из-за тотального дефицита мыла, отсутствия спецодежды, теплой верхней одежды и зимней обуви, антисанитарии в рабочих общежитиях. Скажем, общежития нефтепромыслов Татарии и Башкирии были настолько заражены вшами и клопами, что рабочие предпочитали ночевать на улице или в соседних лесах. Профсо-

¹⁸ Хлевнюк О.В., Горлицкий И. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М. 2011. С. 177–178.

юзная проверка общежитий Уральского турбинного завода в Свердловске выявила полное отсутствие ванн, титанов для кипятка, сушилок, кухонь и даже водопроводных кранов; ни на самом заводе, ни в общежитиях не было прачечных, и люди стирали одежду в комнатах в самодельных бадьях, изготовленных из нелегально вынесенного с завода металла, которые поэтому приходилось прятать от начальства. В 1946 г. завод им. Куйбышева в Иркутске в течение 3-х месяцев не получал ни грамма мыла, а задолженность по поставкам достигала 2,5 тонны. В четвёртом квартале 1947 г. в Свердловск, которому по нормам полагалось 235 т мыла, реально поставили всего 15 т.

По всей стране, включая Москву, наблюдался серьёзный дефицит лекарств. В 1947 г. произошло фактическое падение производства лекарств по сравнению с 1945–1946 гг. Дефицитными стали даже глюкоза, борная кислота, касторовое масло, ампулы для инъекций. Сорок важнейших лекарств и медицинских препаратов не производились вовсе. Больницы и поликлиники в провинции находились в удручающем состоянии; так, в Тамбовской области в 1947 г. треть года больницы вообще не принимали пациентов из-за отсутствия топлива.

«В канун смерти Сталина условия существования среднестатистического советского рабочего... безусловно, несравненно улучшились по сравнению с периодом 1945–1948 годов. Но не вызывает сомнений тот факт, что его жизнь по-прежнему являлась не более чем борьбой за выживание»¹⁹.

¹⁹ Фильцер Дональд. Советские рабочие и поздний сталинизм: Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны. М., 2011. С. 45, 96–97, 131, 145–158. Так что вовсе не фигуры речи такие высказывания Л.В. Шапориной: «это нищенская жизнь зулусов, папуасов»; «как мучительно всегда быть голодной» (Шапорина Л.В. Указ. соч. Т. 1. С. 117; Т. 2. С. 37).

Ужасающими были и жилищные условия, в которых находилось подавляющее большинство горожан СССР.

В Москве в 1930 г. средняя норма жилплощади составляла 5,5 кв. м на человека, а в 1940 г. понизилась почти до 4 кв. м. Даже на таком элитном московском заводе, как «Серп и молот», 60% рабочих в 1937 г. жили в общежитиях того или иного рода²⁰. Только в 1960-х гг. столичная средняя норма достигла уровня 1912 г.²¹. В 1934–1935 гг. ленинградский житель в среднем занимал только 5,8 кв. м жилой площади (по сравнению с 8,5 в 1927 г.) В Магнитогорске и Иркутске норма была чуть меньше 4 кв. м, а в Красноярске в 1933 г. — всего 3,4 кв. м. В Мурманске на человека в 1937 г. в среднем приходилось только 2,1 кв. м²².

В Люберцах при населении 65 000 чел. не имелось ни одной бани, в Орехово-Зуево, образцово-показательном рабочем поселке с яслями, клубом и аптекой, отсутствовали уличное освещение и водопровод. В Воронеже новые дома для рабочих до 1937 г. строили без водопровода и канализации. В городах Сибири большинство населения обходилось без водопровода, канализации и центрального отопления. Сталинград, с населением, приближающимся к полумиллиону, еще и в 1938 г. не имел канализации²³.

Главной причиной такого положения был гигантский наплыв людей из сельской местности в города и практически полное отсутствие массового жилищного строительства. Так, первый пятилетний план предполагал прирост норм жилплощади на 7%, в действительности же она снизи-

²⁰ Фицпатрик Шейла. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. 2-е изд. М., 2008. С. 58–59, 63.

²¹ Нойтатц Д. Указ. соч. С. 224.

²² Дэвис С. Указ. соч. С. 31.

²³ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. С. 64–65.

лась на 25%. План по жилью на вторую пятилетку был выполнен только на 37,2%²⁴.

После войны жильё продолжали строить «по остаточному принципу, направляя в коммунально-жилищную сферу совершенно недостаточные капиталовложения... На начало 1953 года в городах на одного жителя приходилось 4,5 квадратных метра жилья. Наличие временно проживающих и не прописанных, не попадавших в учет, снижало эту цифру. При этом качество жилья было низким. В городском обобщественном жилищном фонде лишь 46% всей площади было оборудовано водопроводом, 41% канализацией, 26% центральным отоплением, 3% горячей водой, 13% ванными. Причем и эти цифры в значительной степени отражали более высокий уровень благоустройства крупных городов, прежде всего столиц. Малые города были снабжены перечисленными коммунальными удобствами в минимальной степени. Ярким показателем кризисного состояния жилищного хозяйства было широкое распространение в городах бараков. Причем количество населения, зарегистрированного в бараках, увеличивалось. Если в 1945 году в городских бараках числилось около 2,8 млн. человек, то в 1952 году — 3,8 млн. Более 337 тыс. человек жили в бараках в Москве»²⁵.

Хотели бы вы жить в таком «социальном государстве», товарищи сталинисты?

²⁴ Нойтатц Д. Указ. соч. С. 223.

²⁵ Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Указ. соч. С. 178–179. После этих цифр горестные стенания по поводу «квартирного вопроса» в дневнике Л.В. Шапориной не кажутся преувеличениями: «Коммунальность жилищ — это чудовищное изобретение советской власти, растлевающее нравы, лишаящее жизнь последнего благообразия, вызванное характерным для нашей эпохи абсолютным презрением к человеку и полной бесхозяйственностью...» (Шапорина Л.В. Указ. соч. Т. 1. С. 476).

2. Несвободный труд

Невозможно назвать сталинский СССР социальным государством и потому, что даже на уровне трудового законодательства оно не соответствовало самым скромным стандартам такового. Конечно, конституция 1936 г. гарантировала основные социальные права трудящихся, но, наряду с ней, существовал целый ряд законов, которые иначе как антирабочими не назовёшь.

Понятное дело, что нищие и полуголодные рабочие не горели желанием проявлять трудовой энтузиазм на предприятиях, где их беспощадно эксплуатировали, постоянно повышая нормы выработки и одновременно сокращая расценки. Уровень прогулов и опозданий среди советских пролетариев в 30-е гг. зашкаливал. Власть видела только один способ бороться с этим — закручиванием гаек, но результаты последнего вряд ли можно признать впечатляющими.

15 ноября 1932 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «Об увольнении за прогул без уважительных причин». Если раньше увольнение рабочих допускалось лишь в случае суммарного прогула (без уважительных причин) в количестве трёх дней в течение месяца, то теперь предписывалось увольнение «в случае хотя бы одного дня неявки на работу без уважительных причин». При увольнении прогульщик не только немедленно лишался права на жилую площадь в домах, закрепленных за данным предприятием, но также и в домах жилищно-строительной кооперации, куда рабочие порой вселяются за счет жилфонда, выделенного данному предприятию. Позднее администрации предприятий было предоставлено право «немедленного выселения уволенных (...) без предоставления жилой площади и транспортных средств»²⁶.

²⁶ Меерович М.Г. Наказание жилищем: Жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917–1937. М., 2008. С. 164–165.

Тем не менее трудовая дисциплина продолжала деградировать и в 1937 г. упала до катастрофического уровня. Число прогулов в первой половине 1937 г. выросло в полтора раза по сравнению с первой половиной 1936 г.²⁷

28 декабря 1938 г. было издано постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС, по которому увольнение полагалось за опоздание более чем на 20 мин. (кроме того, уволенный был ограничен в правах на получение пенсии и пособия по инвалидности). В Ленинграде через пять месяцев после принятия закона с Кировского завода было уволено 6765 чел., в том числе 4572 чел. за прогулы (например, рабочего Федорова уволили за 30-минутное опоздание, несмотря на то что он проработал на предприятии 20 лет и никогда не получал выговоров). На заводе им. Молотова было уволено 1288 рабочих, или треть рабочей силы. Но люди продолжали прогуливать и опаздывать на работу и даже порой напрашивались на увольнение, чтобы уйти со своего завода и устроиться на другой²⁸.

(Следует упомянуть, что, среди прочего, закон о труде 1938 г. утвердил и такую «социальную» меру как сокращение декретного отпуска с 16 недель до 9, причем предоставлял его только матерям, которые отработали на своем рабочем месте не менее семи месяцев. Это свело на нет всю прежнюю агитацию в пользу семьи, число аборт, несмотря на их запрет в 1934 г., стало стремительно расти. С 1938 г. рождаемость начала падать (предыдущее падение рождаемости произошло в голодном 1933 г.) и к 1940 г. вновь оказалась на уровне 1935 г.²⁹.)

Указ 26 июня 1940 г., увеличивавший рабочий день с семи до восьми часов в день при одном выходном, уже предусматривал *уголовное* наказание за прогулы: за опоздание более 20 мин.

(например, досрочный уход на обеденный перерыв или опоздание с него) виновному угрожали исправительные работы с вычетом до 25% месячного заработка. За переход с одного места работы на другое без разрешения начальства давали от 2 до 4 месяцев тюрьмы. Даже бегство из школы ФЗО считалось уголовным преступлением и каралось до года колонии³⁰. С 26 июня 1940 г. до 1 марта 1941 г. 142 738 чел. в Ленинграде были приговорены в соответствии с этим указом к исправительным работам на сроки до 6 месяцев. В их числе — 3961 коммунист и 7812 комсомольцев³¹. Всего по стране за второе полугодие 1940 г. 321 тыс. чел. были наказаны за самовольное оставление места работы, а 1,77 млн. — за прогулы³².

Но и этот указ на многих предприятиях не переломил ситуацию. Скажем, на ленинградском заводе «Большевик» статистика за третий квартал 1940 г. показала, что дисциплина ухудшилась по сравнению со вторым кварталом³³.

Во время войны были приняты исключительные законы о трудовой дисциплине: работники оборонных предприятий (в их число входили не только заводы, производившие вооружение, но и угольные шахты, текстильные фабрики, каучуковые и шинные заводы, предприятия газовой промышленности, весь транспорт) считались мобилизованными на «трудовой фронт», «дезертиров» с которого судил военный трибунал. За прогулы и самовольную смену места работы промышленные рабочие получали от 5 до 8 лет ИТЛ, а рабочие ж/д или водного транспорта — от 3 до 10. Рабочих предприятий, не попавших в число оборонных, судили по-прежнему, но с немаловажным дополнением — им урезали норму выдачи хлеба по карточкам на 100–200 г в день. Тем не менее наруши-

²⁷ Дэвис С. Указ. соч. С. 48.

²⁸ Там же. С. 49.

²⁹ Там же. С. 69.

³⁰ Фильцер Д. Указ. соч. С. 214–215, 164.

³¹ Дэвис С. Указ. соч. С. 49.

³² Фильцер Д. Указ. соч. С. 111.

³³ Дэвис С. Указ. соч. С. 49.

телей этих суровых законов оказалось предостаточно. Так, с 1942 по 1944 г. было осуждено 814 тыс. «дезертиров с трудового фронта». Но многие тысячи провинившихся рабочих так и не были наказаны, ибо попросту сбежали, и их так и не удалось разыскать³⁴.

Эти жёсткие меры можно, разумеется, оправдать войной, но то, что они не были отменены *после* войны (отмена произошла только в мае 1948 г.) — уже никакого оправдания не имеет. Но указ от 26 июня 1940 г. продолжал действовать и после 1948 г. Только в 1951 г. прогулы перестали считаться уголовным преступлением за исключением особо злостных случаев (за которые в 1952 г. были осуждены не менее 150 тыс. чел.), и лишь в 1956 г. этот указ окончательно исключили из свода законов СССР³⁵.

В период 1945–1953 гг. в СССР, по сути, произошло «стирание различий между свободным и рабским трудом»³⁶. Значительный сектор социалистического хозяйства обеспечивался откровенно рабским трудом — трудом заключённых. Экономика МВД охватывала 20% общей численности промышленной рабочей силы (ок. 3 млн. чел.), к которым нужно добавить и несколько сотен тысяч т.н. «закабалённых» (послевоенных репатриантов и досрочно освобождённых). В 1949 г. ГУЛАГ производил 10% ВВП страны. Но наряду с этим существовал и гораздо более обширный сектор «полусвободного» труда — 8–9 млн. чел., завербованных, что называется, принудительно-добровольно — по оргнабору и через систему трудовых резервов³⁷. То есть где-то $\frac{3}{4}$ промышленной рабочей силы СССР составляли люди несвободные или полусвободные. В сельском же хозяйстве доминировал труд колхозников, который

вполне корректно можно сравнить с трудом крепостных³⁸. *Прекрасный образец «социального государства», не правда ли?*

К чести попавших в социалистическое рабство граждан СССР следует заметить, что многие из них не воспринимали подобный порядок вещей как норму и активно протестовали против него ногами. Так, в 1945 г. 40% дел о «дезертирстве с трудфронта» были прекращены из-за того, что сбежавших не удалось изловить, в 1946 г. прекращены уже 55% таких дел, в 1947-м — ок. трети. В Донецкой области за период апрель–сентябрь 1947 г. с предприятий сбежало ок. 41 тыс. рабочих, из них поймали менее 5%. Из 311 ордеров, выданных на поимку беглых в феврале 1947 г. в Магнитогорске, были исполнены только 21, а из 375 дезертиров с угольных шахт г. Коркино поймали лишь пятерых. В июле 1947 г. в Генпрокуратуру было направлено обращение начальника строительного предприятия ВМФ г. Николаева по поводу дезертирства выпускников местной школы ФЗО, приписанных к этому предприятию (201 чел.), они разбежались по родным деревням. В результате четырёхдневной облавы было поймано всего 12 чел. С апреля 1948 по июнь 1949 г. в РСФСР только по четверти розыскных ордеров удалось найти беглецов³⁹. Как правило, «дезертиры» прятались на своей «малой родине», и местные власти их «покрывали».

3. Неравенство

Менее всего можно считать общество сталинского СССР эгалитарным, напротив, это было общество строго иерархическое, в котором каждая ступенька социальной лестницы определялась наличием или отсутствием тех или иных привилегий. Государство, следуя приоритетам своей политики,

³⁴ Фильцер Д. Указ. соч. С. 216–218.

³⁵ Там же. С. 220.

³⁶ Там же. С. 22.

³⁷ Там же. С. 41, 44, 62.

³⁸ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. С. 147–148.

³⁹ Фильцер Д. Указ. соч. С. 240–251.

распределяло материальные блага, исходя из «двух основных факторов — принадлежности к властной элите и непосредственной вовлеченности в индустриальное производство»⁴⁰.

Это наиболее обнажённо видно по принципам работы карточной системы 1929–1934 гг. «Карточки выдавались только тем, кто трудился в государственном секторе экономики (промышленные предприятия, государственные, военные организации и учреждения, совхозы), а также их иждивенцам. Вне государственной системы снабжения оказались крестьяне и лишённые политических прав («лишенцы»), составлявшие более 80% населения страны!»⁴¹. Оставшиеся же счастливы были распределены по четырём спискам снабжения. В особый и первый список попали жители крупных промышленных городов, которые должны были получать из фондов централизованного снабжения хлеб, муку, крупу, мясо, рыбу, масло, сахар, чай, яйца в первую очередь и по более высоким нормам; потребители из этих списков составляли только 40% в числе снабжаемых, но получали 70–80% поступавших в торговлю фондов. Во второй и третий списки снабжения попали малые и неиндустриальные города и разного рода мелкие предприятия, которые получали из центральных фондов только хлеб, сахар, крупу и чай, к тому же по более низким нормам, чем города особого и первого списков; остальные продукты им должны были обеспечивать местные ресурсы. Но внутри этих списков имела своя иерархия: группа «А» (индустриальные рабочие), группа «Б» (кооперированные кустари, рабочие в учреждениях здравоохранения и торговли, персональные, то есть имевшие заслуги перед государством, пенсионеры, старые большевики и бывшие политкаторжане на пенсии) и низшая категория

(служащие), отдельную категорию составляли дети.

Таким образом, даже представители одних и тех же социальных групп были неравны. Московский рабочий и рабочий подмосковного совхоза официально находились на разных уровнях потребления (впрочем, внутри одного и того же завода пайки тоже различались, в зависимости от значимости цеха, перевыполнения плана и т.д.). «Даже дети... имели свою иерархию, которая повторяла неравенство снабжения их родителей. В индустриальных центрах дети получали высшие нормы и более богатый ассортимент продуктов. В малых и неиндустриальных городах дети не получали из центральных фондов ни мяса, ни рыбы, ни масла, ни яиц...»⁴².

Из городов СССР, естественно, выделялись Москва и Ленинград — на них приходилось до трети промышленных товаров, предназначенных для снабжения городов СССР. В 1933 г. для Москвы и Ленинграда Наркомснаб выделил почти половину государственного городского фонда мясопродуктов и маргарина, треть фонда рыбопродуктов и винно-водочных изделий, четверть фонда муки и крупы, пятую часть фонда животного масла, сахара, чая и соли⁴³.

Казалось бы, на вершине пирамиды потребления должны были находиться промышленные рабочие, на самом же деле это место занимали чиновники, военные, сотрудники правоохранительных органов, инженерно-технические работники и научная элита. «По данным бюджетов (...), паек индустриального рабочего Москвы, один из лучших в стране, обеспечивал в 1933 году на члена семьи полкило хлеба, 30 гр крупы, 350 гр картофеля и овощей, 30–40 гр мяса и рыбы, 40 гр сладостей и сахара в день, стакан молока в неделю». А «вот один из примеров спец-

⁴⁰ Осокина Е.А. Указ. соч. С. 11.

⁴¹ Там же. С. 124.

⁴² Там же. С. 126.

⁴³ Там же. С. 149.

пайка. Его получали летом 1932 года жившие в Доме правительства на Болотной площади в Москве. Месячный паек включал 4 кг мяса и 4 кг колбасы; 1,5 кг сливочного и 2 л растительного масла; 6 кг свежей рыбы и 2 кг сельди; по 3 кг сахара и муки (не считая печеного хлеба, которого полагалось 800 гр в день); 3 кг различных круп; 8 банок консервов; 20 яиц; 2 кг сыра; 1 кг кетовой икры; 50 гр чая; 1200 штук папирос; 2 куса мыла; а также 1 литр молока в день»⁴⁴.

Кроме того, существовали специальные правительственные распределители, где цены на дефицитные товары были гораздо ниже, чем в государственных коммерческих магазинах. Скажем, в начале 30-х килограмм икры стоил в правительственном распределителе 9 руб., килограмм сыра — 5 руб., а в государственном коммерческом магазине килограмм соответствующих продуктов стоил 35 и 20–24 руб.⁴⁵. В закрытых столовых для элиты кормили вкуснее и дешевле. «Пожалуй, нигде, кроме восточных стран, деление общества на классы не сочли бы возможным демонстрировать столь открыто, как в России», — замечал финский коммунист Арво Туоминен, описывая обеденную иерархию начала 1930-х гг.⁴⁶.

Можно и более-менее точно подсчитать количество сверхпривилегированных граждан СССР. «Ко времени отмены карточной системы число руководящих работников центральных учреждений, получавших лучший в стране паек литеры “А”, составляло всего лишь 4,5 тыс. человек; группа ответственных работников, получавших паек литеры “Б”, включая областной, районный и городской актив Москвы и Ленинграда, — 41,5 тыс.; высшая группа ученых — 1,9 тыс. человек (все данные приводятся без учета чле-

нов семей). Если прибавить сюда персональных пенсионеров союзного и республиканского значения, политкаторжан, то число пользовавшихся спецснабжением возрастет до 55,5 тысячи семей, из которых 45 тыс. жили в Москве»⁴⁷.

Разница между элитой и народом ощущалась и в зарплатах. «В 1933 г. председатели и секретари ЦИК СССР и союзных республик; СНК СССР и союзных республик, их замы; председатели краевых, областных исполкомов и горсоветов Москвы, Ленинграда, Харькова; наркомы СССР и РСФСР и их замы; председатели Верховного суда СССР, РСФСР, краевых и областных судов; прокуроры СССР, союзных республик, краев, областей; ректора Института Красной профессуры и ряда других университетов получали оклад 500 рублей в месяц. Персональные зарплаты доходили до 800 рублей в месяц. Средняя зарплата рабочих в это время составляла 125 рублей. Лишь небольшой слой высокооплачиваемых рабочих имел заработок 300–400 рублей в месяц. Зарплата учителей начальной и средней школы составляла 100–130, врачей — 150–275 рублей в месяц. Существовали в стране и оклады 40–50 рублей в месяц, которые получал, например, средний и младший медперсонал»⁴⁸. С течением времени зарплаты, естественно, росли, но разрыв между ними сохранялся; так, в 1936 г. в Ленинграде средняя зарплата рабочего составляла 321 руб., а средняя зарплата ИТР — 583 руб.⁴⁹. В конце 30-х средняя зарплата сотрудника НКВД была 2 тыс. руб. в месяц⁵⁰.

⁴⁷ Осокина Е.А. Указ. соч. С. 181.

⁴⁸ Там же. С. 174.

⁴⁹ Дэвис С. Указ. соч. С. 30–31.

⁵⁰ Осокина Е.А. Указ. соч. С. 178. А.В. Шапорина, вынужденно распродающая семейную дворянскую мебель, зорко замечает, что мебель эта переходит в руки нового советского «дворянства», из которого через несколько десятилетий вырастет ныне властвующая

⁴⁴ Там же. С. 167, 173.

⁴⁵ Там же. С. 154.

⁴⁶ *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. С. 120.

«Весомо, грубо, зримо» иерархическая структура сталинского СССР выступала и в жилищной политике государства. Выше мы говорили о средней жилищной норме 4 кв. м, но на элиту эта норма не распространялась. В 1928 г. началось строительство многоквартирного Дома правительства, где насчитывалось 506 просторных, полностью меблированных квартир с телефонами, горячей водой и множеством удобств. В первой половине 1930-х гг. элиту стали обеспечивать новым жильем, превращая уже существующие здания в специальные кооперативы для работников определенных правительственных учреждений: ЦК, ОГПУ, армии, Наркомата иностранных дел, Наркомата тяжелой промышленности, а также творческих союзов. «...К началу 40-х годов проживание номенклатурных партийно-советских работников в отдельной квартире становится нормой»⁵¹.

В начале 1930-х гг. был разработан специальный план строительства многоквартирных домов для инженеров. Согласно этому плану, принятому в 1932 г., в течение двух лет в 67 городах должны были быть построены свыше 10 000 квартир для инженеров и других специалистов; в Москве планировалось строительство 10 новых домов, в общей сложности на 3000 квартир. Квартиры в этих домах были трех- и четырехкомнатными (с полезной пло-

эрэфовская элита: «Увезли шкаф красного дерева эпохи Александра I, принадлежавший Васе (брату). Приходила смотреть его женщина средних лет, уровня прислуги. Вчера пришла уже с дочерью и внучатами. Дочь посмотрела шкаф: “Да, конечно, видно, что Петровский... мы хотим, чтоб у каждого были всякие и шкапы и столы”. У них квартира в три комнаты на Кутузовской набережной. Накупили уже очень много всего. Сегодня за шкафом приехал муж, вошел ко мне в комнату в фуражке — энкавэдэшник. Вот у кого деньги» (Шапорина А.В. Указ. соч. Т. 2. С. 50).

⁵¹ Меерович М.Г. Указ. соч. С. 269.

щадью 47 и 65 кв. м), с кухней, ванной и прочими удобствами в каждой квартире. В Магнитогорске инженерам и директорам предприятий особенно повезло — они унаследовали жилье, выстроенное для иностранных специалистов в пригороде Берёзки — отдельные двухэтажные домики с собственным садом⁵².

«Строительство элитных домов приравнялось к ударным стройкам страны, к Днепрогэсу или Магнитке. Элитные дома имели обширный штат обслуги, который содержался за государственный счет. Дворники, слесари, электромонтеры, истопники и прочий обслуживающий персонал получали нормы индустриальных рабочих особого списка, охрана домов — нормы красноармейского пайка. Как правило, в доме располагался свой закрытый распределитель и гараж. Квартплата составляла чисто условную сумму, а то и вообще все оплачивалось за счет учреждения, в котором работал сановник»⁵³.

Пара примеров, прекрасно иллюстрирующих разницу жилищных условий народа и элиты. Секретарь обкома ВКП(б) М.С. Чудов в начале 30-х гг. получил в Ленинграде квартиру в доме 23/59 по Кронверкской улице, в которой ранее жило 25 человек, семья же Чудова насчитывала всего 3 человека. В апреле 1935 г. в Ленинграде специально была расселена большая коммуналка для скульптора М.Г. Манизера (в недалёком будущем — трижды лауреата Сталинской премии). Жившие здесь до него люди, а их было 24 чел., получили жилую площадь в самых разных местах, но по-прежнему в коммуналках⁵⁴.

Весьма характерна также сталинская образовательная политика с конца 30-х гг. Государство стало прини-

⁵² Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. С. 122.

⁵³ Осокина Е.А. Указ. соч. С. 175.

⁵⁴ Меерович М.Г. Указ. соч. С. 269–270.

мать меры, чтобы ограничить социальную мобильность рабочих и крестьян, стимулируя наследственное воспроизводство социальных ролей⁵⁵. В 1938 г. студентов из рабочей среды было 33,9% при доле рабочих среди всего населения 26%, а доля служащих и специалистов составляла 17% от всего населения и 42,2% от всех студентов. Постановление от 2 октября 1940 г., явно нарушая статью Конституции, гарантирующую право на бесплатное образование, ввело плату за обучение в вузах и в старших классах школ (300–500 руб. в год за обучение в вузе и 150–200 руб. — в трех старших классах школы). Постановление также утверждало программу развития государственных трудовых резервов, по которой ежегодно набиралось от 800 тыс. до 1 млн. призывников в возрасте от 14 до 17 лет для учебы в специальных профтехучилищах⁵⁶. Всё это делалось «в добровольно-принудительном порядке», скажем, в 1947 г. 73% учеников школ ФЗО были набраны насильно⁵⁷.

За недостатком места я не буду распространяться о других привилегиях элиты: особой системе медицин-

ского обслуживания, государственных дачах, санаториях, спецвагонах и т.д. Отмечу только, что, по точному определению Е.А. Осокиной, это была «иерархия в бедности»⁵⁸, — изобилие и роскошь жизни советских «аристократов» казались таковыми только на фоне массовой нищеты в СССР, для развитых капстран это был уровень среднего класса.

4. Репрессии

Одним из важнейших мифов современных сталинистов является утверждение, что от репрессий в сталинское время страдала в основном некая антисталинская «пятая колонна» внутри советской партноменклатуры, а простые люди если и попадали под их маховик, то случайно. Между тем факты говорят о другом.

В результате репрессий и высылки во время коллективизации погибло до 1 млн. крестьян (из них 20 тыс. было расстреляно по приговорам трибунала ОГПУ)⁵⁹. Всего в 1930–1933 гг. высылке подверглось 2,25 млн. крестьян, не считая тех, кого сразу отправляли в лагерь (в июле 1932 г. таких было 120 тыс.)⁶⁰.

7 августа 1932 г., по личной инициативе Сталина, был принят т.н. «закон о трёх колосках», который карал десятилетиями ИТЛ (а в некоторых случаях расстрелом) за «хищение колхозного и кооперативного имущества». Главным объектом преследования по этому закону стали умирающие от голода крестьяне. За первый квартал 1933 г. трое из пяти осужденных по новому закону были колхозниками. Среди жертв оказались взрослые и дети, до уборки урожая пробиравшиеся на поля с ножами и ножницами и срезавшие колоски, старый колхозный сто-

⁵⁵ См. в связи с этим примечательную запись из дневника Л.В. Шапориной от 18 дек. 1946 г.: «На днях в школе девочкам [дочерям Старчаковых, которых взяла к себе жить Шапорина; отец — расстрелян, мать — в лагере] было объявлено, что кто не внесет 100 рублей за учение (1-е полугодие), не будет допущен в класс. В прошлом году они были освобождены от платы. Я пошла к директорше. Узнала следующее: в этом году страшные строгости... За каждого освобожденного от платы надо представить справку. Освобождаются лишь дети убитых офицеров. Дети убитых солдат и сержантов не освобождаются от платы. Я ахнула. Мне потом объяснили, что это делается для того, чтобы пролетарские дети дальше 7-го класса не шли и не заполняли вузы» (*Шапорина Л.В.* Указ. соч. Т. 2. С. 34).

⁵⁶ Дэвис С. Указ. соч. С. 71–72.

⁵⁷ Филльцер Д. Указ. соч. С. 60.

⁵⁸ Осокина Е.А. Указ. соч. С. 178.

⁵⁹ Верт Николая. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М., 2010. С. 71.

⁶⁰ Грациози Андреа. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М., 2001. С. 6, 49.

рож, стянувший три картофелины после того как три дня не ел, и колхозница, укравшая три пуда пшеницы из колхозной кладовой и получившая 10 лет ссылки⁶¹. Всего за 1932–1939 гг. по закону 7 августа было осуждено 183 000 человек⁶², из них около тысячи человек были расстреляны⁶³.

После войны, в июне 1947 г., в разгар нового страшного голода, когда население было вынуждено массово воровать, чтобы выжить, были приняты два указа о хищении государственной и личной собственности, по ним сели ок. 2 млн. рабочих (в большей степени) и крестьян. Сроки варьировались от 7 до 25 лет за хищение государственной собственности, за мелкие хищения — от 1 до 7⁶⁴. Многотиражка ленинградской фабрики «Красный треугольник» сообщала, например, о двух женщинах, получивших за хищение со своего предприятия четырёх метров ситца 8 и 9 лет лагерей, и ещё об одной женщине, осуждённой на 10 лет лагерей за хищение трёх пар ботинок и пары тапочек⁶⁵. Подростки 15 и 16 лет могли получить по 8 лет колонии общего режима за кражу трёх огурцов⁶⁶. Сохранилась жалоба 1949 г. на имя А.А. Андреева от колхозницы Е.В. Беличенко по поводу её дочери М.Н. Ивановой, осуждённой на 7 лет за кражу яблок в колхозном саду⁶⁷. Именно осуждённые по указам 47-го составили основной поток постояльцев в послевоенный ГУЛАГ.

⁶¹ *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. С. 88.

⁶² *Попов В.П.* Государственный террор в советской России, 1923–1953 гг. (источники и их интерпретация) // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 26.

⁶³ *Виола Линн.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления М., 2010. С. 271.

⁶⁴ *Фильцер Д.* Указ. соч. С. 47.

⁶⁵ Там же. С. 106.

⁶⁶ *Попов В.П.* Указ. соч. С. 27.

⁶⁷ *Верт Н.* Указ. соч. С. 379.

Даже некоторые представители правящей верхушки понимали абсурдность этих карательных указов. Генпрокурор Г.Н. Сафонов в 1948 г. писал В.М. Молотову: «...суды обязаны отказать от практики лишения свободы на срок не менее семи лет за кражу пары галош, трех метров сатина и т.п. Порой подобные приговоры совершенно непонятны гражданам и создают у них впечатление о несоответствии меры наказания и тяжести преступления, поскольку приговоры за более серьезные правонарушения наказываются гораздо мягче, чем за мелкие кражи. Грабители получают максимум восемь лет или при отягчающих обстоятельствах до десяти лет. Чиновник, уличенный во взяточничестве, получает до двух лет лишения свободы. Таким образом, за мелкое хищение с производства суды обязаны назначать обвиняемым от семи до десяти лет, в то время как умышленный грабеж наказывается сроками от одного до восьми лет, а взяточников осуждают не более чем на два года заключения»⁶⁸.

От Большого террора 1937–1938 гг., когда действительно шла массовая чистка партийной и военной элиты, тоже пострадали в первую очередь простые люди. По статистике НКВД, из 937 тыс. арестованных в 1937 г. членов партии было всего ок. 6%⁶⁹. Это, конечно, очень большая цифра, но тем не менее как можно забыть про остальные 94%? Я не нашёл точных цифр по социальному составу репрессированных, но не сомневаюсь, что большинство из них — крестьяне. Ибо поклонники Большого террора либо не знают, либо замалчивают самую масштабную его операцию — проводившуюся в соответствии с приказом №00447 от 30 июня 1937 г. кампанию по борьбе с «антисоветскими элементами», главной мишенью которой были

⁶⁸ Цит. по: *Фильцер Д.* Указ. соч. С. 333.

⁶⁹ *Хлевнюк О.В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 382.

«бывшие кулаки». Эта операция дала более 54% всех казнённых в 1937–1938 гг. (386 798 из 681 692)⁷⁰. Ещё 36,3% (247 157) казнённых дали т.н. «национальные операции» (прежде всего против поляков и немцев), там тоже, понятное дело, номенклатурщиков было немного. Характерно, что, как социальная группа, бюрократия после Большого террора сохранила и даже приумножила свои позиции — просто одних бюрократов сменили другие. В 1937–1939 гг., в то время как численность занятых в промышленности выросла едва на 2%, рост числа сотрудников различных ведомств составил приблизительно 26% (и превысил 50% для ответственных постов)⁷¹.

Так же неверно полагать, что сталинский террор бил якобы прежде всего по евреям и другим нерусским народам. В 1937–1938 гг. численность русских в ГУЛАГе возросла почти на 5%, а численность там евреев, напротив, сократилась почти на 3%⁷². «Об этническом составе заключённых в сравнении с данными по населению страны можно судить по следующим цифрам (в числителе — доля данной этнической группы в составе заключённых, в знаменателе — в общесоюзной численности населения): русские — 60,3 / 58,0%, украинцы — 16,8 / 16,3, белорусы — 4,8 / 3,0, узбеки — 3,5 / 2,8, евреи — 1,5 / 1,7, грузины — 0,5 / 1,2, армяне — 0,6 / 1,2%. Доля других групп ниже 0,5%. Как видим, стереотипное представление о направленности сталинских репрессий прежде всего против отдельных этнических групп, украинцев, евреев, грузин и т.д., не подтверждается статистикой репрессий, в большей степени подвергались репрессиям русские и белорусы»⁷³.

⁷⁰ *Мартин Терри*. Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. С. 459.

⁷¹ *Верт Н.* Указ. соч. С. 165.

⁷² *Мартин Т.* Указ. соч. С. 582–583.

⁷³ *Красильников С.А.* На изломах социаль-

5. Ненародная власть

Но, говорят сталинисты, простые люди всё равно в массе своей обожали «отца народов», о чём свидетельствует культ его личности. Однако даже поверхностное изучение проблемы показывает: по крайней мере до войны правящий режим в целом и Сталин в частности были совершенно непопулярны, более того, можно говорить об их нелегитимности.

Деревня, где проживало подавляющее большинство населения страны, как могла, сопротивлялась коллективизации. В 1930 г. произошло 13 574 крестьянских волнений, в которых участвовали более 2,5 млн. чел.⁷⁴. У финского коммуниста Арво Туоминана, поймавшего советскую деревню в 1934 г. в качестве члена хлебозаготовительного отряда, сложилось убеждение, будто крестьяне говорят о существующем строе не иначе как в бунтарском духе: «По первому моему впечатлению, оказавшемуся прочным, все были настроены контрреволюционно и вся деревня восставала против Москвы и Сталина»; в деревне «не услышать было гимнов великому Сталину, какие слышишь в городах», господствовало мнение, что Сталин, как организатор коллективизации, — закоренелый враг крестьян, и крестьяне желали его смерти, свержения его режима и провала коллективизации даже ценой войны и иностранной оккупации⁷⁵. В 30-х гг. самым частым слухом в советских деревнях был слух о грядущей войне, за которой последует вторжение иностранных войск и отмена колхозной системы⁷⁶. Анализ сводок ОГПУ/НКВД и письма крестьян в «Крестьянскую газету» свидетель-

ной структуры: Маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 — конец 1930-х гг.). Новосибирск, 1998; http://zaimka.ru/soviet/krasiln1_p5.shtml

⁷⁴ *Грациози А.* Указ. соч. С. 51.

⁷⁵ *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. С. 321–325.

⁷⁶ Там же. С. 13.

ствуют о том, что память о коллективизации не давала образу Сталина как «добротного царя» утвердиться в предвоенной деревне⁷⁷.

Но и в городах сталинистов было немного. «Сталин настолько осознавал свою непопулярность, так боялся малейшего физического контакта с населением, что стоял у истоков Постановления Политбюро (от 20 октября 1930 года), которое формально запрещало генеральному секретарю передвигаться по улице пешком, учитывая риск (мнимый) покушения на него. Радостные отклики, собранные агентурой органов госбезопасности после убийства Кирова, и распространение частушек на тему “Убили Кирова, [убьем и] Сталина!”, усилили страх Сталина перед покушением»⁷⁸.

После принятия карательных производственных законов 1938 и 1940 гг. информаторы отмечали рост «нездоровых пораженческих настроений», характеризовавшихся «неуместным сравнением положения рабочих в СССР и рабочих в Германии в пользу последних»⁷⁹. В 1940–1941 гг. в городах происходил массовый взрыв народного недовольства. Это и открытые политические выступления, и распространение слухов и прокламаций, и призывы к забастовкам. Идея революции и восстания сильнее всего занимала рабочих в это время. Листовки гласили: «Долой правительство угнетения, бедности и тюрем». Рабочие говорили о необходимости второй революции. Чувствовалось, что терпение людей лопнуло, что достаточно небольшого толчка, чтобы они пошли на крайние меры, и что в 1940 или 1941 г. советской власти может прийти конец»⁸⁰.

В массовом сознании коммунистический режим воспринимался как не-

русский, как правило, еврейский — эта тема постоянно звучала в письмах рабочих и в сводках агентов ОГПУ/НКВД. В Сталине также видели чужого, нерусского человека: «После смерти Кирова говорили: “Лучше бы убили Сталина, он армянин, а товарищ Киров чистый русский”... “Лучше, если бы убили Сталина, а не Кирова, потому что Киров наш, а Сталин не наш”... “Киров — русский, а Сталин — еврей”»⁸¹. Сохранилось огромное количество высказываний рабочих против насаждения культа личности Сталина, типа: «все славословят Сталина, считают его богом, и никто это не критикует»⁸².

Ситуация во многом изменилась после войны, но даже и тогда среди крестьян циркулировали слухи о будущем роспуске колхозов «благодаря вмешательству американцев и англичан», которые «надавят на Сталина и Молотова»⁸³.

«Само огромное количество крестьян, депортированных во время коллективизации и сразу после нее, арестованных “врагов народа”, отправленных в лагеря, говорит о том, что система ощущала и признавала свою непопулярность... Зарождение и функции системы концентрационных лагерей, прямая связь которых с репрессивной деятельностью правящей верхушки, вынужденной защищать себя от враждебности населения, сегодня лучше просматривается, также свидетельствуют о чрезвычайных масштабах оппозиции; эту оппозицию требовалось сокрушить, дабы насадить систему... С этой точки зрения, если проводить параллель с Германией 1937 г., где в лагерях сидели всего несколько тысяч человек, а режим и возглавлявший его диктатор по крайней мере до вторжения в Прагу пользовались поддержкой большей части населения, в первую очередь бросаются в глаза раз-

⁷⁷ Там же. С. 331.

⁷⁸ *Верт Н.* Указ. соч. С. 163–164.

⁷⁹ Там же. С. 98.

⁸⁰ *Дэвис С.* Указ. соч. С. 50.

⁸¹ Там же. С. 88–89.

⁸² Там же. С. 161–165.

⁸³ *Верт Н.* Указ. соч. С. 99.

личия, а не сходство, которое, тем не менее, тоже можно обнаружить... Вообще говоря, в отличие от культов Ленина, Муссолини и Гитлера, культ Сталина, во всяком случае на родине, — явление искусственное, сознательно сконструированное, что заняло не один год. Только во второй половине десятилетия, благодаря все тем же большим процессам, он начал обретать под собой реальную основу, а затем новую силу ему придала война, которая между прочим привела и к массовым вспышкам его на Западе. Косвенным доказательством этого может служить сравнение между хронической неуверенностью и обостренной подозрительностью, которую Сталин всегда проявлял по отношению и к своим приспешникам, и к своим подданным... и поведением Гитлера — как в тесном кругу, среди близких, так и при контактах с населением, с которым фюрер любил общаться, по крайней мере до 1942 г.»⁸⁴.

6. Анти-Модерн

Итак, из фактов, изложенных в предыдущих разделах, вырисовывается совершенно отталкивающий для всякого непредубеждённого человека образ сталинского СССР: перманентная нищета, голодное/полуголодное существование, несвободный/полусвободный труд, регламентированное социальное неравенство, нескончаемые репрессии — всё это напрямую касалось подавляющего большинства населения страны. Я специально не обсуждал такие очевидные особенности сталинизма, как отсутствие политической демократии и свободы слова, поскольку для современных сталинофилов (а как уверяют нас некоторые социологические опросы, и вообще для большинства «россиян») это понятия не являются ценностями. Но вещи, перечисленные выше, имеют для

противников демократии и поклонников «сильной руки» такое же значение, как и для либертарианцев, никто из них (разве что отъявленные мазохисты) не захотел бы испытать подобное на собственной шкуре.

Вся та (всё же весьма относительная) социально ориентированная политика СССР, которой так восхищаются апологеты последнего, относится к хрущёвским и брежневским временам, Сталин же вовсе не собирався отступать от своих принципов и накануне кончины обдумывал новое повышение налогов на деревню⁸⁵. Можно даже сказать так: *именно смерть Сталина стала началом социального государства в СССР*. Уже в августе 1953 г. колхозникам снизили налог на личное подсобное хозяйство и повысили закупочные цены на обязательные поставки сельхозпродукции. В 1956 г. было отменено платное обучение в старших классах средней школы и вузах, тогда же развернулось массовое жилищное строительство. А главное: закончилась эпоха государственного террора.

От некоторых сталинистов можно услышать: да, конечно, было много плохого, но без этого мы бы не выиграли войну. Довод совершенно спекулятивный: доказать, что успешная индустриализация неизбежно должна сопровождаться массовыми расстрелами и миллионами голодных смертей, оставаясь в рамках интеллектуальной честности, невозможно. Тем более что экономические провалы первых пятилеток ставят под большое сомнение эффективность данной модели. Сам собой напрашивается вопрос: а может быть, она скорее мешала, чем помогала? Кроме того, стиль сталинской «модернизации» определился задолго до прихода Гитлера к власти. Да и сама возможность победы фашизма в Европе (откуда и выросла реальная угро-

⁸⁴ Грациози Андреа. Война и революция в Европе: 1905–1956. М., 2005. С. 65–67.

⁸⁵ Хлевнюк О.В., Горлицкий И. Указ. соч. С. 188–190.

за войны для СССР) без наличия фактора страха перед распространением большевизма весьма сомнительна. Некоторые проницательные наблюдатели видели между этими двумя явлениями очевидную связь, так, академик И.П. Павлов писал в 1934 г. Молотову: «Вы сеете по культурному миру не революцию, а с огромным успехом фашизм. До Вашей революции фашизма не было... Все остальные правительства вовсе не желают видеть у себя то, что было и есть у нас, и, конечно, во время догадываются применить для предупреждения этого то, чем пользовались и пользуетесь Вы — террор и насилие... Да, под Вашим косвенным влиянием фашизм постепенно охватит весь культурный мир, исключая могучий англо-саксонский отдел...»⁸⁶

Остаётся самое рафинированное оправдание сталинизма: дескать, несмотря на все «перегибы», это «наш, русский Модерн». *Но был ли при Сталине Модерн?*

Да, Сталин осуществил успешную индустриализацию. Но она, по сути, замкнулась на военно-промышленном комплексе. Да, при Сталине развивалась наука. Но опять-таки только тот её сектор, который был связан с ВПК. Даже в области естественных и точных наук (генетика, физиология, микробиология, кибернетика) мы видим страшные провалы, вызванные борьбой государства с передовыми направлениями и поддержкой совершенно вздорных «теорий». Я уже не говорю о тысячу раз изнасилованных и безнадежно искалеченных гуманитарных науках (особенно о философии и истории).

И главное: Модерн включает в себя не только техническую и научную, но и социокультурную составляющую, которая предполагает повышение уровня жизни, демократизацию политики, социальный эгалитаризм, авто-

номизацию индивида, преобладание рационально-критической картины мира и т.д. Весь приведённый в этой статье материал недвусмысленно свидетельствует: *в социокультурном плане сталинский СССР — образцовый анти-Модерн*. Разве что стоит добавить про рационально-критическую картину мира, которой явно не было места среди квазирелигиозных заклинаний о единственно верном учении Маркса–Ленина–Сталина и сюрреалистических обоснований поисков «врагов народа» (один из бесчисленных примеров, приводимый здесь просто в силу того, что он «оказался под рукой»: в 1937 г. Ежов рапортует Сталину о ликвидации в Сибири «антисоветской фашистской организации толстовцев, субботников и др. сектантов»)⁸⁷.

Даже с созданием современной бюрократии такое вроде бы сугубо бюрократическое государство, как сталинский СССР, нельзя поздравить, ибо, несмотря на то что Сталин поставил под контроль правящие кланы СССР, организованные по принципу «патрон–клиенты», сами эти кланы сохранились, и именно играя на их противоречиях «красный монарх» выстраивал свою дворцовую политику: «персонофицированная система деспотической власти стала главным препятствием для создания бюрократической системы инфраструктурной власти»⁸⁸.

О каком Модерне можно говорить, если советское общество той эпохи — яркий образец *сословного общества*? При Сталине завершился и выкристаллизовался процесс, начавшийся сразу же после Октября 17-го: «произошла рефеодализация (у меня есть воз-

⁸⁷ Хаустов В., Самуэльсон А. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2010. С. 408.

⁸⁸ Истеф Дж. М. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М., 2010. С. 198.

⁸⁶ <http://ihst.ru/projects/sohist/document/letters/pav95ist.htm>

ражения против этого термина, но об этом подробнее ниже. — С.С.) общества в целом. Основанием для такого утверждения может служить то, что основной признак сословности — объем прав, привилегий и повинностей по отношению к государству — стал еще более выпуклым и очевидным, поскольку роль государства... не только не ослабла, но и многократно возросла». В советском обществе можно выделить «пять групп сословного типа»: 1) номенклатура, «по аналогии с до-революционным сословием сталинскую номенклатуру можно определять как “служилое дворянство”, ибо права и привилегии давались ей только за службу, а правами собственности и ее наследования номенклатура не обладала»; 2) «рабочие как квазипривилегированное сословие. Многие их права скорее декларировались, но по ряду признаков рабочие выделялись из общей массы. Среди них большими правами обладала группа передовиков-стахановцев»; 3) «специалисты и служащие. Внутри этой страты можно выделить привилегированные группы — элиту, представители которой имели ряд привилегий, аналогичных тем, которыми пользовались до революции “почетные граждане”, а также торговых работников, занимавших ключевые позиции в распределительной системе»; 4) крестьянство; 5) «маргинальные группы, в число которых входили остатки привилегированных в прошлом сословий — священнослужители, купечество, дворянство, а также “новообразования” сталинской эпохи — спецпереселенцы, тылоополченцы и т.д.»⁸⁹.

С некоторыми изменениями эта структура просуществовала до самого крушения СССР, но без сомнения, в сталинскую эпоху она обладала наибольшей степенью репрезентативности.

Так называемая «социальная мобильность» при Сталине, во-первых, как было показано ранее, с конца 30-х стала сознательно приостанавливаться государством, а во-вторых, её характер (подобно «меритократии» при Петре I) не отрицал самой сути сословной системы. «Продвижение по социальной лестнице, доступное в 1930-х гг. для детей из рабоче-крестьянских семей, не делало пролетариат как таковой правящим классом, оно лишь позволяло отдельным индивидуумам выбиться из пролетарской (или крестьянской) среды и занять место в рядах бюрократической иерархии. То был классический пример “циркуляции элит” по Парето, когда можно обновить и заменить правящий класс, но невозможно положить конец правлению этого класса»⁹⁰.

Так что «современность»... в [сталинском] Советском Союзе... можно было увидеть только в пропаганде, особенно рассчитанной на Запад, да еще в отдельных ограниченных секторах военно-промышленного комплекса. Для подавляющего большинства населения, включая городское, и значительной части новой бюрократии эти годы прошли под знаком хаоса, борьбы за выживание и упорного соревнования примитивных условий жизни с еще большим примитивизмом действий и менталитета правящей верхушки... Все вышесказанное не отрицает реальность сталинской модернизации, главным результатом которой стало в первую очередь создание научно-военно-промышленного комплекса. Однако... такого рода модернизация может на определенный, не слишком долгий период вызвать политический регресс к деспотическим формам, ассоциирующимся у всех с предшествующими фазами истории человечества...»⁹¹.

⁹⁰ Даниелс Роберт В. Взлет и падение коммунизма в России. М., 2011. С. 310.

⁹¹ Грациози А. Война и революция в Европе... С. 69–70.

Социокультурный регрессизм сталинизма, о котором сегодня с архивными данными на руках говорят современные историки, не был секретом и для современников той эпохи. Скажем, «в 1930 г., когда сталинская новая революция была в разгаре, Каутский уже называл советскую систему новым видом феодальной иерархии во главе с коммунистической бюрократией, или “новым классом” (Каутский первым применил этот термин к советской системе), классом, который правил страной посредством контроля над госсобственностью»⁹². Тот же академик Павлов в 1934 г. писал: «...я всего более вижу сходства нашей жизни с жизнью древних азиатских деспотий»⁹³.

Великий социолог Питирим Сорокин в 1950 г. (когда он уже из яростного антисоветчика стал умеренным советофилом) полагал, что в СССР «создано такое деспотическое правительство, какое едва ли известно во всей человеческой истории»: «Революция не уничтожила эксплуатации. Она только заменила ограниченную эксплуатацию трудящихся частным собственником (бедного богатым) неограниченной эксплуатацией людей правительством и его приспешниками... Революция не уничтожила социальное неравенство и социальные ранги и классы. В терминах прибыли, удачи, стандартов жизни русское население сегодня составляет высокую экономическую пирамиду с огромной стратой бедных, небольшой процветающей стратой различных рангов, и на самом вершине — миллионеры, в основном высшего ранга коммунистические чиновники и их “специалисты” (приспешники)»⁹⁴.

⁹² Даниелс Р. Указ. соч. С. 315.

⁹³ <http://ihst.ru/projects/sohist/document/letters/pav95ist.htm>

⁹⁴ Цит. по: Дойков Юрий. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Т. 2 (1922–1968 годы). Архангельск, 2009. С. 400–402.

Из XIX в. вспоминаются пророчества о социализме Герберта Спенсера как о «грядущем рабстве» и Константина Леонтьева как о «феодализме будущего». А в 1857 г. Герцен гениально предсказал явление в России «небывалого примера самовластья, вооруженного всем, что выработала свобода; рабства и насилия, поддерживаемого всем, что нашла наука. Это было бы нечто вроде Чингисхана с телеграфами, пароходами, железными дорогами, с Карно и Монжем в штабе, с ружьями Минье и с Конгревовыми ракетами под начальством Батыя»⁹⁵.

«Восточная деспотия» (ассоциативно отсылающая к древней Месопотамии), вооружённая современной техникой и марксистской фразеологией, — вот что такое сталинизм, так сказать, Чингисхан с атомной бомбой. Термин «феодализм», при всех его архаизаторских коннотациях, всё же скорее затемняет суть дела, если к нему подходить с более-менее научной строгостью. Ибо классический западноевропейский феодализм никак не совместим с ничем не ограниченной властью диктатора и отсутствием институциональных вольностей у элиты.

Вряд ли корректно говорить применительно к сталинизму о «госкапитализме», хотя убийственные для сталинистов-социалистов параллели здесь напрашиваются сами собой: «...управленческая иерархия и индивидуальная ответственность — вместо рабочего контроля и комитетского управления, что являлось первоначальным идеалом коммунистов; различия в зарплатах, премии и сдельная оплата труда; жесткая производственная дисциплина и полностью денежная, с учетом убытков и прибылей система. Советское предприятие мало чем отличалось от капиталистической корпора-

⁹⁵ Герцен А.И. Письмо к императору Александру II (По поводу книги барона Корфа)// Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 13. М., 1958. С. 39.

дии — за исключением мотива выгоды, замененного на выполнение плана, и отсутствия серьезных переговоров между рабочими и администрацией»⁹⁶. «Исключение», однако, весьма показательное, так же как и ещё одна «мелочь» — запрет частной собственности и рынка.

Сталинская деспотия сущностно схожа с современными ей «тоталитарными» режимами в Германии и Италии, но она несоизмеримо радикальнее как в применении насилия во внутренней политике, так и в покушении на принципы Модерна (частную собственность ни Муссолини, ни Гитлер не отменяли).

«Восточная деспотия» в данном случае, разумеется, тоже не строгое научное понятие, а скорее метафора, помогающая определить вектор поиска этого понятия.

Так или иначе, но в модернистской парадигме сталинизм смотрится только как регресс, как варваризация, особенно если сравнивать его с ведущим социально-экономическим и социально-политическим трендом Российской империи 1905–1913 гг.⁹⁷

⁹⁶ Даниелс Р. Указ. соч. С. 270.

⁹⁷ На А.В. Шапорину — человека утончённой европейской культуры, сформировавшегося в дореволюционной России, годами жившего до окончательного возвращения в СССР в 1929 г. в Италии и Франции, сталинизм производит впечатление какого-то «нового Средневековья» или даже inferнальной фантастики: «У меня все время ощущение, что мы, люди, выросшие в XX веке, попали на машине времени, летящей вспять,

И что самое печальное — антимодернизм, глубинный архаизм сталинизма наложил неизгладимую печать и на всю последующую историю советского общества, которое при всех своих попытках освободиться от сталинских родимых пятен так и не сумело этого сделать и — более того — передало их по наследству путинской РФ. Последняя совершенно очевидно представляет собой авторитарно управляемое сословное общество (см. об этом работы С. Кордонского) со всё более заметными тенденциями к милитаризации. Так что вряд ли обилие сталинистского агитпропа на книжном рынке — простая случайность. Тема, увы, вовсе не академическая. Поэтому и есть смысл снова и снова говорить о ней горькую правду.

в XVII век (русский, не французский), и мучительно жить с нашей утончившейся эпидермой, с нашими нервами среди уклада и привычек трех столетий тому назад»; «как тяжело человеку, жившему в XX веке общеевропейской жизнью, существовать в XVI, за Китайской стеной, за “железным занавесом”, среди всеобщего одичания и забвения самых элементарных европейских навыков воспитанности, любви и внимания к ближнему»; от таких ужасов «XIX столетие... отвыкло, для нас, людей доатомной эпохи, все это неправдоподобно. Как страшный сон... Я не могу вспоминать о Сталине. Передо мной вырастает из земли какое-то странное чудовище, вроде Вия, не похожее на человека» (*Шапорина А.В.* Указ. соч. Т. 1. С. 127; Т. 2. С. 95, 388–389).

ИВАН РУСАКОВ

ЧТО ТАКОЕ «РУССКИЙ МИР»?

Так сложились обстоятельства, что давно назревавшую командировку в (на) Украину пришлось форсировать большей частью из любопытства, чем из необходимости. Хотелось увидеть собственными глазами то, что стало актуальным политическим мейнстримом на постсоветском пространстве, увидеть Майдан, поговорить, послушать людей, проверить на соответствие реальности распространенные мифы и стереотипы. Посетить решил Киев, Харьков и Львов. Друзья и знакомые отговаривали, но, свято веря в лживость сегодняшней российской несоветской пропаганды, не испытывал ни малейшего сомнения в успешности своего предприятия, в чем и преуспел, о чём, впрочем, судить читателю.

Киев

Преодолевал украинскую границу в самом начале июня, уже после президентских выборов, в аэропорту «Жуляны». На паспортном контроле, отложив мой российский паспорт, попросили подождать персонального вызова. Нас, российских мужчин призывного возраста, набралось примерно полтора десятка, минут через двадцать вызвали меня, спросили о цели визита, месте проживания, сроке возвращения на Родину и... отпустили. Беседа заняла минуты три-четыре, еще раньше меня прошли собеседование несколько моих «коллег», молодых парней довольно атлетического сложения (за несколько минут до того уверявших окружающих, что они в армии вообще не служили, а такие крепкие... видимо, с самого рождения), и мы пересекли границу государства, от кото-

рого только что была отторгнута часть территории государством нашим. Первый миф — о закрытой границе — был развеян.

Киев оказался современным европейским городом, чем-то напоминающим Москву (например, обилием современных домов с башенками); на улицах и тротуарах обычная городская жизнь с пробками, обилие магазинных вывесок на украинском языке, зелень и солнце. Первое из необычного, бросившегося в глаза из окна автомобиля: люди в национальных рубашках — «вышиванках», их не так уж много, но достаточно, чтобы они стали частью современного киевского городского пейзажа.

Позднее, обедая со мной в центре города, в уютном ресторанчике, мой визави, сопровождающий меня, совместил полезное с приятным, пригласив своего адвоката для решения каких-то своих проблем. И вдруг я, сидя за отдельным столиком, увидел подходящего человека с типичным адвокатским лицом, в дорогих ботинках, костюмных брюках и одетого вместо рубашки и галстука в... «вышиванку». После беседы мой друг с гордостью сказал, что его адвокат в такой необычной одежде ходит последние несколько месяцев даже в суд, и у него у самого есть «вышиванка», и он в ней тоже иногда ходит на работу, а сейчас не надел, чтобы преждевременно не шокировать... меня. Позднее в его офисе я увидел еще одного такого же человека, он подошел ко мне и сказал, что он русский, и они с женой купили «вышиванки» себе несколько недель назад.

Далее, продолжая встречать таких

людей, я получал на свои недоуменные вопросы примерно одинаковые ответы: до 20 февраля «вышиванка» — это знак протеста, а сегодня — это знак солидарности людей, пытающихся изменить текущую политическую реальность, верящих в свою революцию, протестующих против агрессии соседнего государства. В большинстве своем это люди свободных профессий, предприниматели, офисные служащие, представители интеллигенции и студенчества, т.е. городской «средний класс», и их большинство среди ходящих в таком, прямо скажем, необычном для городской среды наряде. Еще более изумительно, что не менее половины этих людей — русские украинцы, которые себя политически полностью идентифицируют с украинским государством.

«Вышиванки», носимые людьми моей социальной группы и страты, моего класса, как бы сказали марксисты, стали для меня, в буквальном смысле, самым зримым символом происшедшей в (на) Украине буржуазной национальной революции. Мне кажется, что, как только в нашей стране появятся люди в банковских и коммерческих офисах, для которых ношение «косовороток» станет знаком борьбы за свои общественные интересы, так советский морок от России отступит столь же стремительно, как он отпал и в (на) Украине.

Невозможно сегодня побывать в Киеве и не зайти на Майдан, это место сегодня, да и на многие годы вперед, наверное, самое известное в городе, самая главная городская достопримечательность. Примерно как Красная площадь в Москве, а колонны людей, струящиеся меж баррикад и по ближайшим улицам, можно смело ассоциировать (конечно же, формально) с очередью в Мавзолей конца 60-х годов, когда я там был с родителями. Все идет сосредоточенно, молча, с некоторой торжественностью. Особенно по улицам, где пролилась реальная кровь, где сто-

ят свечи, многочисленные фотографии погибших и все застелено цветами.

Именно в этом месте окончательно становится понятно, что Украина — это уже действительно отдельное государство, как бы мы, живущие в России, ни оценивали этот факт, именно в этом месте сегодня как раз и формируется новая украинская политическая нация со своим новым пантеоном героев — «Небесной сотней». Тот, кто читал и знает, как формировались современные европейские нации и какими символами это сопровождалось, поймет все однозначно, это именно тот алгоритм.

Я обратил внимание, что именно на этих улочках много говорят на украинском языке, ведь Киев — это в основном русский город по языку, и украинская речь звучит здесь значительно реже, чем русская. Это мне подтвердили украинские русские, с которыми я там разговаривал. Один из них мне сказал, что мысль о том, что он все-таки будет изучать украинский язык, пришла ему в голову именно тогда, когда он стоял на Майдане. Я думаю, эти кусочки улиц сделают частью национального пантеона, это будет такое же мемориальное место, как в Тбилиси и в Баку места известных трагических событий, предвещавших развал Советского Союза.

В остальном Майдан — это довольно обширное место, занятое палатками, баррикадами, шинами и «местными» жителями. Вообще, если не считать упомянутой выше мемориальной улицы, все остальное кажется просто «карнавальным», мне это живо напомнило знаменитый «Venice Beach» в Лос-Анджелесе, последний американский район проживания хиппи: музыка, спальники, сувениры, бомжеватого типа обитатели (знаменитые борцы с «Системой»), экзотически одетые, с грязными и нечесаными головами (видимо, стиль такой), нет только «аптек» по продаже марихуаны. По части «прикида» майдановские «хиппи» вы-

деляются национальным колоритом, из них буквально можно было составлять живые картины, типа «письма запорожцев султану», а так — такой же отсутствующий и отрешенный взгляд и тупое безделье в каждом вялом движении. Короче, обычная «левая» человеческая клоака, питательный бульон анархистских идей и первомайских камланий, ничего не имеющие общего с теми защитниками Майдана, которых мы видели на экранах своих телевизоров и совершивших это настоящее чудо избавления от собственного вороватого неосоветизма. Те люди, как я понимаю, уже не на баррикадах, а как минимум частично — в окопах.

Там же, на Майдане, мне сразу бросилась в глаза некая особенность. В предложении сувенирной продукции «Maid in Майдан» по части портретных вариантов присутствовала парочка арийского типа запорожцев, в основном на майках, а основную массу разнообразных изобразительных сувениров представляли Степан Бандера и его современный российский антагонист — Владимир Путин, причем в пропорции 1 к 7–10 в пользу бывшего сотрудника КГБ. Конечно же, портреты Бандеры были как из Третьяковки, а самый безобидный портрет Путина — ну такой «шаржик» с усиками а-ля Гитлер, остальная же «путиниада» представлена некими карикатурными вурдалаками и монстрами с горящей звездой КГБ во лбу или ковриками для вытирания ног с предельно узнаваемым портретом. Меня слегка позабавило, что «наши» опять впереди, ведь именно спрос рождает предложение, и «путин» явно пользуется большим спросом, чем «бандера». Эта особенность оказалась очень важным знаком, характеризующим общественную атмосферу в (на) Украине, но об этом далее... Кстати, самыми массовыми сувенирами оказались «визитки Яроша» по 5 гривен и магниты с «золотыми батонами Януковича» по 10 гривен, они продавались буквально на каждом шагу.

Общий вывод. В Киеве русский язык звучит чаще украинского; никакой дискриминации по признаку русскости нет; бесчинствующих «укрофашистов» и «жидобандеровцев» на улицах украинской столицы как не было, так и нет; когда представляешься, что из России, никто за «обрез» не хватается. Открытая нетерпимость проявляется к Путину, Януковичу, коммунистам, «советчине», «сепаратистам» и «террористам» (это как для нас — разведчики, а для них — шпионы), государственным чиновникам. Открытой пророссийской позиции я не обнаружил, примерно каждый пятый, по крайней мере на словах, был готов жечь русские танки, если бы они появились в Киеве, люди после 35–40 к России относятся более лояльно, чем молодежь, которая на удивление вся (с которой я говорил) настроена воинственно проукраински (и русские украинцы в том числе), что немало меня озадачило и заставило задуматься об этом феномене.

Харьков

Моим ночным попутчиком по купе оказался молодой киевский юрист, едущий по делам в Харьков. Беседа оказалась очень интересной, он и вся его семья (родители и сестра) были на Майдане, сам он окончил юрфак Киевского университета, киевлянин в третьем поколении, корни из Черкасс. Мне были интересны детали противостояния и психологическое состояние молодежи, так внезапно и солидарно выступившей на Майдане. По большому счету ничего нового я для себя не услышал, все это буквально в деталях совпадало с описанием, например, парижских событий 1968 года или американских студенческих «вьетнамских» протестов и указывало только на то... что и в Москве подобное произойдет когда-нибудь, в конце концов... Циклы общественных потрясений европейских цивилизаций везде, по сути, одинаковы в своих социальных векторах. Весь вопрос только «в цене вопро-

са» (измеряемой человеческими жизнями), но, как известно, русские за ценой никогда не постоют, это, право же, весьма прискорбная и печальная наша национальная особенность.

Самое интересное открылось, как всегда, в конце разговора. Мой собеседник прекрасно и без характерного украинского акцента говорил по-русски, при том, что он уверял меня, что сам свободно может говорить на украинском и своих будущих детей он будет воспитывать на украинский лад. Я спросил его: как вы говорите в семье? Ответ: по-русски. На каком языке думаете? Ответ: по-русски. Сны на каком языке видите? Ответ: на русском. Хорошо, а в университете на каком языке преподавали? Ответ: на украинском. А как между собой общаются студенты? Ответ: в основном на русском... Приехали!.. А что, студенты в основном русские украинцы? Ответ: да нет... видите ли, говорить на украинском на уровне межличностного общения до сих в Киеве — признак... провинциальности...

Вы знаете, мне было чертовски приятно. Я уже давно для себя определил, что первым признаком моей Родины лично для меня является не вся эта держимордная патриотическая фанаберия, а именно мой Прекрасный и Великий русский язык. И здесь такая неожиданная, но очень приятная информация — «русский мир», оказывается, живет какими-то своими, только ему понятными алгоритмами. Моя командировка — уже «окупила».

Харьков жил обычной жизнью большого города, влияние идущей рядом войны было заметно только на вокзале, откуда в автобусы организованно грузились беженцы для следования в бывшие пионерлагеря. Зрелище это, конечно, очень печальное, и по внешнему виду людей, и по тому, как они были одеты, было понятно, что убегали они стремительно, буквально кто и во что горазд и смог. Живо представились картины минувшей войны с немцами, и как-то жутковато было понимать, что

эту-то войну развязали с двух сторон уже наши местные «советские», и мы наблюдаем настоящую «советскую» (а вернее — «постсоветскую») гражданскую войну, в которую оказались втянуты... и русские националисты, судя по сайту «Спутник и Погром».

В Харькове мне удалось поговорить где-то с десятком человек, в основном с таксистами, официантами, случайными прохожими и даже работниками банка. Вокруг господствовала исключительно южнорусская речь, по-украински говорящих не встретил вообще никого, абсолютно все демонстрировали открытую неприязнь по отношению к «западенцам», причем почти каждый подчеркивал лояльность к соотечественникам из Центральной Украины. Люди откровенно были напуганы кровавыми событиями в соседних областях и, как мне показалось, опасались высказывать какую-то позицию по отношению к России. Я специально спрашивал каждого, сталкивались ли они когда-нибудь с личной дискриминацией по признаку русскости; ответы предсказуемо были отрицательными, но все высказывали крайнюю раздражительность в связи с таким понятием как «бандеровщина», каждый вкладывал в это понятие свое, но символ был понятен.

В этом контексте местную молодежь «зигующей за бандеру» представить довольно сложно, но за независимую Украину — очень легко. Каким-то образом местный «Майдан», на котором были исключительно русские, сразу стал ассоциироваться с «бандеровцами», которые играли главную силовую роль в киевской революции, но на Восточной Украине отсутствовали тотально, особенно на фоне массовых «титишек». Вот такой общественный «компот» в головах... «Дурные» фантазии жителей Восточной Украины, сопряженные с российской пропагандой, играют здесь довольно зловещую роль в разжигании сегодняшней украинской гражданской войны.

Общий вывод. Русский язык используется везде и тотально; никогда никаких прямых действий или поступков по поводу умаления русскости не было и никто о таком и не слышал. Создалось впечатление, что если бы я представлялся жителем Западной Украины, ко мне относились бы хуже, чем когда я реально представлялся россиянином. Даже более, по каким-то неуловимым ощущениям мне показалось: если бы «зеленые человечки» появились в Харькове, в Донбассе и Луганске одновременно с Крымом... никто бы сильно не возражал.

Идеи Майдана как буржуазной революции никто серьезно не рассматривает — тень «бандеровщины» накрыла все общественное пространство. Достаточно массовые «великоукраинские» словесные закидоны годов независимости Украины сделали свое дело. Русские граждане Восточной Украины не готовы себя этнически солидаризировать с западными украинцами, даже имея довольно смутное представление о русской культуре (впрочем, в России с этим ситуация не намного лучше). Но политическая идентичность, особенно у молодежи, преобладает всё же украинская.

Только уже вернувшись домой, как мне показалось, я нашел ответ на вопрос: почему русская молодежь, рожденная в 90-е на Украине, политически однозначно на стороне украинского государства? Конечно же, аргументы об отсутствии у современного несоветского российского государства продвижения такого понятия как «русский мир» как внутрь непосредственно России, так и за границу (это ведь сразу же смерть «совдепии» во всех ее вариациях, и прежде всего чеккистской правящей «элиты» России), имеют под собой почву. И этот фактор отсутствия русской культурной «мягкой силы» и есть, наверное, главная и определяющая причина того, что в Одессе убивали друг друга русские, граждане Украины. Не было там ника-

кого «Правого сектора», если последний маргинален по всей Украине (как показали недавние президентские выборы: два ультраса — Ярош и Тягнибок — набрали меньше, чем председатель еврейской общины Украины), то в Одессе и подавно. Прогуливаясь по улицам русского Харькова, я понимал: вокруг меня находятся и болельщики местного «Металлиста», с таким упованием «воевавшие» со своими этническими соотечественниками более старшего возраста, однозначно ориентированными на Россию.

Почему именно пророссийский контекст части местных русских вызвал такую агрессивную реакцию харьковчан и одесситов, молодых болельщиков, этнических русских? Почему в Одессе противостояли друг другу этнические русские и почему основой конфликта были виртуальные образы украинской и русской государственности (я хотел бы обратить внимание — *именно образы*)? Фактически люди одной национальности готовы были драться друг с другом, а некоторые — и убивать только за разные флаги, символы разных государств... не более...

Как мне кажется, сыграл фактор, как я его сам для себя назвал, — «региональности» и большого пространства ареала расселения нас, русских, помноженный на пресловутую нашу же русскую отчужденность по отношению друг к другу. Даже мы в России делим себя, русских, на сибиряков, кубанцев, уральцев, алтайцев, москвичей, казаков и т.д. Более того, я сам помню из ранней молодости: города делились на районы и «кварталы», где «не нашим» пацанам из других районов находиться на «чужой» территории было опасно. Помнится, мы звались «гарнизонными» и враждовали с «богатковскими» и «каменскими», а на «рыжий квартал» ходить вообще было нельзя. В армии, «на срочной», я служил «почерному» (черные погоны), и мы с пренебрежением относились к «красноперым» (красные погоны) и к «малино-

вым» (погоны внутренних войск), при встрече разных погон почти всегда был гарантирован конфликт.

Безусловно, в этом есть своя прелесть — «цветущая сложность», свои характеры, привычки, традиции, даже свой говор, но в этом есть и проблема определенной отчужденности, а иногда даже и региональной враждебности (москвичей, например, априори везде «не любят»), и если нет чего-то объединяющего над региональностью, то...

Да, есть Русская Православная Церковь, но для молодых русских (в обеих странах, кстати) это скорее обряд, чем какие-то духовные и социальные смыслы и связи.

В прошлом году, будучи в Прибалтике, я общался там с местными русскими и в разговоре как-то обронил: «вот, мол, для нас, россиян...», на что мне очень мягко, но определенно ответили: «мы не россияне, мы — русские балтийцы»... Честно говоря, тогда я ничего не понял, но посещение Украины все поставило на свои места.

Если ничего не изменится, то сегодняшняя неосоветская, азиатская (ордынская) агрессивная политика российского чекистского государства в конце концов, в течение всего лишь нескольких поколений, окончательно добьет «русский мир», и бывшие русские совсем перестанут идентифицировать себя единым, пусть и разделенным, но народом, например, как голландцы и немцы; примеров таких в истории масса...

Львов

Сама поездка из Киева на Западную Украину на машине оказалась весьма наглядной, бросились в глаза бесконечные ухоженные поля и скромненькие, но чистые и светленькие деревенские дома, в большинстве своем добротные заборы (лично моя примета деревенской незапущенности) и разнообразие посадок во дворах деревенских усадеб. Что больно контрастиро-

вало с видами типично русских деревень на нашей Родине, наглядно подчеркивая разницу социальных практик предшествующих времен. На западе Украины в австрийских пределах уже с начала XIX века было ликвидировано крепостное право, а частная собственность на землю и сельское самоуправление были введены с середины того же века, а в (на) центральной Украине крепостное право было ликвидировано еще Богданом Хмельницким и затем вернулось туда только при Екатерине II, но, слава Богу, без холопства, характерного для русских областей. Все это создало особые социальные хозяйственные практики, которые не смогли разрушить ни большевики, ни время и ни «советчина», недаром «где хохол родился, там еврей заплакал», да и все, кто служил в советской армии, помнят, что «хохлы» были лучшими каптерами и «прапорами»... здесь советская власть оказалась бессильной.

Первое, что приятно бросилось в глаза во Львове, — это религиозность местных жителей, во многих местах города стоят «поклонные кресты», к которым подходят люди: целуют их, коротко молятся, прислонившись к ним головой, прикладываются к ним пальцами, проходя мимо.

Довольно много молодежи, одетой с элементами национальной одежды, умело интегрированной в текущую городскую моду, в самом центре города несколько пар «ряженных бандеровцев» в исторической униформе (как наши «стрельцы» у Красной площади) гуляли с «оружием» и предлагали себя для фотографирования за 20 гривен. Удивительно, как российская пропаганда пропускает такие наглядные, колоритные кадры «разгула бандеровского фашизма» на улицах украинских городов, просто недоработка какая-то... понимаешь... товарищи Эрнст и Добродеев.

Конечно же, именно во Львове в большинстве своем господствует украинская «мова», хотя и тут и там, на

улицах, в кафе, возле музеев слышна и русская речь. Для меня это было первоначально удивительно: неужели в городе так много граждан России? Оказалось, да, это были русские... но граждане Украины, более того, на многочисленных городских рынках и вернисажах русский язык является языком межнационального общения. Поразительно, не украинский, а именно русский язык связывает «малую Западно-Украинскую империю» в единое языковое пространство, многочисленные западноукраинские венгры, румыны, русины, словаки, поляки и собственно сами местные украинцы общаются между собой на нашем «великом и могучем».

Если и в Киеве, и в Харькове мое российское гражданство сильно никого «не напрягало», то во Львове каждый раз возникала неловкая пауза: местные буквально не знали, как себя вести, и старались всякую коммуникацию свести к узкопрофессиональной деятельности продавца, официанта, таксиста... Честно говоря, и я, понимая, чем может закончиться обмен мнениями об актуальной политике, старался заканчивать разговоры как можно быстрее. Нет, я не опасался каких-то «активных» действий по отношению к себе, на одном из рынков мне даже говорили: «Ты же видишь, мы любим русских, мы только Путина не любим». Я просто знал: мне зададут кучу бесхитростных вопросов с недоумевающим подтекстом, а сказать фактически мне нечего... Вот самая характерная история.

Мы (я и мой товарищ с женой) сидим на веранде кафе и ужинаем, подходит украинский мальчик лет 11–12 в «вышиванке», продавец маленьких букетиков цветов, я предлагаю супруге моего товарища выбрать себе цветы. Они с мужем обсуждают преимущество того или иного букета на русском, мальчик спрашивает, откуда они, и, получив ответ «из Киева», спокойно продолжает их слушать. И тут я го-

ворю ему, что я из России, возникает пауза... затихает разговор и за соседним столиком и все смотрят на меня... и мальчик с глазами, полными изумления, спрашивает на украинском: «Как из России?!. а... а... Там же Путин...» Это искреннее изумление, помноженное на какой-то детский ужас, было так бесхитростно, что я в первую секунду растерялся. Затем ответил: «Ты не бойся, Путин не русский — он советский. А в России русские любят украинцев, мы же братья». Не знаю, я, может быть, был первым россиянином, кого видел этот парнишка, и хорошо, что я был не на танке, не с автоматом и не с «корочками» КГБ, но он ушел в полной «оглушенности».

Вот в этом частном случае — вся сегодняшняя «соль» (на начало июня 2014 года) отношения к России и русским в Центральной и Западной Украине. Пока еще мало трупов и наши «бэтээры» всего лишь в Крыму и на Донбассе, поэтому всю злость и ненависть автохтонные украинцы сублимировали на Путине, а не на русских и России. Он сегодня для украинцев, как Гитлер для русских времен Отечественной войны, он стал символом национального зла, реинкарнированным дьяволом «гэбэшных» репрессий прошедших времен. Вот отсюда такая популярность «путинских» сувениров на Майдане — маленький осколок советского бесчестия или «цветок зла», приобретя который за «долю малую», ты можешь лично и символически расправиться с ним и уничтожить это зло. Для чего-то другого покупать эти сувениры я не вижу никакой логики.

Вот так, оказывается, и в «бандеровском логове» «русский мир» живет своей упрямой и самостоятельной жизнью, и только предельная чиновная тупость чугунных геостратегов от бывшего КГБ позволяет импортировать на территорию сегодняшней Украины советские ПЗРК и танки «из Военторга» вместо мощи русской культурной силы, обращаю внимание — «мягкой

силы», имеющей более проникающее и доминирующее значение, в том числе и геополитическое, и экономическое, в продвижении русских национальных интересов.

Правда, при одном только условии: если этим занимаются не бывшие сотрудники КГБ.

Для меня нет никакого сомнения: танки и другое оружие, переброшенное на территорию Донбасса и Луганска, — это экспорт не «русского мира» и не возрождение Новороссии. Это экспорт «совдепии» самого мерзкого пошиба, повторное инфицирование чумными бактериями архаичного «совка» общественного русского организма восточной Украины, и так ослабленного примитивной официальной киевской «незалежностью», помноженной на торжествующую «янукович-уголовщину».

Вспомним, все эти танки, куда они приходили за последние 50 лет, что они принесли народам Венгрии, Чехословакии, Афганистана, Эфиопии, Анголы, Никарагуа... только кровь, разруху и гражданскую войну. Что это дало нам, русским, как это нас обогатило — духовно и материально, во что мы можем конвертировать полученный опыт, разве есть в этом хоть какая-то частичка «русского мира»?..

Только экспорт русской культуры, русской науки, русского образования, русского Модерна позволит нам расширить пределы нашего Русского Мира, нашей Русской Цивилизации, нашей *Russica*, экспорт не похабно прокисшего «совка», тем более кровавого, а русской европейскости — есть условие сохранения русского культурного, а значит, и всякого иного доминирования.

Проезжая по дороге через Центральную Украину в Западную, особенно наглядно понимаешь весь УЖАС и КАТАСТРОФУ того, если бы здесь, на улицах и селах автохтонной Украины, появились русские танки и «бэтэры» и их бы начало жечь «коктейлями

Молотова» местное украинское население.

Эта была бы настоящая СЛАВЯНСКАЯ КАТАСТРОФА на уровне гражданской войны начала XX века.

У меня нет никакого сомнения, что наши танки дошли бы до Карпат... и Путин поднял бы тост за великий русский народ (вслед за его любимым «эффективным менеджером») и даже принял бы парад в разрушенном Львове (потом бы отстроили самую крупную в Европе греко-католическую церковь), а как был бы рад Кадыров (славный реванш за две чеченские войны)... но как мы, русские, после этого вообще могли бы говорить о «русском мире» и даже мечтать про себя о нем?! О каком бы русском мессианстве и культурном доминировании можно было бы вообще говорить?..

Мне хочется понять: разве для того, чтобы быть современным актуальным русским патриотом или русским националистом, человеком «длинной воли», надо, значит, перейти границу под Луганском, а потом из ПЗРК сбить ИЛ-76 с без малого полусотней украинских десантников-«срочников» на борту, в скорбном списке которого треть с чисто русскими фамилиями (без всяких «чук» и «о» на концах фамилий), а остальные родом из Днепропетровска, Харькова, Николаева и Херсона... Мне помнится, даже чеченцы в последних войнах разделяли такие понятия, как солдат срочной службы и солдат-контрактник. Почему тогда никто из русских националистов не выразил скорбь о гибели пятидесяти молодых русских жизней... пусть и граждан Украины?

Я хочу спросить у Егора Просвирнина: это и есть сегодняшний русский современный национализм европейского толка? Это и есть Русская Европа? Ты переходишь политическую границу, пролегающую через разделенный русский народ, и начинаешь убивать своих — этнических русских, у которых, по превратности течения

истории, государственный гимн написан не Михалковым, а Чубинским, и этнических украинцев, которые по тем же причинам живут под «жовто-блакитным» флагом, а не под знаменами кубанского казачества на территории России...

Я понимаю, что среди русских еще есть немало людей (наверное, и слава Богу), не растерявших свою витальную силу, и война для них есть «лекарство против морщин». Именно благодаря таким людям, по большому счету, мы и победили и Орду, и Наполеона, взяли Берлин, и не один раз, и, кстати, покорили Крым, да и Грозный «раскатали» — они же...

Слава им, вчерашним и сегодняшним! И наша благодарная память!

Я понимаю, найдется немало русских людей, которые считают, что современная Россия — это небольшая страна, с небольшой территорией, с высокой рождаемостью именно русского населения и обустроенным пространством, а те более двадцати процентов ее жителей, которой ходят в туалеты «типа сортир» на улицах, — это просто такие «дауншифтеры» или поклонники стиля «Green line», и поэтому нам необходимо расширение «жизненного пространства», т.е. захват новых территорий или возвращение бывших наших исторических земель. Это и есть сегодняшняя самая актуальная русская проблема?!. Я понимаю, что таких людей много среди моих соотечественников, и спорить с ними не буду, ибо с ценностями не спорят...

Тогда надо честно об этом говорить: да, мы русские империалисты... и весь мир у наших ног, по крайней мере русский, и мы — «новорусские имперцы». «Старые — дугинские» пусть варят свою мерзкую евразийскую похлебку, а мы новые — и считаем возможным и нужным вооруженным путем отстаивать вот такое наше понимание русских национальных интересов. По крайней мере, это будет интеллектуальная позиция (и любая дру-

гая тоже), которую можно обсуждать. Тогда и можно определить, что и кто такие русские националисты.

Но в связи с этим меня интересует вопрос: при чем здесь «русский мир», при чем здесь «русская европейскость», при чем здесь «русский национализм» и Новая Россия и Модерн, о котором еще недавно Просвирнин говорил на своем действительно новаторском сайте? Ведь все, о чем там писалось до Крыма и Донбасса, — полная противоположность тому, что там пишется сейчас. Ведь в той возникшей политико-экономической и безвластной пустоте, которая воцарилась в «Новороссии», появились «завязи» отнюдь не «белогвардейской России» а-ля Стрелков–Деникин, а согласно известным законам социологии о преобладании в актуальном сознании предшествующего общественного опыта — пародия на «советскую власть» самого похабного вида, во всех ее жутких проявлениях. Люди ведь другого не знают и не умеют, вот они и «лепят», то, что еще они помнят.

Иными словами: пока существует «совок» как картина мира, будет господствовать и «совковая» социальность.

* * *

Так все-таки что такое «русский мир»: это территориальная экспансия со всеми вытекающими последствиями или солженицынская мысль об «обустройстве и сбережении русского народа»? Вот, наверное, сегодня самый актуальный вопрос русского национализма.

Невозможно поставить на обсуждение этот вопрос, если хотя вскользь не упомянуть про один из проклятых русских вопросов — отсутствие рациональности как нормы поведения, в том числе и интеллектуального, — среди нас, русских. Безусловно, это результат предшествующего исторического опыта: пограничное расположение русской цивилизации на краю Великой

степи и Великой Азии со всеми вытекающими из этого последствиями и, как следствие этой исторической неизбежности, поздний вход (по сравнению с Западом) русских правящих классов в систему координат — идей Просвещения с их гарантиями естественных прав человека (прав собственности, личных прав, независимого суда и т.д.).

Как мы помним, несколько «непоротых» дворянских поколений породили феномен «декабризма», когда немногие представители правящих классов пожелали свои сословные привилегии распространить на все русское общество, и часть декабристов, кстати, успела увидеть Великие реформы Александра II. Таким образом, только к концу XIX — началу XX века Россия, в лице своего общества, смогла вступить в эпоху социального Модерна, т.е. приступить к формированию гражданского общества, состоящего из индивидуумов, объединенных не общинной архаичной моралью, а осознанными и солидарными персональными и групповыми интересами на основе европейской христианской морали.

Как известно, в Октябрьском перевороте и в последующих событиях «сгорели» и европеизированный правящий класс, и русское гражданское общество. На их место пришел Хам, во многообразии описанный русской эмигрантской литературой, периферийные общественные группы, следствия демографического взрыва начала XX века (эффект мальтузианской ловушки), а по большому счету — деклассированные элементы. Они и сформировали новый правящий класс — советскую номенклатуру и советское общество на основе архаичных общественных институтов, антихристианской морали и сектантских парохийных представлений о социальной целесообразности. В течение нескольких поколений был сформирован новый тип человека, внешне европейского, обученного счету и письму, и даже на высоком уровне, но по внутреннему

содержанию, по восприятию окружающей его социальной реальности человека «степной Азии», без опыта и навыков эпохи Просвещения, человека, верящего в магию и оккультизм, но антихристианина по типу восприятия сакрального. Этот новый тип человека получил название — Homo Sovieticus, человек советский, если сокращенно и достаточно вульгарно — то «совок». Одной из его главных черт является неразвитость рационального общественного типа поведения из-за отсутствия предыдущего социального опыта.

Советский правящий класс и его вооруженный отряд — КГБ, отказавшись от коммунистической доктрины, сохранили себя как правящее сословие и сохранили свою власть как Власть. Просто как Власть, как Власть-Собственность, назвав себя — государство как инструмент насилия для удержания собственной власти. Наверное, впервые в своей истории Россия стала государством неидеократическим: киевский, московский, петербургский, советский периоды были пронизаны своей мессианской идеологией, сегодняшний Запад (по крайней мере, в лице Америки) — это идеократическое общество с воинственной идеологией естественных прав человека. Путинское Государство, путинская Власть — это есть просто личная власть, авторитарная власть одного человека, и все... дальше — зияющая пустота. Путинская политика — это просто эмоции и комплексы одного человека, не более, там нет стратегии, нет анализа и прогнозирования, там есть только реакции на очередные общественные или личные раздражители... Плюс пиар. Помните советские отделы пропаганды и агитации? Все то же самое — только более карикатурное...

Для удержания своей власти, Власти-Собственности, потребовалось, как оказалось, совсем немного — всего-то с помощью электронных СМИ запустить в современное российское

общество советские символы и ценности... и советский общественный человек «проснулся» и вышел на свет, как джинн из лампы Алладина, а соответственно в эту же лампу и ушла рациональность как тип поведения. К чему это приведет? Никто не знает, последний раз это было в конце 80-х прошлого века... Да, ушел коммунизм, но пришел... пресловутый «русский крест». Чем все закончится сегодня для России и русских — не знает никто, но очевидно одно: чем более мы будем рациональны и сосредоточены, тем легче мы пройдем очередную русскую общественную турбулентность. Давайте попробуем порассуждать на каких-то началах рациональности о промежуточных результатах «завоевания Крыма» и организации гражданской войны на территории Восточной Украины современным российским государством.

Налицо:

1. Явный провал личной политики

Путина по интеграции в Евразийский союз Украины как общества и государства, провал попытки интегрирования Украины в неосоветский проект.

2. Появление на границах России общественного организма, по своей внутренней структуре максимально похожего на Россию, но выбравшего новый путь на принципах естественных прав человека.

3. Приращение российского государства на 27 тыс. кв. километров и несколько миллионов человек.

4. Нарастающая международная изоляция России со стороны государств, генерирующих основную массу мирового валового внутреннего продукта.

5. Нарастающий вал экономических санкций со стороны стран первого мира.

6. Нарастающий риск если не военного конфликта, то точно «холодной войны» со странами первого мира.

**Издательская группа «Скимень»
выпустила в свет книгу
великого русского мыслителя
Василия Розанова «Мимолётное. 1915 год»**

Впервые вниманию читателя будет представлен полный текст книги, выверенный по авторской рукописи и содержащий более 1500 разночтений с её первым изданием.

«Мимолётное. 1915 год» — книга, составленная из уникальных записей в знаменитом розановском жанре «опавших листьев». Перед вами пронесётся подлинный «вихрь чувств» великого мистика русского слова, вбирающий в себя все его излюбленные темы: христианство, пол, еврейство, русская литература, философия и политика. Одной из важнейших линий книги является страстное изобличение антирусских сил в политике и литературе. Только с высоты XXI века стала понятна пророческая боль писателя за грядущие муки и судьбу русского народа.

По вопросам распространения и приобретения:

8-964-580-19-12; lasido@mail.ru (Надежда Шалимова).

АВТОРЫ НОМЕРА

Близнеков Владимир Леонидович
(р. 1971), философ (Ph.D.), публицист, юрист-международник, в настоящее время проживает в Швейцарии (Берн). Печатался в журналах «Политический класс», «Сократ», в «Русском Журнале».

Бутаков Ярослав Александрович
(р. 1973), историк, публицист, частный исследователь, кандидат исторических наук.

Елисеев Александр Владимирович
(р. 1972), историк, политолог, публицист, кандидат исторических наук, автор книг «Социализм с русским лицом» (2006), «Правда о 37-ом» (2007), «Русские в СССР. Потерпевшие или победители» (2010).

Кильдюшов Олег Васильевич
(р. 1972), независимый аналитик, публицист, переводчик.

Корнев Сергей Алексеевич
(р. 1971), философ, культуролог, регионалист. Специализируется на теме конструирования локальных и субкультурных групповых идентичностей.

Красков Дмитрий Леонидович
(р. 1987), публицист, общественный деятель.

Марчуков Андрей Владиславович
(р. 1977), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Российской истории РАН, автор монографии «Украинское национальное движение в СССР. 1920–1930-е годы» (2006).

Михайловский Александр Владиславович
(р. 1977), кандидат философских наук, доцент кафедры истории фило-

софии факультета философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Мозжерова Марина Анатольевна
кандидат медицинских наук, врач-клиницист.

Неменский Олег Борисович
(р. 1979), историк, политолог, научный сотрудник Института славяноведения РАН, ведущий научный сотрудник Российского института стратегических исследований, автор работ по истории этнического и исторического самосознания православных и униатских жителей Западной Руси в XVI–XVII вв., а также по истории становления национальных проектов у славянских народов в XIX–XX вв.

Севастьянов Александр Никитич
(р. 1954), политический публицист, кандидат филологических наук, автор книг «Национал-капитализм» (1995), «Национал-демократия» (1996), «Время быть русским!» (2006), «Диктатура интеллигенции против утопии среднего класса» (2009), «Уклоны, загибы и задвиги в Русском движении» (2011), «Дело Тихонова–Хасис. Палачи или жертвы?» (2012), «Основы этнополитики» (2014) и др.

Сергеев Сергей Михайлович
(р. 1968), историк, публицист, кандидат исторических наук, научный редактор журнала «Вопросы национализма», автор книги «Пришествие нации?» (2010).

Стыкалин Александр Сергеевич
(р. 1962), кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, автор многочисленных работ по проблемам

истории и культуры Венгрии, а также межнациональных и международных отношений в Средней Европе в Новое и Новейшее время.

Тесля Андрей Александрович
(р. 1981), кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета (ТОГУ), г. Хабаровск. Автор книги «Первый

русский национализм... и другие» (2014).

Храмов Александр Валерьевич
(р. 1989), публицист, общественный деятель, автор книги «Катехизис национал-демократа» (2011).

Цзен Матвей Николаевич
(р. 1979), адвокат, общественный деятель.

КНИЖНАЯ НОВИНКА

Издательская группа «Скимень»

выпустила в свет книгу:

Хайнрих МАЙЕР.

**Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического».
О диалоге отсутствующих**

Книга известного немецкого политического философа и директора Фонда Сименса Хайнриха Майера (р. 1953) посвящена реконструкции заочного диалога двух выдающихся политических умов XX в. — Карла Шмитта и Лео Штрауса — об основах политического. Непосредственным поводом для нее послужила публикация в 1927 г. первой редакции «Понятия политического» Карла Шмитта. Внимательно сравнивая три редакции этого основополагающего текста политической мысли XX в., Майер приходит к выводу, что более поздние редакции этого трактата (1932 и 1933 гг.) представляют собой ответ на рецензию Штрауса, опубликованную в 1932 г. Автор также ставит в центр своего исследования вопрос о политической теологии и об отношении к ней Карла Шмитта и Лео Штрауса. Книга предназначена для философов, юристов, политологов, социологов, для всех, кто интересуется политической теорией XX в.

SUMMARY

The 19th volume of the journal VOPROSY NATSIONALISMA (Studies in Nationalism) opens with the article by historian Oleg Nemensky «Russification of Russianism», dedicated to the process of formation of the «rural» identity as a dominating one and the necessity to combat this self-stereotype.

The main subject of the volume is «The Russian Future». Philosopher Oleg Kildyushov outlines the general image of the Russian national-democratic project. Publicist Dmitry Kraskov makes disappointing economic predictions for the year 2030. Philosopher Sergey Kornev speculates on the prospects of Russian regionalism. Historian Yaroslav Butakov emphasizes on development of small and medium-sized cities in Russia. Doctor Maria Mozzherova writes about the different ways of reforming Russian health service. Lawyer Matvey Tzen puts forward some changes in the criminal law of the Russian Federation. Publicist Alexander Hramov calls for establishment of the «Foundation of the Future Generations», that will encompass a part of revenues from raw materials. Historian Alexander Eliseev revitalizes Petr Kropotkin's ideas regarding local self-governance in the modern day context. Publicist Semen Reznichenko

predicts the demise of the Civilization of Modern and calls to form various «survival groups». Publicist Alexander Sevastianov recalls his attempts to put the project of the Russian national state in the limelight of the public debate.

The pieces by philosophers Vladimir Bliznekov (regarding the concept and practice of the German total war) and Alexander Mihailovsky (on the role of German and Russian intellectuals in development of the war discourse) are published for the anniversary of World War I.

Philosopher Andrey Teslya makes a study of the «grassroots nationalism» of one of the leading ideologists of Ukrainophilia — Mikhail Dragomanov. Historian Andrei Marchukov provides the outline of the ideological concepts of Ukrainian nationalism in the 1920's, which emerged in the groups, associated with the Communist Party of Ukraine.

The article by historian Alexander Stykalin deals with the geopolitical projects of Oscar Jászi — a Hungarian politician of the 1st half of the 20th century.

Historian Sergey Sergeev provides his interpretation of Stalinism as a social and cultural setback, applying the data and conclusions of the modern historiography.

The volume ends with a controversial article by publicist Ivan Rusakov «What the “Russian World” actually is?».

Журнал выходит 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77–37202 от 13 авг. 2009 г.

За достоверность публикуемых материалов несут ответственность их авторы.
Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Подписано в печать 25.08.2014.

Формат 70x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Адрес редакции: Москва, 119017, ул. Пятницкая, д. 37.

Телефоны: 8–964–551–49–52 (К. Крылов) k.a.krylov@gmail.com

8–916–950–61–43 (С. Сергеев) ssms1@yandex.ru

Распространение и подписка: 8–964–580–19–92 (Н. Шалимова) lasido@mail.ru

Адрес для писем: 115142, Москва, а/я № 1, Севастьянову А.Н.